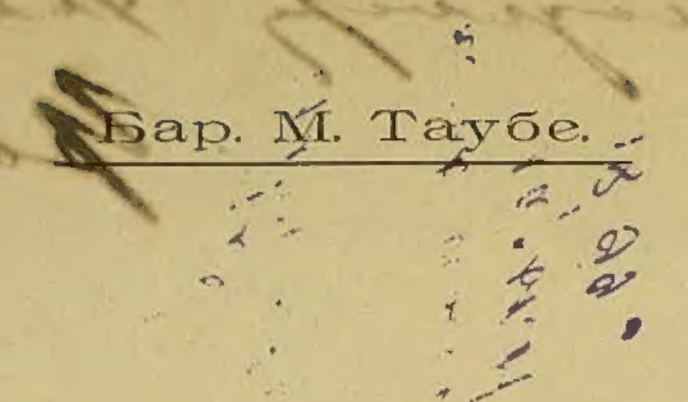

Бар. М. Таубе.

ИСТОРІЯ

ЗАРОЖДЕНІЯ СОВРЕМЕННАГО МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА.

(СРЕДНІЕ ВѢКА).

Les apparences trompent. Sous le règne apparent de la force, le droit se développe.

Laurent. Etudes sur l'histoire de l'humanité. T. XVIII, p. 590.

ТОМЪ II.

ЧАСТЬ ОСОБЕННАЯ.

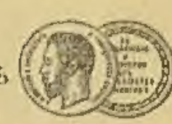

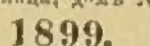

ХАРЬКОВЪ.

Паровая Типографія и Литографія Зильберберга

(Рыбная улица, домъ № 30-й).

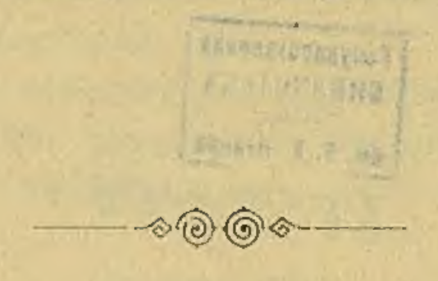
1899.

ПРИНЦИПЫ
МИРА И ПРАВА

ВЪ МЕЖДУНАРОДНЫХЪ СТОЛКНОВЕНІЯХЪ
СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Бар. М. Таубе.

ХАРЬКОВЪ.

Паровая Типографія и Литографія Зильбербергъ

(Рыбная улица, домъ № 30-й).
1899.

На основанiи ст. 41 § 1 п. 4 и ст. 138 Унив. Уст. печатать и выпустить въ свѣтъ разрѣшается. Октября 2-го дня 1898 года.

За Ректора Университета *А. Лебедевъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава III.

Право репрессалій въ средніе вѣка.

Глава IV.

Средніе вѣка и зарожденіе права войны.

Глава V.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящее время, когда идея международнаго мира болѣе чѣмъ когда-либо привлекаетъ къ себѣ вниманіе всего цивилизованнаго общества народовъ, и во главѣ этого гуманитарнаго движенія стоитъ снова Россія—когда по великодушному почину нашего правительства вооруженной съ ногъ до головы Европѣ брошена знаменитая отнынѣ декларація о разоруженіи вмѣстѣ съ приглашеніемъ собраться на конференцію мира, когда нашему соотечественнику, профессору Ф. Ф. Мартенсу, только что закончившему свое третейское разбирательство между Англіею и Голландіею, снова предстоитъ высокая роль руководить арбитральнымъ англо-американскимъ трибуналомъ по венецуэльскому вопросу—въ это время будетъ, можетъ быть, болѣе умѣстно и справедливо, чѣмъ когда-либо, отдать должное и труду давно минувшихъ поколѣній въ этой области мира и права между народами—труду, безъ котораго былъ бы немыслимъ международный прогрессъ нашего времени.

Одною изъ интереснѣйшихъ эпохъ этого „труда предшествующихъ поколѣній" являются безусловно средніе вѣка. „Ничего нѣтъ привлекательнѣе въ каждой исторіи, писалъ еще Савиньи, какъ тѣ времена, когда силы и свойства различныхъ народовъ образовываютъ изъ себя новыя, живыя

формаціи.... Такого рода *творящею* эпохою были и средніе вѣка, вдвойнѣ для насъ важные и интересные,—ибо познаніе нашего собственнаго положенія вещей можетъ вырости только на этой почвѣ" [1]).

Въ виду этого неудивительно, что на смѣну прежнему, нѣсколько пренебрежительному отношенію къ среднимъ вѣкамъ въ наше время является стремленіе къ всестороннему ихъ изученію. Общіе историки и историки культуры, экономисты и юристы—все болѣе и болѣе интересуются этой оригинальною эпохою дѣтства современнаго цивилизованнаго человѣчества, и не проходитъ года, чтобы наука не обогатилась (не говоря уже объ изданіяхъ источниковъ) какимъ-нибудь крупнымъ изслѣдованіемъ изъ области соціально-политической жизни, экономическаго или юридическаго строя среднихъ вѣковъ [2]).

Тоже движеніе замѣчается, въ частности, и въ сферѣ изученія международныхъ отношеній и права. Благодаря изслѣдованіямъ такихъ современныхъ намъ историковъ-интернаціоналистовъ, какъ напримѣръ E. Nys, R. de Maulde la Clavière, Lainé, A. Rivier и др., а еще болѣе благодаря живому свидѣтельству самихъ юридическихъ и историческихъ памятниковъ тѣхъ временъ, оказывается, что одною изъ важнѣйшихъ эпохъ въ исторіи международныхъ отношеній въ смыслѣ самаго возникновенія первыхъ нормъ современнаго международнаго права, выработки первыхъ основъ современной международно-правовой системы — является именно за-

[1]) F. C. v. Savigny, Geschichte des Römischen Rechts im Mittelalter (Heidelb. 1834) Vorrede, S. XII, XIII.

[2]) Текущій годъ, напр., подтверждаетъ наши слова появленіемъ двухъ капитальныхъ изслѣдованій по средневѣковому праву: E. Jenks Law and politics in the middle ages (L. 1898) и *только что* появившійся великолѣпный трудъ Ernest Mayer Deutsche und französische Verfassungsgeschichte vom 9 bis zum 14 Jahrhundert. 2 Bde. Lpz. 1899.

падно-европейское средневѣковье. Именно въ средніе вѣка, какъ оказывается, уходятъ своими корнями и современное третейское разбирательство международныхъ споровъ, и право войны, и морское международное право, и право посольства, и такъ назыв. частное международное право. и пр. и пр.; тогда же появляются и первые опыты научной обработки разныхъ отдѣловъ нашей дисциплины, первые шаги самой науки международнаго права. Такимъ образомъ и здѣсь, въ области международной жизни, въ періодъ XI—XV вѣковъ происходитъ то же, что и во всѣхъ другихъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности: по слову Ранке—„aus dem Getümmel der Kämpfe ging das alte Leben verjüngt und erfrischt hervor". [1]).

Поставивъ себѣ, въ виду этого, задачею всестороннѣе выяснить значеніе западно-европейскаго средневѣковья въ указанномъ смыслѣ и посвятивъ первый томъ нашего труда (въ качествѣ „Общей Части" сочиненія и, такъ сказать, обширнаго историческаго введенія) развитію самой идеи международнаго общенія въ средніе вѣка, какъ необходимаго фундамента для международнаго права, мы теперь и переходимъ къ „Части Особенной"—къ выясненію процесса зарожденія и развитія отдѣльныхъ его институтовъ за интересующій насъ періодъ. Этотъ процессъ, другими словами, картина вѣковой борьбы насилія и произвола отдѣльныхъ, полуварварскихъ еще государствъ съ возникающими началами мира и права—съ идеей международнаго общенія, уже зародившейся въ средніе вѣка на западѣ,—эта картина должна послѣдовательно начаться съ изображенія самой интенсивной области такой борьбы. т. е., прежде всего, именно съ исторіи „принциповъ мира и права *среди международныхъ столкновеній* среднихъ вѣковъ".

[1]) L. v. Ranke, Weltgeschichte. IX Th., 1 Abth. S. 272.

Въ выпускаемомъ нынѣ томѣ и будетъ спеціально разсмотрѣна такимъ образомъ, съ точки зрѣнія международнаго права, вся область международныхъ конфликтовъ въ средніе вѣка, т. е., съ одной стороны, развитіе различныхъ мирныхъ способовъ улаженія столкновеній между государствами, а съ другой—выработка извѣстной юридической нормировки и для самыхъ насильственныхъ средствъ разрѣшенія международныхъ конфликтовъ т. е.. главнымъ образомъ, зарожденіе извѣстнаго права во время войны.

Со временемъ, намъ удастся, можетъ быть, заключить этотъ историко-юридическій анализъ картиною чисто-мирныхъ отношеній между средневѣковыми государствами (куда войдетъ разсмотрѣніе права посольства, права иностранцевъ и частнаго международнаго права, выдачи преступниковъ и пр.) и очеркомъ „до-гроціевой" науки международнаго права. Такимъ образомъ обрисуется, болѣе или менѣе, вся средневѣковая „исторія зарожденія современнаго международнаго права", выяснится такъ сказать все юридическое наслѣдство. оставленное новому времени отъ той интереснѣйшей эпохи, объ изученіи которой такъ краснорѣчиво и вѣрно говоритъ нашъ извѣстный современникъ E. Lavisse: „l'étude de cette époque est pleine de séductions... elle attire les esprits les plus divers — érudits qui aiment les problèmes difficiles, philosophes qui se plaisent à scruter la pensée humaine à un moment où elle est compliquée et confuse, artistes séduits par l' éclat de tant de couleurs et la variété de tant de lignes, politiques même qu'intéresse le spéctacle d'une société produite par le chaos et qui a fini par trouver des règles et les mettre en codes...." [1]).

Смѣемъ думать, что картина такого возникающаго изъ хаоса *общества* народовъ съ первыми зачатками права, ре-

---

[1]) E. Lavisse. Questions d'enseignement national (P. 1885) p. 13.

гулирующаго ихъ взаимныя отношенія, можетъ быть не безъинтересной и для того великаго народа, который, не участвуя еще, въ разбираемую эпоху, въ образовавшемся на западѣ „международномъ общеніи“, былъ затѣмъ введенъ мощною рукою Петра Великаго, этого Царя-Титана, въ старую семью романо-германскихъ народовъ: эпоха крестовыхъ походовъ и затѣмъ ренессанса, вѣкъ рыцарей и миннезенгеровъ, общество, въ которомъ жили Людовикъ IX и Францискъ Ассизскій, Джіотто и Данте, Елизавета Тюрингенская и Жанна д'Аркъ—имѣютъ, конечно, *обще*европейскій интересъ и *обще*человѣческое значеніе.—

Въ заключеніе—нѣсколько словъ о самомъ характерѣ нашего изложенія. Одновременно съ первымъ томомъ нашей работы (болѣе четырехъ лѣтъ тому назадъ) на другомъ концѣ Европы вышелъ въ свѣтъ капитальный трудъ E. Nys „Les origines du droit international“ (Brux. 1894), посвященный выясненію какъ разъ тѣхъ вопросовъ, которые по нашему плану должны были составить продолженіе нашей работы, ея „особенную часть“. Почти совершенно оставляя въ сторонѣ процессъ возникновенія въ средніе вѣка самой идеи международнаго общенія (чему былъ спеціально посвященъ нашъ I томъ), бельгійскій ученый разсматриваетъ именно исторію отдѣльныхъ институтовъ современнаго международнаго права за средніе вѣка. И въ этомъ отношеніи можно только признать, что трудъ Нися, вмѣстѣ съ законченною годомъ раньше „Дипломатіею во время Макіавели“ французскаго историка Maulde-la-Clavière [1]) и еще нѣкоторыми изслѣдованіями въ этой области (напр. оригинальныя лекціи проф. Ногоу о международномъ правѣ по Декрету Граціана [2]), разныя статьи

[1]) La Diplomatie au temps de Machiavel. T. I—III. P. 1892—93.

[2]) Droit international et droit des gens public d' après le Decretum de Gratien. P. 1887.

по исторіи международнаго права въ Revue de droit international и Revue d'histoire diplomatique и пр.)—только пополнили извѣстный пробѣлъ, ощущавшійся въ исторической литературѣ международнаго права по отношенію къ процессу самаго его возникновенія въ средніе вѣка.

Однако такое признаніе капитальнаго значенія труда Э. Ниса далеко не означало еще необходимости отказаться отъ дальнѣйшихъ самостоятельныхъ изслѣдованій тѣхъ вопросовъ, которые съ такою эрудиціею были имъ трактованы но далеко не исчерпаны. Дѣло въ томъ, что Нисъ подступаетъ къ ихъ выясненію почти исключительно съ точки зрѣнія средневѣковой доктрины, съ точки зрѣнія средневѣковыхъ *теоретиковъ*—канонистовъ и легистовъ, взглядамъ которыхъ и отведено центральное мѣсто въ сочиненіи; *факты* же международной жизни того времени отступаютъ сравнительно на второй планъ. Такимъ образомъ, бельгійскій ученый даетъ намъ въ своей работѣ, въ общемъ и цѣломъ, скорѣе только мнѣнія и pia desideria ученаго и литературнаго міра среднихъ вѣковъ по разнымъ вопросамъ изъ области международныхъ отношеній — такъ сказать, скорѣе *литературную исторію* международнаго права въ средніе вѣка— чѣмъ исторію международнаго права *позитивнаго*, поскольку оно успѣло выработаться въ эту эпоху и выражалось уже въ международныхъ обычаяхъ и трактатахъ того времени.—Тогда какъ источники, по которымъ можно и должно изучать такое позитивное, положительное (а не „философское" только) международное право среднихъ вѣковъ, прямо можно сказать неисчерпаемы (вспомнимъ хотя бы только громадное собраніе трактатовъ Dumont или такую вѣковую хронику, какъ Froissart),—Nys почти до нихъ не коснулся.

И конечно, указанный характеръ изложенія Ниса, сразу бросающійся въ глаза, приводитъ, какъ намъ кажется, въ

не всегда вѣрному—и всегда неполному—изображенію „зарожденія международнаго права въ средніе вѣка“. Такъ напримѣръ почти вездѣ, гдѣ Нисъ не находитъ какихъ-нибудь теоретическихъ разсужденій средневѣковыхъ кабинетныхъ ученыхъ, гдѣ приходится выводить нормы тогдашняго права между народами изъ фактическаго положенія вещей, изъ трактатовъ того времени, изъ свидѣтельства современныхъ хроникъ и проч.—онъ проходитъ мимо извѣстныхъ вопросовъ, какой бы интересъ они для насъ ни представляли въ смыслѣ исторіи международнаго права. Такъ напримѣръ, самъ признавая, что въ средніе вѣка третейское разбирательство международныхъ споровъ было чрезвычайно развито, онъ посвящаетъ однако международному арбитражу въ средніе вѣка всего двѣ страницы, ограничиваясь повтореніемъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ его примѣровъ за это время,—тогда какъ мы на 60 страницахъ едва могли умѣстить только наиболѣе характерные факты этого рода. Или напримѣръ рыцарству Нисъ посвящаетъ всего одну страницу своихъ „Origines“—тогда какъ едва ли кто-нибудь будетъ отрицать то капитальное значеніе, которое принадлежитъ этому оригинальному институту именно съ точки зрѣнія развитія извѣстнаго позитивнаго права во время войны и ея постепенной гуманизаціи.

Въ виду всего этого, желая дать по возможности изображеніе *практическаго* международнаго права среднихъ вѣковъ, мы должны были (конечно, имѣя постоянно въ виду работы Ниса изъ области юридической *литературы* тѣхъ временъ) пойти по нѣсколько иному пути. Мы должны были, именно, обратиться къ анализу самыхъ *фактовъ* средневѣковой исторіи, къ изученію богатаго сырого матеріала, оставленнаго намъ средними вѣками,—обратиться къ международнымъ трактатамъ того времени, къ различнымъ юридическимъ сборникамъ, имѣвшимъ общенародный характеръ (какъ напримѣръ знаменитый Декретъ Граціана или Consolato del

mare), наконецъ къ различнымъ лѣтописямъ среднихъ вѣковъ. И конечно, такіе сборники документовъ, какъ напримѣръ Dumont и Rymer или (для восточной окраины романо-германскаго міра) Bunge и Dogiel, такіе памятники, какъ Corpus juris canonici, такія хроники, какъ Froissart, дали намъ богатѣйшій фактическій матеріалъ для вывода извѣстныхъ заключеній [1]), для возстановленія картины того, что *дѣйствительно было* въ средніе вѣка въ области международныхъ отношеній.

Вступивъ на такой путь, намъ пришлось, конечно, встрѣтиться со многими трудностями, — указать на которыя будетъ, можетъ быть, не безполезно, хотя бы для желающихъ заниматься далѣе въ этой интересной области. Не говоря здѣсь уже о чисто техническихъ трудностяхъ—о необходимости справляться и съ варварскою средневѣковою латынью, и съ давно забытыми старыми нѣмецкими нарѣчіями, и съ симпатичнымъ, но не легкимъ языкомъ средневѣковыхъ французскихъ хроникъ—приходилось имѣть дѣло и съ затрудненіями болѣе внутренняго свойства, очень досадными для историка-юриста. Мы имѣемъ здѣсь въ виду весьма не рѣдко встрѣчавшіяся противорѣчія между документальнымъ матеріаломъ, съ которымъ приходилось работать, и указаніями и выводами различныхъ, подчасъ очень извѣстныхъ, писателей по международному праву. Такія противорѣчія не способствовали, конечно, ни быстротѣ, ни пріятности работы.

Не говоря здѣсь о сравнительно болѣе мелкихъ, такъ сказать детальныхъ, промахахъ этого рода [2]), сошлемся въ

[1]) Обращаемъ здѣсь вниманіе на помѣщенный въ концѣ книги (стр. 360) списокъ принятыхъ нами сокращеній при цитировкѣ главнѣйшихъ изъ этихъ источниковъ и нѣкоторыхъ пособій по общей литературѣ предмета. Въ тѣже „Приложенія" мы внесли особенно обширныя примѣчанія, а также дополненія, послѣдовавшія во время печатанія.

[2]) См. напр. случаи, указанные въ примѣчаніяхъ на стр. 140, 295, 303, также стр. 314, 316 и друг.

видѣ примѣра хотя бы на тотъ фактъ, что напримѣръ цѣлый отдѣлъ права нейтралитета и морской войны, вопросъ о военной контрабандѣ за средніе вѣка, будучи изслѣдованъ на основаніи источниковъ, получилъ совершенно не то освѣщеніе и рѣшеніе, какія ему обыкновенно давались до сихъ поръ [1]). Съ другой стороны, цѣлыя отрасли нашего права, едва существовавшія, казалось, въ средніе вѣка и едва затронутыя въ этомъ смыслѣ современною наукою—напримѣръ вопросъ о международномъ третейскомъ судѣ—разростались, при ближайшемъ анализѣ, въ чрезвычайно сложную и, можетъ быть, не безъинтересную для юриста картину.

Но, при такихъ условіяхъ, работая, какъ сказано,—гдѣ только было возможно—непосредственно надъ сырымъ матеріаломъ средневѣковыхъ памятниковъ международной жизни, мы, конечно, должны были очень скоро почувствовать совершенную необъятность этого матеріала. Отсюда—необходимость ограничивать поле нашего изслѣдованія только фактами, казавшимися намъ наиболѣе крупными и характерными съ разсматриваемой точки зрѣнія, и, можетъ быть, на пространствѣ интересовавшихъ насъ пяти вѣковъ исторіи западнаго міра (XI—XV вѣка), мы и прошли безъ достаточнаго вниманія мимо многихъ еще явленій (изъ области конфликтовъ между государствами того времени), заслуживавшихъ бы извѣстнаго мѣста въ исторіи международнаго права въ средніе вѣка.

Вотъ почему указаніе на трудности изслѣдованія въ этой области и на связанныя съ ними неизбѣжныя ошибки имѣетъ для насъ лично еще особенное значеніе: это—своего рода captatio benevolentiae, оправданіе по отношенію къ тому, *что* собрано и анализировано въ предлагаемомъ теперь результатѣ почти пятилѣтнихъ занятій. *Какъ* это сдѣлано—судить, конечно, не автору.

---

[1]) См. стр. 298 слѣд.

Въ заключеніе, считаемъ еще своимъ долгомъ выразить нашу искреннюю признательность всѣмъ, кто такъ или иначе содѣйствовалъ нашимъ занятіямъ, въ особенности же—нашему дорогому товарищу Л. А. Кассо, прекрасной историко-юридической библіотекой котораго мы постоянно пользовались.

Харьковъ
7 декабря 1898 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Средневѣковое христіанство и идея мира въ международной жизни.

Средневѣковое христіанство и идея мира въ международной жизни [1].

„Война по самой природѣ царитъ между всѣми государствами“, говоритъ классическая древность [2].

„Миръ оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ“ — „миръ имѣйте между собою“, говоритъ Христосъ своимъ ученикамъ [3].

Таковы два противоположныхъ начала, выставленныхъ двумя противоположными міросозерцаніями — языческимъ и христіанскимъ: естественная, неизбѣжная война древности и миръ христіанства, открывающаго собою новую эру въ исторіи человѣчества.

Которое же изъ этихъ двухъ началъ должно было побѣдить? Одержало ли верхъ высокое, идеальное начало мира, которое вмѣстѣ съ принципами любви и равенства несомнѣнно должно быть отнесено къ основнымъ идеямъ христіанства [4], — или вѣчная всеобщая война древняго міра, его „bellum aeternum cum alienigenis“, осталась непоколебимою основою международной жизни и послѣ проповѣди Евангелія?

Таковъ первый вопросъ, который невольно, самъ собою, возникаетъ передъ нами, какъ только мы вступаемъ въ об-

---

[1]) О соотношеніи идей мира и войны въ средніе вѣка см. въ особ. E. Nys Origines Ch. III Le christianisme et la guerre и Ch. XVII Les irénistes, ср. также вступительную главу въ капитальномъ трудѣ L. Gautier. La Chevalerie (P. 1895, 3 éd.) p. 2—14.

[2]) Platonis Leges I, 625.—Самъ Платонъ не раздѣляетъ такого воззрѣнія, но эта фраза, вложенная имъ въ уста одного изъ участниковъ діалога, тѣмъ не менѣе выражаетъ какъ нельзя лучше общій взглядъ всего древняго міра на отношенія между народами. См. нашъ I томъ. Введеніе

[3]) Ев. Іоанна XIV, 27, Марка IX, 50.

[4]) Ср. Гр. Л. Камаровскій. Главные моменты идеи мира въ исторіи (Р. Мысль 1895 № 6, стр. 5).

ласть юридическаго анализа международныхъ столкновенiй въ средневѣковой Европѣ. Какъ вообще относится эта возникшая на развалинахъ античнаго мiра средневѣковая Европа къ такимъ столкновенiямъ, къ вооруженной борьбѣ между государствами, какихъ основныхъ взглядовъ на войну и миръ держится это новое *христiанское* общество?

Нечего и говорить, что и Iисусу Христу, и первоначальной общинѣ его учениковъ и послѣдователей, глубоко и безусловно чужда идея войны, этого квалифицированнаго вида борьбы между людьми, которую, даже въ самомъ простомъ ея видѣ и даже въ защиту собственнаго права, отвергаетъ Евангелiе: ученiе Христа сплошь проникнуто совершенно иными началами и стремленiями — началами, не имѣющими, конечно, ничего общаго съ массовой рѣзнею и разбоемъ, именуемыми войною. Идеалъ первыхъ христiанъ — не всемiрные завоеватели, Александръ Великiй или Цезарь, герои древности, и не короли-рыцари, Фридрихъ Барбаросса или Ричардъ Львиное Сердце, герои средневѣковья, ихъ идеалъ — добрый Самарянинъ евангельской притчи. Здѣсь нацiональная ненависть замѣнена любовью, война — миромъ.

Эти начала безусловнаго мира и господствуютъ вполнѣ въ первенствующей церкви, въ христiанской общинѣ первыхъ вѣковъ нашей эры. Всѣ выдающiеся отцы и учители церкви этой эпохи, св. Климентъ Александрiйскiй и его ученикъ Оригенъ, Тертуллiанъ и Лактанцiй, св. Амвросiй Медiоланскiй и св. Iоаннъ Златоустъ — провозглашаютъ *всякую* войну нечестивою и участiе въ ней несовмѣстнымъ съ обязанностями послѣдователя Христа: „Мы не поднимаемъ оружiя ни противъ какого народа, мы не учимся искусству воевать, — говоритъ Оригенъ († 253) — потому что черезъ Iисуса Христа мы сдѣлались дѣтьми мира" [1]. А рядомъ съ нимъ „Цицеронъ

[1]) Οὐκέτι γὰρ λαμβάνομεν ἐπ᾽ἔθνος μάχαιραν οὐδὲ μανθάνομεν ἔτι πολεμεῖν γενόμενοι διὰ τὸν Ἰησοῦν υἱοὶ τῆς εἰρήνης. Origen. Contra Celsum lib. V. Migne. Patrologiae cursus completus, Series graeca. XI, 1231.

Христіанства“ (Лактанцій † 325) грозными и вмѣстѣ ѣдкими словами обличаетъ завоевательный духъ язычества [1]).

Съ такими учителями во главѣ, христіане первыхъ вѣковъ и были дѣйствительно „дѣтьми мира“,—не останавливаясь въ этомъ отношеніи даже передъ прямымъ отказомъ служить подъ знаменами великихъ кесарей Рима [2]). И всѣ гоненія языческихъ императоровъ не могли сломить въ нихъ, какъ извѣстно, этой вѣрности первоначальному духу христіанства: ее сломилъ не Колизей, и не „живые свѣточи“ Нерона—ее уничтожила сама Церковь, превратившись изъ свободной общины вѣрующихъ въ строго-организованное, принудительно охраняемое государственное учрежденіе.

Этотъ долгій, заканчивающійся при Константинѣ В.—можетъ быть, печальный во многихъ отношеніяхъ, но исторически необходимый—процессъ превращенія христіанства изъ первоначальной внутренней религіи въ строго-регламентированный, чисто-формальный, внѣшній культъ не могъ не отразиться и на взглядѣ христіанскаго общества на войну и миръ [3]). Можно было, конечно, предвидѣть, что если христіанство Іисуса Христа и первыхъ христіанъ считало войну безусловно недозволенною и приравнивало ее къ преступленію, то нѣсколько иныхъ взглядовъ должно было держаться *государственное* христіанство Константина В. и его преемниковъ. И дѣйствительно, на другой же годъ послѣ извѣстнаго Миланскаго эдикта (313), знаменующаго собою превращеніе христіанской церкви въ государственное учрежденіе, эта новая государственная церковь, забывъ ученія первыхъ трехъ вѣковъ христіанства, уже *предаетъ анаѳемѣ* всѣхъ, кто изъ религіозныхъ предразсудковъ отказывается служить въ арміи (соборъ въ Арлѣ, 314).

---

1) Nys Origines p. 45.

2) Примѣры см. у L. Gautier La Chevalerie, p. 8.

3) Объ общемъ значеніи этого историческаго процесса для международныхъ отношеній и идеи международнаго общенія см. Laurent IV, 170.

Такимъ образомъ, война, считавшаяся въ I—III вѣкахъ нашей эры безусловно недозволенною и противною самымъ основнымъ началамъ христіанства, провозглашается теперь, въ новой „христіанской“ имперіи Рима (открывающей собою средніе вѣка), чѣмъ-то совершенно независимымъ отъ этихъ началъ, явленіемъ вполнѣ мыслимымъ и для христіанъ— фактомъ хотя и прискорбнымъ, но тѣмъ не менѣе необходимымъ и, очень часто, вполнѣ законнымъ. „Идея законности извѣстныхъ войнъ и прославленія христіанскаго воина—эта идея, которая привела бы въ негодованіе Тертулліана или Оригена, — скажемъ мы вмѣстѣ съ историкомъ рыцарства Gautier [1]), дѣлаетъ съ IV по X вѣкъ тѣмъ большіе успѣхи на западѣ, что западный міръ находится въ это время въ самомъ разгарѣ разныхъ вражескихъ нашествій, на апогеѣ варварства и смертельной борьбы религій и расъ“. Въ такую эпоху Церковь уже не могла *безусловно* порицать войну; она, подъ извѣстными условіями, въ случаѣ необходимости, даетъ ей, однимъ словомъ, свою санкцію,—и во главѣ этого новаго теченія во взглядахъ христіанской церкви и общества на войну стоитъ, давая имъ наилучшее выраженіе, такой авторитетъ какъ св. Августинъ († 430), міросозерцаніе котораго сдѣлалось, какъ извѣстно, общею основою всего средневѣковаго богословскаго мышленія [2]).

Изъ его взглядовъ должны были развиться всѣ средневѣковыя теоріи „справедливой“, „законной“ войны; съ его времени, въ христіанскомъ обществѣ окончательно беретъ верхъ отношеніе къ войнѣ какъ къ необходимому злу— злу неизбѣжному, а потому и вполнѣ допустимому, могущему даже быть совершенно справедливымъ. „Война сама по себѣ всегда есть измышленіе діавола и, если нѣтъ необходимости,

[1]) Gautier loc. cit. p. 9.

[2]) Ср. Nys, 45 s.—Тѣхъ же взглядовъ держатся въ этой эпохѣ Вегецій (De re militari, II, 5), папа Левъ В. и др. См. Claudio Jannet. Les grandes époques de l'histoire économique jusqu'à la fin du XVI siècle p. 89.

нужно отъ нея воздерживаться—говоритъ напр. въ 865 г. папа Николай въ отвѣтъ на запросъ Болгаръ, позволительно-ли воевать въ посту; но конечно—прибавляетъ римскій первосвященникъ—безъ всякаго сомнѣнія нужно готовиться къ войнѣ даже въ великомъ посту, если только она неизбѣжна—„si inevitabilis urget opportunitas“,—если дѣло идетъ о собственной защитѣ или оборонѣ родины и закона отцовъ“ [1]). Таково, основанное на взглядахъ Св. Августина. воззрѣніе средневѣковой церкви на соотношеніе между войною и миромъ. Безусловно отрицательное отношеніе первоначальнаго христіанства къ войнѣ было, такимъ образомъ, отвергнуто христіанствомъ средневѣковымъ [2]). Въ силу различныхъ чрезвычайно сложныхъ культурно-историческихъ причинъ. христіанское общество среднихъ вѣковъ было уже очень далеко отъ идеаловъ и взглядовъ первыхъ христіанъ на войну—и это не удивительно. Если даже въ наше время трудно мечтать о водвореніи полнаго мира между народами, то, конечно,

---

[1]) „Bellorum ac proeliorum certamina.. diabolicae fraude sunt artis profecto reperta... Et ideo, si nulla urgeat necessitas... est proeliis abstinendum. Si autem inevitabilis urget opportunitas, nec quadragesimali tempore, pro defensione tam sua quam patriae seu legum paternarum, bellorum procul dubio praeparationi parcendum“. Этотъ текстъ, по извѣстному изданію Labbe Concilia, VIII, 533 (котораго мы не могли достать) приводитъ Gautier, l. c. p. 12).

[2]) Полное отрицаніе войны продолжало существовать на почвѣ другихъ—большею частью уже еретическихъ съ точки зрѣнія римской церкви—міровоззрѣній. Еще Манесъ, знаменитый „еретикъ“ третьяго вѣка († 274) и основатель секты Манихеевъ, запрещавшій, между прочимъ, уничтоженіе всего живого (даже растеній), считалъ войну безусловно недопустимой (и потому именно въ св. Августинѣ нашелъ себѣ впослѣдствіе особенно рѣзкаго критика). Подобныя „ереси“—ученіе которыхъ о войнѣ и есть, тѣмъ не менѣе, прямое наслѣдіе взглядовъ первоначальныхъ христіанъ—проходитъ такъ или иначе черезъ все средневѣковье (и какъ извѣстно, продолжаютъ свое существованіе даже до нашего времени). Здѣсь особенно слѣдуетъ отмѣтить въ XII и XIII вв.—такъ назыв. „бѣлыхъ кающяхся“ (Pénitents blancs)—грандіозное религіозное народное движеніе въ пользу мира, распространившееся изъ Испаніи во Францію и Италію и наконецъ запрещенное Папою—а также альбигойцевъ, а въ XIV вѣкѣ—ученіе Виклефа и его послѣдователей (лоллардисты), безусловныхъ противниковъ всякой войны, которую они приравнивали къ убійству и грабежу „въ широкихъ размѣрахъ“ и объявляли прямо противорѣчащею Евангелію. См. Nys, 47, 48, также 388, 389.

a fortiori, ясно, почему средневѣковье совершенно не клонится еще въ сторону истинно-христіанскаго полнаго отрицанія войны. Но зато эти-же средніе вѣка —благодаря извѣстному моральному прогрессу въ сравненіи съ древностью и благодаря явившейся и уже сознаваемой извѣстной сплоченности между христіанскими народами—отступили уже отъ древняго преклоненія предъ войною, какъ единственнымъ нормальнымъ порядкомъ вещей между народами. На такой античной почвѣ стоятъ еще, можетъ быть, отдѣльные средневѣковые державцы, еще не пресыщенные военными приключеніями, но въ общемъ и цѣломъ, какъ бы ни были еще грубы нравы эпохи, какъ бы ни были воинственны эти феодалы, война уже лишилась своего прежняго ореола въ глазахъ массы—какъ народа, такъ и правящихъ классовъ. Средневѣковое общество держится, такимъ образомъ, средняго пути: оно и не отрицаетъ войны, и не преклоняется предъ нею—оно, какъ и современное намъ общество, допускаетъ войну, но лишь какъ необходимое зло. „Pacem habere debet voluntas, bellum—necessitas" говоритъ св. Августинъ, и за нимъ дословно повторяетъ это и средневѣковая церковь [1]), и средневѣковые писатели [2]). Это взглядъ всего западнаго средневѣковья.

Любопытно отмѣтить, какъ вся эта историческая эволюція въ взглядахъ христіанства—отъ полнаго отрицанія войны къ допущенію ея въ качествѣ необходимаго зла—отразилась въ знаменитомъ средневѣковомъ сборникѣ каноническаго права, въ Декретѣ Граціана (средина XII вѣка), который, пользуясь громаднымъ авторитетомъ въ средніе вѣка и легши въ основу изученія каноническаго права, какъ нельзя лучше передаетъ намъ взгляды на этотъ счетъ разбираемой эпохи.—Первая изъ восьми „Questiones", на которыя распадается Causa XXIII

[1]) См. Декретъ Граціана (Concordia canonum dircordantium) знаменитый средневѣковый сборникъ каноническаго права (сред. XII вѣка). C. 23, qu 1, c. 3. См. Richter I, 769.

[2]) Nys, 49.

второй части Декрета—та самая Causa „De re militari et bello", которую, въ ея цѣломъ, одинъ современный намъ юристъ недаромъ считаетъ замѣчательнымъ, оставленнымъ намъ XII вѣкомъ, трактатомъ по международному и государственному праву того времени [1])—посвящена какъ разъ соотношенію между войною и миромъ какъ оно должно представляться христіанину,—другими словами, вопросу о дозволенности войны въ христіанскомъ обществѣ народовъ. An militare sit peccatum—таковъ первый основной вопросъ, который представляется ученому канонисту XII вѣка, какъ только онъ подходитъ къ выясненію различныхъ нормъ признаваемаго церковью права, касающагося войны. И вотъ, его отвѣтъ на этотъ первый вопросъ и является чрезвычайно любопытнымъ съ точки зрѣнія указаннаго выше постепеннаго измѣненія во взглядахъ христіанства—отъ полной недозволенности войны къ ея допущенію въ случаяхъ „необходимости". Аргументація Граціана представляется въ слѣдующемъ видѣ.

„Что войну слѣдуетъ считать противорѣчащею евангельскому закону — такъ начинаетъ Граціанъ свою „Questio"— это, повидимому, вытекаетъ изъ того соображенія, что всякая война имѣетъ цѣлью или отразить нападеніе (оградить себя отъ правонарушенія) или отомстить за него". А сопротивленіе обидѣ или месть—разсуждаетъ онъ дальше—противорѣчитъ ученію Евангелія,— что и подкрѣпляется анализомъ цѣлаго ряда текстовъ изъ Новаго и Ветхаго завѣта. Итакъ, заключаетъ Граціанъ, повидимому воевать грѣшно: „apparet quod militare peccatum est".—Таково содержаніе такъ называемаго „casus", т. е. первыхъ основныхъ положеній, которыми, по схоластической методѣ, авторъ вводитъ своихъ читателей въ разсмотрѣніе поставленнаго вопроса.

Однако, самое рѣшеніе вопроса, заключенное въ дальнѣйшихъ семи „канонахъ", представляетъ постепенное от-

---

[1]) Погоу въ своихъ отмѣченныхъ уже въ предисловіи любопытныхъ лекціяхъ: Droit international et droit des gens public d'après le Decretum de Gratien (P. 1887).

клоненіе отъ мыслей, выраженныхъ въ „casus“ и представляющихъ, какъ оказывается, только „повидимому“ (по мнѣнію Граціана) смыслъ предписанія Евангелія!

По этимъ канонамъ (въ которыхъ Граціанъ постоянно опирается на слова бл. Августина, перваго, какъ мы уже замѣтили, крупнаго представителя новаго теченія христіанской мысли по этому вопросу) оказывается, что смыслъ приведенныхъ въ „casus“ (и еще въ canon 1) текстовъ св. писанія ограничивается, по толкованію бл. Августина (с. 2), внутреннею духовною жизнью человѣка и что эти тексты *не* должны быть разсматриваемы какъ правила внѣшняго поведенія людей (non ostentatione corporis servanda sunt), а слѣд. христіанское ученіе вовсе не осуждаетъ войну какъ таковую! Поэтому—„*noli* existimare“, не смѣй думать, говоритъ дальше (с. 3) Граціанъ (опять таки вслѣдъ за Августиномъ), что воюющій не можетъ быть угоденъ Богу: noli existimare neminem Deo placere posse qui in armis bellicis militat.

Война, такимъ образомъ, вовсе не запрещена *совершенно*,— ея только слѣдуетъ избѣгать, обращаясь къ оружію только въ крайнихъ случаяхъ и стараясь закончить ее поскорѣе миромъ. И дѣйствительно, что можно поставить человѣку въ вину во время войны? спрашиваетъ дальше вмѣстѣ въ Августиномъ канонъ 4-й. Неужели смерть, постигающую тѣхъ, которые все-равно когда-нибудь должны умереть? (!!) Этотъ упрекъ, дѣлаемый войнѣ, проистекаетъ скорѣе изъ трусости, чѣмъ изъ религіознаго чувства (!)—hoc reprehendere timidorum est non religiosorum. Итакъ, вести войну *не* есть преступленіе (с. 5); мало того, войны, которыя ведутся для наказанія злыхъ и поддержки добрыхъ суть, такъ сказать, „мирныя войны“, bella pacata (с. 6), и не только въ нихъ нѣтъ ничего предосудительнаго, но, напротивъ того, участіе въ нихъ, для защиты общественныхъ интересовъ, есть высшій почетъ для воинства (с. 7). Ex his omnibus colligitur, заключаетъ Граціанъ,—quod militare peccatum *non* est...

Такова въ ея главныхъ, основныхъ чертахъ аргументація Декрета Граціана по вопросу о соотношеніи между войною и миромъ, аргументація совершенно точно отражающая, какъ мы замѣтили, движеніе христіанской мысли по этому вопросу съ IV по XII вѣкъ. Война перестала быть чѣмъ-то ужаснымъ, немыслимымъ для христіанъ; какъ „неизбѣжное зло", въ „крайнихъ случаяхъ"—она дозволена.

Такимъ образомъ, принципъ мира кроткихъ „Галилеянъ", завоевавшихъ міръ своимъ словомъ, не могъ, въ концѣ концовъ, *совершенно* осилить принципа войны тѣхъ, кто покорилъ этотъ міръ мечемъ. Война настолько еще не побѣждена миромъ, что изъ устъ „намѣстника Божія", главы *христіанскаго* міра, мы можемъ слышать грозныя слова: „проклятъ человѣкъ, который удерживаетъ мечъ свой отъ крови" [1]. Это говоритъ Папа Григорій VII, и намъ не нужно лучшаго подтвержденія грубости и воинственности среднихъ вѣковъ, какъ эти слова, сказанныя тѣмъ, кто являлся оффиціальнымъ и общепризнаннымъ истолкователемъ словъ — Христа! Но сравнительно съ древностью, прогрессъ все-таки громаденъ, и одинъ изъ современныхъ французскихъ канонистовъ (Ногоу) можетъ съ полнымъ правомъ привѣтствовать въ основныхъ взглядахъ средневѣковаго общества на войну—выраженныхъ у разныхъ отцовъ и учителей церкви и въ Декретѣ Граціана— „un immense progrès sur le droit fécial antique, progrès accompli au nom des idées chrétiennes" [2]. Въ идеѣ средневѣковаго человѣка война не есть уже нормальное состояніе въ отношеніи къ сосѣднему государству; постоянное, нормальное положеніе, общее правило—это миръ, „pacis causa est perpetua" говорятъ средніе вѣка [3]. Наоборотъ, война, изъ „естественнаго состоянія" между народами, какимъ она была въ древности, превратилась въ состояніе исключитель-

---

[1]) „Maledictus homo qui prohibet gradium suum a sanguine". См. Nys, 20.
[2]) Ногоу loc. cit. p. 86.
[3]) Ср. Maulde-la-Clavière, I, 193. Nys, 264 ss.

ное, временное [1]), вынуждаемое лишь крайнею необходимостью.—въ состояніе притомъ „безчеловѣчное", недостойное человѣка и христіанина. „Inhumanum valde est Christianum cum christiano guerram facere" говоритъ Св. Ѳома Аквинскій [2]), и вотъ почему цѣль, къ которой должна стремиться каждая война, есть опять-таки — скорѣйшее возстановленіе мира: apud veros Dei cultores etiam ipsa bella... pacis studio geruntur, читаемъ мы въ Декретѣ Граціана [3]). Bellum geritur ut pax acquiratur [4]).

Этотъ основной переворотъ во взглядахъ на отношенія между государствами, совершившійся въ средніе вѣка (сравнительно со взглядами древняго міра)—переворотъ, составлявшій непосредственное и логическое слѣдствіе возникшаго представленія о принадлежности всѣхъ западно-европейскихъ народовъ въ одной „Respublica Christiana"—есть, такъ сказать, отправный пунктъ для цѣлаго ряда положеній и фактовъ, прямо изъ него вытекающихъ. Дѣйствительно, признаніе войны положеніемъ исключительнымъ и временнымъ, означаетъ другими словами, что:

1° война въ средніе вѣка есть уже средство крайнее, прилагаемое лишь въ случаѣ невозможности уладить международный конфликтъ рядомъ болѣе мирныхъ способовъ—отъ третейскаго суда, какъ наиболѣе совершеннаго изъ такихъ способовъ, до репрессалій (не рѣдко очень мало отличающихся отъ открытой войны).

---

[1]) Нормальною, постоянною она остается, какъ этого слѣдовало ожидать и какъ это было на самомъ дѣлѣ, въ отношеніяхъ христіанскаго міра къ *внѣ*—христіанскому, т. е. главнымъ образомъ къ мусульманскому. Ср. сказанное въ нашемъ I томѣ, стр. 72, 73.

[2]) См. сближеніе его съ Тертулліаномъ въ статьѣ Brissaud. Les restitutions des grands par Claude Joly.—Contribution à l'étude du droit des gens dans les écrits des casuistes, въ Revue générale de droit international public 1897, p. 497.

[3]) C. 23, qu. 1, c. 6.

[4]) C. 23. qu 1, c. 3 и далѣе: Esto ergo etiam bellando pacificus, ut eos quos expugnas ad pacis utilitatem vincendo perducas.

2° война, какъ средство крайнее, даже будучи уже допущена, можетъ и должна ограничиваться только крайне необходимыми дѣйствіями противъ непріятеля, допуская, такимъ образомъ, сама извѣстную нормировку путемъ обычая.

3° война, не будучи уже древнею войною contra omnes, есть положеніе строго-ограниченное отношеніями только данныхъ спорящихъ государствъ и не простирающееся на третьи, непричастныя конфликту государства—благодаря чему впервые является болѣе или менѣе твердо обоснованное понятіе нейтральныхъ государствъ, извѣстное право нейтралитета.

Такимъ образомъ—какъ это должно подтвердить все последующее изложеніе—уже относительно средневѣковой войны мы можемъ съ полнымъ основаніемъ защищать существованіе именно тѣхъ-же (только что указанныхъ) ограничивающихъ ее пунктовъ, къ которымъ, въ качествѣ общаго синтеза, одинъ извѣстный юристъ сводитъ также и все современное намъ „право войны" [1]). Тотъ комплексъ новыхъ для международной жизни понятій, которыя заключаются въ намѣченныхъ нами трехъ пунктахъ, является впервые именно въ средніе вѣка и анализъ фактовъ исторіи средневѣковыхъ отношеній между народами долженъ привести именно къ такому выводу.

Этотъ анализъ, соотвѣтственно указаннымъ тремъ пунктамъ, и можетъ быть представленъ въ слѣдующихъ отдѣлахъ:

---

[1]) Именно: Geffken въ своей статьѣ „Réglement des lois et coutumes de la guerre" (R. D. I. 1894): Nous sommes en droit de poser en principe que la guerre moderne est limitée: 1° parce qu'elle est essentiellement passagère et ne tend qu'à arriver á la paix. 2° parce qu'elle est exclusivement dirigée contre un ou plusieurs adversaires déterminés... et distingue entre belligérants et neutres. 3° parce qu'elle reconnaît à l'adversaire les mêmes droits et moyens de guerre que ceux que l'on revendique pour soi—même. Il ya donc un droit de la guerre, заключаетъ Geffken, c'est à dire un droit observé dans la guerre". p.p. 586, 587.—Мы не отступимъ отъ истины, если повторимъ тоже самое и относительно среднихъ вѣковъ,—замѣнивъ въ началѣ фразы слово „moderne" словомъ „mediévale".

1) Средства разрѣшенія международныхъ конфликтовъ помимо войны:

a) мирныя средства:

α) средство юридическое: третейское разбирательство (глава I).

β) мирныя средства фактическія (глава II).

b) насильственныя (или „менѣе мирныя") средства: репрессаліи въ широкомъ смыслѣ (глава III).

2) Война, какъ крайнее средство разрѣшенія международныхъ столкновеній, и зарожденіе извѣстнаго „права" во время войны (глава IV).

3) Право нейтралитета (глава V).

I.

Международный третейскій судъ въ средніе вѣка.

Международный третейскій судъ въ средніе вѣка [1]).

1. Общія замѣчанія о мирныхъ способахъ улаженія международныхъ конфликтовъ въ средніе вѣка.

Общій взглядъ средневѣковаго общества на войну, какъ на состояніе временное и исключительное,—вызванный христіанскимъ міросозерцаніемъ вообще и, въ частности, сплоченіемъ западно-европейскихъ государствъ въ одну морально—единую Respublica Christiana — долженъ былъ выразиться, прежде всего, какъ мы сказали выше, въ признаніи войны только *крайнимъ* средствомъ разрѣшенія международныхъ столкновеній. Какъ въ наше время, такъ точно и въ средніе вѣка и теорія, и практика международныхъ отношеній знаютъ уже цѣлый рядъ способовъ—мирныхъ и „менѣе мирныхъ" (насильственныхъ) — улаженія конфликтовъ между государствами помимо войны, за которою остается значеніе лишь крайняго средства, къ которому обращаются только тогда, когда всѣ другія уже безуспѣшно исчерпаны.

Что касается, прежде всего безусловно мирныхъ способовъ разрѣшенія международныхъ столкновеній—которые и

---

[1]) О международномъ третейскомъ судѣ въ средніе вѣка написано вообще чрезвычайно мало. См. главнымъ образомъ M. Revon L'arbitrage international (P. 1892) p. 108—130. A. Mérignhac Traité théorique et pratique de l'arbitrage international (P. 1895) p. 31—43. Гр. Л. Камаровскій О международномъ судѣ (М. 1881) стр. 114—122. F. Dreyfus L'arbitrage international (P. 1894) p 20—32.—Въ общихъ исторіяхъ международныхъ отношеній: Ward I, 323 ss. Pütter, 179 ff. Pierantoni I, 754 ss. (и въ его же трудѣ Gli arbitrati internazionali e il trattato di Washington. Napoli 1872), Maulde III, 186 ss. Nys, 52, 53.

являются первымъ предметомъ нашего анализа—то, какъ извѣстно, современная наука международнаго права знаетъ четыре такихъ характерныхъ средства: третейское разбирательство, въ качествѣ высшаго, вполнѣ юридическаго средства разрѣшенія конфликтовъ, и затѣмъ фактическія мирныя средства, въ видѣ посредничества, „добрыхъ услугъ" и дипломатическихъ переговоровъ. Всѣ эти средства извѣстны уже и среднимъ вѣкамъ. Сюда-же, въ качествѣ особаго, чрезвычайно характернаго для разбираемой эпохи, мирнаго способа улаженія конфликтовъ — вышедшаго впослѣдствіе изъ употребленія—нужно еще причислить торжественное воззваніе къ общественному мнѣнію всего международнаго союза христіанскихъ государствъ. Наконецъ, для полноты слѣдуетъ еще замѣтить, что въ качествѣ мирнаго средства разрѣшенія споровъ между государствами въ средніе вѣка является кромѣ того еще жребій. Но употреблялся онъ только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, для улаженія какихъ-нибудь мелкихъ, второстепенныхъ пререканій (напр. въ вопросахъ председанія, первенства чести) [1]. —Итакъ, нашему ближайшему разбору должны подлежать международный третейскій судъ и затѣмъ—посредничество, добрыя услуги, дипломатическіе переговоры и воззваніе къ общественному мнѣнію въ средніе вѣка.

Прежде чѣмъ разсматривать, однако, всѣ эти мирныя средства разрѣшенія международныхъ конфликтовъ въ ихъ средневѣковыхъ особенностяхъ и въ значеніи ихъ для нашего времени — начиная, именно, съ важнѣйшаго изъ нихъ, съ международнаго третейскаго суда — слѣдуетъ прежде всего уяснить себѣ вообще, почему именно средневѣковье заслуживаетъ здѣсь особеннаго нашего вниманія. Отвѣтъ на этотъ вопросъ опредѣлитъ и самый характеръ послѣдующаго изложенія. Въ самомъ дѣлѣ, перечисленные способы мирнаго улаженія конфликтовъ были, очевидно, знакомы и древнему міру. Суровый законъ войны не царилъ, конечно, и въ тѣ времена

[1]) Ср. Nys, 50.

всегда и вездѣ, безъ исключеній; уже простая экономія государственныхъ силъ должна была подсказать правительствамъ древняго міра не прибѣгать къ войнѣ, когда столкновеніе могло быть, съ такою же легкостью, улажено простыми переговорами, посредничествомъ третьей стороны или хотя бы третейскимъ судомъ незаинтересованнаго лица. И дѣйствительно, даже этотъ послѣдній, высшій и совершеннѣйшій для нашего времени, способъ разрѣшенія международныхъ столкновеній былъ знакомъ древности. Не углубляясь въ этомъ отношеніи въ такіе полумиоическіе времена и случаи, какъ напр. разрѣшеніе спора о престолонаслѣдіи между сыновьями Дарія Гистаспа третейскимъ судомъ ихъ дяди, какъ „семейнаго судьи“ [1]), или упоминаемое Ксенофонтомъ улаженіе конфликта между Киромъ и царемъ Ассиріи путемъ посредничества какого-то индійскаго князя — мы имѣемъ вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія, напримѣръ, о существованіи арбитража у древнихъ грековъ, у которыхъ онъ былъ даже до извѣстной степени развитъ и которымъ былъ знакомъ и „компромиссъ“ въ техническомъ смыслѣ слова *(σύμβολον)*, и родъ арбитральной процедуры, суда передъ *πόλις ἔκκλητος* или частнымъ лицомъ, разбиравшимъ претензіи обѣихъ спорящихъ сторонъ, представленныхъ своими адвокатами *(σύνδικοι)* [2]).

Что же заставляетъ насъ, въ такомъ случаѣ, искать не здѣсь, на почвѣ классической древности, зачатковъ *нашей* системы мирнаго разрѣшенія международныхъ конфликтовъ, а обращаться къ христіанскому средневѣковью, игнорируя и Грецію съ третейскими разбирательствами ея амфиктіоній [3]),

[1]) Dumont-Supplément, I, (=Barbeyrac Histoire des anciens traités), part. I, art. 107.

[2]) Egger. Mémoire historique sur les traités publics dans l'antiquité etc P. 1860. p. 42, 44.

[3]) Нѣтъ никакого основанія приписывать знаменитой дельфійской амфиктіоніи какую-нибудь особенную роль, въ смыслѣ напримѣръ постояннаго третейскаго суда между греческими городами. Это былъ исключительно религіозный союзъ (ср. нашъ I томъ, стр. 39), обращенія къ которому, какъ къ третейскому трибуналу, были такъ же случайны, какъ обращенія ко всякому другому частному лицу или городу.

оракуловъ и мудрецовъ, и Римъ съ его феціалами и рекуператорами?

Очевидно, насъ побуждаетъ къ этому *не* отсутствіе самыхъ интересующихъ насъ фактовъ этого рода въ древности—ибо, какъ мы только что сказали, такіе факты несомнѣнно имѣются, хотя бы и въ ограниченномъ числѣ [1],—а различное къ нимъ отношеніе въ древности, съ одной стороны, и въ новое время, начиная со среднихъ вѣковъ, съ другой. Вотъ почему также и изъ исторіи среднихъ вѣковъ насъ, для нашей цѣли, не можетъ интересовать — какъ это замѣчаетъ и Revon — одна „сухая номенклатура" случаевъ международнаго посредничества или арбитража тѣхъ временъ. И посредничество, и третейскій судъ существовали и въ средніе вѣка такъ же, какъ они существовали и въ древности, и простое, болѣе или менѣе полное, ихъ перечисленіе не дало бы намъ ничего особенно новаго, ибо съ этой точки зрѣнія разницы между древнимъ міромъ и средневѣковьемъ нѣтъ никакой. Вся разница въ отношеніи современныхъ обществъ, народовъ и правительствъ къ этимъ мирнымъ способамъ рѣшенія конфликтовъ; съ *этой* точки зрѣнія разница между древностью и средними вѣками очень велика—и она объясняетъ собою, отчего настоящаго возникновенія нашей постоянной практики мирнаго разрѣшенія международныхъ столкновеній можно искать не раньше какъ въ среднихъ вѣкахъ, не восходя къ арбитражамъ древности.

---

[1]) См. напр. случаи третейскаго разбирательства между государствами древняго міра, особенно Греціи: Egger loc. cit. p. 40 ss. Pierantoni Gli arbitrati internazionali, p 65 ss., также въ его Trattato di diritto internazionale I, 250 ss. Mérignhac, p. 15 ss. Revon, p. 86. Calvo Le droit international théorique et pratique (3-ine éd. 1880—81) t. II, p. 546. Гр. Камаровскій, 106, пр. 4. Много примѣровъ приведено также у Гроція De jure belli ac pacis lib. II, 23, § 8 и въ примѣчаніяхъ къ нему Barbeyrac'a (изданіе Amsterdam 1724) t. II, p. 676, 678. ср. Grotius l. III, 20, § 46.—Спеціальныя диссертаціи объ арбитражахъ въ древней Греціи: Meier, Die Privatschiedsrichter und die öffentlichen Diäteten Athens sowie die Austrägalgerichte in den griechischen Staaten des Alterthums. (Halle 1846). Bétaut An fuerint apud Graecos judices certi litibus inter civitates componendis (B. 1862).

Дѣло въ томъ, что для древняго міра нормальнымъ, постояннымъ способомъ рѣшенія конфликтовъ остается всетаки война: всѣ другіе — являются лишь исключеніемъ, подсказаннымъ требованіями политики, интересомъ данной минуты. Вотъ почему, не смотря, напримѣръ, на отдѣльные случаи примѣненія третейскаго суда къ спорамъ между государствами древней Греціи, арбитражъ никогда не могъ занять тамъ положенія международнаго института въ собственномъ смыслѣ слова: мы не имѣемъ примѣровъ разрѣшенія этимъ путемъ конфликтовъ между греками и государствами внѣ-греческаго міра, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ примѣнялся между греческими же городами, арбитражъ того времени никогда не могъ совершенно освободиться отъ связи съ религіею и потому даже здѣсь, на почвѣ той же Эллады, остался узкимъ, всегда исключительнымъ, необычайнымъ средствомъ улаженія столкновеній [1]). Вотъ почему также и Римъ не даетъ намъ никакихъ данныхъ для того, чтобы искать въ его исторіи зачатковъ нашей современной системы мирныхъ средствъ устраненія международныхъ конфликтовъ: феціалы — не смотря на всѣ восторги добраго Боссюэ — были только судьями внѣшней, формальной правильности войны, объявляемой Римомъ, и recuperatores (о которыхъ, къ тому же, почти не сохранилось никакихъ свѣдѣній) точно также мало походили, повидимому, на какихъ бы то ни было „постоянныхъ третейскихъ судей“ между Римомъ и его сосѣдями [2]). И тѣ, и другіе остались, по мѣткому выраженію Revon, „очень мало извѣстными истолкователями еще болѣе сомнительнаго международнаго права“ [3]). Иначе оно и быть не могло при томъ строѣ, когда самаго международнаго общенія не существовало даже въ зародышѣ, когда идеаломъ каж-

---

[1]) См. Revon, 81, 82.

[2]) См. о тѣхъ и о другихъ отличную статью Fusinato въ R. D. I. 1885· также Revon, 94—98 Mérignhac, 26, 30.—Ср. статью проф. Александренко „Международное право Рима“ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1895, № 2.

[3]) Revon, 100: „interprètes mal connus d'un droit des gens plus douteux encore“.

даго государства (а римскаго въ особенности) было не сосуществованіе съ другими, а гегемонія надъ ними, когда, наконецъ, нормальнымъ состояніемъ между ними была война [1]). Въ сознаніе государствъ того времени не проникла еще, однимъ словомъ, общая идея правильности, желательности именно этой, мирной процедуры, которая только въ случаѣ необходимости постепенно замѣнялась бы средствами менѣе мирными, репрессивными и, наконецъ, въ крайности — войною.

Взгляды *такого* рода, въ зависимости отъ измѣнившихся воззрѣній на войну вообще, могли явиться лишь въ ту эпоху, когда начинается сосуществованіе нѣсколькихъ одушевленныхъ одинаковой христіанской культурой государствъ, т. е. въ среднія вѣка. Вотъ почему рѣшающимъ въ смыслѣ зарожденія современныхъ намъ институтовъ международнаго права является именно этотъ періодъ, а не древность, между институтами которой (хотя бы и развитыми до извѣстной степени) и нашей современною системой права въ международныхъ отношеніяхъ *нѣтъ никакой преемственной связи*. А, между тѣмъ, именно въ этомъ то и находится весь центръ тяжести вопроса, если рѣчь идетъ о зарожденіи какого-нибудь института, какой-нибудь нормы права и о послѣдующемъ органическомъ развитіи ихъ въ исторіи.

Въ самомъ дѣлѣ, отдѣльные факты исторіи того или другого народа, за столько то сотень лѣтъ до нашего времени— хотя бы они и доказывали существованіе извѣстной практики, болѣе или менѣе похожей на нашу,—сами по себѣ говорятъ намъ еще слишкомъ мало; они могутъ быть, конечно, чрезвычайно интересны для историка даннаго времени или даннаго народа, могутъ быть даже, пожалуй, чрезвычайно важны для науки народовѣдѣнія (folklore), но все это скорѣе область

[1]) См. нашъ I томъ, введеніе и стр. 41. Ср. общіе выводы, къ которымъ приходятъ напр. Гр. Камаровскій, 108, также Sidney Schopfer Le principe juridique de la neutralité et son évolution dans l'histoire du droit de la guerre. (Lausanne 1894) p. 76, Mérignhac, p. 17.

археологіи, чѣмъ исторіи права, и въ исторіи современныхъ намъ юридическихъ институтовъ эти факты могутъ фигурировать лишь по стольку, по скольку они суть непосредственные родоначальники строя, системы, порядковъ современныхъ, по скольку между тѣми и другими ощущается ясная преемственная связь.

Если, напр., мы знаемъ, что Рамзесъ Великій заключилъ мирный трактатъ съ царемъ хеттеовъ (и имѣемъ даже текстъ этого трактата, начертанный на стѣнахъ Карнакскаго храма) точно такъ же, какъ бы заключили его два сосѣднихъ государства нашего времени,— то изъ одного этого факта существованія въ данную минуту извѣстнаго договорнаго „права" между двумя глубоко во всѣхъ отношеніяхъ чуждыми народами нельзя еще, конечно, заключать о существованіи между ними — или, тѣмъ менѣе, и между всѣми другими государствами древности — извѣстныхъ коренныхъ и общепризнанныхъ нормъ права вообще, извѣстныхъ общихъ обычныхъ правилъ взаимныхъ отношеній между народами. Нельзя — потому что всѣхъ другихъ общихъ необходимыхъ предположеній существованія международнаго общенія и права мы тутъ еще не видимъ, потому что не далѣе, можетъ быть, какъ на другой сторонѣ того же монолита, на которомъ записанъ трактатъ Египта со страною Хета, торжественно провозглашается, что великій Фараонъ намѣренъ лишь карать всѣ чужіе края — а это свидѣтельствуетъ о господствѣ взглядовъ, въ корнѣ противорѣчащихъ возможности какого-бы то ни было международно-правового строя въ нашемъ смыслѣ: никакой преемственности взглядовъ найти тутъ нельзя. — Если (возьмемъ еще примѣръ) Византія устанавливаетъ ad hoc извѣстныя нормы „права" въ трактатѣ съ Русью, напр. съ Олегомъ или Игоремъ, то и этотъ фактъ, такъ же мало, какъ и примѣръ Рамзеса, можетъ говорить въ пользу существованія извѣстнаго правильнаго международнаго общенія, въ которомъ та и другая сторона являлись бы равноправными

членами; также и этотъ фактъ нельзя разсматривать какъ симптомъ зарожденія извѣстнаго *развивающагося вплоть до нашего времени* общаго правового порядка между народами. Нельзя, потому что тотъ же великій *Βασιλεύς*, кесарь Византіи, который счелъ теперь нужнымъ заключить свой трактакъ съ Олегомъ или Игоремъ, считаетъ ихъ по общему правилу своими „рабами" — и, слѣдовательно, отвергаетъ въ самомъ корнѣ возможность правового международнаго оборота въ нашемъ смыслѣ [1]). Слѣдовательно, между *такими* „правовыми" порядками — этими стоящими одиноко и потому ничего не доказующими случаями — и современною намъ международно-правовою системою опять-таки никакой преемственности, непосредственной традиціи нѣтъ, и искать въ нихъ возникновенія нашего юридическаго порядка нельзя. Точно также, въ частности, нельзя сближать и нашей системы мирнаго разрѣшенія международныхъ конфликтовъ съ единичными, похожими на наши, случаями изъ исторіи древняго міра. Нельзя — потому что опять-таки это были именно единичные факты, вызванные совершенно другими условіями, выросшіе, такъ сказать, на совершенно другой почвѣ, на почвѣ *исключающей* возможность существованія нашей международно-правовой системы, т. е. прежде всего не признающей принципа международнаго общенія.

Такъ, всѣ случаи третейскаго разбирательства между государствами древней Греціи теряютъ для насъ всякій смыслъ, разъ рядомъ со столь высокимъ, повидимому, проявленіемъ солидарности и юридическаго смысла государствъ, — Спарта, напр., открыто провозглашаетъ принципъ ксенелазіи, изгнанія изъ страны всѣхъ иностранцевъ (даже грековъ-же, по

[1]) См. нашъ I томъ, стр. 91 сл., особ. 94. — Совершенно тѣ-же выводы изъ цѣлаго ряда подтверждающихъ ихъ интересныхъ фактовъ см. у Milenko R. Vesnitch Le droit international dans les rapports des Slaves méridionaux au moyen âge. R. D. I. 1896. № 3. Еще до XIV в. Русь считалась въ Византіи частію имперіи константинопольскихъ кесарей! См. В. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности II, вып. II (Спб. 1896), стр. 496.

уроженцевъ другихъ городовъ), а либеральныя Аѳины отказываютъ иногороднимъ грекамъ, не говоря уже о правахъ политическихъ, въ цѣломъ рядѣ такихъ элементарныхъ гражданскихъ правъ, какъ право владѣть недвижимостью, вступать въ бракъ съ аѳинянкою и пр. [1]). Идея общенія, составляющая непремѣнную основу всей нашей концепціи международнаго права, лежащая въ основѣ всѣхъ его институтовъ въ современномъ смыслѣ слова, совершенно здѣсь отсутствуетъ, и всѣ отношенія между народами и государствами древняго міра, даже близкими по своей культурѣ, опредѣляются по общему правилу — съ одной стороны, недовѣріемъ ко всему иностранному, замкнутостью, исключительностью, крайнею враждою къ сосѣдямъ, а съ другой — стремленіемъ къ исключительному господству, къ гегемоніи, къ порабощенію другихъ. Все это вмѣстѣ взятое могло означать лишь господство войны, какъ основного нормальнаго начала всей международной жизни древняго міра. При такихъ условіяхъ, и отдѣльныя, подсказанныя необходимостью, требованіями политики или просто здравымъ смысломъ, попытки мирнаго разрѣшенія столкновеній должны были всегда остаться единичными, не связанными, исключительными фактами — фактами безъ прошлаго и безъ будущаго.

Качественно иными являются аналогичныя попытки только тогда, когда онѣ изъ разрозненныхъ, исключительныхъ фактовъ, такъ сказать, оторванныхъ отъ почвы и находящихся въ противорѣчіи со всею окружающею ихъ международною жизнью, превращаются въ стройные, связанные одною руководящею идеею, строго-логичные выводы изъ общаго міровоззрѣнія, измѣнившагося въ смыслѣ признанія мирнаго сосуществованія государствъ единственнымъ нормальнымъ состояніемъ народовъ и, наоборотъ, войны—состояніемъ временнымъ,

---

[1]) См. напр. Бибиковъ. Очеркъ международнаго права въ Греціи (М. 1852). Стр. 14—30.

исключительнымъ, прибѣгать къ которому можно только въ крайнихъ случаяхъ.

Такой переворотъ въ этихъ основныхъ воззрѣніяхъ на взаимное соотношеніе войны и мира совершился, какъ мы видѣли, только со времени распространенія христіанства и практически отразиться на международной жизни онъ могъ только уже въ средніе вѣка.—

Исходя изъ такихъ основныхъ взглядовъ, мы и постараемся, соотвѣтственно со сказаннымъ, очертить различные способы мирнаго разрѣшенія международныхъ столкновеній въ средніе вѣка въ ихъ соотношеніи и взаимодѣйствіи съ общимъ міровоззрѣніемъ средневѣковья, какъ первые элементы, изъ которыхъ могла развиться вся современная намъ система мирныхъ средствъ разрѣшенія международныхъ конфликтовъ вообще и наше международное третейское разбирательство въ частности.

Съ этого высшаго, наиболѣе совершеннаго—и чисто юридическаго — изъ современныхъ способовъ улаженія столкновеній между государствами мы и начнемъ нашъ историко-юридическій анализъ.

2. Международные суды Папъ и Императоровъ въ средніе вѣка и международный третейскій судъ.

Приступая къ разсмотрѣнію исторіи развитія международнаго третейскаго суда въ средніе вѣка, нужно прежде всего обратить вниманіе на довольно распространенное мнѣніе [1]), будто бы особенно благотворную роль въ этомъ направленіи сыграли „универсальные“ Папы и Императоры того времени, какъ всѣми признаваемые моральные авторитеты всей романо-германской Европы. Поддерживая такое положеніе, мы однако, какъ сейчасъ увидимъ, сразу попали бы на невѣрный

---

[1]) Изъ спеціальныхъ сочиненій по международному арбитражу см. особ. Mérignhac, p. 32.

путь при анализѣ международнаго арбитража въ средніе вѣка, и вотъ почему намъ представляется необходимымъ оговорить, прежде всего, скорѣе *отрицательное* значеніе, которое въ этой области нашей дисциплины стремилось и могло оказать средневѣковое Папство и средневѣковый Имперіализмъ.

Дѣйствительно, если идея папско-императорскаго моральнаго главенства надъ народами — благодаря которой Папа (или Императоръ) разсматривался какъ своего рода посредникъ ex officio на случай международныхъ столкновеній въ католической Европѣ — стоитъ дѣйствительно въ самой тѣсной связи съ развитіемъ институтовъ посредничества и добрыхъ услугъ въ международной жизни среднихъ вѣковъ [1]), то въ исторіи зарожденія института международнаго третейскаго суда рѣшающими являются совершенно другіе моменты. Въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія сторонниковъ фактическаго, территоріальнаго (леннаго) главенства Папы и Императора надъ міромъ — съ точки зрѣнія имперіалистовъ и папистовъ въ вкусѣ XI—XIII вѣковъ - и намѣстникъ св. Петра, и преемникъ римскихъ принцепсовъ являлись, конечно, не только посредниками, но и судьями при всякихъ международныхъ столкновеніяхъ. Но *такой* международный судья былъ бы, конечно, уже не *третейскій* судья между государствами.

Если бы Папа или Императоръ могли фактически осуществить свои притязанія на міровое господство и если бы ихъ судъ надъ народами могъ дѣйствительно твердо установиться въ практикѣ Европы, то очевидно, что *такой* судъ означалъ бы лишь *отрицаніе* международнаго арбитража: судъ господина — суверена или только сюзерена — судящаго по собственному праву, исключаетъ собою, конечно, понятіе суда третейскаго, какъ юрисдикціи третьяго, сторонняго лица, добровольно, ad hoc, управомоченнаго спорящими сторонами постановить рѣшеніе по данному дѣлу. „Третейскій“ же судъ

---

[1]) Объ этомъ рѣчь дальше въ отдѣлѣ о посредничествѣ и добрыхъ услугахъ.

Папы въ средніе вѣка, какъ правильно замѣчаетъ Revon, есть именно (съ точки зрѣнія ортодоксальнаго средневѣковья) непремѣнно актъ суверенной власти [1]). Вотъ почему международные суды Папъ и Императоровъ, встрѣчающіеся то тутъ то тамъ на пространствѣ средневѣковой исторіи, ни въ какомъ случаѣ нельзя разсматривать въ качествѣ первыхъ проблесковъ современной практики судовъ третейскихъ между народами [2]).

Въ этомъ отношеніи любопытно, что даже къ исходу среднихъ вѣковъ, въ XIV—XV ст., въ эпоху, когда фактическое значеніе папско-императорской системы меркнетъ съ каждымъ днемъ передъ ростомъ крупныхъ и вполнѣ независимыхъ національныхъ государствъ, даже и тогда ни Папа, ни Императоръ не могутъ привыкнуть къ мысли, что если правительства обращаются иногда къ нимъ за разрѣшеніемъ какого-нибудь конфликта, то только избирая ихъ ad hoc судьями третейскими и вовсе не видя въ нихъ какихъ то универсальныхъ судей de jure. Еще въ XIV вѣкѣ, постоянно стараясь вмѣшиваться въ международныя столкновенія государствъ со своими мнимыми правами „верховныхъ судей" народовъ [3]). Папы и Императоры, приглашенные въ качествѣ частныхъ лицъ рѣшить тотъ или другой споръ между правительствами, и тутъ стремятся разыгрывать роль Welt-, а не только Schiedsrichter'овъ. Въ этомъ отношеніи, особенно интересенъ одинъ случай международнаго арбитража изъ конца XIII вѣка, показывающій какъ государства, почувствовавшія уже свою внутреннюю силу и самостоятельность.

---

¹) Revon, 122: l'arbitrage des papes au moyen-âge est un acte de souveraineté.

²) На такое нежелательное смѣшеніе международныхъ третейскихъ судовъ и папскихъ международныхъ судовъ, исходившихъ изъ претензіи римскаго престола на высшую юрисдикцію надъ всѣми христіанскими народами, указываетъ между прочимъ Pierantoni, I, 754.

³) Относительно папъ см. напр. Dreyfus, p. 25; императоръ (Людовикъ Баварскій) еще въ 1338 г. рѣшаетъ по просьбѣ Эдуарда III Англійскаго „als oberster weltlicher Richter" дѣло о правахъ его на французскій престолъ и объявляетъ его „императорскимъ викаріемъ въ Галліи"! ср. Pütter, 183, 184, нашъ I томъ, 156.

смотрѣли на особенности международнаго третейскаго суда какъ таковаго, въ отличіе отъ той международной юрисдикціи, къ которой стремились Папы и признаніе которой было бы равносильно, какъ мы сказали, отрицанію международнаго третейскаго разбирательства въ настоящемъ смыслѣ слова.

Въ 1296 году, Папа Бонифацій VIII, вмѣшавшись на правахъ „судьи міра" въ распрю Эдуарда I Англійскаго съ Филиппомъ Красивымъ, потребовалъ ихъ обоихъ къ своему верховному суду. Ни тотъ, ни другой не сочли нужнымъ повиноваться римскому первосвященнику, но въ 1298 году рѣшили покончить споръ арбитражемъ, обратившись, въ качествѣ третейскаго судьи, къ тому же Бонифацію VIII. Во избѣжаніе всякаго невѣрнаго толкованія настоящихъ намѣреній обоихъ королей, они въ актѣ своего „компромисса" (14 іюня 1298 г.) спеціально оговорили, что обращаются за рѣшеніемъ спора къ Папѣ, не какъ къ таковому, а просто какъ къ частному, третьему лицу—къ Бенедикту Гаэтани, а не къ Бонифацію VIII: tamquam in privatam personam (compromittimus) et Dominum Benedictum Gaytanum [1]. Несмотря на все это, Папа въ своемъ рѣшеніи все-таки не захотѣлъ отрѣшиться отъ дорогихъ куріи формъ верховнаго суда надъ народами, и его третейское рѣшеніе (отъ 27 іюня 1298 г.) [2] было произнесено въ полномъ собраніи папской консисторіи, причемъ король французскій былъ увѣдомленъ о волѣ Папы спеціальною папскою буллою, которую, по порученію Бонифація VIII, долженъ былъ передать ему епископъ дургэмскій, только что бывшій въ Римѣ представителемъ его врага, Эдуарда I [3]). Филиппъ Красивый не призналъ этого приговора *Папы* (а не Бенедикта Гаэтани) и, какъ извѣстно, примирился съ Англіею только въ 1303 году [4]).

---

[1]) Текстъ компромисса см. у Dumont, I, 1, 308.

[2]) Dumont, I, 1, 310.

[3]) Nys, p. 53.—Различные акты, касающіеся этого любопытнаго дѣла см. у Dumont I, 1, 308 ss.; et 333 ss.

[4]) Парижскій трактатъ 1303 г. у Dumont I, 1, 334.

Въ виду такихъ примѣровъ, едва ли представляется возможнымъ утверждать, будто средневѣковымъ Папамъ (или Императорамъ) принадлежитъ какое то особое значеніе въ исторіи международнаго третейскаго разбирательства. Своими постоянными стремленіями къ всеевропейскому владычеству и къ роли всемірныхъ судей по собственному праву—стремленіями чрезвычайно характерными именно для среднихъ вѣковъ, — и тѣ, и другіе естественно могли внушать правительствамъ того времени только извѣстное недовѣріе и *не*желаніе обращаться къ римскому первосвященству или германскому королю за третейскимъ рѣшеніемъ своихъ споровъ. И дѣйствительно, если только отрѣшиться отъ традиціонно повторяющихся мнѣній (основанныхъ на смѣшеніи третейскаго суда съ посредничествомъ) и постараться выяснить положеніе дѣла, какъ оно дѣйствительно представлялось въ средніе вѣки, то оказывается, что и папа, и императоръ сравнительно рѣдко функціонируетъ въ качествѣ третейскихъ судей по вопросамъ международной политики и права. Случаи ихъ третейскаго разбирательства, если только обратиться къ дошедшимъ до насъ документамъ того времени, во всякомъ случаѣ почти теряются въ общемъ громадномъ числѣ международныхъ арбитражей среднихъ вѣковъ [1]).

3. Условія возникновенія постоянной практики международнаго арбитража въ средніе вѣка.

Если, какъ оказывается, идея средневѣковаго папства и священной имперіи не могла играть какой-нибудь исключительно благотворной роли въ исторіи международнаго третейскаго суда, то, спрашивается, въ чемъ же характерная черта

[1]) Довольно часто Императоры избирались третейскими судьями только при спорахъ разныхъ нѣмецкихъ феодальныхъ властителей между собою, слѣд. во внутренно-германскихъ дѣлахъ—т. е. въ такихъ случаяхъ, гдѣ именно уже терялась граница между судомъ выборнаго арбитра и судомъ законнаго сюзерена.

развитія этого института за средніе вѣка, какова въ этомъ отношеніи заслуга средневѣковья?

Намъ кажется — и мы постараемся это доказать всѣмъ послѣдующимъ изложеніемъ, — что заслуга разсматриваемой эпохи въ томъ, что въ соотвѣтствіи съ общимъ болѣе миролюбивымъ взглядомъ на отношенія между народами Европы („pacem debet habere voluntas, bellum — necessitas") средніе вѣка впервые вводятъ третейское разбирательство международныхъ споровъ во всеобщую постоянную практику европейскихъ государствъ (и вмѣстѣ съ тѣмъ кладутъ основаніе извѣстнымъ пріемамъ самой арбитральной процедуры) путемъ постепеннаго перенесенія этого института изъ области частнаго права и отношеній между частными лицами въ сферу правъ публичныхъ вообще и отношеній между народами въ частности.

Эту мысль о „перенесеніи" института третейскаго суда частнаго права въ область международныхъ отношеній высказываетъ уже Revon въ своемъ капитальномъ сочиненіи о международномъ третейскомъ судѣ [1]), причемъ онъ относитъ этотъ процессъ къ эпохѣ еще болѣе отдаленной, чѣмъ средніе вѣка. Онъ находитъ именно возможнымъ искать начала современнаго международнаго арбитража въ частно-правномъ „компромиссѣ" еще римской эпохи: „c'est surtout dans l'arbitrage privé des Romains — говоритъ онъ — qu'il faut chercher la source de l'arbitrage international moderne" [2]). Къ этой мысли Revon приведенъ анализомъ римскихъ учрежденій recuperatores и feciales, которыхъ, какъ извѣстно, иногда принимали за первыхъ своего рода третейскихъ международныхъ судей; отрицая — какъ это дѣлаемъ и мы — и за тѣми, и за другими всякое значеніе въ указанномъ смыслѣ [3]), Revon и говоритъ, что зачатковъ международной третейской юрис-

---

[1]) Revon loc. cit., p. 100 ss.

[2]) Revon, p. 102.

[3]) Тоже — Mérignhac pp. 26, 30.

дикціи слѣдуетъ искать уже скорѣе въ сравнительно хорошо разработанномъ институтѣ третейскаго суда частнаго права римлянъ — откуда онъ и былъ заимствованъ въ право публичное, въ область отношеній международныхъ. Вполнѣ соглашаясь съ мыслью, что, конечно, арбитражъ между государствами есть первоначально тотъ же, только перенесенный въ другую сферу, третейскій судъ между двумя частными лицами, мы, однако, не видимъ ни въ римской, ни вообще въ древней исторіи, фактовъ, которые позволяли бы признать, что такое „перенесеніе“ состоялось уже въ древности, и именно въ римскую эпоху. За исключеніемъ немногихъ случаевъ религіознаго арбитража между городами Греціи [1]), мы въ древности почти совсѣмъ не видимъ международныхъ третейскихъ разбирательствъ въ нашемъ смыслѣ [2]), и самъ же Revon, вызвавъ (правда, лишь въ видѣ предположенія) указанную идею о происхожденіи международнаго арбитража отъ частноправнаго третейскаго суда древнихъ римлянъ, въ то же время, какъ мы уже сказали, категорически отрицаетъ всякое значеніе въ этомъ смыслѣ феціаловъ и рекуператоровъ. А между тѣмъ, въ тѣ времена, это то и были, такъ сказать, единственные протоки, черезъ которые арбитражъ частнаго права могъ бы еще быть перенесенъ въ область отношеній международныхъ!

У насъ нѣтъ, такимъ образомъ, данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы говорить объ извѣстномъ отраженіи этого института частнаго права на международную жизнь уже въ древнемъ мірѣ — точно такъ же, какъ нѣтъ основаній выводить институтъ международнаго третейскаго суда изъ полюбовнаго, третейскаго разбирательства споровъ, существовавшаго въ средніе вѣка въ правѣ каноническомъ и завѣ-

[1]) Изъ нихъ особенно извѣстенъ случай третейскаго суда дельфійской амфиктіоніи между аѳинянами и делійцами за $3^1/_2$ вѣка до Р. Хр. по вопросу о владѣніи храмомъ Аполлона на Делосѣ. См. Гр. Камаровскій, 105.—Bürgel Die pylaeisch—delphische Amphiktyonie. S. 203.

[2]) См. замѣчанія объ этомъ выше стр. 20 сл. Ср. Mérignhac, p. 17.

щаннаго Церкви практикою еще первыхъ христіанскихъ общинъ [1]. — Такимъ образомъ, перенесеніе въ область международныхъ отношеній понятій третейскаго суда, выработанныхъ въ другихъ сферахъ человѣческой дѣятельности — и, слѣдовательно, возникновеніе международнаго арбитража въ современномъ смыслѣ слова — ничѣмъ еще не даетъ себя чувствовать ни въ древности, ни въ первую, такъ называемую варварскую, половину средневѣковья. Напротивъ, его можно уже ясно подмѣтить въ спеціально разбираемой нами второй половинѣ среднихъ вѣковъ, и всѣ условія соціально-политическаго быта того времени дѣлаютъ совершенно понятнымъ и естественнымъ этотъ процессъ прививки идеи третейскаго суда частнаго права къ области правъ публичныхъ вообще и отношеній между народами въ частности.

Дѣло въ томъ, что именно средневѣковье есть, какъ извѣстно, та эпоха, характеристическая особенность которой состоитъ какъ разъ въ смѣшеніи элементовъ публичнаго и частнаго права. Во время господства специфически-средневѣковыхъ соціально-политическихъ формъ, въ частности феодализма, чрезвычайно трудно, если не невозможно, сказать, гдѣ публичный и гдѣ частный интересъ, что (говоря словами римскихъ юристовъ) „ad statum rei romanae spectat" и что „ad utilitatem singulorum pertinet" — ибо эти (полноправные) „singuli" захватили теперь въ свои руки верховные аттрибуты этой „rei romanae" и стерли ясную границу между правителемъ и частнымъ лицомъ. Если, такимъ образомъ, въ древнемъ Римѣ, при полномъ противоположеніи публичнаго и частнаго права, вполнѣ понятенъ „компромиссъ" двухъ cives romani, какъ двухъ частныхъ лицъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ необыченъ и страненъ (и дѣйствительно не примѣнимъ) третейскій судъ между Римомъ и напр. Карѳагеномъ, какъ между двумя

---

[1]) О третейскомъ разбирательствѣ въ средневѣковой церкви см. у Hallam. Middle ages, p. 411 s. — О третейскомъ судѣ въ общинахъ первенствующей церкви спеціально говоритъ еще Ап. Павелъ въ I посл. Коринѳ., VI.

независимыми государствами,—то, наоборотъ, для среднихъ вѣковъ вполнѣ понятенъ и тотъ, и другой случай, ибо между компромиссомъ двухъ мелкихъ рыцарей и компромиссомъ королей—представителей большихъ національныхъ государствъ нѣтъ никакой качественной разницы. Между ними нѣтъ уже никакой пропасти „частнаго“ и „государственнаго“, какъ это было въ древности, — между ними стоятъ, какъ посредствующія звѣнья, цѣлый рядъ компромиссовъ крупныхъ феодаловъ, полу-независимыхъ государей, съ характеромъ несомнѣнно уже публично-правовымъ даже въ нашемъ современномъ значеніи. Однимъ словомъ, именно въ средніе вѣка, благодаря феодальному смѣшенію частно- и публично-правовыхъ нормъ, частноправный компромиссъ незамѣтно, но несомнѣнно, переходитъ въ компромиссъ государственно- и международно-правового характера [1]).

Когда напр. Людовикъ IX избирается третейскимъ судьею между двумя владѣтельными князьями—напр. между графомъ Люксембургскимъ и графомъ Баръ—то мы, конечно, не можемъ игнорировать публично-правового, между-государственнаго характера такой сдѣлки и должны разсматривать такіе случаи какъ соединительную нить между третейскимъ судомъ частнаго права и арбитражемъ международнымъ въ современномъ смыслѣ: по примѣру частныхъ третейскихъ разбирательствъ между мелкими рыцарями, появляются арбитражи крупныхъ феодальныхъ властителей, а рядомъ съ арбитра-

[1]) Капитальное значеніе феодальной эпохи въ разбираемомъ вопросѣ отмѣчаютъ, кажется, только Pierantoni да Mérignhac. Первый именно говоритъ: „nella grande confusione della sovranità con la proprietà, l'arbitramento era un modo giuridico conveniente per resolvere molte controversie di proprietà internazionale“. Trattato, I, 755 и далѣе, говоря объ особой распространенности международнаго арбитража въ средніе вѣка: „...l'arbitrato fu in uso sino a quando fu in vigore il sistema feudale“. Ibid., 759. Совершенно параллельно съ нимъ Mérignhac, p. 35: „A côté de l'influence religieuse des papes nous devons placer comme ayànt contribué pendant le moyen âge au développement de l'arbitrage la féodalité“ etc и далѣе p. 35: „lorsque... les monarchies absolues se furent peu à peu édifiées en Europe sur les ruines de la féodalité, les arbitrages devinrent plus rares“.

жемъ между Люксембургомъ и Баромъ, нѣтъ никакой причины не появиться третейскому суду и между напр. Франціей и Англіею, какъ вполнѣ мыслимому и нормальному способу рѣшенія конфликта. И такіе, уже вполнѣ международные, третейскіе суды и появляются въ большомъ количествѣ именно въ эту эпоху.

Соотвѣтственно со связаннымъ должно оказаться, что въ средніе вѣка, какъ въ эпоху смѣшенія публичнаго и частнаго права, принципъ разрѣшенія конфликтовъ между государствами третейскимъ судомъ долженъ быть даже особенно развитъ, случаи арбитража должны встрѣчаться особенно часто—чаще даже, чѣмъ въ эпоху послѣдующую, въ открываемую XVI вѣкомъ эпоху Polizeistaat'а и королевскаго абсолютизма съ его античнымъ противоположеніемъ публичныхъ и частныхъ интересовъ и правъ. И, какъ бы это ни показалось страннымъ съ перваго взгляда, такъ оно и было на самомъ дѣлѣ.

Этотъ нашъ взглядъ вполнѣ согласенъ съ выводомъ одного изъ современныхъ спеціальныхъ изслѣдователей международнаго третейскаго суда, Mérignhac, который прямо говоритъ, что „подъ вліяніемъ религіозныхъ и феодальныхъ идей, арбитражи были очень употребительны въ средніе вѣка“ [1]). Къ аналогичному выводу приходитъ и такой авторитетъ въ исторіи международнаго права, какъ современный бельгійскій ученый Nys, который, говоря о международномъ третейскомъ судѣ, категорически заявляетъ, что „il est plus usité au moyen âge qu'il ne le sera à partir du XVI siècle“, встрѣчаясь въ средніе вѣка чаще даже, чѣмъ простое посредничество [2]). Однако, что важнѣе, еще болѣе под-

[1]) Offrant le singulier spectacle — прибавляетъ онъ — de la conciliation et de la paix se faisant jour au milieu des populations les plus guerrières qui aient jamais existé". Mérignhac, p. 38.

[2]) Nys, 52.

*

крѣпляютъ нашъ взглядъ самые факты средневѣковой исторіи, изученіе которыхъ сдѣлало бы невозможнымъ мнѣніе, высказанное еще не такъ давно однимъ изслѣдователемъ международнаго арбитража, будто бы третейскія разбирательства среднихъ вѣковъ суть только „des essais accidentels et plutôt des curiosités historiques que des espèces juridiques"! [1])— Изученіе этихъ фактовъ показываетъ напротивъ, что идея разрѣшенія столкновеній путемъ третейскаго суда глубоко вкоренилась въ средневѣковомъ обществѣ, и мы можемъ сказать, какъ это ни странно можетъ показаться съ перваго взгляда, что исторія средневѣковыхъ государствъ, такъ сказать, пропитана насквозь случаями арбитража: одна итальянская исторія, и за одинъ XIII вѣкъ, знаетъ ихъ напр. около ста! [2]). Получивъ широкое распространеніе въ отношеніяхъ мелкихъ державцевъ между собою и вообще во внутреннихъ дѣлахъ страны, принципъ третейскаго суда утверждается параллельно и въ сферѣ взаимныхъ отношеній болѣе крупныхъ государей и наконецъ большихъ національныхъ государствъ.

Чтобы убѣдиться въ распространенности третейскаго разбирательства споровъ въ междугосударственной жизни среднихъ вѣковъ, стоитъ только лишь подробно и до тонкостей разобраться въ исторіи взаимныхъ отношеній какой-нибудь группы средне-вѣковыхъ феодальныхъ государствъ, находившихся въ особенно-оживленныхъ отношеніяхъ войны и мира между собою, — съ тѣмъ, чтобы послѣдовательно перейти затѣмъ къ арбитражу между крупными, независимыми государствами того времени, т. е. уже къ международному арбитражу вполнѣ современнаго намъ типа.

---

[1]) Dreyfus, 26. Вообще очень поверхностная, изданная въ форматѣ и обычной обложкѣ французскихъ романовъ (но, couronnée французскою Академіею!) работа, въ которой подъ именемъ „Arbitrage international" спутаны всѣ возможные случаи мирнаго разрѣшенія конфликтовъ.

[2]) См. Mérignhac, p. 38.

4. Третейское разбирательство въ отношеніяхъ между полу-независимыми феодальными государствами среднихъ вѣковъ.

Обращаясь къ разбору взаимныхъ отношеній между полу-независимыми феодальными государствами, съ точки зрѣнія развитія въ между-государственной жизни среднихъ вѣковъ начала третейскаго разрѣшенія столкновеній, мы проанализируемъ для примѣра взаимныя отношенія группы государствъ, образовавшихся въ XIII вѣкѣ, подъ номинальнымъ сюзеренитетомъ Папы и Императора, на нашемъ балтійскомъ поморьѣ. Эти государства старой Ливоніи, независимо отъ ихъ принадлежности въ настоящее время Россіи, представляютъ для насъ тотъ спеціальный интересъ въ разсматриваемомъ теперь вопросѣ, что, можетъ быть, исторія ни одной группы средневѣковыхъ государствъ не представляетъ такого обширнаго поля кровавыхъ распрей и раздоровъ—и, слѣдовательно, такой повидимому *не*благопріятной почвы для развитія третейскаго разбирательства между ними, какъ именно исторія взаимныхъ отношеній маленькихъ государствъ этой окраины Священной Римской Имперіи съ конца XIII вѣка до средины XV-го, т. е. въ эпоху наиболѣе ожесточенной борьбы изъ-за преобладанія на этомъ побережьѣ между Тевтонскимъ Орденомъ и Архіепископствомъ Рижскимъ.

Исторія взаимныхъ отношеній пяти нѣмецкихъ государствъ, которыя въ теченіе трехъ съ половиною вѣковъ (съ конца XII в. до 1561 г.) занимали широкою полосою весь прибалтійскій край отъ Наровы до Нѣмана и которыя мы теперь мысленно объединяемъ подъ именемъ старой Ливоніи (Alt-Livland) [1]), характеризуется, во первыхъ, стремле-

[1]) Эти пять государствъ были: 1° Орденское государство (Ordensstaat), т. е. владѣнія ливонской отрасли рыцарскаго Тевтонскаго ордена съ Великимъ Магистромъ (Ordensmeister, Landmeister или Herrmeister) во главѣ, имѣвшимъ свою резиденцію въ Венденѣ и зависѣвшимъ отъ Верховнаго Магистра (Hochmeister) Тевтонскаго ордена въ Пруссіи. 2° Архіепископство Рижское,

ніемъ ихъ всѣхъ къ централизаціи, къ постепенному объединенію сначала въ „союзъ государствъ", а затѣмъ и въ своего рода „союзное государство", а во вторыхъ—происходящею на этомъ общемъ фонѣ ожесточенною и почти непрерывною борьбою между Орденомъ и архіепископомъ Рижскимъ изъ-за гегемоніи въ этой колоніи римско-германской имперіи. Этотъ двойной историческій процессъ, наполняющій собою всю внутреннюю исторію балтійскаго поморья въ средніе вѣка, закончился лишь въ началѣ такъ наз. Новой Исторіи, ибо только съ 1527 г.—года признанія великаго магистра Ордена (Вальтера фонъ-Плеттенберга) единымъ государемъ всей Ливоніи—можно считать рѣшенными и вопросъ объ объединеніи Ливоніи въ одно сложное (союзное) государство, и вопросъ о главенствѣ въ немъ великаго магистра. Средніе же вѣка, это — время самой упорной борьбы между архіепископомъ, опиравшемся на свое „право", и Орденомъ, опиравшемся на свою фактическую силу, борьбы, въ которую обѣ стороны, не щадя другъ друга, старались въ помощь себѣ привлечь кого только могли — начиная съ далекихъ главъ западнаго міра, Императора и Папы, и кончая ближайшими сосѣдями, Литвою и русскими республиками Новгородомъ и Псковомъ. Самый горячій періодъ этой борьбы падаетъ на XIV вѣкъ и начало XV-го, на время, протекшее съ 1297—8 года (первое вооруженное столкновеніе между Орденомъ и архіепископствомъ) до 1435, когда „Валкское единеніе" (Die Landeseinigung zu Walk) положило окончательный фундаментъ для превращенія ливонскихъ государствъ въ одно тѣсно-сплоченное цѣлое, при болѣе или менѣе ясной уже гегемоніи Великаго Магистра. Вотъ этотъ-то періодъ почти не переста-

3° епископство Дерптское, 4° Эзель-Викское и 5° Курляндское.— Пятый епископъ старой Ливоніи, Ревельскій, не владѣлъ никакою государственною территоріею и былъ, слѣдовательно, простымъ прелатомъ, но не Landesherr'омъ. До 1346 г., когда ее пріобрѣлъ Орденъ, Эстляндія также составляла особое политическое тѣло—автономную провинцію датскаго королевства.

вавшей ожесточенной борьбы, отмѣченной съ той и съ другой стороны самыми крайними признаками озлобленія (доходившаго до умерщвленія пословъ, призванія противъ сосѣда-врага полудикихъ Литовцевъ и пр.), мы и разберемъ съ точки зрѣнія примѣненія въ отдѣльныхъ случаяхъ начала мирнаго рѣшенія столкновеній, а именно начала третейскаго суда.

Какъ было сказано, вооруженная борьба между архіепископствомъ рижскимъ и государствомъ Ордена вспыхнула въ 1297—98 году, начавшись столкновеніемъ рыцарей съ городомъ Ригою, которая тотчасъ была поддержана архіепископомъ. Какъ бы ни былъ незначителенъ случай, подавшій поводъ къ этому первому столкновенію, можно было, конечно, предвидѣть—зная давнишнія несогласія Ордена съ Ригою и глухое соперничество между магистромъ и архіепископомъ, что этотъ случай не будетъ пропущенъ ни тою, ни другою стороною, чтобы попробовать свести между собою старые счеты. Всѣмъ извѣстна, конечно, грубость нравовъ и воинственность людей того времени, и потому никого не удивитъ тотъ фактъ, что въ подражаніе общеевропейскимъ порядкамъ, и ливонскіе властители XIII—XIV вѣка не задумались обнажить мечъ, когда это имъ показалось нужнымъ и удобнымъ. Такова одна, всѣмъ извѣстная, сторона тогдашнихъ государственныхъ и международныхъ отношеній. Но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что есть и другая, малоизвѣстная, ихъ сторона. Совершенно вѣрно, напримѣръ, что вся тогда уже столѣтняя исторія развитія этой нѣмецкой военной колоніи на Балтійскомъ морѣ подсказывала и архіепископу Рижскому, и ливонскому магистру, обратиться при вспыхнувшей между ними распрѣ къ одному древнѣйшему способу рѣшенія столкновеній—къ мечу. Но передъ ними были однако и болѣе мирные прецеденты изъ внутренней жизни тѣхъ-же ливонскихъ государствъ. Не говоря уже о третейскихъ разбирательствахъ между мелкими феодалами-помѣщиками, которыя были вообще въ большомъ ходу

среди поземельнаго дворянства средневѣковой Ливоніи[1])—какъ, впрочемъ, и во всей остальной Европѣ[2])—ливонская исторія XIII вѣка знала уже и нѣкоторые другіе случаи арбитража, случаи сравнительно уже болѣе замѣтные въ государственной жизни балтійскаго поморья: такъ напр. уже въ 1226 г. аббатъ Дюнамюндскій и граждане Риги рѣшили отдать свой споръ на разрѣшеніе третейскаго суда трехъ гражданъ изъ заграничныхъ нѣмецкихъ городовъ[3]); въ 1254 г. поземельный споръ между тѣмъ-же аббатомъ Дюнамюндскимъ и епископомъ Ревельскимъ разсматривала третейская коммиссія изъ восьми эстляндскихъ рыцарей (выбранныхъ по четыре съ каждой стороны), подъ предсѣдательствомъ датскаго военачальника въ Эстляндіи[4]); въ 1262 г. архіепископъ Рижскій и граждане Риги согласились рѣшить разные спорные пункты, назначивъ съ той и съ другой стороны по равному числу лицъ—arbitratores—которые должны были составить одну третейскую коммиссію[5]) и пр.

Въ виду такой практики изъ внутренней жизни ливонскихъ государствъ—практики продолжающейся и въ по-

---

[1]) Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только перелистать великолѣпный сборникъ средневѣковыхъ ливонскихъ документовъ, издававшійся F. G. v. Bunge (продолж. H. Hildebrandt и Ph. Schwartz) Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch. Bd. I—X (Riga 1853—96) или хотя бы Bunge und Baron R. Toll. Esth- und Livländische Brieflade Bd. I. (Reval 1856).

[2]) См. напр. у Ch. de Ribbe. La société provençale à la fin du moyen âge (P. 1897) главу: Les justices villageoises et les tribunaux d'arbitrage, leurs coutumes et leur rôle comme institution de paix sociale. Отчетъ объ этой книгѣ въ Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques 1898 № 3, (p. 405).

[3]) Именно какъ сказано въ документѣ: *магистру* Ламбергу изъ Стендаля *магистру* Людольфу изъ Любека и нѣкоему Humbrechtin изъ Soest. Livl. UB. I, 79 и 80.

[4]) Livl. UB. I, 270.

[5]) Monumenta Livoniae Antiquae. Bd. IV (Riga 1844). S. 158. Документъ № 36. ср. Livl. UB. I, Reg. 410.—Съ точки зрѣнія развитія идей мира любопытно отмѣтить, что архіепископъ говоритъ здѣсь про себя, между прочимъ: „Nos qui paci debemus intendere“...

слѣдующее время [1])—представлялось не невѣроятнымъ, что они воспользуются этими примѣрами и для своихъ внѣшнихъ отношеній, перенеся, какъ это случалось не разъ, вкоренившіяся уже идеи внутренняго государственнаго строя и въ область международныхъ, междугосударственныхъ отношеній.

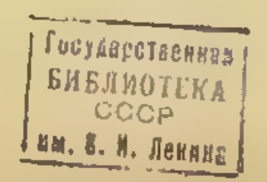
И такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Въ первый же годъ упомянутой выше долгой распри между архіепископствомъ рижскимъ и орденскимъ государствомъ мы видимъ уже указаніе на то, что идею третейскаго разбирательства стараются примѣнить и къ сферѣ отношеній между воюющими сторонами. Война, вспыхнувшая, какъ сказано, въ 1297 г. между архіепископомъ Іоанномъ III и великимъ магистромъ Бруно—короткая, но кровопролитная и потребовавшая крайняго напряженія силъ съ той и съ другой стороны (въ ней приняли участіе и Литва, и Тевтонскій орденъ изъ Пруссіи)—кончилась тѣмъ, что въ ноябрѣ 1298 г. взятый рыцарями въ плѣнъ архіепископъ заключилъ съ Орденомъ въ Нейермюленѣ мирный договоръ. Этотъ договоръ и является очень интереснымъ въ виду того, что Іоаннъ III, какъ плѣнникъ Ордена, заключаетъ его (на основѣ возстановленія „status quo ante“) только за себя, какъ за главу архіепископства, предоставляя (и совѣтуя) своимъ капитулу и рыцарству (т. е. каноникамъ и дворянамъ) разрѣшить ихъ столкновеніе съ Орденомъ „secundum virorum bonorum arbitrium“ [2]).

Насколько привилась эта мысль перенести третейское разбирательство въ сферу отношеній между тогдашними государствами, съ цѣлью устраненія по возможности вооружен-

---

[1]) Напр. въ 1397 г. мы встрѣчаемъ „компромиссъ“ между архіепископомъ Рижскимъ и его вассалами о рѣшеніи разныхъ ихъ споровъ третейскимъ судомъ особой коммиссіи изъ 12 членовъ—по 6 съ каждой стороны. Livl. UB. IV, 1445 ср. VI, 2937.—Это третейское рѣшеніе и состоялось въ Данцигѣ 12 іюля Ibid. IV, 1454.—Особое третейское разбирательство и приговоръ двухъ епископовъ между архіепископомъ Рижскимъ и двумя членами рода фонъ-Тизенгаузенъ тамъ-же 14 іюля. Ibid. 1457.

[2]) Livl. UB. I, 582.

наго разрѣшенія конфликтовъ, покажетъ слѣдующее перечисленіе главнѣйшихъ случаевъ арбитража въ средневѣковой Ливоніи.

Всего черезъ четыре года послѣ указаннаго случая, въ 1302 году, мы встрѣчаемся съ третейскимъ разбирательствомъ между орденскимъ государствомъ и епископомъ Эзель-Викскимъ, находившимися уже въ открытой борьбѣ. Третейскимъ судьею былъ выбранъ Изарнъ, архіепископъ Рижскій, который и называетъ себя въ грамотѣ „nos... in arbitrem arbitratorem seu amicabilem compositorem... electi". Въ своемъ рѣшеніи отъ 16 іюня 1302 г. архіепископъ постановилъ главнымъ образомъ, чтобы Орденъ возвратилъ епископу Эзельскому отнятые у него замки и земли[1]. Это постановленіе было въ точности исполнено: несмотря на все превосходство своихъ силъ, великій магистръ Готфридъ (фонъ-Рогга) повиновался, и на основѣ третейскаго рѣшенія архіепископа Изарна между Орденомъ и его врагомъ былъ вскорѣ заключенъ формальный мирный договоръ[2].

Въ 1304 тотъ же Изарнъ Таккони, но уже въ бытность архіепископомъ Лундскимъ и примасомъ Швеціи, былъ снова выбранъ—какъ человѣкъ вообще пользовавшійся славою умѣлаго умиротворителя враждующихъ и „всеобщаго друга"[3]—третейскимъ судьею въ столкновеніи Ордена съ Ригою[4].

Пропуская затѣмъ нѣсколько относящихся къ первой половинѣ XIV вѣка любопытныхъ попытокъ установленія *постояннаго* третейскаго разбирательства на случай разнаго рода столкновеній между государствами этой окраины—случаи, о которыхъ будетъ рѣчь особо,—мы въ 1362 г. снова

---

[1]) Livl. UB. II, 606.

[2]) Ibid. II Reg. 693b.

[3]) „Amicabilis compositor et communis amicus" по отзывамъ современниковъ. См. Исторія Ливоніи (Чешихина) II, стр. 159.— Онъ умеръ въ 1310 г. архіепископомъ Салернскимъ.

[4]) Livl. UB. II, 610. И въ этомъ документѣ онъ называетъ себя „arbiter arbitrator seu amicabilis compositor".

встрѣчаемся съ третейскимъ разбирательствомъ въ Ливоніи. На этотъ разъ дѣло шло о различныхъ несогласіяхъ между великимъ магистромъ Арнольдомъ (фонъ-Фитингофъ) и Іоанномъ I епископомъ Дерптскимъ. Они были примирены на съѣздѣ представителей всѣхъ ливонскихъ государствъ „bei der langen Brücke" (при впаденіи Эмбаха въ Wirzjerw'ское озеро) третейскимъ рѣшеніемъ нѣсколькихъ прелатовъ и рыцарей [1]).

Новый конфликтъ между тѣми же сторонами былъ улаженъ (тамъ же) новымъ третейскимъ приговоромъ 15 іюля 1398 г.—на основѣ полнаго взаимнаго забвенія всѣхъ претензій и обидъ и возстановленія status quo ante: „alle ding quit sulden bliben—такъ было постановлено—iclich teyl muste habin, was her hatte" [2]).

Далѣе, отъ 1405 года, мы имѣемъ договоръ между архіепископомъ Іоанномъ V и Орденомъ [3]) о разрѣшеніи ихъ споровъ путемъ третейскаго суда, порученнаго особой коммиссіи изъ восьми членовъ, назначенныхъ по четыре—„ver degedingeslude" [4])—съ каждой стороны.

Къ 1428 году относится знаменитый въ исторіи Ливоніи случай третейскаго суда. Въ это время борьба за гегемонію на балтійскомъ прибрежьѣ между архіепископомъ Рижскимъ и великимъ магистромъ Ордена достигла своего апогея. Принужденный къ концу XIV вѣка признать себя почти-что вассаломъ Ордена (Бонифаціевы буллы 1394 года), архіепископъ въ двадцатыхъ годахъ XV столѣтія снова поднялъ голову (буллы Мартина V, 1423—1426), и когда, въ знакъ

---

[1]) Hermann v. Wartberge Livländische Chronik (лѣтописецъ XIV вѣка) у A. v. Gernet Forschungen zur Geschichte des baltischen Adels, II, S. 62.

[2]) Iohann v. Posilge въ Scriptores rerum Prussicarum III, 221.

[3]) Livl. UB. IV, 1653.

[4]) Degedingeslude было нѣмецкимъ terminus technicus для обозначенія посредника, третейскаго судьи,—отъ стараго нижне-германскаго Degedinge (верхне-германскаго Tedinge), соглашеніе, договоръ. Livl. UB. IV. Wortregister. Ср. дальше.

полнаго возстановленія самостоятельности, онъ торжественно возложилъ на себя и на свой капитулъ прежнее одѣяніе августинскихъ монаховъ, сложивъ навязанное имъ великимъ магистромъ орденское платье,—взаимное раздраженіе достигло высшей степени. Съ той и съ другой стороны были уже готовы открыть военныя дѣйствія, когда въ дѣло вмѣшался великій магистръ Тевтонскаго Ордена въ Пруссіи, совѣтуя ливонскому магистру покончить лучше на этотъ разъ дѣло миромъ и такимъ образомъ не дать случая римской куріи впутаться лишній разъ въ дѣла нѣмецкой балтійской колоніи [1]. Прусскій великій магистръ рекомендовалъ въ то же время передать дѣло на разсмотрѣніе третейскаго суда. Его совѣтъ возымѣлъ свое дѣйствіе, потому что уже черезъ нѣсколько дней послѣ его полученія, 21 іюня 1428 года, былъ подписанъ въ Роннебургѣ уполномоченными Ордена и архіепископа договоръ объ арбитражѣ [2]. Согласно акту „компромисса", третейскій судъ долженъ былъ собраться въ томъ же году, въ воскресенье передъ Успеніемъ (8 августа) въ городѣ Валкѣ, при чемъ та и другая сторона дали торжественное обѣщаніе вполнѣ подчиниться рѣшенію арбитровъ. Всѣ споры между архіепископомъ и орденомъ были переданы на обсужденіе коммиссіи изъ 24 рыцарей, представителей крупнаго землевладѣнія, выбранныхъ по 12 каждою стороною. Ихъ рѣшеніе и состоялось въ Валкѣ 14 августа 1428 года [3]. Оно какъ нельзя болѣе ясно показало собою, на чью сторону склонялись уже симпатіи поземельнаго рыцарства

[1]) Письмо прусскаго магистра отъ 15 іюня 1428 г. изъ Маріенбурга. Livl. UB. VII, 718.

[2]) Livl. UB. VII, 720.

[3]) Livl. UB. VII, 733.—Грамота сохранила намъ даже имена этихъ третейскихъ судей—членовъ наиболѣе могущественныхъ феодальныхъ фамилій этого края. Со стороны Ордена вошли въ арбитральную коммиссію: ревельскій бургомистръ Костъ фонъ-Борстенъ и 11 вассаловъ изъ Эстляндіи—4 Soie (Zöge), 2 Lode и по одному Lechtes, Brakel, Wrangel, Tave (Taube) и Metsentaken. Архіепископъ Рижскій выбралъ двухъ Tiesenhausen, двухъ Ixkül и по одному Vietinghof, Orges, Rosen, Swarthoff, Mekes, Kruse, Pahlen, Perseval.

въ Ливоніи. Съ этихъ поръ Орденъ могъ быть окончательно увѣренъ въ побѣдѣ.

Наконецъ, въ дополненіе къ предъидущему, мы черезъ два года, въ 1430 году, опять находимъ указаніе на новое третейское разбирательство между Орденомъ и архіепископомъ, въ городѣ Вольмарѣ [1]).

Такъ, черезъ цѣлый рядъ случаевъ третейскаго суда между государствами старой Ливоніи, мы доходимъ до знаменитаго для нея „Валкскаго единенія“ 4 декабря 1435 года, которое заканчиваетъ собою острый періодъ борьбы между ливонскими государствами и которымъ мы и ограничимъ поэтому наше разсмотрѣніе ихъ взаимныхъ отношеній. Этотъ актъ—служа уже замѣтнымъ поворотнымъ пунктомъ къ превращенію группы ливонскихъ государствъ въ *одно* (сложное, союзное) государство—между прочимъ принципіально постановляетъ, что въ случаѣ какихъ бы то ни было споровъ между вошедшими въ составъ этой „Landeseinigung“ единицами (орденское государство, архіепископство, епископства Дерптъ, Эзель-Викъ, Курляндія; епископъ Ревельскій, города Рига, Дерптъ и Ревель), слѣдуетъ разрѣшать конфликтъ не силою не „mit selbiger gewalt ader mit vrevel“, а обращаясь за рѣшеніемъ къ „die czu sulchen sachen butenlude siinth“, т. е. къ третьимъ лицамъ, къ членамъ союза, незаинтересованнымъ въ данномъ дѣлѣ [2]).

Таковы факты изъ исторіи взаимныхъ отношеній средневѣковыхъ нѣмецкихъ государствъ на балтійскомъ побережьѣ за почти 150-лѣтній самый бурный періодъ ихъ существованія. Мы видимъ, что посреди войнъ и раздоровъ—и несмотря на нихъ—феодальныя государства Ливоніи далеко не

---

[1]) Протестъ Дитриха III Дерптскаго противъ постановленій этого суда. Dogiel Codex diplomaticus Regni Poloniae V, № 77. Ср. Исторія Ливоніи (Чешихина) III, стр. 75.

[2]) Livl. UB. VIII, 1020.—Butenlude буквально—Aussen (stehende) Leute = Unbeteiligte.

рѣдко обращаются и къ третейскому разбирательству, къ арбитральной процедурѣ съ цѣлью мирнаго разрѣшенія ихъ взаимныхъ споровъ и столкновеній.

И политическая исторія этой окраины феодально-католическаго запада не представляетъ собою, конечно, какого-нибудь исключительнаго явленія въ этомъ отношеніи, сравнительно съ порядками остальной Европы. Фактами подобнаго же рода наполнена въ средніе вѣка государственно-международная жизнь всего западнаго міра.

Стоитъ только подробно проанализировать исторію взаимныхъ отношеній какой-нибудь группы государствъ того времени, и мы неизбѣжно придемъ къ такому же результату. Такъ напримѣръ, ту же работу, которую мы провели относительно государствъ ливонскихъ, извѣстный итальянскій ученый Pierantoni продѣлываетъ по отношенію къ итальянскимъ государствамъ — и приходитъ буквально къ тѣмъ же выводамъ: и здѣсь, на другомъ концѣ Европы, и внѣшняя, какъ и внутренняя, государственная жизнь мелкихъ средневѣковыхъ государствъ Италіи наполнена случаями третейскаго разбирательства ихъ взаимныхъ столкновеній [1]. И города-республики, и крупные и мелкіе итальянскіе державцы наперерывъ прибѣгаютъ къ арбитражу, какъ способу мирнаго рѣшенія конфликтовъ, и рѣдкій государь Савойскаго или Анжуйскаго домовъ не функціонировалъ, особенно въ XIII и XIV вѣкахъ, въ качествѣ „arbiter, arbitrator et amicabilis compositor“ между спорящими сосѣдями [2].

---

[1]) Pierantoni Trattato, I, 756—761.—Къ этому анализу Пьерантони мы могли бы прибавить еще указанія на слѣд. относящіеся сюда случаи арбитража: 1284 между адріатическими городами Арбою и Ноною. Dumont I, 1, 258; 1381 между Венеціею и Генуею (Туринскій миръ) Maulde III, 256 note 2; 1406, 1408 между ними же. Ibid.; 1433 между Флоренціею и Венеціею съ одной стороны и Миланомъ съ другой, Dumont II, 2, 258; 1435 между тѣми же сторонами съ прибавленіемъ Папы на сторонѣ Флоренціи, Ibid., 300; 1499 опять между Флоренціею и Венеціею, Maulde III, 191. Особенно же слѣдуетъ замѣтить большое дѣло о коллективномъ арбитражѣ между цѣлымъ рядомъ итальянскихъ государствъ въ 1391—92 гг., къ которому мы возвратимся еще ниже. Dumont-Rousset I, 2, 229 ss.

[2]) Pierantoni I, 759.

Тѣ же факты повторяются на пространствѣ и всей остальной романо-германской Европы. И здѣсь, появленіе арбитража, какъ способа разрѣшенія взаимныхъ столкновеній между различными феодальными государями, идетъ параллельно съ третейскимъ разбирательствомъ въ сферѣ публично-правовой вообще, т. е., прежде всего, въ области *внутренней* государственной жизни этихъ феодальныхъ владѣній. Такъ, рядомъ съ арбитражемъ Людовика IX въ вопросѣ о престолонаслѣдіи въ графствахъ Фландрскомъ и Геннегау (1246) [1]) или въ распрѣ между Генрихомъ III Англійскимъ и его баронами (знаменитая Mise d'Amiens 1264)[2]), рядомъ съ рѣшеніемъ Эдуардомъ I вопроса о престолонаслѣдіи въ Шотландіи по смерти короля Александра III [3]) или рѣшеніемъ докторовъ права изъ университетовъ Перуджіи, Болоньи и Падуи по вопросу о правахъ дома Фарнезе на португальскій престолъ (1499) [4])—однимъ словомъ, рядомъ съ разрѣшеніемъ путемъ третейскаго суда вопросовъ чисто-внутренняго государственнаго права средневѣковыхъ феодальныхъ государствъ, мы видимъ—какъ выше относительно Ливоніи—приложеніе арбитража и къ взаимнымъ „междугосударственнымъ" столкновеніямъ этихъ феодальныхъ державцевъ между собою. Такъ, чтобы привести только нѣсколько примѣровъ,

въ 1268 году—графы Люксембургскій и Барскій обращаются за разрѣшеніемъ своего столкновенія къ третейскому суду Людовика IX [5]);

въ 1269 г. Карлъ графъ Анжу и епископъ Авиньонскій берутъ себѣ въ арбитры, въ спорѣ о разныхъ территоріяхъ, двухъ архіепископовъ (archiepiscopi Arelatensis et Aquensis) [6]);

---

[1]) Между фамиліями Dampierre и d'Avesnes. См. Dumont-Supplément, II (Rousset I), 1, 107 ss. ср. Lavisse et Ramdaud, Histoire générale III, 422.

[2]) Ward, I, 324.

[3]) Nys, 58.

[4]) Dreyfuss, 27.

[5]) Dreyfuss, 26.

[6]) Dumont-Supplement, II (Rousset, I), 1, 126. Другой арбитражъ между ними же имѣлъ мѣсто въ 1277 году. Pierantoni I, 760.

въ 1270 г. тотъ же графъ Анжу и Провансе заключаетъ компромиссъ съ Людовикомъ IX королемъ Французскимъ [1]).

въ 1301 г. —споръ между Амедеемъ графомъ Савойскимъ и Гумбертомъ графомъ Дофинэ (Dauphin de Viennois) разрѣшаетъ на основаніи ихъ компромисса Карлъ, сынъ французскаго короля Филиппа [2]);

въ 1332 г.—Филиппъ Валуа, король Французскій, является арбитромъ въ столкновеніи между герцогомъ Іоанномъ Брабантскимъ и цѣлою группою крупныхъ нижне-рейнскихъ властителей—архіепископомъ Кёльнскимъ, епископомъ Льежскимъ, графомъ Люксембургскимъ (т. е. королемъ Богемскимъ и Польскимъ Іоанномъ), графомъ Гельдернскимъ, Юлихскимъ, Намюрскимъ и графомъ Э (d'Eu), который и заключаетъ компромиссъ отъ своего и отъ ихъ имени (20 іюня) [3]); на основаніи третейскаго рѣшенія французскаго короля и состоялся окончательный миръ между враждующими сторонами въ Amiens, 27 августа 1334 года [4]);

въ 1338 г.—тотъ же король рѣшаетъ споръ между герцогомъ Лотарингскимъ и графомъ Баръ, перенося свои права третейскаго судьи на коммиссію изъ 4 рыцарей, по выбору (по два) обѣихъ сторонъ [5]);

въ 1357 г. графъ Геннегау постановляетъ третейское рѣшеніе между герцогомъ Брабантскимъ и графомъ Фландрскимъ [6]);

въ 1379 г. цѣлая коллегія крупныхъ вассаловъ французской короны является въ качествѣ третейскаго трибунала между Іоанномъ Бретанскимъ и самимъ его сюзереномъ, королемъ Карломъ Французскимъ [7]);

---

1) Pierantoni, I, 759.

2) Pierantoni, I, 756.

3) Dumont, I, 2. 133 (№ 191). Слѣдующій документъ (№ 195, на той же страницѣ)—грамота короля Филиппа, принимающаго на себя обязанности арбитра.

4) Dumont, I, 2, 142.

5) Dumont, I, 2, 167.

6) Dumont, I, 2, 338.

7) Dumont-Supplément II (Rousset I), 2, 204.

въ 1399 г.—три французскихъ герцога рѣшаютъ споръ между маркграфомъ Моравскимъ съ одной стороны и графомъ St. Pol и французскимъ королемъ, съ другой [1]);

въ 1432 г. René d'Anjou et de Bar и Antoine de Vaudemont обращаются къ третейскому суду герцога Филиппа Бургундскаго, который и постановляетъ свое третейское рѣшеніе въ Брюсселѣ, 13 февраля [2]);

въ 1444 г.—тѣ же стороны выбираютъ себѣ въ арбитры Карла VII Французскаго [3]) и пр. и пр. [4]).

Таковы многочисленные факты арбитража между разными феодальными „roitelets" средневѣковой Европы, не говоря уже о громадномъ количествѣ случаевъ третейскаго разбирательства спеціально въ предѣлахъ германско-римской имперіи какъ въ вопросахъ внутренняго государственнаго права, такъ и при взаимныхъ столкновеніяхъ различныхъ ея государствъ—болѣе крупныхъ князей и городовъ феодальной Германіи [5]).

Имѣя въ виду все множество фактовъ подобнаго рода, трудно, конечно, утверждать, что суровыя условія средневѣковья—его полуварварскія государства, хищные и необузданные бароны — знали лишь одну грубую силу въ качествѣ средства для разрѣшенія своихъ столкновеній. Разсмотрѣніе дошедшихъ до насъ документовъ и лѣтописей заставляетъ насъ, напротивъ, утверждать, что *несмотря* на эту общеизвѣстную грубость нравовъ того времени, идея мирнаго разрѣше-

[1]) Maulde, III, 187 rem. 1.

[2]) Dumont, II, 2, 248.

[3]) Dumont, III, 1, 144.

[4]) См. напр. еще Maulde, III, 188, rem. 2; 190, rem. 4 и др. passim.

[5]) См. напр. за XIV вѣкъ—Dumont I, (2), 290, 291, 343, II, (1), 205; за XV вѣкъ -ibid. II, (2), 265, III, (1), 96, 118, 167, 252, 256, III, (2), 313, Dumont-Rousset, I, 2, 320, 384, 398, 401, 404, 412, 472 и пр. и пр. Отдѣльныя, заслуживающія вниманія, черты этихъ случаевъ третейскаго суда мы отмѣтимъ, по мѣрѣ надобности, дальше, при выясненіи общихъ юридическихъ принциповъ международнаго третейскаго суда въ средніе вѣка, т. е. его конструкціи какъ особаго института права.

нія столкновеній, въ частности путемъ третейскаго суда, получила уже и широкое признаніе, и несомнѣнное приложеніе на практикѣ.

Только-что сдѣланнымъ разсмотрѣніемъ истиннаго положенія дѣлъ въ феодально-государственной жизни тѣхъ временъ мы хотѣли пока только доказать, что институтъ третейскаго суда, полюбовнаго разсмотрѣнія и рѣшенія споровъ третьимъ, незаинтересованнымъ лицомъ, всегда существовавшій въ области отношеній между частными лицами, теперь, въ средніе вѣка, незамѣтно—но логически-неизбѣжно—переносится и въ область публично-правовыхъ отношеній—именно въ силу того, что полноправныя „частныя лица" среднихъ вѣковъ суть уже мелкіе феодальные державцы съ извѣстными публично-правовыми аттрибутами въ рукахъ. Третейское разбирательство между двумя такими сосѣдними феодалами-помѣщиками дѣлаетъ понятнымъ и возможнымъ и третейскій судъ между двумя сосѣдними владѣтельными епископами или князьями—т. е. уже между двумя феодальными государствами въ полномъ смыслѣ слова. А разъ уже перенесенный въ такую безусловно *публично*-правовую сферу, арбитражъ находитъ себѣ распространеніе, какъ сейчасъ увидимъ, и въ области взаимныхъ отношеній между крупными, формирующимися въ это время, національными государствами — государствами уже въ *нашемъ* современномъ смыслѣ слова.

5. Третейское разбирательство въ отношеніяхъ между независимыми государствами среднихъ вѣковъ.

Политическая исторія западной Европы въ средніе вѣка знаетъ уже, дѣйствительно, длинный рядъ случаевъ третейскаго разбирательства между крупными независимыми государствами того времени. И такіе случаи — если постоянно имѣть въ виду приведенные выше многочисленные факты арбитража во внутренно-государственной жизни среднихъ вѣ-

ковъ и въ отношеніяхъ между различными болѣе или менѣе крупными полу-независимыми феодальными государствами — не покажутся уже намъ чѣмъ-нибудь случайнымъ, исключительнымъ — какъ это было напр. въ древности. Напротивъ, эти случаи — это лишь естественное примѣненіе идеи третейскаго суда, получившей уже, какъ мы видѣли, право гражданства въ сферѣ извѣстныхъ публично-правовыхъ отношеній, къ области также и междугосударственныхъ, международныхъ отношеній въ нашемъ смыслѣ. Идея, завоевывающая себѣ въ средніе вѣка все большее и большее признаніе и, такъ сказать, проникающая уже собою всю сферу государственной жизни въ ея цѣломъ, не могла не отразиться, въ частности, и на внѣшней жизни различныхъ крупныхъ независимыхъ государственныхъ единицъ, на области международныхъ отношеній въ собственномъ смыслѣ слова — пробудивъ и здѣсь общее стремленіе разрѣшать международные конфликты, по возможности, мирнымъ путемъ и, въ частности, путемъ третейскаго рѣшенія спора незаинтересованными лицами.

Средневѣковая исторія международныхъ отношеній и даетъ намъ цѣлый рядъ такихъ третейскихъ рѣшеній конфликтовъ, возникавшихъ между различными независимыми государствами тогдашней Европы. На пространствѣ разбираемой нами эпохи XI—XVI вв. мы находимъ слѣдующіе наиболѣе выдающіеся случаи международнаго арбитража.

Есть извѣстіе, что еще въ XI вѣкѣ Магнусъ, король Норвежскій и Канутъ, король Датскій, оспаривая другъ у друга свои королевства, разрѣшили наконецъ свой споръ третейскимъ судомъ [1]). Слѣдующему, XII, вѣку принадлежитъ уже нѣсколько непосредственно идущихъ одинъ за другимъ случаевъ международнаго третейскаго суда.

15 апрѣля 1175 г. былъ заключенъ въ Монтебелло договоръ между Императоромъ Фридрихомъ Барбароссой и зна-

[1]) H. Grotii De jure belli ac pacis. Trad. Barbeyrac II, p. 676 (примѣч. Барбейрака).

*

менитою Ломбардскою Лигою городовъ о выборѣ 6 посредниковъ (по 3 съ каждой стороны) для заключенія между ними мира, причемъ и Императоръ и Лига впередъ даютъ обѣщаніе подчиниться третейскому рѣшенію своихъ выборныхъ судей: „et Imperator et ejus Curia et civitates et eorum partes debent facere securitatem in arbitrio praedictorum sex electorum stare...“ Мало того, на случай несогласія между этими посредниками при выработкѣ условій мира, а также для разрѣшенія могущихъ возникнуть между императоромъ и городами Лиги споровъ по исполненію ихъ рѣшенія, назначаются въ качествѣ второй третейской коллегіи и своего рода „суперъ-арбитровъ“ всѣ консулы (т. е. члены магистрата, городского совѣта) города Кремоны [1]).

Къ слѣдующему, 1176 году относится одинъ изъ сравнительно уже болѣе извѣстныхъ случаевъ международнаго арбитража въ средніе вѣка—случай, который особенно отмѣчаетъ еще Ward [2]), и на которомъ, въ наше время, спеціально останавливается Travers Twiss [3]), а именно разрѣшеніе спора между испанскими государями третейскимъ судомъ англійскаго короля. На основаніи заключеннаго ими въ этомъ году компромисса [4]), король Альфонсъ Кастильскій и Санхо король Наваррскій [5]) обращаются за разрѣшеніемъ своего конфликта къ арбитражу Генриха II, субституируя ему, на случай его смерти, короля Франціи и устанавливая впередъ извѣстныя гарантіи на случай неисполненія тою или другою стороною третейскаго приговора арбитра [6]). Этотъ приговоръ

[1]) Muratori, Antiquitates italicae medii aevi, IV, 299, cp. Pierantoni, I, 427, 428.

[2]) Ward I, ch. X.

[3]) См. его статью объ арбитражѣ 1776—77 г. въ Law Magazine and Rewiew № 302 (Nov. 1896).

[4]) Dumont I, 1, 96. Rymer I, 1, 14.

[5]) Ward (loc. cit.) ошибочно говоритъ о короляхъ кастильскомъ и арагонскомъ, а Nys (p. 52) о наваррскомъ и арагонскомъ.

[6]) Объ этой любопытной особенности компромисса 1176 года см. дальше при анализѣ юридической структуры средневѣковаго арбитража.

англійскаго короля и состоялся въ мартѣ 1177 года, на началахъ заключенія мира и возстановленія status quo ante между спорящими сторонами [1]). Онъ былъ произнесенъ въ засѣданіи королевскаго „большого совѣта“ (curia regis), въ присутствіи пословъ обѣихъ спорившихъ сторонъ, которые должны были представить письменныя объясненія взаимныхъ претензій своихъ правительствъ [2]). Для характеристики средневѣковыхъ понятій любопытно еще прибавить, что въ полномъ соотвѣтствіи съ порядками, господствовавшими въ то время въ общихъ судахъ, послы-адвокаты обоихъ королей предстали и къ третейскому трибуналу англійскаго короля въ сопровожденіи вооруженныхъ борцовъ — на случай, если бы понадобилось выяснить какой-нибудь отдѣльный спорный пунктъ судомъ Божіимъ, т. е. поединкомъ [3]).

Въ томъ же 1177 году, тотъ же Генрихъ II Англійскій и Людовикъ VII Французскій, заключая между собою миръ и условливаясь идти вмѣстѣ въ крестовый походъ противъ Сарацинъ, въ то же время договариваются о передачѣ своихъ споровъ объ Оверни и другихъ территоріяхъ на разрѣшеніе третейскаго трибунала изъ 6 епископовъ и 6 бароновъ—по три тѣхъ и другихъ съ каждой стороны [4]).

Пропуская здѣсь одинъ мелкій арбитражъ между двумя городами-республиками (1179) [5]), мы въ 1180 году встрѣ-

[1]) Dumont I, 1, 96 (Laudum Henrici) и другой варіантъ ibid. p. 97. Rymer I, 1, 15—16.

[2]) Письменныя — въ виду того, что на первомъ засѣданіи королевскаго совѣта латинскую рѣчь пословъ никто не могъ понять изъ-за ихъ испанскаго произношенія. Эти оба „меморандума“ испанскихъ пословъ отпечатаны у Rymer'a: Tenor scripti (instrumenti) in quo petitiones et allegationes Nunciorum nomine Regis Castellae (Navarrae) continentur. Rymer I, 1, 15 — второй документъ съ наваррскимъ проэктомъ мира на 10 лѣтъ.

[3]) Подробный разсказъ объ этомъ третейскомъ разбирательствѣ XII вѣка сохранился въ хроникахъ Бенедикта of Peterborough и Рожера Hoveden. См. Tr. Twiss loc. cit. p. 8 ss.—Документы—у Rymer I, 1, 14 ss.

[4]) Tr. Twiss loc. cit. p., 15. Сф. Mérignhac p. 34.

[5]) Между Моденой и Феррарой, безпрекословно исполнившими постановленіе арбитра. Pierantoni I, 755. На одну интересную частность этого случая будетъ указано ниже.

чаемся съ новымъ примѣромъ установленія международнаго третейскаго трибунала между двумя крупными европейскими государствами—а именно опять между Франціею и Англіею. На случай невозможности рѣшить нѣкоторые спорные пункты иначе, Филиппъ II Французскій повторяетъ съ Генрихомъ II условія 1177 года: „ego Philippus tres elegi Episcopos et Barones et ego Henricus totidem qui inter nos dicent et nos eorum judicio stabimus firmiter et bona fide“ [1]).

Въ 1244 году парижскій парламентъ играетъ роль третейскаго трибунала между императоромъ Фридрихомъ II и папой Иннокентіемъ IV [2]).

Въ 1276 году столкновеніе между Венгріею и Богеміею (по вопросу о границахъ) спорящія стороны рѣшаютъ покончить обращеніемъ къ арбитражу короля Карла Неаполитанскаго (изъ дома Анжу), который, въ свою очередь, переноситъ свои права выборнаго арбитра на третейскую коммиссію изъ 2 епископовъ и одного рыцаря [3]).

Къ концу того же XIII вѣка Магнусъ король Шведскій дважды является въ роли международнаго третейскаго судьи, а именно между королями Эрикомъ Норвежскимъ и Эрикомъ Датскимъ [4]) и между тѣмъ же норвежскимъ королемъ и цѣлымъ рядомъ городовъ знаменитаго Ганзейскаго союза (Любекъ, Роштокъ, Висмаръ, Стральзундъ, Грейфсвальдъ, Рига и Висби) [5]). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто въ 1285 году, спорившія стороны, не успѣвъ выработать никакого modus vivendi черезъ своихъ четырехъ уполномоченныхъ (назначенныхъ по два съ каждой стороны) при *посредничествѣ* шведскаго короля, обращаются затѣмъ уже къ его *третейскому суду*: все что ни постановитъ ко-

---

[1]) Текстъ по Матвѣю Парижскому, у Dumont I, 1, 105.

[2]) Dalloz Répertoire méthodique et alphabétique de législation etc (1840). V° Arbitrage I, 16.

[3]) Pierantoni I, 760, Mérignhac p. 34.

[4]) Barbeyrac ad H. Grotium II, p. 677.

[5]) Livl. UB. I, 499.

роль „secundum Deum et conscientiam“, онѣ должны свято исполнить подъ страхомъ штрафа въ 20,000 марокъ серебра. На этихъ условіяхъ Магнусъ соглашается постановить свое рѣшеніе, дабы—говоритъ онъ—во-время потушить этотъ начинающійся международный пожаръ, „ne tenuis et exilis cintilla in rapidam et ampliorem excresceret flammam“ [1]).

Тринадцатый вѣкъ заканчивается разобраннымъ выше случаемъ компромисса 1298 г. между Франціею и Англіею, когда третейскимъ судьею былъ такъ неудачно избранъ папа Бонифацій VIII „tamquam privata persona“ [2]).

Въ XIV столѣтіи нужно отмѣтить прежде всего образованіе по трактату 1310 года, заключенному между императоромъ Генрихомъ VII и королемъ Филиппомъ Красивымъ, совмѣстной третейской коммиссіи для разрѣшенія разныхъ пограничныхъ споровъ между Франціею и Германіею: „ils prendront six personnes grans gens et preudes hommes autant d'une partie comme d'autre—гласитъ текстъ этого трактата—et se les six preud'hommes estoient à descord, ils de leur commun assentement à accord esliroient un septiesme“ [3]).

Къ 1317 году относится случай третейскаго суда папы Іоанна XXII между королемъ Франціи и Фламандцами, которыхъ склонило къ рѣшенію конфликта арбитражемъ коллективное посредничество королей англійскаго, кастильскаго, арагонскаго и португальскаго [4]).

Отъ 1335 года (26 ноября) до насъ дошелъ третейскій приговоръ королей Карла Венгерскаго и Іоанна Чешскаго между Польшею и Тевтонскимъ Орденомъ по дѣлу „de terris Culmensi, Dobrzinensi, Cujaviae, Pomeraniae et Thoru-

---

1) Ibid.—Документы, касающіеся этого дѣла см. у Bunge Livl. UB. I кромѣ № 499 еще 496 и Reg. 569—длиннѣйшій приговоръ короля Магнуса.

2) См. выше стр. 29.

3) Kortüm Geschichte des Mittelalters (Bern 1836) S. 296.—Впрочемъ мы не находимъ этого мѣста въ текстѣ трактата, какъ онъ напечатанъ у Dumont-Supplément II (Rousset I), 2, 78.

4) Nys Origines p. 53.

nensi". Оба короля—„arbitratores et amicabiles compositores"—дають свою „arbitrariam pronunciationem" въ Вышгородѣ (въ Венгріи) въ присутствіи самого короля Казиміра Польскаго и пословъ великаго магистра. Арбитры, руководствуясь строгою справедливостью—„favente Domino, aciem mentium nostrarum aequo libramine dirigentes"—предписывають сторонамъ забвеніе взаимныхъ обидъ и возстановленіе „status quo ante bellum" [1]).

Въ 1343 г., 2 августа, Вальдемаръ III король Датскій и Магнусъ, король Шведскій и Норвежскій, находившіеся въ открытой враждѣ, заключають между собою „компромиссъ" [2]). Разрѣшить всѣ ихъ споры, „omnes discensiones, controversias et discordias", поручается третейскому трибуналу изъ 24 выбранныхъ тою и другою стороною судей—по 12 „viros validos et discretos" съ каждой стороны. На случай ихъ разногласія, актъ компромисса выбираетъ супер-арбитра—Петра архіепископа Лундскаго и примаса Швеціи („in superiorem arbitrum electus"), причемъ точнѣйшимъ образомъ опредѣляется способъ его замѣщенія въ случаѣ смерти или невозможности по какой-нибудь причинѣ участвовать въ арбитражѣ, а также порядокъ постановленія третейскаго рѣшенія, гарантіи его исполненія и пр. [3]).

Къ 1368 году относится компромиссъ Генриха короля Кастиліи и Леона съ королемъ Арагонскимъ, которые выбирають себѣ въ третейскіе судьи короля Карла Французскаго. Въ своей грамотѣ объ этомъ (20 ноября) кастильскій король съ особой торжественностью клянется подчиниться рѣшенію Карла V: „juramus—говоритъ онъ—verbo Regis, nec non super imaginem et memoriam Domini nostri Jesu Christi...

---

1) Dumont I, 2, 151; ср. Dlugossi l. IX col. 1033.—Однако ibid. col. 1045 еще „окончательное" рѣшеніе того же дѣла, только въ 1339 г., комиссарами папы (Dumont I, 2, 175).

2) Livl. UB. II, 816.

3) Объ этомъ см. еще дальше.

ordinationi voluntatis et dicto dicti Regis Franciae Fratris nostri carissimi penitus stare ipsasque inviolabiliter observare“ [1].

Наконецъ въ XV вѣкѣ—при начавшемся въ немъ еще болѣе оживленномъ взаимодѣйствіи крупныхъ національныхъ государствъ въ области внѣшней политики и международной жизни вообще—мы также находимъ цѣлый рядъ крупныхъ фактовъ международнаго арбитража, многіе изъ которыхъ опять-таки почему-то совершенно ускользнули отъ вниманія изслѣдователей исторіи международнаго права.—Такъ уже эпоха долгой борьбы между Польшею и Тевтонскимъ Орденомъ, ознаменованной знаменитымъ Танненбергскимъ пораженіемъ прусскихъ рыцарей даетъ намъ нѣсколько примѣровъ международнаго третейскаго разбирательства.

Осенью 1409 года вспыхнула между Польшею и нѣмецкимъ Орденомъ война, которая, какъ извѣстно, должна была привести къ столь важнымъ въ исторіи сѣверо-восточной Европы событіяхъ, какъ Грюнвальденская битва и Торнскій миръ. И вотъ, въ самомъ началѣ этой войны, всего послѣ одного мѣсяца военныхъ дѣйствій, король польскій Ягелло и великій магистръ Прусскій заключаютъ перемиріе, условливаясь рѣшить свой споръ мирнымъ путемъ,—а именно подвергнуть всѣ взаимныя претензіи третейскому разсмотрѣнію короля чешскаго Вячеслава [2]. Его третейское рѣшеніе и состоялось дѣйствительно въ началѣ 1410 года въ присутствіи пословъ польскихъ, литовскихъ и орденскихъ,—но Польша отказалась исполнить постановленіе арбитра, ссылаясь на очевидное пристрастіе короля Вячеслава въ пользу Ордена. Вновь вспыхнувшая вслѣдствіе этого война привела къ Танненбергскому побоищу и закончилась Торнскимъ миромъ 1-го февраля 1411 года между Польшею и Орденомъ.

Этотъ трактатъ даетъ намъ снова примѣръ международнаго арбитража, постановляя отдать одинъ изъ частныхъ

[1]) Dumont II, 1, 67.
[2]) Voigt Geschichte Preussens VII, 54, 58.

спорныхъ вопросовъ на разрѣшеніе третейскаго суда. Именно, споръ о владѣніи Дризеномъ и Зантокомъ (Santok) согласились рѣшить третейскимъ судомъ 12 лицъ, избранныхъ по ровну королемъ Польскимъ и великимъ магистромъ. На случай, если бы эти судьи не пришли ни къ какому рѣшенію, договаривающіяся стороны назначаютъ папу въ качествѣ супер-арбитра (in super-arbitrum) [1]. Тѣмъ же способомъ, третейскимъ судомъ, будутъ разрѣшены всѣ пограничные споры Ордена съ Польшею, Литвою и герцогами Мазовецкими и Stolpe и, въ частности, недоразумѣнія, возникающія при разграниченіи — споры объ островахъ, рыбной ловлѣ, судоходствѣ и берегахъ Вислы и Древенца [2]).

Торнскій миръ не устранилъ однако всѣхъ недоразумѣній между Польшею и нѣмецкимъ Орденомъ, и въ слѣдующемъ же 1412 году тѣже стороны, при посредничествѣ короля римскаго (и венгерскаго) Сигизмунда, рѣшили отдать всѣ свои споры на совмѣстное третейское разрѣшеніе его, Императора, и курфюрстовъ. Его подробный и обстоятельный приговоръ по всѣмъ пунктамъ несогласій между Орденомъ и Польшею и состоялся (безъ участія однако курфюрстовъ) въ Офенѣ 24 августа того же года [3]) — но не удовлетворилъ ни той, ни другой стороны.

Въ виду этого, взаимное неудовольствіе продолжалось, доведя въ 1414 году обѣ стороны опять до открытой борьбы. Такъ какъ однако конфликтъ не могъ быть разрѣшенъ ни этою войною, ни высшею „вселенскою“ юрисдикціею общеевропейскаго собора, собравшагося въ это время въ Констанцѣ (1414—1418), то Польша и нѣмецкій Орденъ въ 1419 г. снова обратились къ способу третейскаго рѣшенія спора: отъ 18 мая этого года мы имѣемъ грамоту того-же Сигизмунда

---

[1]) Dogiel IV, 84; ср. Voigt loc. cit., VII, 134.

[2]) Ibid.

[3]) Dogiel IV, 88.—Voigt VII, 179, 180; о предварительныхъ переговорахъ у него подробно говорится на стр. 173 и 175—179.

короля Римскаго, который по просьбѣ короля Польскаго (Ягелло-Владислава), великаго князя Литовскаго (Витовта-Александра) и князей Іоанна и Земовита Мазовецкихъ съ одной стороны и великаго магистра Тевтонскаго Ордена въ Пруссіи, съ другой, изъявляетъ готовность быть третейскимъ судьею по всѣмъ пунктамъ ихъ спора—„arbiter arbitrator et amicabilis compositor de et super universis et singulis causis“ [1]). Его третейское рѣшеніе и состоялось въ Бреславлѣ въ 1420 году [2]).

Но подобно этой сѣверо-восточной окраинѣ тогдашняго романо-германскаго міра и остальная Европа не забыла за XV вѣкъ практику разрѣшенія международныхъ конфликтовъ путемъ арбитража. Такъ, къ 30-мъ годамъ этого столѣтія относятся два, слѣдующихъ одинъ за другимъ, случая третейскаго разбирательства между сильнѣйшими изъ сформировавшихся въ это время „великихъ державъ“ Апеннинскаго полуострова.

Въ 1433 г., 26 апрѣля, уполномоченные двухъ самыхъ могущественныхъ и блестящихъ аристократическихъ республикъ Италіи временъ ренессанса — Флоренціи и Венеціи — подписали въ Феррарѣ компромиссъ съ представителями герцога Миланскаго, съ которымъ ихъ правительства находились уже въ открытой войнѣ. Третейскими судьями были избраны маркизъ Эсте и маркизъ Салуцкій (Saluces), уполномоченные разрѣшать всѣ спорные пункты „de jure et de facto“, какъ сказано въ актѣ компромисса [3]).

Черезъ два года между тѣми же сторонами, къ которымъ примкнулъ еще самъ римскій первосвященникъ, Евгеній IV

---

[1]) Livl. UB. V, 2319.—Въ этой грамотѣ интересно также вступленіе—а именно съ точки зрѣнія развитія идеи мира въ средніе вѣка. Вспоминая о своей роли „вселенскаго“ Императора и слѣд. „imperator pacificus“, Сигизмундъ говоритъ: ...„hoc potissimum insidet cordi nostro.... ut more regis pacifici.... pacem et concordiam inter universos cultores fidei christianae.... instauremus“.

[2]) Voigt VII, 366.

[3]) Dumont II, 2, 258. „Laudum“ арбитровъ—ibid., p. 260.

(со стороны Флоренціи и Венеціи), состоялось новое соглашеніе объ арбитражѣ. Обязанности арбитровъ на этотъ разъ исполняли два кардинала и маркизъ Эсте, на основаніи третейскаго рѣшенія которыхъ и состоялся окончательный миръ между враждующими 16 августа 1435 года [1]).

Далѣе, во второй половинѣ того же столѣтія, въ 1463 г. Людовикъ XI-й фигурируетъ въ качествѣ третейскаго судьи между Кастиліей и Арагоніею [2]).

Въ 1475 году онъ-же является въ роли арбитра между Сигизмундомъ Австрійскимъ и Швейцарцами [3]).

Наконецъ, въ томъ-же году, тотъ-же французскій король договаривается съ королемъ англійскимъ Эдуардомъ IV объ улаженіи ихъ несогласій третейскимъ судомъ. Компромиссомъ, подписаннымъ въ Amiens, „omnes lites, quaestiones, querelae et demandae pendentes indiscussae inter nos" отдаются обоими королями на разсмотрѣніе и рѣшеніе арбитральной коммиссіи изъ 4 членовъ — по одному духовному и одному свѣтскому лицу съ каждой стороны. Въ составъ этой третейской коммиссіи вошли архіепископъ Парижскій и графъ Дюнуа съ французской стороны и архіепископъ Кентерберійскій и герцогъ Клэренскій (Clarence)—съ англійской. Исполненіе ихъ приговора было гарантировано установленіемъ высокой денежной пени (въ 3 тысячи экю) съ нарушившаго третейское рѣшеніе и такимъ образомъ конфликтъ двухъ великихъ государствъ крайняго запада Европы закончился мирнымъ образомъ—англо-французскимъ трактатомъ 29 августа 1475 г. [4]).

Весь этотъ длинный рядъ многочисленныхъ примѣровъ международнаго арбитража въ средніе вѣка достаточно доказываетъ, что за этотъ періодъ о третейскихъ разбирательствахъ между государствами нельзя уже говорить какъ

[1]) Dumont II, 2, 300.

[2]) Pütter, 185.

[3]) Ibid.

[4]) Разные документы, касающіеся этого дѣла у Dumont III, 1, 500, 501. Ср. Mérignhac, p. 39.

о какихъ-то необычайныхъ и совершенно исключительныхъ единичныхъ фактахъ, только случайно попадающихся въ исторіи взаимныхъ отношеній между народами. Напротивъ того, какъ мы видѣли, третейское разбирательство и разрѣшеніе конфликтовъ чрезвычайно распространено въ европейскомъ концертѣ среднихъ вѣковъ. Папа и Императоръ, Франція и Англія, испанскія и итальянскія государства, Венгрія и Богемія, Польша и Нѣмецкій Орденъ, Данія и Швеція— однимъ словомъ все общество крупныхъ независимыхъ государствъ, входившихъ въ понятіе международнаго общенія того времени, постоянно прибѣгаютъ къ третейскому разбирательству своихъ споровъ. Идея мирнаго рѣшенія конфликтовъ путемъ арбитража незаинтересованныхъ, третьихъ лицъ постепенно проникаетъ, не смотря на грубость и воинственность эпохи, во всю область государственной жизни народовъ—въ ихъ внутренній публичный строй, какъ и во внѣшнія отношенія, и этимъ путемъ идеѣ третейскаго суда отвоевывается извѣстное—уже почетное и замѣтное—мѣсто и въ сферѣ жизни международной.

Конечно, какъ на это справедливо и указываютъ [1]), институтъ международнаго третейскаго суда отличается въ средніе вѣка еще извѣстною неопредѣленностью. Съ нимъ, еще, можетъ быть, недостаточно освоились, третейское разбирательство, можетъ быть, еще неокончательно отграничено отъ посредничества и добрыхъ услугъ [2]), наконецъ — можемъ мы

---

[1]) Гр. Л. Камаровскій О международномъ третейскомъ судѣ, стр. 121.

[2]) На это обвиненіе, кажется, больше всего наводитъ слишкомъ широкій титулъ третейскихъ судей, обычный въ средніе вѣка: „arbiter arbitrator et amicabilis compositor“. На самомъ же дѣлѣ, уже наличность акта „компромисса“ даетъ, кажется, достаточный критерій для разграниченія арбитража и посредничества въ средніе вѣка, какъ и въ наше время. — Теоретическое различіе между тѣмъ и другимъ Mérignhac находитъ выраженнымъ впервые только въ 1595 году (p. 42), когда французскіе министры, предлагая посредничество французскаго правительства католикамъ и протестантамъ въ Ахенѣ, прямо противополагаютъ его арбитражу (по Flassan I, 310). Однако такое же противоположеніе можно встрѣтить и въ среднихъ вѣкахъ: въ приведенномъ выше (стр. 51) случаѣ 12[illegible]5 г., король Шведскій принимаетъ на себя обязанность *третейскаго*

прибавить—въ силу особенныхъ условій средневѣковой жизни, арбитражъ международный въ собственномъ, современномъ смыслѣ слова сплошь и рядомъ смѣшивается и перепутывается съ третейскимъ разбирательствомъ въ вопросахъ внутренней государственной политики и права, личныхъ интересовъ правящихъ династій, наконецъ въ спорахъ болѣе мелкихъ феодальныхъ владѣній, недостойныхъ, можетъ быть, имени „государства" съ нашей точки зрѣнія.

Но, какъ бы то ни было, въ виду приведенныхъ выше многочисленныхъ фактовъ изъ международной практики среднихъ вѣковъ, нельзя, тѣмъ не менѣе, отрицать того факта, что идея возможности и желательности разрѣшенія международныхъ конфликтовъ третейскимъ судомъ всетаки проникаетъ въ общее сознаніе Европы, прививается среди народовъ средневѣковья. Въ эту эпоху, однимъ словомъ, международный арбитражъ пріобрѣтаетъ себѣ впервые извѣстный твердый базисъ, на которомъ онъ могъ уже непрерывно рости и развиваться — хотя бы съ нѣкоторыми колебаніями и задержками (XVII и XVIII стол.)—вплоть до нашего времени.

6. Основныя начала международнаго арбитража въ средніе вѣка, какъ особаго юридическаго института.

Внимательно анализируя случаи международнаго третейскаго суда за средніе вѣка, мы должны придти къ тому выводу, что международный арбитражъ за этотъ періодъ интересенъ не только, такъ сказать, въ смыслѣ *количественномъ*

судьи между Даніею и Норвегіею только послѣ того, какъ переговоры о мирѣ уполномоченныхъ этихъ государствъ *въ его присутствіи* (coram nobis)—*т. е. при его посредничествѣ*—не удались. Мало того, и средневѣковые юристы принципіально разграничиваютъ третейскій судъ и посредничество. Такъ Boutillier въ своей Somme Rurale, извѣстномъ юридическомъ памятникѣ XIV в., даетъ совершенно правильное опредѣленіе „посредникамъ" (amiable compositeur) въ отличіе отъ arbitre и arbitrateur (l. II, tit. III Des arbitres — *смотри объ этомъ дальше*).

(въ отношеніи сравнительно очень частаго его примѣненія и притомъ во всѣхъ отрасляхъ публично-правовой жизни— что мы и старались показать выше), но также и въ смыслѣ *качественномъ*—въ отношеніи выработки за это время, хотя бы пока только въ примитивной формѣ, извѣстныхъ общихъ началъ, основныхъ принциповъ международнаго третейскаго суда, какъ юридическаго института.

Мы и постараемся теперь вывести эти общіе принципы изъ богатаго документальнаго матеріала среднихъ вѣковъ— построить теорію международнаго арбитража, какъ она должна была представляться въ средніе вѣка и какъ она выражалась въ то время на практикѣ въ безчисленныхъ случаяхъ международнаго третейскаго разбирательства.

1) Понятіе международнаго арбитража.

Понятіе международнаго арбитража, какъ было уже сказано выше, есть тоже самое, извѣстное уже съ глубокой древности, понятіе третейскаго суда частнаго права, только перенесенное теперь, въ средніе вѣка,—въ силу характернаго для этой эпохи, смѣшенія публичнаго и частнаго права—въ область публично-правовыхъ отношеній, а въ частности въ постоянную практику отношеній международныхъ. Мы имѣемъ здѣсь, слѣдовательно, основанное на формально выраженномъ соглашеніи спорящихъ сторонъ рѣшеніе ихъ спора третьею, незаинтересованною стороною, приговору которой онѣ обязуются безпрекословно подчиниться.—Въ такомъ видѣ и понимаютъ третейское разбирательство средніе вѣка. Это не только слѣдуетъ изъ самой сущности дѣла во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами случаяхъ арбитража, но мы даже прямо встрѣчаемъ такое опредѣленіе у средневѣковыхъ юристовъ. Такъ напр. извѣстный французскій юристъ XIV вѣка Jean Boutillier (или Bouteiller), посвятившій цѣлый титулъ своей знаменитой „Som-

me Rurale“ вопросу о третейскомъ разбирательствѣ [1]) (livre II, tit. III, Des arbitres) [2]) дословно говоритъ (опираясь еще на своего предшественника Jean André, Johannes Andreae): „Arbitres... sont dicts ceux qui du consentement des deux parties sont esleus et sur peine obligée et stipulée à tenir ce que faire voudront du discord d'entre eux“ [3]). Не смотря на нѣкоторую грамматическую спутанность фразы, простительную для XIV столѣтія (если только тутъ не вина издателя XVII-го вѣка!), — смыслъ ея совершенно ясенъ и очень характерно отражаетъ юридическіе взгляды средневѣковья на третейское разбирательство.

2) Юридическое основаніе третейскаго разбирательства.

Въ основѣ международнаго арбитража, какъ и третейскаго суда частнаго права, лежитъ „компромиссъ“ (compromissum), т. е. удостовѣренное спеціальнымъ юридическимъ актомъ соглашеніе спорящихъ сторонъ подвергнуть ихъ конфликтъ третейскому разбирательству и рѣшенію особо выбраннаго лица или лицъ. Актъ компромисса долженъ заключать въ себѣ точное обозначеніе лицъ, его заключившихъ и лица, избраннаго третейскимъ судьею, порядка разбирательства и рѣшенія спора (время, мѣсто и пр.), наконецъ обязательство сторонъ подчиниться рѣшенію арбитра (иногда подъ страхомъ уплаты опредѣленной впередъ пени). Эти условія и образуютъ изъ себѣ тѣ три матеріальныхъ момента компромисса — „foy, jour et peine“ —, которые Boutillier считаетъ необходимыми для его наличности [4]).

---

[1]) О третейскомъ разбирательствѣ вообще, т. е. прежде всего частнаго права, — но мы видѣли, что въ международныя отношенія былъ перенесенъ именно арбитражъ частнаго права.

[2]) J. Bouteiller Somme Rural ou le grand coustumier général de practique civil et canon. Edition L. Charondas le Caron. Paris 1611 pp. 693—700. Мы цитируемъ Boutillier по экземпляру этой большой библіографической рѣдкости, находящемуся въ библіотекѣ проф. І. А. Кассо (Харьковъ).

[3]) Bouteiller p. 693.

[4]) Ibid. p. 694.

Что касается формальной стороны компромисса, то онъ является или a) въ формѣ специальнаго. ad hoc заключеннаго договора (какъ напр. въ разобранныхъ случаяхъ 1176 г. между Кастиліей и Наваррой, 1475 между Англіею и Франціею и пр.), который носитъ тогда техническое названіе „litterae compromissi“ (напр. въ грамотѣ Императора Сигизмунда 1419 г. о третейскомъ судѣ между Польшею и нѣмецкимъ Орденомъ),

или b) включается въ другой. общій международный трактатъ или какое-либо иное соглашеніе по другимъ вопросамъ (напр. въ 1409 г. въ актѣ перемирія, въ 1411 г. въ актѣ мира между Польшею и Орденомъ),

или наконецъ c) основывается на простомъ протоколѣ, подписанномъ уполномоченными обѣихъ сторонъ [1])—что бываетъ въ разныхъ мелкихъ, второстепенныхъ случаяхъ арбитража, въ противоположность предъидущимъ такъ сказать торжественнымъ формамъ компромисса.

3) Личность третейскаго судьи [2]).

Третейскимъ судьею можетъ быть выбрано каждое право- и дѣеспособное лицо (мужскаго пола) [3]) или группа такихъ лицъ. Въ роли международныхъ арбитровъ безразлично [4]) встрѣчаются:

---

[1]) См. напр. случай 1457 г., приведенный у Maulde III, 187 note 1.

[2]) Ср. Bouteiller Somme Rural, p. 696: „quelles gens peuvent estre arbitres“.

[3]) Мы не встрѣчаемъ женщинъ въ качествѣ международныхъ третейскихъ судей.

[4]) Mérignhac (p. 39) говоритъ, что въ средніе вѣка „le choix des arbitres porte en principe sur des monarques et exceptionellement sur des commissions arbitrales ou de simples particuliers“. Въ виду очень значительнаго числа случаевъ, когда разрѣшеніе международныхъ конфликтовъ поручалось именно арбитральнымъ коммиссіямъ, составленнымъ изъ частныхъ лицъ, мы никакъ не можемъ признать существованіе такого „принципа“ въ средніе вѣка. Случаи международнаго арбитража распредѣляются приблизительно по ровну между монархами и коммиссіями частныхъ лицъ; единичныя же частныя лица (епископы, рыцари, юристы) также не рѣдко являются третейскими судьями, но только между болѣе мелкими феодальными государями.

a) оба „главы“ западнаго міра—Папа (напр. въ 1317 г. между Франціею и Фламандцами) или Императоръ (напр. въ 1419 г. между Польшею и Тевт. Орденомъ).

b) другіе независимые государи Европы—напр. въ 1176 король англійскій, въ 1285 король шведскій, въ 1368 король французскій, въ 1409 король чешскій и пр.

c) полунезависимые феодальные владѣтели—напр. въ 1357 графъ Hainaut (между Фландріею и Брабантомъ).

d) государственныя учрежденія—напр. въ 1244 г. парижскій парламентъ (между Императоромъ и Папою).

e) частныя лица (особенно въ столкновеніяхъ между болѣе мелкими, полунезависимыми государствами)—напр. въ 1304 г. архіепископъ Лундскій—при чемъ любопытно, что иногда третейскимъ судьею выбирался даже подданный одной изъ спорящихъ сторонъ: такъ въ 1179 г. въ спорѣ между Феррарою и Моденой арбитромъ былъ избранъ феррарецъ Isnardo Contrario, рѣшенію котораго (14 ноября) и подчинились безпрекословно обѣ республики[1].

f) коммиссія изъ нѣсколькихъ членовъ—государей или частныхъ лицъ: напр. въ 1335 г. между Польшею и Тевтонскимъ Орденомъ—короли венгерскій и чешскій, въ 1343 г. между Даніею и Швеціею коммиссія изъ 24 частныхъ лицъ, въ 1411 г. между Польшею и Орденомъ коммиссія изъ 12 членовъ, въ 1475 г. между Франціею и Англіею—изъ 4 и пр., причемъ обѣ спорящія стороны назначаютъ по равному числу засѣдателей такого третейскаго трибунала.

Эти послѣдніе случаи третейскаго разбирательства особенно интересны тѣмъ, что при нихъ, конечно, является вопросъ о *раздѣленіи голосовъ*. И вотъ, въ этомъ отношеніи оказывается, что среднимъ вѣкамъ уже извѣстенъ и современный намъ принципъ рѣшенія дѣла по большинству голосовъ, и выборъ такъ называемаго супер-арбитра на

---

[1]) Pierantoni I, 755.

случай равнаго ихъ дѣленія. Такъ, въ одномъ документѣ 1226 года [1]) о третейскомъ судѣ трехъ граждапъ города Риги въ спорѣ между Орденомъ и епископомъ съ одной стороны и рижскими гражданами съ другой прямо оговаривается, что, если не получится единогласнаго рѣшенія, дѣло рѣшается двумя голосами противъ одного, въ случаѣ же полнаго разногласія во мнѣніяхъ—жребіемъ.

Супер-арбитра мы встрѣчаемъ напр. въ 1254 г., когда при разрѣшеніи одного поземельнаго спора между епископомъ Ревельскимъ и аббатомъ Дюнамюндскимъ выбирается третейская коммиссія изъ 8 датскихъ вассаловъ-рыцарей изъ Эстляндіи—„quattuor hic et quattuor inde et super eos domino Saxone, capitaneo, constituto“ [2]). Въ этомъ случаѣ, верховный третейскій судья является членомъ той-же арбитральной коммиссіи, ея нечётнымъ предсѣдателемъ—на случай раздѣленія голосовъ по-ровну.—Другой видъ супер-арбитра, выдѣленнаго уже въ особую, высшую—такъ сказать, апелляціонную—инстанцію, на случай несогласнаго рѣшенія первой инстанціи, мы видимъ напр. въ указаніи не разъ уже упомянутаго Торнскаго мира 1411 года на Папу, какъ на окончательнаго верховнаго третейскаго судью (super-arbiter), если назначаемая коммиссія изъ 12 членовъ не придетъ ни къ какому рѣшенію [3]); или напр. въ 1343 г. при третейскомъ трибуналѣ изъ 24 членовъ между Даніею и Швеціею, архіепископъ Лундскій выбирается „in superiorem arbitrem“ съ правомъ, въ случаѣ ихъ разногласія, постановить въ теченіе четырехъ дней свое рѣшеніе—„quidquid sibi videbitur secundum iustitiam et amorem [4]).

Этотъ послѣдній случай международнаго арбитража (1343) любопытенъ, по вопросу о супер-арбитрахъ, еще по той тща-

---

[1]) Livl. UB. I, 78, cp. Reg. 89.

[2]) Livl. UB. I, 270.

[3]) Voigt Geschichte Preußens VII, 134. Dogiel. Codex diplomaticus, IV, № 80.

[4]) Livl. UB. II, 816.

*

тельности, съ которою актъ компромисса нормируетъ вопросъ о личности верховнаго третейскаго судьи. Здѣсь именно выставляются слѣдующія правила, для послѣдовательнаго ихъ примѣненія: 1° супер-арбитромъ назначается Петръ архіепископъ Лундскій и примасъ Швеціи; 2° въ случаѣ его смерти или невозможности исполнять обязанности третейскаго судьи, супер-арбитра на его мѣсто избираетъ сама арбитральная шведско-датская коммиссія; 3° если входящіе въ ея составъ двадцать четыре третейскихъ судьи не могутъ прійти ни къ какому рѣшенію и по этому вопросу, то оба короля выбираютъ изъ ихъ среды по одному члену, которые совмѣстно и осуществляютъ права супер-арбитра [1].

g) въ исключительныхъ случаяхъ, при особой сложности дѣла, когда при большомъ числѣ участвующихъ въ компромиссѣ, ихъ взаимныя претензіи такъ сказать перекрещиваются, перепутываются между собою, образуется иногда при одной центральной третейской коммиссіи нѣсколько арбитральныхъ „подъ-коммиссій“, разсматривающихъ, также путемъ третейскаго суда, разныя стороны дѣла—частные конфликты спорящихъ сторонъ между собою. Мы встрѣчаемся съ однимъ въ высшей степени любопытнымъ случаемъ такого рода въ концѣ XIV столѣтія въ Германіи. Именно, одна грамота, данная въ Мергентхеймѣ въ 1386 году „feria sexta post vincula Petri“ [2]), даетъ намъ свѣдѣнія о третейскомъ рѣшеніи (Theidigung), постановленномъ по цѣлому ряду различныхъ перекрестныхъ споровъ и столкновеній между семью крупными феодальными владѣтелями (между прочимъ, графомъ Вюртембергскимъ, пфальцграфомъ Рейнскимъ, бургграфомъ Нюрнбергскимъ и пр.) и 14 различными южно-германскими городами. Для рѣшенія всѣхъ этихъ споровъ была образована одна центральная коммиссія (изъ бургомистра города

[1]) Ibid. — Компромиссъ не предусматриваетъ, далѣе, случая разногласія между этими двумя лицами, призванными дать *одно* мнѣніе.

[2]) Dumont II, 1. 205.

Регенсбурга и трехъ бюргеровъ изъ Аугсбурга, Нюрнберга и Ульма)—отъ имени которой и дано общее третейское рѣшеніе—и затѣмъ *семь* частныхъ арбитральныхъ коммиссій, для разрѣшенія отдѣльныхъ конфликтовъ между спорящими сторонами. Каждая такая под-коммиссія составлялась изъ пяти человѣкъ—по два члена по назначенію каждой изъ двухъ спорящихъ по данному дѣлу сторонъ, съ однимъ супер-арбитромъ (Obmann) въ главѣ[1]), при чемъ дѣло рѣшалось по большинству голосовъ.

4) Полномочія арбитра [2]).

Составленному однимъ изъ указанныхъ способовъ третейскому суду — единоличному арбитру или цѣлой коммиссіи судей—дается полное право разсматривать данное дѣло во всемъ его объемѣ и совершенно свободно постановлять свое рѣшеніе. Такъ напр. въ одномъ документѣ 1262 г. говорится о выборѣ „arbitratores"—„qui componendi amicabiliter.... plenam haberent.... potestatem" [3]) или (въ актѣ компромисса 1343 года между Швеціею и Даніею)— „plenam et liberam habeat potestatem" [4]). Еще болѣе точно и подробно таже мысль выражена въ упомянутой уже нами грамотѣ объ арбитражѣ императора Сигизмунда отъ 1419 года [5]), гдѣ говорится, что въ силу договора спорящихъ сторонъ (Польши и Тевтонскаго Ордена) онъ имѣетъ право рѣшить споръ во всемъ его объемѣ—„de et super universis et singulis causis.... data et concessa nobis auctoritate et omnimoda potestate huiusmodi lites.... et omnia contin-

---

[1]) Только въ одной, седьмой, подкоммиссіи было почему-то назначено два верховныхъ судьи, которые должны были функціонировать какъ одно лицо, а въ случаѣ разногласія—выбрать еще третьяго Obmann'а, который такимъ образомъ дѣлался предсѣдателемъ арбитральной коммиссіи уже изъ 7 членовъ.

[2]) Ср. Bouteiller Somme Rural, p. 698: „du pouvoir aux arbitres".

[3]) Monumenta Livoniae Antiquae, IV, № 36.

[4]) Livl. UB. II, 816.

[5]) Livl. UB. V, 2319.

gentia et dependentia ex eisdem audiendi, examinandi.... et super eisdem pronunciandi, sententiandi et declarandi". При этомъ, третейскому судьѣ подлежитъ разсмотрѣніе и вопросовъ права, и вопросовъ факта—онъ является судьею „de jure et de facto", какъ прямо сказано въ актѣ компромисса между разными итальянскими государями 1433 г.[1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, смотря по большей или меньшей связанности третейскаго судьи извѣстными юридическими нормами, которыми онъ долженъ руководствоваться при постановленіи рѣшенія, и въ средніе вѣка, какъ и въ наше время, начинаютъ уже проводить разницу между arbiter и arbitrator, arbitrium и arbitratio. Правда, въ виду вообще чрезвычайно широкихъ полномочій международныхъ третейскихъ судей въ средніе вѣка, всѣ они носятъ безразлично обычное названіе „arbiter et arbitrator" (и даже „et amicabilis compositor"). Но теорія дѣлаетъ уже всетаки свои первыя попытки разграничить эти понятія. Такъ уже въ XIV вѣкѣ ихъ различаетъ Bouteiller[2]), авторъ „Somme rurale", который, въ цитированномъ уже титулѣ о третейскихъ судьяхъ, совершенно ясно и строго ихъ разграничиваетъ, выставляя слѣдующіе тезисы:

„Arbitre ne peut et ne doit en la cause a luy submise proceder ou autrement que par ordre de droit gardé selon qu'il est allegué.... ou prouvé devant luy.... mais tout laisser aller selon la reigle de droit".

„Arbitrateur si est celuy qui de la cause est chargé à sa conscience, ordre de droit gardé ou non gardé"[3]).

---

[1]) Dumont II, 2, 258.

[2]) И одновременно почти съ нимъ знаменитый Бартолъ, но не совсѣмъ точно и ясно: „Arbiter.... est ille qui habet judicare de jure secundum ordinem judiciarum; arbitrator autem assumitur super contractum ad litem decidendam"— см. Bouteiller, p. 694.

[3]) И дальше, о посредникахъ: „Amiable compositeur ou appaiseur si est celuy qui du consentement des parties les met en accord".— Bouteiller Somme Rural, pp. 693, 694.

5) Разбирательство дѣла передъ третейскимъ судьею [1]).

Самое судопроизводство передъ международнымъ третейскимъ судьею или третейскимъ трибуналомъ, особенно въ большихъ и сложныхъ дѣлахъ, стремится принять видъ настоящаго судоговоренія, правильнаго состязательнаго процесса. Спорящія стороны, представленныя обыкновенно спеціально на то уполномоченными лицами, „прокураторами", формулируютъ устно или письменно свои взаимныя претензіи, возражаютъ на нихъ и пр.

Какъ любопытный примѣръ такого средневѣковаго судоговоренія передъ международною арбитральною коммиссіею интересно отмѣтить одинъ чрезвычайно сложный „процессъ" между разными италіанскими государствами, имѣвшій мѣсто въ 1391—92 годахъ. Онъ былъ вызванъ столкновеніемъ между Миланомъ (Іоаннъ-Галеаццо Висконти), Мантуею (Францискъ Гонзага), Перузою, Сіенною и др. съ одной стороны и Флоренціею, Болоньей, Падуей, Имолой и пр.—съ другой, которыя порѣшили отдать свой споръ на разрѣшеніе особаго третейскаго трибунала изъ нѣсколькихъ лицъ (папскій нунцій, великій магистръ ордена Іоаннитовъ, дожъ Генуи въ качествѣ частнаго лица и четыре выборныхъ представителя Генуи, какъ государства). Всѣ акты, касающіеся третейскаго разбирательства конфликта въ этой арбитральной коммиссіи, приведены въ продолженіи капитальнаго сборника Dumont, гдѣ они занимаютъ цѣлыхъ 47 большихъ страницъ folio [2]). Эти акты, обнимающіе собою время съ конца августа 1391 до конца января 1392 года, даютъ намъ очень интересную картину самой процедуры третейскаго разбирательства международныхъ споровъ въ средніе вѣка. Тутъ, въ различныхъ документахъ (къ сожалѣнію приведенныхъ только въ довольно спутанномъ порядкѣ) мы видимъ все послѣдовательное развитіе процесса, весь ходъ тре-

[1]) Cp. Bouteiller Somme Rurale, p. 696: „Comment on se deporte d'arbitrage".

[2]) Dumont-Rousset I, 2, pp. 229—276.

тейскаго судопроизводства между народами,—начиная съ грамотъ, удостовѣряющихъ полномочія прокураторовъ различныхъ государствъ, и ихъ торжественнаго „компромисса"—и кончая (отъ 20-го и дополнительная отъ 26 января) резолюціею третейскаго трибунала. Между этими двумя крайними группами документовъ, мы имѣемъ цѣлый рядъ всевозможныхъ процессуальныхъ актовъ, составляющихъ принадлежность обыкновеннаго общегражданскаго процесса: petitio однихъ, exceptio другихъ, снова—replicatio и пр. даютъ полную иллюзію правильнаго судоговоренія между частными лицами и заставляютъ признать, что идея права несомнѣнно уже проникла и въ область отношеній междугосударственныхъ.

6) Приговоръ третейскаго судьи.

На основаніи всѣхъ, выяснившихся указаннымъ образомъ на судоговореніи, юридическихъ и фактическихъ данныхъ, третейскій судья постановляетъ свое рѣшеніе (arbitrium, laudum). Оно документируется или въ торжественной формѣ грамоты, патента (напр. третейскій приговоръ короля Генриха Англійскаго между Кастиліею и Наваррой въ 1177 г., арбитральное рѣшеніе королей Венгерскаго и Богемскаго между Польшею и Орденомъ въ 1335 г. и пр. и пр.) [1])—что бываетъ обыкновенно, или же, въ исключительныхъ, маловажныхъ случаяхъ, въ формѣ простого протокола (напр. одинъ случай 1450 г.) [2]).

7) Исполненіе третейскаго приговора.

Что касается исполненія третейскаго приговора при международномъ арбитражѣ, то, конечно,—такъ же, какъ и въ настоящее время—оно не могло быть принудительнымъ, разъ

[1]) См. Dumont I, 1, 96, I, 2, 151 и пр. См. также хорошій примѣръ у Maulde III, 190, пр. 1 (третейское рѣшеніе Людовика XI между королями Кастильскимъ и Арагонскимъ).

[2]) Maulde III, 190 пр. 2.

дѣло шло о разрѣшеніи пререканій между независимыми, не знающими надъ собою высшей власти, государствами. По самому существу дѣла, исполненіе третейскихъ приговоровъ поручалось — и поручается — въ такихъ случаяхъ исключительно добросовѣстности государствъ, добровольно заключившихъ между собою договоръ о мирномъ третейскомъ разбирательствѣ ихъ спора. Въ самомъ такомъ договорѣ заключающія компромиссъ стороны впередъ обязуются безпрекословно исполнить и свято соблюдать рѣшеніе третейскаго суда. Соотвѣтствующія торжественныя обѣщанія и включаются постоянно въ текстъ трактата объ арбитражѣ. Въ одномъ, цитированномъ уже выше, документѣ 1262 года одна изъ заключающихъ компромиссъ сторонъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ свидѣтельствуетъ о своей обязанности исполнить рѣшеніе третейскаго суда: „...promittentes nos... ratum et gratum perpetuo servaturos quicquid nomine nostro... (arbitratores) ducerent statuendum“ [1]. Или еще сильнѣе въ другомъ документѣ 1397 г. (написанномъ на нижнегерманскомъ нарѣчіи): „wat de twelve (12 третейскихъ судей) afsprеken... dat scole we to beiden siden stede und vast holden bi guden truwen, sunder alle argelist“ [2].

8) Гарантіи исполненія третейскаго рѣшенія.

Въ виду постояннаго соблазна, представляющагося для независимаго государства, *не* исполнить невыгоднаго для него рѣшенія арбитра, ссылаясь на „явное“ его пристрастіе къ другой сторонѣ, любопытно отмѣтить, что уже люди среднихъ вѣковъ задумывались надъ установленіемъ какихъ-нибудь гарантій противъ неисполненія третейскаго приговора. Средневѣковье знаетъ различные виды такой гарантіи.

а) Въ вѣка сильнаго религіознаго чувства, такую гарантію естественно видѣли, прежде всего, въ присягѣ, въ клятвѣ

---

[1]) Monumenta Liv. Ant. IV, № 36.

[2]) Livl. UB. VI, 2937 cp. IV, 1445.

именемъ Божества, что арбитральная сентенція, какова бы она ни была, будетъ въ точности исполнена присягающимъ. Иногда, для большаго спокойствія другой стороны, такая клятва дается въ необыкновенно торжественныхъ, сильныхъ для вѣрующаго формахъ. Такъ, въ 1368 г., заключая соглашеніе о третейскомъ рѣшеніи своихъ споровъ съ королемъ Арагонскимъ и обѣщая подчиниться рѣшенію арбитра (короля Карла Французскаго), король Генрихъ Кастильскій клянется въ этомъ „своимъ королевскимъ словомъ, изображеніемъ и памятью Господа нашего Іисуса Христа Распятаго и святымъ Его Евангеліемъ“,—при чемъ грамота съ точностью упоминаетъ, что король при этомъ „тѣлесно“ дотрагивался до того и до другого (до изображенія и до Евангелія): „juramus— говоритъ онъ—verbo Regis, nec non super imaginem et memoriam Domini nostri Jesu Christi crucifixi Evangeliaque sua sancta, *corporaliter tactam et tacta*“ [1]).

b) Параллельно вырабатываются однако и другія, *матеріальныя*, обезпеченія исполненія третейскаго приговора сторонами—въ видѣ установленія извѣстнаго, поручаемаго арбитру, территоріальнаго залога или же денежной неустойки на случай неисполненія его рѣшенія. Интересно, что уже къ случаю международнаго третейскаго суда 1176—77 г. относится извѣстіе объ установленіи такой матеріальной гарантіи — залога: король кастильскій и король наваррскій, посылая своихъ уполномоченныхъ для выслушанія третейскаго приговора англійскаго короля, отдѣляютъ въ качествѣ залога за будущее точное исполненіе его рѣшенія по четыре замка; этихъ замковъ виновная сторона лишается также и въ томъ случаѣ, если ея уполномоченный не явится въ срокъ (въ теченіе 30 дней послѣ заключенія компромисса) къ третейскому трибуналу короля Англіи [2]).

---

[1]) Dumont II, 1, 67.
[2]) См. Dumont I, 1, 96.

Очень сходное съ этимъ условіе мы встрѣчаемъ еще въ 1343 г., когда по компромиссу между Швеціею и Даніею спорныя между ними территоріи сразу вручаются суперарбитру (Петру архіепископу Лундскому), который ихъ „statim recipiet... et tenebit“ до рѣшенія спора коллегіею двадцати четырехъ третейскихъ судей [1]).

Одновременно встрѣчаются и денежныя обезпеченія исполненія рѣшенія. Такъ въ одномъ рижскомъ документѣ 1226 года назначается, на случай нарушенія третейскаго приговора, штрафъ въ сорокъ марокъ золота [2]). Въ 1285 году, при арбитражѣ Магнуса Шведскаго между Норвегіею и Ганзейскими городами опредѣляется пеня въ 20,000 марокъ серебра — „poena viginti millium marcarum puri argenti in pondere coloniensi... a parte quae vel arbitrium non susceperit vel susceptum violoverit solvendaram“ [3]). Въ случаѣ третейскаго суда между Франціею и Англіею въ 1475 г. такая неустойка назначается въ 3 тысячи экю [4]) и пр.

c) Наконецъ, въ качествѣ гарантіи исполненія третейскаго рѣшенія, встрѣчается изрѣдка и поручительство различныхъ третьихъ лицъ, обыкновенно крупныхъ вассаловъ договаривающихся сторонъ. Такъ напр. въ одной французской грамотѣ 1311 года говорится объ отобраніи имѣній нѣсколькихъ феодальныхъ сеньёровъ, поручившихся въ исполненіи третейскаго рѣшенія по дѣлу между графами Фландрскимъ и Геннегаускимъ [5]). Любопытно, что въ этихъ случаяхъ поручившіеся вассалы имѣли „право (и обязанность) возстанія“ противъ своего собственнаго сюзерена, если тотъ нарушалъ или отказывался исполнить третейское рѣшеніе,—

---

[1]) Livl. UB. II, 816.
[2]) Livl. UB. I, 79, 80.
[3]) Livl. UB. I, 499.
[4]) Dumont III, 1, 501.
[5]) Maulde III, 190, rem 4; cp. p. 102.

въ чемъ и заключалась, съ точки зрѣнія средневѣковыхъ правительствъ, практическая гарантія исполненія приговора арбитра. Такъ напр. при упоминавшемся уже не разъ шведско-датскомъ компромиссѣ 1343 г. (2 августа) прямо оговаривается, что вассалы-поручители той или другой стороны могутъ, въ случаѣ неисполненія третейскаго рѣшенія своимъ правительствомъ, „дѣятельно“ вступиться за обиженную сторону и настоять—противъ своего же короля—на разрѣшеніи конфликта „согласно со справедливостью и любовью“ [1]).—Тоже самое условіе, въ качествѣ уже общей гарантіи всего трактата (одинъ изъ пунктовъ котораго предусматриваетъ установленіе новаго арбитража), повторяется между тѣми же державами и въ заключенномъ немного позже (18. ноября того же года) окончательномъ ихъ мирномъ трактатѣ [2]).

9) Юридическая терминологія арбитража въ средніе вѣка.

Параллельно съ этими признаками развитія международнаго арбитража, какъ извѣстнаго юридическаго института, въ средніе вѣка вырабатывается и соотвѣтствующая юридическая терминологія. Для третейскаго разбирательства и самаго третейскаго приговора устанавливается уже въ тѣ времена знакомый, сохранившійся до насъ, терминъ „arbitrium“ со всѣми его производными: постановлять третейское рѣшеніе—говорится „arbitrari“, третейскій судья—называется „arbiter“, „arbitrator“ или же полнымъ, обычнымъ въ средневѣковыхъ документахъ титуломъ „arbiter, arbitrator et ami-

---

[1]) „Se possint (говоритъ въ своей грамотѣ король датскій о своихъ датскихъ вассалахъ-поручителяхъ) nobis hostiliter opponere et (королю шведскому) contra nos efficaci invamine firmiter adhaerere donec sibi propterea satisfecerimus secundum iustitiam vel amorem“. Livl. UB. II, 816.

[2]) Dumont I, 2, 222: „Si praefatus Dominus noster Rex Magnus, Heredes sui etc (говорятъ шведскіе духовные и свѣтскіе магнаты)... pretextu juris Coronae Regis Sueciae aut propriae temeritatis audacia, contra praemissa... venerint, statim Nos.. dictum Dominum Waldemarum Regem Daniae... efficaciter et fideliter juvabimus contra Dominum nostrum Regem Magnum...“

cabilis compositor“ [1]). Рядомъ съ этими обычными терминами встрѣчаются иногда и другіе. „Arbitrium“ замѣняется напр. не рѣдко словами laudum, laus, sententia arbitralis, (также имѣющими значеніе техническихъ терминовъ) или же описательными выраженіями, въ родѣ ordinatio voluntatis, просто „dictum“ и проч. [2]). Вмѣсто „arbiter“ также встрѣчаются всевозможныя описательныя выраженія [3]). Все богатство средневѣковой латыни въ этомъ отношеніи какъ нельзя лучше видно изъ англо-французской грамоты о компромиссѣ 1298 года (описанный выше случай обращенія къ арбитражу Бонифація VIII), въ которой третейскій судья, согласно съ пышной канцелярской модой того времени, называется „arbiter, arbitrator, laudator, diffinitor, arbitralis sententiator, amicibalis compositor, praeceptor, ordinator, dispositor et pronunciator“ [4]).

Современный намъ техническій терминъ „компромиссъ“, въ смыслѣ формальнаго соглашенія, договора спорящихъ сторонъ, лежащаго въ основѣ третейскаго разбирательства, также появляется въ средніе вѣка (compromissum, compromis, mise), какъ это видно изъ сохранившихся до насъ и разобранныхъ выше грамотъ объ арбитражѣ. Самый актъ такого соглашенія называется „litterae compromissi“, договариваться о выборѣ кого-нибудь въ третейскіе судьи — говорится „compromittere in...“ и пр. и пр.—

Только что сдѣланный анализъ случаевъ международнаго третейскаго суда въ средніе вѣка съ юридической точки зрѣ-

---

[1]) Примѣры см. во всѣхъ приведенныхъ выше случаяхъ арбитража въ средніе вѣка.

[2]) См. напр. Dumont I, 1, 308, II, 1, 67.

[3]) Напр. „mediantes et discriminantes viri“, „mediator et definitor“ (Livl. UB. I, 270, II, 652); по французски — „juge traicteur et amiable compositeur“ (Dumont I, 2, 142); по нѣмецки — „degedingeslude, dedingeslude“ (т. е. вообще примирители, посредники - отъ Degedinge, Tedinge, переговоры, соглашеніе. Livl. UB. IV, 1653, VI, 2937, см. также это слово въ Wortregister IV, S. 925, 926) или даже просто „vulmechtich van beiden parten“, „butenlude“ и пр. (ibid. VII, 733, VIII, 1020).

[4]) Dumont I, 1, 308.

нія несомнѣнно заставляетъ насъ признать существованіе въ эту эпоху цѣлаго ряда общепризнанныхъ нормъ права въ этой области — цѣлаго ряда моментовъ, образующихъ собою понятіе международнаго арбитража какъ особаго юридическаго института. Многочисленные случаи международнаго третейскаго суда въ средніе вѣка суть именно уже „des espèces juridiques“, а не только „des curiosités historiques“, какъ это думаетъ Dreyfus [1]), которому всѣ они, за исключеніемъ нѣсколькихъ банальныхъ примѣровъ, остались совершенно неизвѣстны!

7. Попытки установленія постояннаго арбитража въ средніе вѣка.

Въ видѣ заключенія, мы подтвердимъ правильность этого общаго положенія еще ссылкою на цѣлый рядъ мало или вовсе неизвѣстныхъ фактовъ изъ исторіи среднихъ вѣковъ, которые доказываютъ, что средневѣковью не была чужда идея такъ наз. постояннаго арбитража — установленія для извѣстныхъ международныхъ конфликтовъ обязательнаго разрѣшенія путемъ третейскаго суда. Въ этомъ отношеніи — какъ это ни странно можетъ показаться съ перваго взгляда — мы, съ фактами въ рукахъ, имѣемъ возможность утверждать, что и такъ называемая „clause compromissoire“, и даже „traité d'arbitrage permanent“ нашего времени были извѣстны и среднимъ вѣкамъ. Мы можемъ утверждать, что pia desideria дипломатовъ, подписавшихъ извѣстный Парижскій протоколъ 14 апрѣля 1856 г., или ученыхъ, подписавшихъ постановленіе Института международнаго права отъ 12 сентября 1877 года, — были уже pia desideria людей XIV и XV вѣковъ, что Вашингтонскій трактатъ 1890 г. о постоянномъ арбитражѣ между 17 американскими государствами, — имѣлъ себѣ прецеденты и въ практикѣ среднихъ вѣковъ! — Мы и

[1]) См. выше стр. 36.

сгруппируемъ здѣсь, въ заключеніе, всѣ встрѣченные нами факты подобнаго рода, т. е. попытки, сдѣланныя въ средніе вѣка, ввести въ международную жизнь принципъ *постояннаго* рѣшенія международныхъ конфликтовъ мирнымъ путемъ — черезъ установленіе, для тѣхъ или другихъ случаевъ столкновеній, обязательнаго постояннаго обращенія къ международному суду какого-нибудь третьяго, сторонняго лица (или лицъ), а также и къ учреждавшимся иногда (въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ случаяхъ) особаго рода смѣшаннымъ международнымъ судебнымъ коммиссіямъ изъ представителей самихъ заинтересованныхъ сторонъ.

Что такія соглашенія объ улаженіи впредь всѣхъ конфликтовъ извѣстнаго типа путемъ третейскаго суда были извѣстны уже среднимъ вѣкамъ, на это указываетъ еще Bluntschli, не приводя однако примѣровъ въ подтвержденіе своихъ словъ [1]). Такіе примѣры встрѣчаются, между тѣмъ, за средніе вѣка уже въ довольно значительномъ количествѣ.

Такъ, уже отъ 1218 года мы имѣемъ одинъ примѣръ такого рода изъ междугосударственной практики феодальной Европы. Въ сборникѣ трактатовъ Dumont находится именно подъ этимъ годомъ одинъ чрезвычайно любопытный документъ — „Charta pacis inter Theobaldum Ducem Lotharingiae et Blancam Comitissam Trecensem“ — въ которомъ одна изъ сторонъ (герцогъ Лотарингскій), въ случаѣ причиненія въ будущемъ его вассалами или имъ самимъ какого-нибудь вреда другой договаривающейся сторонѣ, обязуется вознаградить ее за вредъ въ размѣрѣ, каждый разъ опредѣляемомъ путемъ третейскаго рѣшенія двухъ поименованныхъ въ трактатѣ феодальныхъ сеньёровъ. Въ случаѣ смерти того или другого, имъ назначаются замѣстители (одинъ герцогомъ,

[1]) Bluntschli Droit international codifié (trad. Lardy) § 497 rem. — Онъ говоритъ только о среднихъ вѣкахъ; изъ древней же исторіи, въ томъ же смыслѣ толкуютъ постановленія Периклова мира (441 г. до Р. Хр.) и одного союзнаго договора между Спартою и Аѳинами. Гр. Камаровскій О междун. судѣ, 107.

другой графинею); въ случаѣ ихъ разногласія, дѣло рѣшаетъ, въ качествѣ супер-арбитра, епископъ Клермонтскій [1]).

Болѣе общее приложеніе, чѣмъ въ приведенномъ случаѣ, получаетъ принципъ постояннаго арбитража въ одномъ актѣ 1235 года, когда, по словамъ Mérignhac'а, такъ называемая „clause compromissoire“ появляется между Генуею и Венеціею: оба государства заключаютъ между собою условіе о постоянномъ разрѣшеніи ихъ будущихъ столкновеній третейскимъ судомъ Папы, при чемъ нарушившій это соглашеніе подлежитъ отлученію отъ церкви [2]).

Далѣе, къ 1304 году (17 іюня) относится соглашеніе о постоянномъ арбитражѣ (un pacte d'arbitrage permanent) между королемъ Французскимъ и графомъ Геннегау (Hainaut) для всѣхъ споровъ о ленныхъ правахъ (dépendances) Св. Римской имперіи во Франціи или въ Геннегау; эти споры будутъ впредь рѣшаться 4 арбитрами по выбору обоихъ государей [3]).

По любопытному совпаденію, въ томъ же 1304 году, на другомъ концѣ Европы, четыре государства старой Ливоніи (а именно Орденъ, епископства Дерптское и Эзельское и Эстляндія, въ качествѣ автономной провинціи датскаго королевства) заключаютъ между собою въ Дерптѣ (25 февраля) наступательный и оборонительный союзъ, актъ котораго чрезвычайно для насъ интересенъ [4]). Договаривающіяся стороны условливаются въ немъ, что на будущее время для разрѣшенія всѣхъ споровъ между союзниками будетъ составляться коммиссія изъ 24 судей или посредни-

---

[1]) Вотъ это интересное постановленіе: „si vero, quod absit, malum eis evenerit per me (Ducem Loth.) vel per homines meos... ego tenerer emendare... ad laudem et arbitrium charissimi avunculi Odonis Ducis Burgundiae et Johannis de Arceiis... Et si forte illi duo concordare non possent, Episcopus Claromontensis statutus est medius cujus arbitrio staretur sine contradictione aliqua...“ Dumont I, 1, 158.

[2]) Mérignhac p. 40.

[3]) Maulde III, 102 et 191.

[4]) Livl. UB. II, 608.

ковъ, назначаемыхъ, на началѣ полнаго равенства, по 6 отъ каждаго изъ контрагентовъ. — Эти постановленія о созваніи въ подлежащихъ случаяхъ цѣлой смѣшанной коллегіи для „дружественнаго улаженія несогласій" (ad discordiam amicabiliter sopiendam) между данными государствами чрезвычайно любопытны, конечно, уже сами по себѣ, хотя бы мы и не имѣли доказательствъ примѣненія ихъ на практикѣ. Тутъ интересенъ, прежде всего, самый принципъ, легшій въ основу этихъ постановленій,—тѣмъ болѣе, что онъ является здѣсь, въ Дерптскомъ договорѣ, не единственный разъ. То же самое условіе мирнаго рѣшенія всѣхъ будущихъ конфликтовъ посредствомъ такихъ постоянныхъ посредниковъ или третейскихъ судей повторяется еще въ союзномъ (такъ сказать, дополнительномъ къ дерптскому) трактатѣ 1316 г. (въ Зегевольдѣ) между Орденомъ и архіепископствомъ рижскимъ, по которому условлено, что для разрѣшенія будущихъ споровъ будутъ назначаться по два человѣка съ каждой стороны, „qui non separabuntur donec discordes concordaverint in justitia vel amore" [1]). Тотъ же принципъ, до извѣстной степени, повторяется и въ актѣ „единенія" всѣхъ ливонскихъ государствъ (Landeseinigung) въ Валкѣ въ 1435 г. [2]).

Но, въ разсматриваемомъ смыслѣ, XIV столѣтіе интересно и независимо отъ этихъ ливонскихъ договоровъ 1304 и 1316 гг. Какъ на это совершенно правильно указываетъ Nys [3]), идея постояннаго третейскаго разрѣшенія извѣстныхъ конфликтовъ выражена еще въ одномъ замѣчательномъ памятникѣ этого вѣка—а именно въ Consolato del Mare, извѣстномъ средневѣковомъ сборникѣ морского международнаго права. Здѣсь рѣчь идетъ спеціально объ отношеніяхъ и конфликтахъ *частныхъ* лицъ въ области международнаго оборота

[1]) Livl. UB. II, 654.

[2]) Livl. UB. VIII, 1020. Общее постановленіе о рѣшеніи столкновеній не силою, а обращеніемъ къ „die czu sulchen sachen butenlude siinth"—къ незаинтересованнымъ членамъ союза, заключаемаго въ Валкѣ.

[3]) Origines, p. 52.

и названный памятникъ провозглашаетъ, именно, принципъ постояннаго арбитража по отношенію ко всѣмъ спорамъ, возникающимъ изъ такъ наз. „репризовъ“ между хозяевами отбитаго отъ непріятеля корабля и его освободителями относительно суммы вознагражденія послѣднимъ. Въ этихъ и въ аналогичныхъ случаяхъ (напр. при захватѣ кѣмъ-нибудь корабля, брошеннаго его хозяиномъ изъ страха передъ непріятелями), споръ долженъ быть всегда рѣшенъ третейскимъ приговоромъ prud'hommes'овъ, отданъ, какъ выражается Consolato, „во власть добрыхъ людей“ — „en poder de bons homens“ [1]).

Изъ XV вѣка — нужно упомянуть Торнскій мирный трактатъ (1411) между Польшею и Литвою съ одной стороны и Тевтонскимъ Орденомъ съ другой, по которому постановлено, что впредь при каждомъ возникающемъ недоразумѣніи избираются для мирнаго улаженія конфликта 12 третейскихъ судей, по 6 съ каждой стороны. Въ случаѣ если они не придутъ къ соглашенію, окончательное рѣшеніе дѣла принадлежитъ Папѣ [2]).

[1]) См. главу 245 (200) этого замѣчательнаго сборника, пользовавшагося громаднымъ авторитетомъ въ средніе вѣка. Pardessus II, 339 s.— Замѣчательны при этомъ самые мотивы, которые выставляетъ Consolato въ пользу своего совѣта рѣшать дѣло третейскимъ судомъ: „вступленіе въ дѣло и разрѣшеніе его по справедливости добрыми людьми всегда желательно, говоритъ онъ: справедливость требуетъ, чтобы никто не причинилъ другому столько вреда, сколько онъ случайно можетъ причинить, ибо никто не знаетъ, не можетъ знать и не увѣренъ, что въ свою очередь и ему не будетъ угрожать когда-нибудь извѣстный вредъ; вотъ почему каждый долженъ отдать свой споръ (особенно въ приведенныхъ и имъ подобныхъ случаяхъ) на разрѣшеніе стороннихъ добрыхъ людей, дабы ни Богъ ни люди не могли его порицать.“ Ibid. p. 340.

[2]) Dogiel Codex diplomaticus IV, № 80: „...quaelibet partium, insurgentibus aliquibus dissensionibus... debeat dare sex personas et... eaedem duodecim personae habeant omnimodam potestatem per viam juris aut amicitiae easdem dissensiones... complanare. Et si in sententia concordes non fuerint, ad Super-Arbitrum Dominum Papam causas debent remittere...“ Здѣсь нужно оговориться, что юрисдикція этой коллегіи третейскихъ судей *не* подлежали во всякомъ случаѣ споры между подданными той и другой стороны о недвижимостяхъ: вопросы права собственности, владѣнія и леннаго держанія земель разрѣшаются соотвѣтствующимъ Land- или Lehngericht'омъ, то есть значитъ по общему правилу „actor sequitur forum rei“ и по „lex rei sitae“. Dogiel ibid. Voigt Geschichte Preussens VII, 134, 135.

Таковы различные факты, касающіеся соглашеній о такъ наз. постоянномъ арбитражѣ за средніе вѣка. Сюда же можно присоединить нѣсколько идущихъ параллельно и близко касающихся постояннаго арбитража, любопытныхъ примѣровъ установленія, для нѣкоторыхъ спеціальныхъ случаевъ, особыхъ постоянныхъ смѣшанныхъ международныхъ коммиссій изъ представителей самихъ заинтересованныхъ государствъ, для совмѣстнаго обсужденія и рѣшенія извѣстныхъ ихъ общихъ дѣлъ (а также и возникающихъ изъ нихъ споровъ и пререканій), напр. въ особенности вопросовъ пограничныхъ.

Такъ, мы имѣемъ извѣстіе, что 15 іюня 1314 года былъ заключенъ между королемъ Эрикомъ Датскимъ и великимъ магистромъ Ордена въ Ливоніи договоръ объ учрежденіи особой постоянной смѣшанной коммиссіи для рѣшенія всѣхъ пограничныхъ дѣлъ и споровъ. Этотъ смѣшанный судъ долженъ состоять изъ 8 членовъ, по 4 съ каждой стороны,—а именно изъ 4 рыцарей Ордена и 3 датскихъ вассаловъ изъ Эстляндіи съ королевскимъ военачальникомъ (Hauptmann) въ Ревелѣ. Ихъ рѣшеніе безусловно обязательно для обѣихъ сторонъ [1]).

По мирному окончательному трактату 18 ноября 1343 г. между Швеціею и Даніею учреждается такая же смѣшанная судебная коммиссія изъ 12 членовъ (по 3 духовныхъ и по 3 свѣтскихъ лица съ каждой стороны) для совмѣстнаго обсужденія и рѣшенія нѣкоторыхъ важныхъ уголовныхъ дѣлъ, затрагивающихъ интересы обоихъ государствъ. Въ случаѣ если коммиссія не можетъ придти ни къ какому рѣшенію, она выбираетъ двухъ спеціальныхъ судей (одного шведа и одного датчанина), которые и рѣшаютъ дѣло окончательно [2]).

Такого-же рода смѣшанную коммиссію—и опять по пограничнымъ вопросамъ—мы находимъ еще въ 1435 г. По смыслу договора о „вѣчномъ мирѣ“, заключеннаго въ этомъ году въ Брестѣ между Польшею и Тевтонскимъ орденомъ,

[1]) Livl. UB. II Reg. 751.

[2]) Dumont I 2, 222.

два орденскихъ командора и двое королевскихъ воеводъ будутъ ежегодно съѣзжаться въ Нешавѣ и Торнѣ для совмѣстнаго разбирательства пограничныхъ споровъ [1]).

Таковы, въ общей сложности, данныя средневѣковой исторіи по вопросу о зарожденіи и развитіи института третейскаго суда въ области международныхъ отношеній. Мы видѣли, что идея третейскаго разбирательства споровъ, проникнувъ благодаря особымъ условіямъ средневѣковаго соціально-политическаго строя въ область публично-правовыхъ отношеній, привилась, въ частности, и къ сферѣ отношеній международныхъ. Несмотря на грубость нравовъ и воинственность разбираемой эпохи, международная жизнь этого времени *переполнена* уже, какъ мы видѣли, примѣрами примѣненія арбитража для улаженія конфликтовъ между государствами. Въ то же время, постепенно вырабатываются и извѣстныя общія начала его, какъ юридическаго института, и дѣлаются даже отдѣльныя попытки провозгласить его какъ общій желательный принципъ для постояннаго разрѣшенія тѣхъ или другихъ международныхъ столкновеній, попытки подняться до заключенія трактатовъ о постоянномъ арбитражѣ современнаго намъ типа!

Въ виду всего этого, въ виду всей совокупности приведенныхъ и разобранныхъ выше фактовъ, можно такимъ образомъ безусловно признать, что уже средніе вѣка слѣдуетъ разсматривать какъ эпоху возникновенія современнаго намъ международнаго третейскаго суда, идея котораго уже въ тѣ грубыя времена начала выливаться въ опредѣленныя, общепризнанныя юридическія формы, проникая въ тоже время все болѣе и болѣе въ общее правосознаніе народовъ, въ качествѣ новаго мирнаго средства разрѣшенія конфликтовъ въ области международныхъ отношеній.

---

[1]) Voigt Geschichte Preussens VII, S. 672 ff.

II.

Фактическія мирныя средства разрѣшенія международныхъ конфликтовъ.

Фактическія мирныя средства разрѣшенія международныхъ конфликтовъ.

1. Посредничество и добрыя услуги.

Мирное разрѣшеніе международныхъ столкновеній путемъ посредничества (médiation), и добрыхъ услугъ (bons offices) третьихъ лицъ [1]) имѣетъ одну характерную особенность въ средніе вѣка—особенность, которая насъ и должна спеціально интересовать, такъ какъ только она и представляетъ здѣсь нѣчто новое, нѣчто выдвинутое именно средневѣковою международною жизнью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта-та особенность и положила твердое основаніе практикѣ мирнаго разрѣшенія конфликтовъ вышеупомянутыми способами—такъ сказать, пріучила къ нимъ народы и правительства.

Характерная черта средневѣковаго посредничества и добрыхъ услугъ, которую мы имѣемъ въ виду, вытекаетъ изъ общаго взгляда средневѣковья на семью западно-европейскихъ государствъ, какъ на одну Respublica Christiana съ Папою и Императоромъ въ главѣ. Отсюда—общее убѣжденіе, что

---

[1]) Въ средніе вѣка эти два способа еще не отграничены теоріею одинъ отъ другого; только къ срединѣ XVII вѣка зародившаяся наука международнаго права устанавливаетъ различіе между третьими лицами, предлагающими „proprio motu" свои добрыя услуги (ихъ называли interpositeurs, pacificateurs) и выполняющими, съ согласія и по порученію спорящихъ, актъ „посредничества" (médiateurs). См. Nys. Origines, 51.— Указанная терминологія для посредничества и добрыхъ услугъ встрѣчается уже въ XIV—XV вв. См. Maulde, III, 185, 186 въ примѣчаніяхъ.

Папа (и Императоръ) призванъ спеціально заботиться о сохраненіи мира между христіанскими народами и является, такъ сказать, *посредникомъ ex officio* при всякихъ международныхъ столкновеніяхъ.

Что касается, прежде всего, Папы, то его общепризнанный въ средніе вѣка авторитетъ, въ качествѣ „намѣстника Христа" на землѣ и духовнаго отца всѣхъ христіанскихъ (католическихъ) народовъ, дѣлаетъ общепризнанною и его извѣстную компетентность въ международныхъ конфликтахъ. Его вмѣшательство въ международныя столкновенія съ цѣлью мирнаго ихъ разрѣшенія—въ видѣ ли только добрыхъ услугъ или посредничества—признается впродолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ вполнѣ нормальнымъ, должнымъ и создаетъ такимъ образомъ уже извѣстное право—а это и имѣетъ особенное для насъ значеніе, внося новый, неизвѣстный древности моментъ въ систему мирнаго разрѣшенія международныхъ столкновеній. Ad papam pertinet pacem facere inter principes christianos — таковъ основной юридическій принципъ средневѣковья, формулированный къ тому же еще въ XV столѣтіи (т. е. въ ту эпоху, когда авторитетъ Папы, даже чисто-духовный, былъ уже значительно потрясенъ) однимъ изъ замѣчательныхъ средневѣковыхъ предшественниковъ Гуго Гроція, италіанскимъ профессоромъ Мартиномъ Гаратомъ [1]) въ его сочиненіи „De confederatione, pace et conventionibus principum" [2]).

И, нужно отдать имъ справедливость, Папы широко пользовались этимъ своимъ *правомъ* посредничества и добрыхъ

---

[1]) Martinus Garatus Laudensis (т. е. изъ города Lodi), профессоръ въ Павіи 1438, въ Сіеннѣ 1445, авторомъ цѣлаго ряда сочиненій по международному праву. E. Nys Le droit de la guerre et les précurseurs de Grotius (Brux. 1882) p. 164. Ср. A. Rivier Note sur la littérature du droit des gens avant Grotius (Brux. 1883) p. 30.

[2]) Questio 34. — Это сочиненіе въ числѣ другихъ его трудовъ было напечатано уже въ 1494 г. (въ Миланѣ). Его работы попали въ XVI томъ большого сборника Fr. Ziletti. Tractatus tractatuum (1584).

услугъ, особенно во время крестовыхъ походовъ, когда — не говоря уже о соображеніяхъ морально-религіозныхъ—самыя требованія политики должны были побуждать намѣстниковъ св. Петра заботиться о водвореніи согласія между спорящими внутри Европы и о соединеніи ихъ всѣхъ противъ общаго врага — мусульманъ [1]). Но и во второй половинѣ среднихъ вѣковъ въ собственномъ смыслѣ — особенно во время кровавой столѣтней распри между Франціею и Англіею, мы часто видимъ римскаго первосвященника въ роли посредника, и не разъ его „добрыя услуги" разрѣшали возникшій конфликтъ мирнымъ образомъ или заставляли прекратить уже начавшееся кровопролитіе. Миръ въ Brétigny (1360) между Франціею и Англіею былъ главнымъ образомъ дѣломъ папскаго нунція [2]); въ 1427 и 1428 гг. кардиналъ Sanctae Crucis, отъ имени папы Мартина V и съ согласія воюющихъ сторонъ, является посредникомъ между герцогомъ Савойскимъ, Венеціею и Флоренціею съ одной стороны и герцогомъ Миланскимъ съ другой — и заключаетъ между ними миръ [3]); въ 1435 году только благодаря тому-же папскому легату состоялся большой международный конгрессъ дипломатовъ въ Arras и былъ подписанъ миръ между Карломъ VII Французскимъ и могущественнѣйшимъ союзникомъ Англіи, герцогомъ Филиппомъ Бургундскимъ [4]) и пр. и пр. [5]).

Этотъ взглядъ на Папу, какъ на извѣстнаго посредника ex officio при международныхъ столкновеніяхъ въ западно-христіанскомъ мірѣ, имѣетъ до извѣстной степени примѣненіе и по отношенію къ другому лицу, которое вмѣстѣ съ Папою представляло единство Reipublicae Christianae, — а именно по отношенію къ Императору. Онъ также (по воззрѣнію имперіалистовъ)—намѣстникъ Бога на землѣ, и по-

---

1) См. Pütter Beiträge S. 177 ff.
2) Nys Origines, 267.
3) Dumont II, 2, 203, 208, 216.
4) Nys Origines 267.
5) См. напр. Maulde, III, 184, 185, 186 въ прим.

тому не только господинъ, но и отецъ-покровитель всего міра, миротворецъ всѣхъ народовъ. Ему принадлежитъ „patrocinium totius orbis“, онъ—„imperator pacificus“. И, какъ мы имѣли уже случай говорить это въ другомъ мѣстѣ [1]), этотъ умиротворяющій, посреднический между отдѣльными народами характеръ императорскаго достоинства выходитъ все болѣе и болѣе на первый планъ по мѣрѣ разрушенія властной, державной стороны средневѣковой Имперіи. Во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, когда народы запада, формирующіеся въ отдѣльныя національныя государства, превращаютъ „общеевропейскую Имперію“ нѣмецкихъ королей въ простую фикцію, за императоромъ, утерявшимъ послѣднюю тѣнь территоріальнаго главенства надъ Европою во вкусѣ Гогенштауфеновъ, остается лишь главенство *моральное* — какъ свыше поставленнаго постояннаго посредника между народами Европы. Именно на эту точку зрѣнія и становятся, въ сущности, оба выдающихся поборника имперіализма во второй половинѣ собственнаго средневѣковья (въ XIV и XV вѣкахъ)— Данте въ своемъ сочиненіи „De Monarchia“ и Эней-Сильвій Пикколомини въ своемъ „De ortu et auctoritate Imperii Romani“. Оба они, какъ убѣжденные имперіалисты, не могутъ еще разстаться со своимъ старымъ, *римскимъ* воззрѣніемъ на императорскую власть, но измѣнившійся международный строй западной Европы заставляетъ и ихъ выдвигать на первый планъ то, что составляло тогда единственный еще остатокъ универсальнаго значенія императора,—т. е. чисто-моральное его главенство въ католической Европѣ, какъ первенствующаго среди государей лица, призваннаго поддерживать между ними согласіе и соединять всѣ государства и народы въ одно христіанское царство міра.

Таковы характерныя черты средневѣковыхъ воззрѣній на „посредничество“ и добрыя услуги“—черты, вытекающія изъ

---

[1]) См. нашъ I томъ, стр. 176 и 301.

общихъ измѣнившихся въ средніе вѣка взглядовъ на соотношеніе между войною и миромъ и изъ возникшаго сознанія обязанности поддерживать миръ и прибѣгать къ войнѣ только въ крайнихъ случаяхъ. Посредничества среднихъ вѣковъ уже не являются, такимъ образомъ, случайными, оторванными отъ почвы явленіями—безразличными актами простой политики, каковы были аналогичные случаи мирнаго рѣшенія конфликтовъ въ древности,—но прямыми, логическими выводами изъ общихъ, болѣе глубокихъ, воззрѣній на взаимныя отношенія народовъ, актами, вызванными не только *политикой*, но уже и извѣстными общими *нравственными принципами*, *правилами должнаго*, легшими въ основу всего міровоззрѣнія новаго христіанскаго общества. Эти нравственные принципы, объединяя своею идеею разрозненные случаи мирнаго рѣшенія конфликтовъ путемъ того или другого (умиротворяющаго) вступленія въ нихъ третьихъ лицъ, и создаютъ изъ нихъ впервые нѣчто цѣлое, извѣстную проникнутую однимъ духомъ систему, прививаютъ въ сознаніе народовъ извѣстныя правила должнаго, которыя—выражаясь главнымъ образомъ въ общепризнанныхъ нормальными, правильными, обязательными „добрыхъ услугахъ" и „посредничествѣ" Папъ—и представляютъ уже первое проявленіе извѣстнаго *права* въ области фактическаго мирнаго разрѣшенія международныхъ столкновеній.

2. Дипломатическіе переговоры.

Дипломатическіе переговоры, въ качествѣ особаго мирнаго средства разрѣшенія международныхъ конфликтовъ, представляютъ въ эпоху среднихъ вѣковъ тотъ особенный интересъ, что именно въ это время—а въ частности, къ концу разсматриваемаго періода—вырабатывается самою жизнью, въ прямой зависимости отъ усложняющихся потребностей международнаго оборота, практика *коллективнаго* обсужденія международныхъ вопросовъ представителями нѣсколькихъ государствъ.

Другими словами, мы находимъ въ эпоху среднихъ вѣковъ первые слѣды зарожденія современныхъ намъ конференцій и конгрессовъ, которые служатъ теперь не только, такъ сказать, квалифицированнымъ способомъ мирнаго разрѣшенія столкновеній путемъ переговоровъ, но и первымъ шагомъ по пути извѣстной организаціи международнаго общенія.

Говоря о появленіи въ средніе вѣка первыхъ (и потому, конечно, еще очень несовершенныхъ) примѣровъ возникновенія современной намъ практики конференцій и конгрессовъ, мы *не* имѣемъ однако въ виду общеизвѣстныхъ большихъ средневѣковыхъ соборовъ всей западной Европы—въ родѣ напримѣръ Констанцкаго „сената христіанской Европы“ (какъ Вольтеръ назвалъ соборъ 1414—18 гг.). Уже разсматривая зарожденіе въ средніе вѣка идеи международнаго общенія, мы имѣли случай указать на эти соборы феодально-католическаго запада, какъ на явленіе специфически-средневѣковое, напоминающее современные намъ конгрессы развѣ лишь по внѣшности, по ихъ крупному значенію для всего западнаго міра (какъ напр. соборы Латеранскій 1215 г. и оба Ліонскихъ въ XIII вѣкѣ, Констанцкій и Базельскій въ XV-мъ и пр.)[1]. На самомъ же дѣлѣ, эти съѣзды представителей католическаго Запада, разбиравшіе, правда, не рѣдко и чисто свѣтскіе, политическіе вопросы —были, прежде всего, всетаки соборами *духовными*; съ другой стороны, даже въ концѣ среднихъ вѣковъ, въ XV-мъ столѣтіи, они остаются скорѣе примѣрами своеобразныхъ, чисто-средневѣковыхъ съѣздовъ нотаблей со всей тогдашней „Respublica Christiana“ (признававшей еще надъ собою моральное главенство папы и императора), т. е. скорѣе какими-то обще-европейскими états généraux, чѣмъ прототипами современныхъ намъ, чисто-свѣтскихъ, конгрессовъ и конференцій—этихъ спеціальныхъ съѣздовъ уполномоченныхъ отдѣльныхъ независимыхъ государствъ для сов-

[1]) Ср. нашъ I томъ, стр. 246 и 366 сл.

мѣстнаго обсужденія и рѣшенія вопросовъ международной политики и права.

Однако, именно и такіе, современнаго намъ типа, съѣзды дипломатовъ были уже извѣстны, какъ оказывается, среднимъ вѣкамъ. Мы говоримъ о выработанныхъ международною практикой XIV—XV вѣковъ такъ называемыхъ „journées", которыя и нужно считать родоначальницами конференцій и конгрессовъ новаго времени. Такая „journée" или „Tag" представляла собою, говоря словами историка международныхъ отношеній въ исходѣ XV вѣка, Maulde-la-Clavière [1]), спеціально заранѣе подготовленный „congrès solennel et fastueux" уполномоченныхъ заинтересованныхъ государствъ, въ которомъ принимали участіе и послы третьихъ державъ, составляя своего рода „посредническій трибуналъ" (tribunal ou aréopage de médiation). Примѣрами подобныхъ средневѣковыхъ конференцій, собиравшихся какъ для полюбовнаго разрѣшенія международныхъ столкновеній, для предупрежденія войны, такъ и для заключенія мира, наполненъ весь XIV и XV вѣкъ [2]), причемъ эти journées принимаютъ иногда размѣры настоящихъ большихъ международныхъ конференцій или конгрессовъ нашего времени. Въ этомъ отношеніи, знаменитый Вестфальскій конгрессъ 1648 года, считающійся первымъ примѣромъ дипломатическихъ съѣздовъ этого рода—примѣромъ, знаменующимъ собою наступленіе новой эры въ области международной жизни,—имѣетъ, какъ оказывается, чрезвычайно любопытные прототипы.

Для перваго примѣра скажемъ нѣсколько словъ хотя-бы о большой конференціи 1435 года въ Arras — какъ объ инте-

[1]) Maulde III, 97 s. и вообще о „конференціяхъ" конца среднихъ вѣковъ p. 92 ss.

[2]) Maulde Ibid. passim.—Та же практика и въ исторіи восточной окраины З. Европы: какъ примѣры возьмемъ на удачу Данцигскій съѣздъ 1366 г. (Voigt Geschichte Preussens V, 188 ff.) или съѣзды подъ Вельной въ началѣ XV вѣка (о нихъ см. дальше).

ресномъ и замѣчательномъ примѣрѣ такихъ чисто-свѣтскихъ съѣздовъ для дипломатическихъ переговоровъ въ средніе вѣка [1]).

Въ тридцатыхъ годахъ XV столѣтія крайній западъ Европы находился еще въ разгарѣ столѣтней войны между Англіею и Франціею: послѣ взятія въ плѣнъ и сожженія Іоанны д'Аркъ (1431), борьба между двумя сосѣдними народами продолжалась еще съ большимъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ, и собравшійся въ то время Базельскій соборъ напрасно увѣщевалъ враждующихъ о примиреніи. Наконецъ, въ 1435 году „добрыя услуги" Папы Евгенія IV [2]) привели къ подписанію (между Карломъ VII и союзникомъ англичанъ герцогомъ Бургундскимъ) сепаратнаго прелиминарнаго мира, однимъ изъ пунктовъ котораго было условлено созваніе въ городѣ Arras конференціи (journée) для заключенія общаго и окончательнаго мира съ Генрихомъ VI.

Такъ какъ переходившая отъ поколѣнія къ поколѣнію вѣковая борьба между Англіею и Франціею, этими двумя сильнѣйшими монархіями того времени, являлась фактомъ въ полномъ смыслѣ слова международной, общеевропейской важности для всего западно-христіанскаго міра, вліяя на всѣ отношенія его государствъ между собою,—то было одновременно условлено пригласить также и Папу, и Соборъ, и всѣхъ христіанскихъ государей прислать своихъ представителей на собиравшуюся конференцію. И дѣйствительно, когда послѣ долгихъ предварительныхъ переговоровъ [3]) конференція открылась, то въ Аррасѣ, по выраженію французскаго исто-

---

[1]) Эту „journée" подробно описываетъ Martin Histoire de France t. VI, p. 230 ss., а изъ современниковъ Olivier de la Marche. См. Nys Origines 267 s.

[2]) Olivier de la Marche говоритъ (Mémoires I, 203), что папа „envoya en France ses légaulx et ses embassadeurs... qui tellement labourèrent... en cette matière que une *journée* fut prinse et acceptée de toutes les parties au lieu d'Arras en Artois" Nys 267.

[3]) Онѣ длились около трехъ мѣсяцевъ. См. Maulde III, 97 rem. 5.

рика, оказался настоящій большой конгрессъ представителей всего христіанскаго (католическаго) міра [1]).

Кромѣ уполномоченныхъ отъ королей Франціи и Англіи и кромѣ герцога Бургундскаго, явившагося на конгрессъ лично, въ немъ приняли участіе: 2 кардинала — представители собора и Папы, послы Императора, королей Кастиліи, Арагоніи, Наварры, Португаліи, Неаполя, Сициліи, Польши, Даніи, Кипра, герцоговъ Миланскаго, Бретанскаго, и пр., не говоря уже о представителяхъ Парижа (города и университета) и другихъ французскихъ, бургундскихъ и нидерландскихъ городовъ, явившихся по обычаю того времени дополнить общую картину „сената христіанской Европы".—Душою конгресса были оба кардинала (кардиналъ „Кипрскій", посолъ Собора, и кардиналъ Sanctae Crucis—легатъ Папы), которые и играли роль посредниковъ между Франціею, съ одной стороны, и Англіею и Бургундіею съ другой. Ихъ усилія увѣнчались однако успѣхомъ только отчасти, ибо окончательный миръ удалось заключить (21 сентября 1435 г.) лишь между Карломъ VII и Филиппомъ Бургундскимъ. Карлъ же и Генрихъ VI остались врагами—хотя нужно замѣтить, что и въ этомъ отношеніи Аррасскій миръ имѣлъ капитальное значеніе: англичане были лишены поддержки своего могущественнаго и притомъ французскаго же союзника, и съ этихъ поръ можно было уже видѣть, что столѣтняя борьба между Франціею и Англіею близится къ концу и именно къ возстановленію status quo ante.

Этотъ съѣздъ уполномоченныхъ всей католической Европы для совмѣстныхъ дипломатическихъ переговоровъ, столь интересный съ точки зрѣнія исторіи современныхъ конференцій, и закончился также весьма замѣчательнымъ въ этомъ отношеніи образомъ: мирный трактатъ между французскимъ

[1]) H. Martin Histoire de France VI p. 280. Это же замѣчаніе было сдѣлано еще и въ прошломъ вѣкѣ: см. историческое Введеніе Amelot de la Houssaie во второй томъ сборника трактатовъ Dumont.

королемъ и герцогомъ бургундскимъ былъ не только распубликованъ въ ихъ владѣніяхъ, но, по свидѣтельству Olivier de la Marche, его экземпляры были разосланы въ разныя другія государства,—вѣроятно въ тѣ, которыя приняли участіе въ Аррасскомъ съѣздѣ [1]).

Какъ мы видимъ, на средневѣковыя „journeés" могли съѣзжаться уполномоченные весьма значительнаго количества заинтересованныхъ державъ, превращая эти съѣзды дипломатовъ того времени въ настоящихъ предвѣстниковъ современныхъ намъ общеевропейскихъ конгрессовъ и конференцій.—Разница лишь въ томъ, что только государи обыкновенно *не* участвуютъ лично въ этихъ съѣздахъ. Конецъ среднихъ вѣковъ — XIV и въ особенности XV столѣтіе—не благопріятствовалъ вообще личнымъ переговорамъ и свиданіямъ государей [2]). Въ силу цѣлаго ряда разнообразныхъ культурно-историческихъ условій, послѣдній періодъ средневѣковья, какъ намъ приходилось уже разъ это отмѣтить [3]), представляетъ собою въ области личныхъ отношеній между государями несомнѣнное ухудшеніе, регрессъ сравнительно съ предыдущей эпохою. Впечатлѣніе, произведенное знаменитымъ убійствомъ на мосту Montereau (1419 г., когда Іоаннъ Бургундскій былъ убитъ при свиданіи съ дофиномъ, будущимъ королемъ Карломъ VII), не могло изгладиться впродолженіе всего XV вѣка. Въ этомъ отношеніи, только уже XVI вѣкъ съ его Людовикомъ XII представляетъ вновь возвращеніе къ прежнимъ нормальнымъ отношеніямъ [4]), XV же вѣкъ—съ его Людовикомъ XI вмѣсто Людовика Св. и „государемъ" Макіавели вмѣсто королей-рыцарей добраго

---

[1]) Olivier de la Marche I, 205 y Nys, 268.

[2]) О личныхъ переговорахъ и свиданіяхъ государей въ эту эпоху см. Maulde t. I, всю главу VIII: Rapports de souverain à souverain, entrevues, voyages. p. 252 ss. Cp. Nys, 50, 51. Pütter, Beiträge S. 157 ff.

[3]) Нашъ I томъ, стр. 347.

[4]) О роли этого короля въ смыслѣ улучшенія личныхъ взаимныхъ отношеній государей см. Maulde I, 271 ss.

Фруассара—представлялъ собою слишкомъ ненадежную почву для личныхъ переговоровъ и свиданій между коронованными особами. Такія, рѣдкія въ тѣ времена, свиданія и оканчивались обыкновенно неудачею и ухудшеніемъ взаимныхъ отношеній, и не даромъ тонкій наблюдатель нравовъ своего вѣка Commines, посвятившій цѣлую главу своихъ мемуаровъ (livre II, chap. VIII) вопросу о свиданіяхъ государей, настоятельно рекомендуетъ королямъ своего времени, если только они желаютъ жить въ мирѣ другъ съ другомъ, избѣгать вообще личныхъ свиданій и лучше посылать для переговоровъ „bonnes gens et sages", т. е., другими словами, устраивать „journées" уполномоченныхъ [1]).

На этомъ способѣ мирнаго рѣшенія конфликтовъ путемъ переговоровъ дипломатовъ на особыхъ съѣздахъ и остановилась, какъ мы видѣли, практика среднихъ вѣковъ: къ большимъ (свѣтскимъ) конгрессамъ съ участіемъ государей она *не* прибѣгаетъ. Но если таково было общее правило, то бывали все таки и блестящія исключенія, и если средневѣковая исторія знаетъ, какъ мы видѣли, своего рода прототипъ Вестфальскаго конгресса дипломатовъ 1648 года (Аррасскія конференціи 1435 г.), то въ тѣхъ же среднихъ вѣкахъ можно найти интересные прецеденты и для Вѣнскаго конгресса государей 1815 года.

Таковы были напр. большіе съѣзды дипломатовъ и *государей* подъ Велоною, трижды—въ 1416, 1418 и 1420 гг.—собиравшіеся (но неудачно) для заключенія окончательнаго мира между Польшею и Литвою съ одной стороны и Тевтонскимъ Орденомъ съ другой [2]). Вѣковая борьба между славянскою и германской расой, сосредоточивавшаяся въ это время въ Пруссіи и особенно обострившаяся къ XV вѣку, была слишкомъ крупнымъ международнымъ вопросомъ, интересовавшимъ далеко не однѣ воюющія стороны,—и вотъ, для пере-

[1]) Nys, 51, Maulde I, 265.
[2]) Всѣ они описаны въ VII томѣ Voigt Geschichte Preussens.

говоровъ о мирѣ между ними съѣзжались подъ Велоною настоящіе „мирные конгрессы“ изъ представителей всѣхъ государствъ восточной окраины католическаго міра. Особенно блестящимъ былъ второй изъ этихъ съѣздовъ (1418)—устроенный такъ же, какъ и Аррасскій, благодаря посредничеству Папы—когда для переговоровъ съѣхались лично и въ сопровожденіи многочисленныхъ сановниковъ и дипломатовъ король Польскій (Ягелло), великій князь Литовскій (Витовтъ), великіе магистры Тевтонскаго Ордена въ Пруссіи и Ливоніи, верховный магистръ Германскій (такъ называемый Deutschmeister), курфюрстъ Кёльнскій, архіепископъ Рижскій и епископъ Дерптскій. Ганзейскіе города прислали также своихъ представителей.

Но, независимо отъ этихъ съѣздовъ, мы знаемъ и еще болѣе любопытный прецедентъ для Вѣнскаго конгресса государей 1815 года — примѣръ настоящаго большого международнаго конгресса по первостепеннымъ вопросамъ общеевропейской политики. Таковъ былъ происходившій за 6 лѣтъ до Аррасскаго съѣзда дипломатовъ и созванный на другомъ концѣ Европы, по дѣламъ средней и восточной ея полосы, *конгрессъ государей въ Луцкѣ въ 1429 году* [1]).

Мы и позволимъ себѣ теперь, въ заключеніе отдѣла о дипломатическихъ переговорахъ въ средніе вѣка, нѣсколько остановиться на этомъ совершенно незамѣченномъ въ исторической литературѣ нашего предмета случаѣ большого международнаго конгресса въ XV столѣтіи [2]).

---

[1]) См. о немъ нашу спеціальную, но написанную для большой публики, статью въ Русскомъ Вѣстникѣ 1898 г. № 5: Международный конгрессъ на Волыни въ XV столѣтіи.

[2]) Не смотря на весь интересъ этого событія съ точки зрѣнія какъ общей исторіи, такъ спеціально и исторіи международныхъ отношеній, Луцкій съѣздъ остался почти незамѣченнымъ въ исторической и историко-юридической литературѣ. Не говоря уже объ иностранныхъ историкахъ-спеціалистахъ международнаго права, которые совершенно его не знаютъ, даже общіе наши историки почти-что его игнорируютъ. Карамзинъ и Соловьевъ едва его упоминаютъ (первый только въ примѣчаніяхъ); болѣе подробный разсказъ — только у Чеши-

Какія же условія международной жизни, спрашивается прежде всего, могли вызвать болѣе чѣмъ четыре съ половиною вѣка тому назадъ этотъ странный, на первый взглядъ, съѣздъ государей и дипломатовъ въ далекомъ, незначительномъ городкѣ теперешней Волынской губерніи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ лежитъ въ политическомъ состояніи средней и восточной Европы въ первой половинѣ XV столѣтія. Оно представляло въ то время приблизительно слѣдующую картину:

Между тѣмъ какъ для крайняго запада Европы весь интересъ международной политики сосредоточивался на все еще продолжавшейся упорной борьбѣ между Франціей и Англіей, все вниманіе центрально-восточной полосы Европы было поглощено цѣлымъ рядомъ не менѣе важныхъ, капитальныхъ политическихъ вопросовъ, то или другое направленіе которыхъ оказало самое глубокое вліяніе на все послѣдующее развитіе международныхъ отношеній и политики государствъ восточной Европы *даже до нашего времени*. Эти вопросы распадаются на три основныхъ группы, на три основныхъ политическихъ проблемы средней и восточной Европы въ XV столѣтіи.

Таковъ былъ прежде всего *вопросъ объ общеевропейской борьбѣ съ Турками*, которые охватили тогда какъ желѣзнымъ кольцомъ жалкіе остатки Византійской имперіи, (до взятія Константинополя оставалось всего 25 лѣтъ) и неудержимо

хина (Исторія Ливоніи III, 60 сл.) и А. Барбашева (Витовтъ. Послѣднія 20 лѣтъ княженія, 239 сл.). Въ иностранной литературѣ можно отмѣтить спеціальную маленькую статью Faber'а во II томѣ стараго сборника: Beitrage zur Kunde Preussens (1819) и сравнительно болѣе подробный разсказъ у Voigt въ VII томѣ его извѣстной Geschichte Preussens (S. 522 ff.), а изъ новѣйшихъ историковъ—у Prochaska (Ostatnie lata Witolda) и у Lewicki (Ein Blick in die Politik König Sigismunds gegen Polen). Существуетъ однако богатый, современный съѣзду, документальный и лѣтописный матеріалъ: таковы разные, касающіеся съѣзда акты, опубликованные въ краковскихъ Monumenta medii aevi historica особенно въ томахъ VI, XI, XII), изъ лѣтописей же—въ особенности извѣстный Іоаннъ Длугошъ, котораго мы главнымъ образомъ и имѣли въ виду при нашемъ изложеніи (Joh. Dlugossi Historia Polonica по изданію Lipsiae 1711 fol.).

*

надвигались все къ сѣверу—на Венгрію и римско-германскую имперію. Съ этимъ вопросомъ былъ тѣсно связанъ вновь поставленный тогда на очередь *вопросъ о соединеніи церквей*, носившій въ XV вѣкѣ, какъ извѣстно, почти исключительно политическій характеръ: соглашаясь на извѣстное подчиненіе римскому первосвященнику, Византія имѣла въ виду, какъ это доказываетъ вся исторія такъ-называемой флорентійской уніи (1439 г.), главнымъ образомъ лишь политическую поддержку Запада противъ Турокъ.

Рядомъ съ этимъ „восточнымъ вопросомъ" стоялъ вѣковой уже въ тѣ времена *вопросъ о политическомъ преобладаніи германскаго или славянскаго племени*, который выражался тогда, съ одной стороны, въ упорной борьбѣ соединенныхъ Польши и Литвы съ Тевтонскимъ орденомъ въ Пруссіи и Ливоніи [1]), а съ другой—въ извѣстной Гуситской войнѣ (1419—1433) представлявшей собою, какъ извѣстно, движеніе не только религіозное (противо-католическое) и соціальное (демократическое), но также и національное (антинѣмецкое). Вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно тому какъ съ турецкими дѣлами былъ связанъ вопросъ о соединеніи церквей, такъ гуситское движеніе настойчиво напоминало жгучій *вопросъ о* неудавшейся Констанцкому собору *реформѣ Западной Церкви* (Базельскій соборъ еще не былъ созванъ).

Наконецъ, въ третьихъ, эти двѣ капитальныя группы политическихъ задачъ усложнялъ еще выдвинутый уже внутреннею жизнью славянскихъ народовъ на первый планъ *вопросъ о гегемоніи внутри самой славянской семьи*, то-есть, другими словами, *о преобладаніи Поляковъ или Русскихъ*,—вопросъ, выражавшійся въ то время въ упорномъ стремленіи самаго выдающагося и могущественнаго въ эту эпоху представителя русскаго племени, великаго князя литовскаго и русскаго Витовта, расторгнуть только-что соединенныя (1386

[1]) Ко времени Луцкаго съѣзда эта борьба на время пріостановилась благодаря мирному договору 1422 года.

бракъ Ягелло и Гедвиги. 1413 Городельскій сеймъ) Литву и Польшу и образовать изъ Литвы и Руси сильное, вполнѣ независимое *королевство*.

Не трудно видѣть, что каждая изъ этихъ трехъ большихъ группъ основныхъ международныхъ вопросовъ того времени представляла изъ себя политическую задачу первостепенной важности для всего комплекса государствъ средней и восточной Европы—для Германіи, Венгріи, Богеміи, Тевтонскаго ордена, Польши, Литвы съ западною Русью, даже для Руси Московской и, наконецъ, для всего Балканскаго полуострова. Не трудно также представить себѣ, какою сложною сѣтью разнообразныхъ политическихъ плановъ и разсчетовъ, противоположныхъ, перекрещивающихся интересовъ должны были быть опутаны всѣ эти государства въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Распутать мирнымъ путемъ этотъ рядъ гордіевыхъ узловъ было мыслимо лишь на общемъ совѣщаніи, при общемъ взаимномъ компромиссѣ всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ, и разъ этимъ сознаніемъ проникласъ цѣлая группа правительствъ, не доставало только инициативы какого-нибудь энергичнаго монарха, чтобы первый большой международный конгрессъ Европы былъ созванъ.

Такую инициативу взялъ на себя могущественный Витовтъ, какъ ближайшимъ образомъ заинтересованный въ рѣшеніи послѣдняго изъ намѣченныхъ выше вопросовъ того времени. Достигнуть съ согласія всего европейскаго концерта и съ санкціей моральнаго главы католической Европы, императора (Витовтъ былъ уже католикомъ), отдѣленія Литвы и западной Руси отъ Польши и превращенія ихъ въ независимое королевство—таково было главное, затаенное желаніе Витовта, когда по предварительному соглашенію съ императоромъ онъ разослалъ приглашенія на грандіозный международный съѣздъ, назначенный на начало января 1429 года въ его любимое мѣстопребываніе—Луцкъ на Волыни. Оффиціальнымъ пово-

домъ для созыва конгресса послужили первый и второй изъ указанныхъ общихъ политическихъ вопросовъ: всеобщая война съ турками и гуситскія дѣла должны были привлечь въ далекій, неизвѣстный городъ литовской Руси государей и пословъ со всей средней и восточной Европы.

И дѣйствительно, въ послѣднихъ числахъ января 1429 г. въ Луцкѣ собрались представители всѣхъ заинтересованныхъ въ рѣшеніи этихъ вопросовъ государствъ. Во главѣ ихъ стояли явившіеся въ Луцкъ лично, въ сопровожденіи многочисленной свиты, великій князь литовскій и русскій Витовтъ, король польскій Владиславъ-Ягелло и самъ „глава“ романо-германскаго міра, король римскій и германскій Сигизмундъ [1]), который, будучи въ то же время королемъ венгерскимъ и богемскимъ, привезъ съ собою цѣлый рядъ представителей этихъ двухъ королевствъ. Далѣе пословъ прислали: папа, императоръ византійскій, король датскій, великіе магистры Тевтонскаго ордена въ Пруссіи и Ливоніи, господарь молдавскій. Здѣсь же присутствовали, наконецъ, разные болѣе мелкіе литовскіе и русскіе князья, герцоги мазовецкіе и пр. По нѣкоторымъ — впрочемъ мало достовѣрнымъ — извѣстіямъ (напр. по Кояловичу) въ Луцкъ пріѣхали, будто бы, кромѣ того, еще великій князь московскій Василій (явившійся вмѣстѣ съ митрополитомъ Фотіемъ), Борисъ Тверской, князья рязанскіе и сѣверскіе, даже ханъ перекопскій, а король датскій, великіе магистры ливонскій и прусскій и господарь молдавскій явились на съѣздъ, будто бы, лично [2]).

---

[1]) Сигизмундъ тогда не былъ еще коронованъ въ Римѣ и потому по обычаю оффиціально титуловался собственно лишь „королемъ“ Римлянъ. Императоромъ мы его называемъ по общепринятой терминологіи, обозначающей этимъ титуломъ всѣхъ избранныхъ королей германскихъ въ средніе вѣка.

[2]) Какъ это доказалъ Faber (см. объ его статьѣ выше), нѣкоторые лѣтописцы спутали здѣсь нашъ „международный конгрессъ“ въ Луцкѣ съ бывшимъ въ слѣдующемъ (1430) году съѣздомъ государей на предполагавшееся коронованіе Витовта въ Вильнѣ. Длугошъ прямо говоритъ о съѣздѣ (въ Луцкѣ) только трехъ государей.

Примѣровъ такого блестящаго дипломатическаго конгресса, конечно, еще не знало средневѣковье, и современный лѣтописецъ не даромъ восклицаетъ, что „никто еще не видѣлъ и долго еще не увидитъ такого великолѣпнаго съѣзда трехъ такихъ знаменитыхъ государей“ [1]).

Послѣ торжественнаго въѣзда императора въ Луцкъ начались засѣданія конгресса, длившіяся двѣ недѣли и чередовавшіяся съ разными празднествами, пиршествами и пр.[2]). По примѣру, поданному Констанцкимъ соборомъ (гдѣ депутаты были раздѣлены по „націямъ“), засѣданія происходили по отдѣльнымъ заламъ: каждый изъ трехъ государей, явившихся лично на конгрессъ, имѣлъ особую палату, гдѣ и засѣдалъ подъ его предсѣдательствомъ „совѣтъ“ взятыхъ имъ съ собою магнатовъ и государственныхъ людей. Сношенія и переговоры между этими отдѣльными „коммиссіями“ конгресса велись черезъ посылаемыя другъ къ другу депутаціи. Тѣмъ же способомъ переговоровъ должны были пользоваться остальныя явившіяся безъ владѣтельныхъ особъ посольства[3]). Общія собранія всѣхъ трехъ государей и всего конгресса происходили лишь въ особыхъ, торжественныхъ случаяхъ [4]).

Что касается самаго предмета переговоровъ, то здѣсь достаточно будетъ сказать [5]), что всѣ три намѣченныхъ выше большихъ международныхъ вопроса, и притомъ во всемъ ихъ объемѣ, подверглись обсужденію на Луцкомъ конгрессѣ. Такъ, по восточному вопросу, темой переговоровъ послужилъ и общій проэктъ совмѣстнаго похода противъ турокъ, и молдавскія дѣла (предложеніе Сигизмунда за-

[1]) Ioh. Dlugossi. Historiae Polonicae lib. XI, p. 514: „conventionem tam magnificam et tam illustrium trium Principum aetas longa neque vidit neque visura est“.

[2]) По разсказамъ лѣтописцевъ, на эти пиры и вообще на содержаніе гостей литовскаго князя отпускалось ежедневно по 700 бочекъ меда, кромѣ вина и пива, по 700 быковъ, 1.400 барановъ, 100 зубровъ, столько же лосей и кабановъ!

[3]) Dlugossi, XI p. 514 ss. passim.

[4]) См. напр. Ibid. p. 515.

[5]) За подробностями отсылаемъ къ нашей упомянутой выше статьѣ.

воевать вмѣстѣ съ Ягелло Молдавію и Валахію и раздѣлить ихъ между собою), и планъ переселенія одной отрасли Тевтонскаго Ордена на Дунай, для защиты отъ турокъ.— Гуситскій вопросъ обсуждался и съ точки зрѣнія отношеній Польши и Литвы къ этому славянскому движенію (жалоба Сигизмунда на нарушеніе съ ихъ стороны нейтралитета), и въ смыслѣ устройства общаго крестоваго похода всѣхъ католическихъ державъ противъ еретиковъ-чеховъ.—Въ связи съ этими вопросами заходила на конгрессѣ рѣчь и о необходимости общей реформы Западной Церкви, и о возможности ея соединенія съ Церковью Восточною. Наконецъ (не говоря еще о другихъ, сравнительно второстепенныхъ, вопросахъ) былъ поставленъ на очередь и особенно интересовавшій Витовта вопросъ о коронованіи его въ качествѣ независимаго литовско-русскаго короля и слѣдовательно объ отдѣленіи Литвы отъ Польши.

Всѣ эти оживленные переговоры по своимъ результатамъ не оправдали однако въ общемъ возлагавшихся на нихъ ожиданій. Сигизмундъ потерпѣлъ неудачу (отказъ Польши) въ своихъ широкихъ анти-турецкихъ замыслахъ [1]). Гуситскій вопросъ остался и послѣ Луцкаго конгресса въ томъ же положеніи, что и раньше,— не смотря на присланное Папою съ специальнымъ легатомъ посланіе на имя Ягелло объ общекатолическомъ походѣ противъ гуситовъ. О реформѣ католической Церкви и соединеніи ея съ Восточною было, конечно, неумѣстно серіозно переговариваться на чисто-свѣтскомъ конгрессѣ, какимъ былъ Луцкій съѣздъ [2]). Наконецъ и главный для Витовта вопросъ объ его коронованіи не былъ разрѣшенъ въ виду того, что желанія Витовта и Сигизмунда

[1]) Раздѣлъ Молдавіи также не встрѣтилъ сочувствія, не смотря на то, что былъ уже условленъ между Сигизмундомъ и Ягелло по договору 1412 г. въ Либло см. у Dumont II, 1. 346.

[2]) Курьезную рѣчь Сигизмунда о соединеніи церквей см. у Длугоша loc. cit., p. 515 (наша статья, стр. 17).

натолкнулись со стороны Ягелло и его магнатовъ (Збигнѣвъ Олесницкій) на полнѣйшій отказъ разрушить разъ уже установленную и торжественно подтвержденную еще въ Городлѣ унію Литвы съ Польшею.—Неудача этихъ послѣднихъ переговоровъ повлекла за собою и разстройство всего конгресса. Ягелло съ представителями польской короны немедленно поспѣшилъ оставить Луцкъ, Сигизмундъ послѣдовалъ ихъ примѣру, условившись съ Витовтомъ отложить его коронованіе [1]), и остальнымъ членамъ конгресса не оставалось ничего другого, какъ тоже разъѣхаться.

Первый опытъ дипломатическихъ переговоровъ въ широкихъ размѣрахъ на большомъ международномъ конгрессѣ при личномъ участіи государей не увѣнчался, такимъ образомъ, успѣхомъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ вопросовъ, такъ-сказать случайно попавшихъ на разсмотрѣніе конгресса (напримѣръ, вопросъ о столкновеніи между Даніей и Ганзейскими городами, рѣшенный въ благопріятномъ для Даніи смыслѣ),—обсужденіе основныхъ, капитальныхъ вопросовъ тогдашней международной политики не привело ровно ни къ какимъ результатамъ. Компромисса, необходимаго со всѣхъ сторонъ для успѣшнаго разрѣшенія международныхъ вопросовъ путемъ переговоровъ, не было достигнуто въ Луцкѣ. И государи и послы выказали себя на этомъ международномъ

---

[1]) Условясь съ Сигизмундомъ объ отсрочкѣ этой церемоніи на годъ, Витовтъ созвалъ вновь на августъ 1430 года блестящій коронаціонный съѣздъ владѣтельныхъ особъ въ Вильну. Къ назначенному для коронаціи великаго князя и его супруги Юліаны дню (15 августа) въ столицу Литвы опять съѣхалось множество гостей (между прочимъ, великій князь московскій Василій Васильевичъ, внукъ Витовта, явившійся въ сопровожденіи митрополита Фотія, великій князь Борисъ Александровичъ Тверской, князья рязанскіе, сѣверскіе, великіе магистры прусскій и ливонскій, ханъ перекопскій и множество пословъ отъ разныхъ другихъ государей). Но планамъ литовскаго князя не суждено было сбыться и здѣсь. Императорскіе послы, ѣхавшіе съ королевскими регаліями отъ Сигизмунда изъ Венгріи (черезъ Пруссію), были задержаны въ пути интригами польскаго правительства, и коронованіе было вновь отложено до 8 сентября. Но и къ этому времени не прибыли послы императора, и гости разъѣхались ни съ чѣмъ, а глубоко огорченный Витовтъ вскорѣ скончался.

„конгрессѣ“ гораздо менѣе уступчивыми, чѣмъ на обыкновенныхъ въ то время „journées“ дипломатовъ.

Но самый фактъ созванія такого конгресса остается тѣмъ не менѣе чрезвычайно интереснымъ и знаменательнымъ для разбираемой нами эпохи. Все усложняющіеся вопросы взаимныхъ отношеній между государствами, новыя, зародившіяся въ среднихъ вѣкахъ, потребности международнаго оборота требовали и новыхъ средствъ для ихъ разрѣшенія и удовлетворенія. и въ этомъ смыслѣ попытка Витовта и Сигизмунда была какъ нельзя болѣе своевременна.

Весь послѣдующій ходъ событій въ Европѣ, развитіе каждаго изъ намѣченныхъ выше вопросовъ, обсуждавшихся въ Луцкѣ, только подтвердили вѣрность мысли лежащей вообще— и лежавшей и въ данномъ случаѣ—въ основѣ стремленія разрѣшать извѣстныя задачи путемъ международнаго конгресса: эта мысль заключается въ необходимости общаго согласія, компромисса всѣхъ заинтересованныхъ государствъ и солидарнаго ихъ образа дѣйствія для разрѣшенія сложныхъ международныхъ вопросовъ. Подобнаго компромисса и солидарности не было достигнуто на Луцкомъ конгрессѣ, и каждый изъ затронутыхъ, но не рѣшенныхъ на немъ вопросовъ долженъ былъ роковымъ образомъ еще долго волновать всю Европу: пораженіе Поляковъ при Варнѣ (1444) и взятіе Константинополя (1453), продолженіе кровопролитной войны съ Гусситами и соглашеніе 1433 года, Базельскій соборъ (1431) и флорентійская унія (1439), наконецъ вѣковая борьба за гегемонію и за отдѣленіе Литвы отъ Польши—борьба, которая вскорѣ должна была вспыхнуть между поляками и Русью (хотя Русью и не западною, а восточною, православною Москвою)—все это достаточно доказало, что мысль, руководившая государями и правительствами пославшими въ 1429 г. своихъ представителей на международный конгрессъ въ Луцкъ, вполнѣ отвѣчала потребностямъ международно-политической жизни того времени. Вотъ почему попытка Витовта

и Сигизмунда, несмотря на ея отрицательный результатъ въ практическомъ смыслѣ,—остается очень любопытною страницею изъ средневѣковой исторіи международныхъ отношеній вообще и, въ частности,—изъ исторіи разрѣшенія международныхъ осложненій путемъ дипломатическихъ переговоровъ.

3. Воззваніе къ общественному мнѣнію.

Какъ особенный, специфически-средневѣковый (впослѣдствіе вышедшій изъ употребленія) способъ достигнуть мирнаго разрѣшенія международнаго конфликта, встрѣчается еще въ средніе вѣка воззваніе къ общественному мнѣнію. Мы здѣсь имѣемъ при этомъ въ виду *не* тѣ манифесты, съ которыми правительства, начиная войну, обращались и обращаются къ своимъ подданнымъ, а также и къ иностранцамъ, съ цѣлью объявленія объ открытіи военныхъ дѣйствій (о нихъ будетъ рѣчь при изложеніи права войны), а именно специальныя, совершенно sui generis, воззванія къ общественному мнѣнію всей Европы, всего христіанскаго (католическаго) міра, съ цѣлью, черезъ его воздѣйствіе, принудить противника къ уступкѣ и достичь разрѣшенія конфликта мирнымъ путемъ [1]).

Въ видѣ примѣра, приведемъ особенно извѣстный случай воззванія Эдуарда III Англійскаго въ 1356 г.—изъ исторіи крайняго запада Европы, а изъ исторіи восточной ея половины — манифестъ Ягелло Польскаго и Витовта Литовскаго отъ 1409 г.

Такъ, въ 1356 году Эдуардъ III, въ опроверженіе обвиненій короля Іоанна Французскаго, будто онъ, Эдуардъ, вошелъ въ соглашеніе съ Карломъ Наваррскимъ о раздѣлѣ Франціи, а также въ доказательство справедливости своей войны съ Іоанномъ издалъ три манифеста: одинъ назначался Папѣ, другой Императору (какъ главамъ единой католической Европы), а третій былъ составленъ въ видѣ открытаго

[1]) Nys. Origines p. 56—61.

письма ко всему христіанскому міру — ко „всѣмъ королямъ, князьямъ, герцогамъ, маркизамъ и другимъ вѣрнымъ во Христѣ, благороднымъ и не-благороднымъ“ [1]).

Въ 1409 г. въ виду начатія войны Тевтонскимъ Орденомъ, король польскій и великій князь литовскій подобнымъ же образомъ составили свою „Publica querela de Cruciferis“ — манифестъ, обращенный ко всѣмъ правительствамъ и частнымъ лицамъ христіанскаго міра и укоряющій передъ ними тевтонскихъ рыцарей за всѣ ихъ проступки и неправильный образъ дѣйствій по отношенію къ Польшѣ и Литвѣ [2]).

Подобныя торжественныя воззванія къ общественному мнѣнію Европы, при всей ихъ немногочисленности (и вѣроятной безрезультатности на практикѣ), остаются тѣмъ не менѣе любопытными памятниками международныхъ отношеній въ средніе вѣка. Дѣйствительно, эти примѣры особаго, давно забытаго, оригинальнаго способа воздѣйствовать на противника для мирнаго разрѣшенія международнаго конфликта, суть въ то же время факты — неслыханные и *немыслимые въ древности* — подтверждающіе существованіе уже въ среднихъ вѣкахъ общаго взгляда на европейскія государства, какъ на членовъ одной семьи, одной Respublica Christiana, одного морально-юридическаго цѣлаго, — сплоченныхъ извѣстною культурною солидарностью и уже возникшею идеею международнаго общенія [3]).

---

[1]) Ward I, 326, Nys, 60.

[2]) Nys, 61. Текстъ мы находимъ въ Dlugossi Hist. Pol. X, p. 200 ss.

[3]) То же самое объ этомъ обычаѣ „of appealing to neutral powers“ говоритъ Ward (I, 323), который находитъ, что подобныя воззванія къ общественному мнѣнію остальныхъ государствъ происходили „not only with a view to engage their assistance or mediation, but also from their idea that the connections among them were too close and their governing principles so much the same that as to render it necessary to lay before them the justice of their cause“.

III.

Право репрессалій въ средніе вѣка.

Право репрессалій въ средніе вѣка[1]).

1. Насильственныя средства разрѣшенія конфликтовъ помимо войны и понятіе репрессалій въ средніе вѣка.

Если отъ мирныхъ способовъ улаженія международныхъ конфликтовъ въ средніе вѣка мы обратимся теперь къ средствамъ насильственнымъ, то намъ придется, конечно, констатировать тотъ фактъ, что и международной практикѣ средневѣковья были извѣстны различныя фактическія средства воздѣйствія одного государства на другое, съ цѣлью принудить его, путемъ такого давленія, къ извѣстнымъ уступкамъ и, слѣдовательно, разрѣшить данный конфликтъ, все-таки *не* прибѣгая къ войнѣ. Такое понятіе „менѣе мирныхъ" средствъ разрѣшенія международныхъ столкновеній или репрессалій въ широкомъ смыслѣ слова извѣстно, говоримъ мы, конечно, и среднимъ вѣкамъ, и въ исторіи международныхъ отношеній этой эпохи встрѣчаются всѣ сред-

¹) R. de Mas Latrie. Du droit de marque ou droit de représailles au moyen âge. P. 1866 (2 éd. 1875). Maulde I, chap. VII. Nys Origines. Ch. IV section II, Pütter Beiträge 149 ff.— Ср. также G. F. v. Martens Essai concernant les armateurs (Gött. 1795) Ch. I § 4 и соотвѣтствующіе отдѣлы въ извѣстныхъ исторіяхъ морского междунар. права Hauptefeuille и Cauchy.

Изъ старыхъ — особ. Muratori 55-ая диссертація IV тома его Ant. ital. med. aevi и еще словарь Ducange V° Repressaliae, Marcha.

По частностямъ этого вопроса: Eiglier Etude historique sur le droit de marque ou de représailles à Marseille (по статутамъ 1212 г.). Dareste Du droit des représailles chez les anciens Grecs (Revue des études grecques 1889), также статья Paoli въ Nuova Antologia 1895 (15 сент.).

ства этого рода, признаваемыя международною практикою нашего времени,—и реторсіи, и репрессаліи въ современномъ тѣсномъ смыслѣ слова, и эмбарго, и даже мирная блокада. Приведемъ нѣсколько примѣровъ такихъ фактическихъ способовъ разрѣшенія конфликтовъ между государствами въ среднiе вѣка.

1⁰. Хорошій примѣръ современной реторсіи мы находимъ напр. въ средневѣковой исторіи итальянскихъ городовъ-республикъ. Въ виду возникшаго у нѣкоторыхъ изъ нихъ обыкновенія привлекать къ себѣ иностранцевъ путемъ объявленія ихъ безотвѣтственными на территоріи данной республики по долговымъ обязательствамъ, заключеннымъ ими въ своемъ отечествѣ, одинъ статутъ города Болоньи также вводитъ этотъ принципъ безнаказанности иностранцевъ — но для подданныхъ только тѣхъ государствъ, которыя сами допускаютъ его у себя для подданныхъ Болоньи. Это дѣлается, какъ прямо говоритъ статутъ, „cum sit juris consonum quod illud jus quod quisque in alium statuerit in se patiatur“ [1]). Это и есть, конечно, вполнѣ ясно выраженный принципъ „таліона“, лежащій въ основѣ современнаго намъ понятія реторсіи.

2⁰. Въ качествѣ примѣра репрессалій въ современномъ намъ смыслѣ можно сослаться хотя бы на часто практиковавшіяся въ среднихъ вѣкахъ конфискаціи иностранныхъ товаровъ съ цѣлью принудить данное государство къ извѣстнымъ уступкамъ. Ту же цѣль имѣетъ напримѣръ въ виду городъ Любекъ, когда въ 1268 г., по просьбѣ ливонскаго великаго магистра и остальныхъ государей тогдашней Ливоніи, находившихся въ конфликтѣ со Псковомъ, онъ предписываетъ остановить подвозъ товаровъ въ Новгородъ [2]).

3⁰. Эмбарго, какъ частный видъ такихъ репрессалій (не говоря уже о такъ называемомъ „военномъ эмбарго“),

[1]) См. Pierantoni Trattato I, p. 737.
[2]) Livl. UB. I, 408.

тоже не рѣдкость въ средніе вѣка: только Англія (ст. 41 Великой Хартіи 1215 г.), ганзейскіе города и Марсель относятся вообще *не*одобрительно къ такому способу воздѣйствія на другое государство [1]).

4°. Наконецъ нѣчто въ родѣ мирной блокады мы должны признать въ любопытномъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто около 1235 года, когда король Вальдемаръ Датскій, желая прекратить непріятный ему постоянный подвозъ нѣмецкихъ крестоносцевъ изъ сѣверной Германіи въ Лифляндію и Эстляндію, блокировалъ (находясь съ нимъ вообще въ мирѣ) Любекъ, заградивъ устье рѣки Траве затопленными кораблями и протянувъ черезъ нее цѣпи [2]).

Но такіе и имъ подобные отдѣльные примѣры фактическихъ насильственныхъ средствъ для разрѣшенія международныхъ конфликтовъ въ средніе вѣка не могутъ насъ долго останавливать съ точки зрѣнія собственно *юридическаго* анализа и исторіи *права;* насъ должна интересовать здѣсь только та область права, та юридическая система принудительнаго, но безъ войны, разрѣшенія международныхъ столкновеній, которая успѣла выработаться и развиться въ этомъ повидимому полномъ царствѣ насилія и безправія въ средніе вѣка. Такая оригинальная система права въ разбираемой теперь области — есть „право репрессалій“, какъ его понимало средневѣковье.

Подъ этимъ особеннымъ, специфически-средневѣковымъ способомъ фактическаго принудительнаго разрѣшенія международныхъ конфликтовъ слѣдуетъ понимать совершаемое частнымъ лицомъ, потерпѣвшимъ какой-нибудь убытокъ отъ ино-

---

[1]) См. Pütter Beiträge S. 153, Nys, 194.

[2]) „He let koggen (корабли) senken in de Travene—говоритъ про датскаго короля одна детмарская хроника — he leyt slan starke kedene (Ketten) over de Travene“. Die Chroniken der deutschen Städte vom 14 bis ins 16 Jahrhundert. Bd. XIX, S. 79. — Сравни документы объ этомъ въ Livl. UB. I, 137 и въ Lübecksches Urkundenbuch I, №№ 55, 64.

страпца, насильственное отнятіе своего имущества[1]) или же захватъ его эквивалента отъ виновнаго иностранца или его соотечественниковъ (элементъ факта)—но захватъ, разрѣшенный государственною властью обиженнаго лица, послѣ того, какъ онъ не получилъ удовлетворенія отъ государства-отечества обидчика (элементъ права)[2]). Въ такомъ видѣ, средневѣковыя репрессаліи существенно отличаются, конечно, отъ того, что мы понимаемъ подъ этимъ наименованіемъ въ настоящее время[3]), и представляютъ собою оригинальный видъ частной войны, санкціонированной правительствомъ, между отдѣльными гражданами разныхъ государствъ, принудительно разрѣшающими конфликтъ своими собственными частными средствами.

Этотъ характерный, не существующій уже больше[1]), принудительный способъ разрѣшенія международныхъ столкновеній благодаря своему признаку санкціи верховной власти именно и представляетъ извѣстный интересъ съ историко-*юридической* точки зрѣнія, ибо здѣсь мы имѣемъ уже дѣло съ извѣстною правовою системою (на какихъ бы странныхъ съ нашей точки зрѣнія основаніяхъ она ни покоилась), выработавшеюся въ области насильственнаго разрѣшенія международныхъ столкновеній. Совокупность этихъ общепризнан-

---

[1]) Отсюда и самый терминъ „репрессаліи"—съ итальянскаго ripresaglia, отъ reprendere, отнимать.

[2]) Опредѣленіе Mas Latrie см. Du droit de marque (éd. 1866) p. 2.

[3]) Т. е., въ тѣсномъ смыслѣ, принудительная мѣра воздѣйствія одного государства на другое, принимаемая въ качествѣ отвѣта на нарушеніе этимъ послѣднимъ его *права*. Ср. проф. Ф. Мартенсъ Соврем. междун. право цивил. нар. II, 463.

[1]) Репрессаліи въ средневѣковомъ смыслѣ вышли изъ употребленія уже къ XVIII вѣку. См. Mas Latrie p. 46, 47. Nys. Origines, p. 77.—XVIII столѣтіе знаетъ лишь единичные исключительные ихъ случаи (Ф. Мартенсъ О правѣ частной собственности во время войны, стр. 30, 31); какъ общій принципъ, какъ *право* онѣ уже отрицались. См. напр. отвѣтъ англійскаго правительства прусскому въ 1752 г. по дѣлу объ англо-силезской ипотекѣ (Wheaton Histoire des progrès du droit des gens I, 260 ss.)—отвѣтъ, нашедшій себѣ полную поддержку въ такихъ представителяхъ науки того времени, какъ Montesquieu и Vattel.

ныхъ юридическихъ нормъ, ограничивавшихъ уже область произвола и создававшихъ извѣстное право, и составляетъ такъ называемое право репрессалій въ средніе вѣка, къ разсмотрѣнію котораго мы теперь спеціально и обратимся [1]).

2. Происхожденіе средневѣковыхъ репрессалій.

Репрессаліи въ ихъ средневѣковомъ значеніи могли возникнуть лишь среди международной неурядицы первой половины среднихъ вѣковъ, среди такъ называемаго варварскаго, „ранняго" средневѣковья—т. е. въ первыя столѣтія, слѣдовавшія за разрушеніемъ западной римской имперіи варварами.

Дѣло въ томъ, что репрессаліи—какъ самоуправный захватъ частнымъ лицомъ имущества иностранныхъ подданныхъ въ видѣ вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные ему однимъ изъ соотечественниковъ этого иностранца,—основаны на *идеѣ коллективной отвѣтственности* всѣхъ членовъ даннаго общественнаго союза, юридическаго лица, за дѣйствія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности—идеѣ совершенно незнакомой античному міру, юриспруденція котораго устами своего знаменитаго Ульпіана выставляла, какъ извѣстно, діаметрально противоположный принципъ: „si quid universitati debetur, singulis non debetur nec quod debet universitas singuli debent". Напротивъ того, варвары-германцы, пришедшіе разрушить римскую имперію, держались всюду начала солидарности членовъ даннаго общественнаго организма, и въ ихъ юридическомъ быту мы встрѣчаемъ не одинъ институтъ, основанный на томъ же неправильномъ предположеніи солидарной отвѣтственности, какъ и репрессаліи [2]).

---

[1]) Мы дальше и будемъ постоянно употреблять слово „репрессаліи" въ его спеціальномъ, только что указанномъ, средневѣковомъ смыслѣ.

[2]) Напр. обычай „частной войны", обязывавшій всю семью вступаться за родственника, или обязанность платежа *Wehrgeld* всѣми членами семьи за пре-

*

Вотъ почему репрессаліи, которыя были знакомы древнему міру развѣ только въ видѣ рѣдкихъ исключительныхъ случаевъ [1]), начинаютъ прививаться на практикѣ именно со времени появленія на исторической сценѣ варварскихъ германскихъ государствъ [2]). Напрасно восточные императоры, носители традицій стараго Рима, старались бороться съ этою новою практикою, поскольку она вторгалась извнѣ, изъ германскаго міра, въ ихъ единую „вселенскую" имперію, получая здѣсь примѣненіе въ видѣ требованія солидарной отвѣтственности всѣхъ жителей одного *города* или селенія за долги одного изъ горожанъ [3]). Самыя условія общественной, государственной и международной жизни того времени способствовали распространенію такой ненормальной практики: таковы—общая грубость нравовъ, слабость государственной власти, наконецъ политическая раздробленность З. Европы на рядъ варварскихъ королевствъ, юстиція которыхъ была, конечно, еще слишкомъ несовершенна, чтобы дать обиженному иностранцу хоть какую-нибудь надежду на возможность его удовлетворенія нормальнымъ судебнымъ порядкомъ передъ трибуналомъ чужого государства. Оставался такимъ образомъ путь самоуправства, репрессалій, которыя къ тому же вполнѣ соотвѣтствовали, какъ мы видѣли, общимъ воззрѣніямъ эпохи на солидарную отвѣтственность, проникавшимъ собою все юридическое сознаніе средневѣковаго общества [4]).

ступленіе одного изъ ея членовъ. Эта обязанность распространялась даже на членовъ одной „сотни", жителей одной „марки": одинъ варварскій законъ 596 г. говоритъ—„si furtum factum fuerit capitale centena restituat". См. Mas Latrie loc. cit. p. 6.

[1]) Относительно Греціи, гдѣ упоминаются репрессаліи, σῦλαι, и трактаты объ ихъ отмѣнѣ, ἀσυλίαι, смотри указанную статью Dareste и разсужденія Mas Latrie p. 4.

[2]) Mas Latrie вѣрно говоритъ поэтому, что репрессаліи „германскаго происхожденія". loc. cit. p. 7.

[3]) Запретительныя конституціи Юстиніана (новелла 52), Гонорія и Ѳеодосія, Зенона. Mas Latrie p. 4, 5.

[4]) Ср. Nys Origines, p. 63, Maulde I, 226.

Репрессаліи и процвѣтаютъ вполнѣ въ эту первую „варварскую" половину среднихъ вѣковъ, выражаясь первоначально (въ теченіе цѣлыхъ столѣтій) въ *полномъ произволѣ* лица, считавшаго себя обиженнымъ или потерпѣвшаго убытокъ черезъ иностранца, по отношенію ко всѣмъ ни въ чемъ не повиннымъ соотечественникамъ этого иностранца. Такое положеніе, т. е. полный произволъ въ области репрессалій, продолжается, въ общемъ, до самаго XIII столѣтія. Большая часть муниципальныхъ статутовъ XII и XIII вѣка, говоритъ Pardessus, свидѣтельствуетъ объ этомъ обычаѣ [1]). Еще въ XIII вѣкѣ его узаконяютъ нѣкоторыя международныя соглашенія [2]).

Само собою разумѣется, что подобный порядокъ вещей былъ мыслимъ только при неразвитости международнаго оборота, при рѣдкихъ, болѣе или менѣе случайныхъ сношеніяхъ гражданъ за предѣлами даннаго государства и при крайней слабости верховной власти внутри его. Съ развитіемъ международной торговли со временъ крестовыхъ походовъ, съ постепеннымъ ослабленіемъ феодальнаго строя и ростомъ государственной централизаціи, такое положеніе становится уже немыслимымъ и, начиная съ XIII вѣка, въ международной жизни Европы замѣчается постепенное стремленіе положить конецъ этому произволу частныхъ лицъ въ сферѣ репрессалій, регламентировать эту область международныхъ принудительныхъ мѣръ, ввести практику репрессалій въ извѣстныя границы путемъ подчиненія ея тѣмъ или другимъ нормамъ, общимъ правиламъ. Такъ, въ силу вновь явившихся потреб-

---

[1]) Pardessus Collection des lois maritimes II, p. CXXI.

[2]) Таковы мирные трактаты и акты перемирій между Франціею и Англіею 1228, 35, 43, 55 гг. см. Dumont I, 1, 166, 389, 182, 398.—У цѣлаго ряда писателей, начиная съ Георга-Фридриха ф. Мартенсъ (Armateurs), повторяется, при ссылкѣ на эти трактаты, одна и та же ошибка или въ датѣ одного изъ договоровъ или въ цитировкѣ сборника Дюмона: такъ у Pütter, Hautefeuille, Cauchy и даже Nys'а.

ностей международнаго оборота, среди прежняго произвола постепенно вырабатывается извѣстная сфера права—„право репрессалій“, которое съ этого времени (XIII ст.) и является общепризнаннымъ среди членовъ европейскаго международнаго общенія средних вѣковъ.

3. Право репрессалій въ средніе вѣка.

Основной моментъ, который международная жизнь вноситъ въ это время въ старое понятіе репрессалій, формируя тѣмъ самымъ извѣстное *право* въ этой области,—есть требованіе, для законности репрессалій, предварительнаго разрѣшенія правительства на примѣненіе этой мѣры его подданнымъ противъ иностранца-обидчика или его соотечественниковъ, причемъ разрѣшеніе это дается лишь въ случаѣ полной невозможности удовлетворить потерпѣвшаго путемъ нормальнаго судебнаго производства въ иностранномъ государствѣ.

Конструированныя такимъ образомъ, старыя репрессаліи превращаются уже изъ актовъ произвола частныхъ лицъ — въ опредѣленный институтъ права, въ извѣстную юридическую систему, вполнѣ раціональную для той эпохи, когда принципъ солидарной отвѣтственности, не встрѣчая себѣ протеста, входилъ въ правосознаніе всей Западной Европы. Въ представленіи XIII—XV вв. право репрессалій есть уже *не* произвольный грабежъ иностранцевъ-соотечественниковъ обидчика въ отместку за причиненный послѣднимъ убытокъ, а право, формально делигированное обиженному его верховною властью, на насильственное отнятіе строго опредѣленнаго эквивалента его убытка у виновнаго или его соотечественниковъ, послѣ того, какъ констатирована невозможность получить удовлетвореніе легальнымъ порядкомъ. Такимъ образомъ, слѣдующіе основные мо-

менты, именно и вносящіе собою идею права въ область репрессалій, являются необходимыми для наличности „*права* репрессалій“: a) разрѣшеніе компетентной отечественной власти потерпѣвшаго, b) невозможность получить удовлетвореніе инымъ путемъ, c) ограниченіе захвата эквивалентомъ понесеннаго убытка [1]).

a) Что касается перваго и главнаго условія законности репрессалій — предварительнаго разрѣшенія верховной власти — то мы впервые встрѣчаемся съ нимъ въ Италіи. Благодаря рано возникшимъ оживленнымъ торговымъ сношеніямъ между ея городами (выдѣлившимися въ независимыя государства-республики), а также благодаря болѣе высокому сравнительно съ остальною Европою уровню культуры вообще, здѣсь раньше другихъ странъ развивается система *права* репрессалій какъ въ „статутахъ“ отдѣльныхъ городовъ-государствъ, такъ и въ международныхъ соглашеніяхъ, заключенныхъ между ними [2]). Именно здѣсь появляются первые акты, формально обосновывающіе за извѣстнымъ лицомъ право на репрессаліи—такъ называемыя litterae, chartae represaliarum (также marca, pignorationes и пр.), lettres de marque ou de représailles [3]), т. е. патенты, выдаваемые мѣстною

---

[1]) Всѣ эти характерные для средневѣковаго *права* репрессалій признаки очень удачно внесены въ опредѣленіе этого института у Христины Пизанской (писательницы начала XV вѣка): „Marque est quant un homme d'un royaume... *ne poet avoir droit* d'aulcun tort fait d'un puissant homme estrangier. *Le roy lui donroit une manière de licence*, de prendre, arrester et emprissoner, *par vertu de certaines lettres* obtenues de par luy, marchans et aultres, leurs biens, venant du pays et du lieu de celuy qui a tort fait... *jusques adont que droit et restitution fut faicte* au demandeur de la demande“. Christine de Pisan. Livre des faits d'armes et de chevalerie, 4-ième partie, ch. VI.—Nys, Origines p. 65.

[2]) Nys Origines, p. 64.—Въ Венеціи правильную законодательную дѣятельность по вопросу о репрессаліяхъ можно прослѣдить съ самой средины XIII вѣка. Mas Latrie, p. 10.

[3]) Эти два термина—lettres de représailles и lettres de marque, represaliae и marca—употреблялись въ средніе вѣка безразлично одинъ вмѣсто другого, для обозначенія какъ патента на репрессаліи, такъ и патента на каперство во время морской войны.

властью потерпѣвшему съ разрѣшеніемъ захватывать въ предѣлахъ данной территоріи или на морѣ личность и имущество соотечественниковъ иностранца-правонарушителя.

Такіе дипломы, „патенты на самоуправство" входятъ съ конца XIII вѣка уже во всеобщее употребленіе [1]). Они представляли собою обыкновенно торжественныя, выдаваемыя отъ имени верховной власти страны, грамоты, излагающія сущность даннаго дѣла, дозволяющія извѣстному лицу осуществить свое право репрессалій и приказывающія всѣмъ должностнымъ лицамъ страны оказывать ему въ этомъ свое содѣйствіе. Выдача такихъ грамотъ разсматривалась какъ актъ верховной власти, какъ аттрибутъ государственнаго суверенитета. Вотъ почему патенты на репрессаліи выдаются всегда самимъ носителемъ верховной власти—королемъ или, по его уполномоченію, высшими органами государственной власти.

Съ этимъ согласна и теорія, и практика средневѣковья. Въ теоріи — репрессаліи совершенно правильно разсматриваются какъ перенесенное въ мирное время дѣйствіе собственно времени военнаго, какъ своего рода частная война, bellum particulare. Поэтому, объявлять такую частную войну (другими словами, выдавать патенты на репрессаліи) можетъ только та власть въ государствѣ, которой вообще принадлежитъ право объявленія войны, власть суверенная, король. Таково мнѣніе лучшихъ авторитетовъ средневѣковой науки: такъ учитъ и знаменитый Бартолъ, авторъ спеціальнаго трак-

---

[1]) Собственно дипломы, гдѣ упоминается о правѣ „марки" встрѣчаются уже въ XII столѣтіи (напр. одинъ дипломъ 1152 г. въ извѣстномъ словарѣ Ducange, verbo Marcha). Но въ тѣ времена, какъ замѣчаетъ Martens (Armateurs, p. 25 rem.), этотъ терминъ обозначалъ еще только „право" собственною властью (безъ разрѣшенія правительства) захватывать имущество правонарушителей. Съ средины же XIII вѣка встрѣчаются уже другого рода примѣры, а именно случаи обращенія частныхъ лицъ къ своему правительству за дипломомъ на репрессаліи (напр. случай 1258, 1295 г.—см. ниже). Въ XIV вѣкѣ такіе правительственные дипломы считаются уже прямо необходимыми для осуществленія репрессалій и упоминаются уже и въ международныхъ договорахъ. Martens loc. cit. p. 25, 26.

тата о правѣ репрессалій [1]), и Бальдъ [2]), и очень популярная въ XV вѣкѣ писательница Христина Пизанская [3]).

Съ этой теоріей нисколько не идетъ въ разрѣзъ и практика. Такъ, въ государствахъ, отличавшихся особенно большими торговыми оборотами въ средніе вѣка, — въ Англіи и во Франціи (также въ Арагоніи) — право выдачи патентовъ на репрессаліи осуществляется обыкновенно самимъ королемъ (по совѣщаніи со своимъ совѣтомъ). Примѣры этого мы видимъ уже съ конца XIII вѣка. Такъ, что касается Англіи, то уже отъ 1295 г. до насъ дошелъ случай обращенія одного жителя Байонны къ королевскому намѣстнику въ Гаскони за патентомъ на репрессаліи (противъ португальскихъ подданныхъ), который и выдается ему отъ имени короля [4]). Такая практика (принципъ обращенія за репрессаліями къ королю) подтверждается при Эдуардѣ III парламентскимъ статутомъ 1363 г. [5]), а въ актѣ 1416 г. окончательно норми-

---

[1]) Tractatus represaliarum (или De represaliis), относящійся къ 1355 году, изданъ въ общемъ собраніи сочиненій Бартола: „Consilia, questiones et tractatus". (Изданія Ліонъ 1552, Венеція 1575). Онъ говоритъ: „concedere represalias est indicere bellum, sed bellum justum non potest indicere nisi ille qui superiorem non habet". Nys, p. 68, 70.

[2]) Nys Origines, p. 70.

[3]) Christine de Pisan Livre des faits d'armes, (ut supra): „...nul seigneur ne poet jugier guerre se il n'est souverain en juridiction. Et comme cestuy fait de donner marque selon sa nature et condition soit semblable a guerre, ne la puet nuly donner se il n'est pur seigneur sans moyen, comme est le roy de France en son reaulme". См. Nys p. 71.

[4]) Rymer Foedera I, 3, 150. Nys, p. 72

[5]) 27 Edw. III (1353) St. 2. cap. 17. „Item que nul marchaunt estraunge soit... empeche... pur autri dette... purveu tout foiz que si nuls noz liegez gentes marchaunts ou autres soient endamages per ascuns Seignurs dez estraunges terrez ou lour subjects et les dites Seignurs duement requis faillent de droit à nous ditz gents, *nous* eioms le ley de marck et repreisalx" — притомъ „come ad este use avaunt cez heures", т. е. „comme il a été usité par le passé". См. Martens 27, 28. Ср. Pütter Beiträge, 152. Этотъ актъ иногда неправильно разсматривали какъ отмѣну права репрессалій, но на самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ текста, онъ 1) только обезпечиваетъ общую неприкосновенность иностранныхъ купцовъ въ Англіи (провозглашенную еще въ Magna Charta 1215 г. — ch. 41) и ихъ индивидуальную отвѣтственность (признанную Генрихомъ III въ видѣ привилегіи для Любека, а впослѣдствіи распространенную на большинство иностран-

руется и вся процедура выдачи патентовъ на репрессаліи (жалоба потерпѣвшаго подавалась лорду-хранителю малой печати, а выдавался патентъ лордомъ-канцлеромъ) [1]. Во Франціи — еще въ одномъ ордоннансѣ 1313 г. король Филиппъ назначаетъ на время своего отсутствія особыхъ лицъ для принятія вмѣсто него просьбъ о выдачѣ патентовъ на репрессаліи, причемъ прямо говорится, что каждый желающій воспользоваться правомъ репрессалій долженъ установить такое право „per litteras regias vel alia publica instrumenta“ — „*antequam* ad dictam marcam faciendam procedat“ [2]. Затѣмъ, для устраненія въ этой области разныхъ злоупотребленій, а также претензій мѣстныхъ парламентовъ и нѣкоторыхъ крупныхъ феодаловъ на право выдачу такихъ патентовъ, Карлъ VII актомъ 13 іюня 1443 г. окончательно относитъ ее къ компетенціи короля и парижскаго парламента, а въ 1485 г. по ходатайству генеральныхъ штатовъ, собранныхъ въ Tours, Карлъ VIII сохраняетъ это право исключительно за королевскою властью [3].—Наконецъ, подобно Франціи и Англіи, и въ итальянскихъ республикахъ право разрѣшенія репрессалій принадлежитъ представителю суверенной власти государства: напримѣръ въ Венеціи и въ Генуѣ его осуществляетъ дожъ, во Флоренціи—подеста [4].

b) Другимъ ограниченіемъ старой безпорядочной практики репрессалій является во второй половинѣ среднихъ вѣковъ то правило, что самое полученіе патента на репрессаліи и осуществленіе своего права могло теперь имѣть мѣсто лишь при невозможности получить удовлетвореніе легальнымъ порядкомъ, при извѣстномъ „*defectus in reddenda justitia*“

цевъ—см. Hallam, 760) и 2) *организуетъ* репрессаліи, подчиняя выдачу патентовъ компетенціи самого короля (причемъ выдаются они только въ случаяхъ прямого отказа въ правосудіи со стороны иностраннаго правительства).

[1]) Mas Latrie p. 12, cf. 23. Martens, p. 27, 28. Hautefeuille Histoire, p. 132.

[2]) Mas Latrie p. 19. Martens p. 26 rem.

[3]) Mas Latrie, 13. Wheaton Histoire I, 81.

[4]) Mas Latrie, 12.—Ibid., p. 20—арагонская практика, см. ниже стр. 126.

со стороны иностраннаго правительства [1]). Слѣдовательно, выдача патента верховною властью предполагала еще извѣстную предварительную процедуру для разрѣшенія конфликта, если возможно, мирнымъ путемъ, черезъ обращеніе къ иностраннымъ властямъ, суду, и только неудача такого обращенія, доказанная передъ отечественными властями, давала наконецъ потерпѣвшему право испрашивать у нихъ патентъ на репрессаліи.

Эта предварительная процедура далеко не сводилась къ одной только формальности, и международная жизнь среднихъ вѣковъ выработала цѣлый рядъ гарантій, имѣвшихъ цѣлью ограничить примѣненіе репрессалій случаями дѣйствительнаго отказа въ правосудіи, déni de justice, со стороны иностраннаго правительства. По общему правилу, предварительная процедура передъ полученіемъ lettres de représailles проходила черезъ слѣдующія послѣдовательныя стадіи:

1) лицо, потерпѣвшее убытокъ отъ иностранца, должно было прежде всего обратиться въ компетентный отечественный судъ (вообще къ правительству) этого иностранца [2]). Только отказъ въ правосудіи со стороны иностраннаго суда выдвигалъ самый вопросъ объ умѣстности репрессалій, и безъ такого предварительнаго обращенія къ иностраннымъ властямъ не могло быть, по общему правилу, и рѣчи о репрессаліяхъ. Это несомнѣнно вытекаетъ изъ множества средневѣковыхъ документовъ. Цѣлую группу свидѣтельствъ этого рода мы имѣемъ напр. уже изъ первой половины XIV вѣка, къ которой относится нѣсколько дипломатическихъ конфликтовъ (изъ-за репрессалій) между арагонскимъ правительствомъ съ одной стороны и англійскимъ и французскимъ—съ другой. Такъ, въ 1310 г. на протестъ короля Филиппа Красиваго по по-

[1]) Слова упомянутаго выше французскаго ордонанса 1318 года.

[2]) Или же тамъ, гдѣ они существовали, — къ такъ называемымъ „охранителямъ мира“, т. е. особымъ посредникамъ, которыхъ съ XIII вѣка избираютъ иногда правительства при заключеніи мира. Объ этихъ „conservatores pacis“ см. подробнѣе ниже.

воду патентовъ на репрессаліи, выданныхъ арагонскимъ правительствомъ противъ жителей Нарбонны, Іаковъ II Арагонскій отвѣчаетъ, что эти патенты были выданы лишь послѣ нѣсколькихъ отказовъ въ правосудіи со стороны нарбоннскаго сенешаля [1]), а въ 1326 г., въ аналогичномъ случаѣ, онъ же оправдывается передъ французскимъ правительствомъ ссылкою на мнѣніе своего богословскаго факультета, что репрессаліи „juri, rationi et aequitati contrariae, utroque jure prohibitae" тѣмъ не менѣе становятся „licitae et permissae" — *propter defectum justitiae* [2]) Та же мысль проводится и въ англо-арагонскихъ столкновеніяхъ по поводу репрессалій. Въ 1323 году въ письмѣ къ королю арагонскому Эдуардъ II Англійскій протестуетъ противъ выдачи lettres de marque, направленныхъ противъ англичанъ, ибо онъ, Эдуардъ, никому никогда не отказывалъ въ правосудіи [3]); то же самое по тому же поводу повторяется и въ 1333 г., уже при Эдуардѣ III, при аналогичныхъ протестахъ со стороны короля, который даже обращается въ этомъ случаѣ за совѣтомъ къ своимъ „sapientibus et peritis", — но и тѣ находятъ „quod causa *de jure* non subfuit marcham seu represaliam concedendi" [4]). — Наконецъ, на ту же практику (т. е. на необходимость предварительнаго обращенія къ соотвѣтствующимъ иностраннымъ властямъ) указываютъ и упомянутые выше французскій ордоннансъ 1313 г. [5]) и англійскій статутъ 1353 года [6]), а также одно рѣшеніе парижскаго парламента отъ 20 іюля 1336 г. [7]).

---

[1]) Mas Latrie p. 11.

[2]) Dumont I, 2, 96.

[3]) Dumont I, 2, 63: „..nec est marcandi licentia in hoc parte a vobis contra nostros subditos aliqualiter concedenda; cum defectus aut negligentia nobis non possit aut debeat in exhibenda Justitia inpigni quoquomodo".

[4]) Hallam Middle Ages, p. 766.

[5]) См. выше стр. 122: „...ut *de requisdi in reddenda justitia defectu* constet illi qui Marcham indicere voluerit".

[6]) См. выше стр. 121, прим. 5: „si... les dites Seignurs duement requis *faillent de droit à nous ditz gentz*".

[7]) Mas Latrie p. 12.

2) Невозможность добиться правосудія въ иностранномъ государствѣ давала потерпѣвшему право обратиться къ своему правительству съ просьбою о разрѣшеніи репрессалій. Просьбы этого рода подавались опредѣленнымъ лицамъ или учрежденіямъ: въ Англіи — лорду Privy Seal, во Франціи — королю или (въ провинціяхъ) его намѣстникамъ, въ Венеціи — особамъ judices petitionum, во Флоренціи — подестѣ, въ Генуѣ — совѣту старѣйшихъ и пр. (слѣдовательно, приблизительно тѣмъ же лицамъ, отъ которыхъ исходила и самая выдача патентовъ на репрессаліи).

3) За такою просьбою о разрѣшеніи репрессалій слѣдовалъ со стороны даннаго правительства дипломатическій запросъ къ государству-отечеству обидчика, съ предложеніемъ загладить нанесенный вредъ. Такъ напр. въ 1355 г. король французскій письмомъ къ королямъ арагонскому и сицилійскому старается побудить ихъ удовлетворить французскихъ купцовъ, обиженныхъ ихъ подданными, и не доводить дѣла до репрессалій [1]). Чтобы вѣрнѣе достичь цѣли и дѣйствовать вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ полномъ сознаніи своей правоты, правительства того времени обыкновенно *не* ограничивались даже только однимъ такимъ дипломатическимъ предупрежденіемъ иностраннаго государства: обычаи разныхъ государствъ очень часто требовали нѣсколькихъ предупрежденій, и напр. во Флоренціи, какъ это видно изъ одного случая 1299 года [2]), дѣлалось *три* такихъ послѣдовательныхъ воззванія къ правосудію иностраннаго государства.

4) Послѣ дипломатическаго обращенія къ иностранному правительству давали еще обыкновенно пройти извѣстному сроку, до истеченія котораго патентъ на репрессаліи все-таки еще не выдавался. Этотъ срокъ мы находимъ и въ одностороннихъ правительственныхъ актахъ средневѣковыхъ

---

[1]) Ordonnances des rois de France t. IV. p. 424, 425 y Mas Latrie p. 19.
[2]) Mas Latrie p. 20.

государствъ [1]), и въ разныхъ международныхъ соглашеніяхъ того времени, которыя подчасъ очень внимательно останавливаются на этомъ вопросѣ и съ большою точностью опредѣляетъ этотъ льготный срокъ до выдачи lettres de représailles. Первыя постановленія подобнаго рода встрѣчаются уже въ договорахъ конца XII и начала XIII вѣка (напр. 1179, 1198, 1212) [2]).

Таковы первыя стадіи процедуры выдачи патента на репрессаліи — стадіи, имѣвшія цѣлью исчерпать всѣ способы разрѣшенія вопроса мирнымъ путемъ, при добромъ содѣйствіи самого государства-отечества обидчика. Эти стадіи совершенно ясно указаны въ одномъ любопытномъ средневѣковомъ документѣ, письмѣ Іакова I Арагонскаго къ виконту Нарбонны отъ 20 ноября 1253 г., въ которомъ король прямо заявляетъ, что для полученія его подданными патентовъ на репрессаліи противъ жителей Нарбонны должны быть соблюдены слѣдующія условія: a) предварительное обращеніе потерпѣвшихъ за правосудіемъ къ компетентнымъ властямъ (консуламъ, т. е. членамъ магистрата) города Нарбонны и отказъ этихъ властей въ правосудіи, b) повтореніе тѣхъ же требованій передъ тѣми же властями со стороны самого арагонскаго правительства и c) истеченіе еще льготнаго срока въ 21 день [3]).

Только послѣ этихъ предварительныхъ стадій выступала очевидно для всѣхъ, такъ сказать, злая воля государства-отвѣтчика въ данномъ дѣлѣ, и ставился вопросъ о необходимости прибѣгнуть къ репрессаліямъ. Процедура выдачи lettres de représailles входила въ свою послѣднюю стадію.

[1]) Напр. въ 1313 г. французскій король приказываетъ, чтобы до разрѣшенія репрессалій противъ арагонцевъ было сдѣлано имъ дипломатическое предупрежденіе, а потомъ истекъ еще срокъ въ 9 мѣсяцевъ. Mas Latrie p. 20.

[2]) Pardessus II, p. CXXI.—Ср. упомянутые выше англо-французскіе трактаты 1228, 35, 55 г. и пр.

[3]) Mas Latrie p. 20.

5) Компетентная для рѣшенія вопросовъ такого рода власть [1]) окончательно постановляла, имѣется ли въ данномъ случаѣ основаніе разрѣшить репрессаліи, и если да, то и составлялось соотвѣтствующее опредѣленіе выдать требуемый патентъ такому-то лицу, противъ подданныхъ такого-то государства, для возмѣщенія вреда на такую-то сумму. Этимъ разрѣшеніемъ которое облекалось въ торжественную форму грамоты, выдаваемой отъ лица верховной власти. — и оканчивалась процедура выдачи lettres de représailles.

Для пользованія своимъ пріобрѣтеннымъ такимъ образомъ „правомъ репрессалій", его субъекту оставалось еще только (тамъ, гдѣ это требовалось) засвидѣтельствовать особымъ публичнымъ актомъ исполненіе имъ всѣхъ законныхъ формальностей [2]), внести залогъ [3]) и, наконецъ, иногда выждать извѣстный (второй) льготный срокъ для удаленія изъ страны подданныхъ того государства, которому угрожали репрессаліи [4]).

c) Что касается третьяго момента, входившаго въ составъ средневѣковаго *права* репрессалій, а именно ограниченія захвата иностраннаго имущества эквивалентомъ понесеннаго истцомъ убытка, то оно нерѣдко находитъ себѣ выраженіе даже въ международныхъ трактатахъ того времени. Напр. португальско-кастильскій мирный и союзный трактатъ 1411 г., говоря о дозволеніи репрессалій только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ явнаго отказа иностраннаго правительства въ правосудіи, прямо ограничиваетъ

---

[1]) Напр. во Франціи—парижскій парламентъ и сенешалы (на югѣ), въ итальянскихъ государствахъ—разные совѣты при дожѣ, подестѣ и пр.

[2]) Такъ во Франціи съ 1313 года. См. Mas Latrie p. 28.

[3]) О немъ будетъ рѣчь еще дальше (въ отдѣлѣ объ уничтоженіи репрессалій).

[4]) Такой льготный срокъ былъ вообще въ обычаѣ; иногда онъ оговаривался даже въ международныхъ соглашеніяхъ: напр. въ 1335 г. между Франціею и Генуею, въ 1378 г. между Генуею и Арагоніею (1/2 года) и пр. См. Mas Latrie p. 29.

такія репрессаліи „pro summa et quantitate ad quam ascenderit dicta causa supra quam justitia est vel fuerit denegata“ [1]).

Вѣрныя этому принципу, средневѣковыя государства стремятся учредить извѣстный надзоръ за дѣйствіями своихъ подданыхъ, получившихъ патентъ на репрессаліи, и всякое злоупотребленіе этимъ патентомъ наказывалось по обычаю штрафомъ въ размѣрѣ четверной стоимости неправильно причиненнаго убытка [2]). Для практической организаціи такого контроля, требовалось по общему правилу, чтобы лицо, осуществляющее право репрессалій, сдѣлавъ какой-нибудь захватъ иностраннаго имущества, немедленно, подъ страхомъ штрафа, отдавало свой призъ на сохраненіе отечественнымъ должностнымъ лицамъ — которые и завѣдывали потомъ его продажею и удовлетвореніемъ взятеля въ размѣрѣ заявленнаго имъ убытка. Такъ было, напримѣръ, въ Арагоніи [3]), такъ же было (по нѣсколько позднѣйшему праву, Guidon de la mer) и во Франціи [4]). Излишекъ, который могъ получиться отъ продажи приза за покрытіемъ эквивалента убытка, подавшаго поводъ къ репрессаліямъ, возвращался соотвѣтствующему иностранному государству: „si quid ultra pervenit ad manus ejus (qui habuit repraesalias)—говорятъ средніе вѣка—istud *debet* cousignari coram publicas persones et postea restitui“ [5]). Право же даннаго лица на репрессаліи совершенно погашалось съ полученіемъ имъ эквивалента своего убытка, и владѣльцу патента оставалось только — какъ на это указываютъ нѣкоторые документы [6])—выдать росписку, свидѣтельствующую о его полномъ удовлетвореніи.

Обставленныя рядомъ такихъ разнообразныхъ гарантій правомѣрнаго ихъ примѣненія, регулированныя извѣстными,

---

[1]) Dumont II, 1. 340. art. 24.
[2]) Nys Origines p. 73.
[3]) Mas Latrie p. 33.
[4]) Pardessus II p. 411.
[5]) Nys Origines p. 72 cf. 65.
[6]) См. письма Филиппа Французскаго 1335 г., Іоанна Арагонскаго 1394 г. и др. у Mas Latrie, 34.

указанными выше, нормами, репрессаліи признаются такимъ образомъ, въ XIII—XVI вѣкахъ за особую систему права (и этотъ взглядъ переходитъ даже и въ такъ называемый новый періодъ европейской исторіи). Дѣятельный международный оборотъ послѣднихъ столѣтій западно-европейскаго средневѣковья былъ уже несовмѣстимъ съ *прежними* репрессаліями „варварскихъ" среднихъ вѣковъ, и вотъ эти репрессаліи подвергаются извѣстной юридической нормировкѣ: онѣ переработались въ извѣстную, характерную для среднихъ вѣковъ, систему *права*, и англійскій историкъ средневѣковья Hallam, говоря о приведенномъ выше протестѣ Эдуарда III противъ арагонскихъ репрессалій, основанномъ на мнѣніи „sapientium et peritorum", не даромъ замѣчаетъ, что этотъ случай XIV вѣка „доказываетъ существованіе въ тѣ времена извѣстнаго основаннаго на обычаѣ международнаго права (a customary law of nations), знаніе котораго составляло уже своего рода науку"[1]).

4. Средневѣковая литература права репрессалій.

Одновременно съ внесеніемъ извѣстнаго порядка въ возбуждавшую постоянные споры и столкновенія область репрессалій, возникаютъ и первые опыты ученой литературы, касающіяся этой отрасли международныхъ отношеній. Средневѣковое общество, въ лицѣ представителей своей науки, даже съ особою любовью останавливается на теоретической разработкѣ и анализѣ этого новаго, возникшаго такъ сказать на его глазахъ, „права" репрессалій: „репрессаліи, говоритъ Эрнестъ Нисъ, представляютъ собою одинъ изъ тѣхъ институтовъ международнаго права, которые наиболѣе привлекали къ себѣ вниманіе великихъ италіанскихъ комментаторовъ XIV вѣка"[2]).

[1]) Hallam Midde Ages p. 766.
[2]) Nys Origines, p. 68.

Большинство ихъ и разсматриваютъ дѣйствительно этотъ институтъ въ своихъ общихъ юридическихъ сочиненіяхъ, а знаменитый Бартолъ посвящаетъ ему даже спеціальную монографію „Tractatus represaliarum“ (1355), *открывая ею въ исторіи нашей науки эру спеціальныхъ трактатовъ по отдѣльнымъ отраслямъ международнаго права* [1]).

Примѣръ Бартола не остался безъ подражателей, и можно сказать, что первыя отдѣльныя изслѣдованія по международному праву посвящены почти исключительно именно праву репрессалій. Такъ, къ этому же XIV вѣку принадлежитъ трактатъ „De represaliis“ профессора болонскаго университета Іоанна де-Линьяно (Giovanni de Lignano)[2]). Въ слѣдующемъ, XV-мъ столѣтіи появляется (подъ тѣмъ же заглавіемъ) монографія ломбардскаго профессора Мартина Гарата (Martinus Garatus Laudensis т. е. изъ г. Лоди) и наконецъ „Tractatus represaliarum seu de iujuriis et damno dato“ Іоанна-Якова a Canibus (degli Cani) [3]).

Всѣ они, давъ своими работами надолго толчекъ изслѣдованіямъ международнаго права въ этомъ направленіи [4]), разсматривали репрессаліи уже какъ самостоятельный характерный институтъ права, институтъ *общепризнанный* на пространствѣ всего международнаго общества европейскихъ государствъ.

5. Постепенное уничтоженіе репрессалій.

Эпоха XIII—XV вв., регулировавшая, какъ мы видѣли, старыя репрессаліи созданіемъ извѣстнаго „права“ репрес-

[1]) Разборъ этого сочиненія и вообще всей средневѣковой *теоріи* репрессалій см. у Nys 68. ss.

[2]) Rivier Note sur la littérature etc. p. 16.

[3]) Rivier ibid. p. 30, 31. Эти средневѣковыя монографіи по праву репрессалій напечатаны въ XII томѣ сборника Ziletti Tractatus universi juris (или Tractatus Tractatuum). Ven. 1584.

[4]) Особенное множество монографій о правѣ репрессалій мы находимъ въ XVII вѣкѣ. См. ихъ перечень у Nys Origines, p. 69 remarque.

салій, не останавливается однако, какъ оказывается, на такой нормировкѣ и стремится вовсе изъять практику репрессалій изъ международнаго оборота. Дѣло въ томъ, что разсматриваемая эпоха среднихъ вѣковъ уже открыто подкапывается подъ самыя основы, на которыхъ покоились средневѣковыя репрессаліи: въ лицѣ своихъ королей, она борется противъ принципа частной войны, съ помощью легистовъ и воскресшаго римскаго права—она протестуетъ противъ варварскаго германскаго принципа солидарной отвѣтственности, противополагая ему начало отвѣтственности индивидуальной. Въ зависимости отъ такой реакціи противъ обоихъ основныхъ началъ, на которыя опирались репрессаліи, не могло не пошатнуться и самое это понятіе, какъ институтъ права. И дѣйствительно, конецъ среднихъ вѣковъ стремится уже къ совершенному уничтоженію репрессалій.

Не трудно видѣть, что несмотря на всѣ гарантіи въ пользу возможно-раціональнаго ихъ примѣненія, репрессаліи, даже введенныя съ XIII вѣка въ рамки извѣстнаго „права", всетаки ложились тяжкимъ бременемъ и на общія отношенія между государствами [1]), и, въ частности, на международно-торговый оборотъ Европы, все болѣе и болѣе развивающійся со времени крестовыхъ походовъ. Правильное развитіе международной торговли было, конечно, немыслимо при томъ (хотя бы и смягченномъ сравнительно съ „ранними" средними вѣками) порядкѣ вещей, когда каждый купецъ находился подъ страхомъ потери своихъ товаровъ—и даже личнаго задержанія [2])—изъ-за какого-нибудь проступка совершенно

[1]) Въ видѣ иллюстраціи см. случай 1292 г., приведенный у Ward (I, 295), когда частная ссора между англійскими и норманскими моряками постепенно, черезъ репрессаліи, привела къ открытой войнѣ между Франціею и Англіею.

[2]) Вопросъ, допускало ли право репрессалій также и личное задержаніе иностранца, споренъ. Спеціальный изслѣдователь этого права Mas Latrie думаетъ, что нѣтъ (p. 32). Его категорически опровергаетъ новѣйшій историкъ Maulde-la-Clavière (I, 238). Мы думаемъ, что правъ послѣдній и что Mas Latrie

*

даже неизвѣстнаго ему соотечественника. Если прибавить къ этому, что выдача патента на репрессаліи часто вызывала аналогичную мѣру со стороны затронутаго государства, т. е. выдачу такъ называемыхъ lettres de *contre*-marque, de contre-prise („contra-marcha") [1])—то станетъ очевиднымъ до какого состоянія анархіи въ международномъ торговомъ оборотѣ могла доводить практика репрессалій, даже регулированная извѣстными нормами XIII—XV вѣка.

Съ развитіемъ торговаго оборота она должна была казаться невыносимою, а подрывъ вѣры въ справедливость старо-германскаго начала коллективной отвѣтственности отнимаетъ у репрессалій уже всякую почву, всякое право на существованіе. И дѣйствительно, вслѣдъ за церковью, которая принципіально провозглашаетъ репрессаліи „противными законамъ и естественной справедливости" [2]), и вслѣдъ за преданными каноническому и римскому праву учеными, какъ напримѣръ Honoré Bonet или Христина Пизанская [3])—отрицательный взглядъ на репрессаліи, даже въ ихъ нормированномъ видѣ конца средниихъ вѣковъ, начинаетъ все болѣе и болѣе распространяться въ европейскомъ обществѣ [4]).

Параллельно съ этимъ движеніемъ, международная политика старается или предупреждать мирнымъ путемъ самую надобность обращаться къ репрессаліямъ, или замѣнять ихъ

былъ введенъ въ заблужденіе текстомъ документа, на который онъ и ссылается въ подтвержденіе своего мнѣнія. Именно въ 1397 г. парижскій парламентъ дѣйствительно постановляетъ выпустить на свободу нѣсколькихъ голландскихъ купцовъ, лично задержанныхъ по патенту на репрессаліи, выданному парижскимъ купцамъ. Но въ постановленіи сказано, что они освобождаются оттого „quod non possunt corpora detineri *praedicta* marca," т. е. на основаніи *даннаго* патента. Возможность личнаго задержанія должна была быть, такимъ образомъ, спеціально оговорена въ патентѣ (который толковался рестриктивно), но *не* исключалась *безусловно* правомъ репрессалій.

[1]) О нихъ см. Mas Latrie p. 40, 41.

[2]) На ліонскомъ соборѣ 1274 г.: „tamquam legibus et aequitati naturali contraria" См. Cauchy I, p. 361. Ср. выше (стр. 124) мнѣніе арагонскаго богословскаго факультета въ 1326 г.

[3]) См. Maulde I, 226.

[4]) См. разные документы, доказывающіе это, у Mas Latrie p. 46 note 2.

другими, менѣе рѣзкими и несправедливыми средствами воздѣйствія, или ограничивать ихъ сферу дѣйствія частными изъятіями, или же наконецъ стремится даже совсѣмъ уничтожить это право въ международной жизни цивилизованныхъ государствъ.

а) Для предупрежденія репрессалій путемъ другихъ, мирныхъ способовъ рѣшенія конфликта, средніе вѣка выдвигаютъ — независимо отъ дипломатическихъ переговоровъ, какъ общаго средства мирнаго разрѣшенія столкновеній [1], — еще одинъ характерный особенный способъ, имѣющій ближайшее отношеніе къ репрессаліямъ и потому особенно здѣсь интересный. Въ XIII вѣкѣ устанавливается, именно, обычай назначать при заключеніи мира или перемирія особыхъ „охранителей мира“ (conservatores pacis) т. е. особыя смѣшанныя коммиссіи посредниковъ (изъ представителей заинтересованныхъ сторонъ), имѣвшихъ спеціальною цѣлью мирное улаженіе *частныхъ* столкновеній между гражданами данныхъ государствъ и слѣдовательно устраненіе самой необходимости обращаться къ репрессаліямъ. Въ случаѣ неудачи ихъ посреднической дѣятельности, назначался извѣстный льготный срокъ, до истеченія котораго обиженная сторона не могла еще обращаться къ репрессаліямъ. Мы находимъ этотъ любопытный институтъ во множествѣ актовъ перемирій и мирныхъ трактатовъ начиная съ XIII вѣка, главнымъ образомъ между Франціею и Англіею [2].

Въ связи съ дѣятельностью „охранителей мира“ нужно также упомянуть, что средневѣковая жизнь выработала еще другое, появляющееся въ XV вѣкѣ, средство для огражденія иностранцевъ отъ неправильныхъ репрессалій — спеціально

---

[1]) О дѣятельности дипломатіи по отношенію къ репрессаліямъ см. Maulde I, 227 ss.

[2]) См. для примѣра изъ XIII вѣка упомянутые выше англо-французскіе договоры 1228, 1235, 1255 гг. Dumont I, 1, 166, 389, 395; изъ XIV и XV — англо-французскія перемирія 1360 и 1403 года ibid. II, 1, 6, 286, англо-бретанскія 1413 и 1440 — ibid. II, 2, 3, III, 1, 548 и пр.

относительно морского международнаго оборота. Это устанавливаемое международными соглашеніями средство,—уже примѣнявшееся по отношенію къ такъ называемымъ каперамъ или корсарамъ въ морской войнѣ и, очевидно, перенесенное оттуда, по аналогіи, и въ область международныхъ отношеній во время мира [1])—состояло въ отобраніи отъ всѣхъ моряковъ-подданныхъ даннаго государства, при выходѣ ихъ изъ его гаваней, особаго залога (cautio, securitas), какъ обезпеченія въ томъ, что они не нарушатъ какимъ бы то ни было образомъ международнаго мира на морѣ, ссылаясь на свое мнимое право репрессалій или контръ-призовъ. Такой залогъ, доходившій иногда до двойной стоимости судна съ его продовольствіемъ [2]), шелъ въ случаѣ надобности на удовлетвореніе претензій иностранцевъ, обиженныхъ на морѣ данными моряками. Мы находимъ постановленія о такомъ залогѣ въ цѣломъ рядѣ международныхъ актовъ XV вѣка. Таковы напр. англо-бретанское перемиріе 1413, и англокастильское 1414 года, торговый трактатъ Англіи съ Пруссіею (Тевтонскимъ Орденомъ) и Ганзейскими городами въ 1436 г., договоръ мира и дружбы между Англіею и Бретанью 1440, англо-испанскій трактатъ 1489 г., англо-французскій 1497 и пр. [3]).

b) для замѣны репрессалій другими принудительными средствами, средневѣковая международная практика обращается главнымъ образомъ къ способу чрезвычайныхъ налоговъ [4]), принудительныхъ сборовъ, налагаемыхъ равномѣрно

---

[1]) А не наоборотъ, какъ думаетъ G. F. v. Martens (Armateurs, p. 29): залоги для каперовъ во время войны упоминаются уже въ концѣ XIII вѣка. Ср. Hautefeuille, p. 132 note, 133.

[2]) Напр. по англо-испанскому договору 1489 года: „..duplum valoris navis apparati et victualium ejusdem" Dumont III, 2, 228.

[3]) Dumont II (2) 3, 13, III (1) 4, 549, (2) 223, 377.

[4]) Мы не упоминаемъ здѣсь о другомъ способѣ замѣны репрессалій —о конфискаціи иностранныхъ товаровъ (Mas Latrie, 41), ибо этотъ способъ въ сущности ничѣмъ не отличается отъ средневѣковыхъ репрессалій, будучи пожалуй еще болѣе рѣзкимъ и рѣшительнымъ: здѣсь само государство непосредственно

на всѣхъ купцовъ или на всѣ товары, происходящіе изъ государства-отечества обидчика. Такъ напр. въ 1335 г. французское правительство, вмѣсто выдачи lettres de représailles противъ генуэзцевъ, устанавливаетъ для покрытія убытковъ французскихъ купцовъ особый налогъ на товары, вывозимые изъ Генуи во Францію (или наоборотъ)[1]. Подобной же политикѣ слѣдуетъ въ 1451 г. Флоренція, облагая при аналогичныхъ обстоятельствахъ особымъ сборомъ всѣ товары, ввозимые въ ея территорію арагонскими подданными[2].

c) Но, недовольная этими косвенными путями, международная жизнь среднихъ вѣковъ старается реагировать и прямо на самый институтъ репрессалій, въ смыслѣ ихъ ограниченія или даже полной отмѣны. Ограничиваются репрессаліи въ это время черезъ изъятія изъ сферы ихъ дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, предметовъ, мѣстъ — которые всѣ такимъ образомъ „нейтрализуются", объявляются огражденными отъ права репрессалій.

1) Что касается, прежде всего, *лицъ*, противъ которыхъ репрессаліи не могли имѣть мѣста, то различные документы среднихъ вѣковъ перечисляютъ ихъ цѣлый рядъ. Такъ, по общему правилу изъ дѣйствія репрессалій были изъяты:

1⁰ лица, находящіяся подъ особою охраною мѣстнаго правительства, — иностранные послы[3], лица, снабженныя спеціальными охранными грамотами (salvamentum, salvagardia, sauf conduit) или получившія особое разрѣшеніе короля на пребываніе въ странѣ[4].

2⁰ такъ сказать „кочевой" элементъ средневѣковаго государства: профессора и студенты (peregrinatio academica!),

---

вступается за обиженнаго и, не выдавая ему патента, само немедленно захватываетъ первое попавшееся имущество ни въ чемъ неповинныхъ иностранцевъ-соотечественниковъ обидчика.

[1]) Mas Latrie p. 42, 43.

[2]) Ibid.

[3]) Nys Origines, 71.

[4]) Mas Latrie 14, 39.

пилигримы, путешественники, потерпѣвшіе кораблекрушеніе и пр. [1]).

3⁰ женщины [2]) (относительно личнаго задержанія).

4⁰ духовенство (скорѣе только въ принципѣ) [3]).

5⁰ иногда также занимающіеся банковыми операціями, какъ особенно важными для международной торговли [4]).

Затѣмъ и относительно самыхъ субъектовъ права репрессалій существовало извѣстное ограниченіе. Именно, патентъ на репрессаліи могъ получить только туземецъ, свой, мѣстный подданный, а иностранецъ, даже ведущій постоянныя торговыя дѣла въ данномъ государствѣ, не могъ претендовать на этотъ способъ защиты своихъ правъ [5]).

2) Относительно *предметовъ*, на которые не распространялось право репрессалій, мы встрѣчаемся въ средніе вѣка съ чрезвычайно упорною тенденціею изъять изъ захвата предметы пропитанія, привозимые иностранцами на продажу въ данное государство. Мы находимъ цѣлый рядъ случаевъ нейтрализаціи такихъ объектовъ торговли [6]). Такъ напр. въ 1283 г. Петръ III Арагонскій въ хартіи, данной Барцелонѣ, освобождаетъ отъ дѣйствія репрессалій всѣ привозимые въ этотъ городъ на продажу предметы пропитанія (хлѣбъ, мясо, рыбу, вино), а также все нужное для ихъ перевозки (вьючный скотъ, повозки, лодки и пр.). Въ еще болѣе широкомъ видѣ мы находимъ такое же изъятіе въ Венеціи въ силу закона 1324 г.: здѣсь запрещеніе репрессалій про-

———

¹) Pütter Beiträge, 150, Mas Latrie, 14, Nys, 71.

²) Maulde I, 236. Nys 71.

³) Постановленіе 2-го Ліонскаго собора 1274 г. (can. 28—см. Pütter, 150) которое однако же мало соблюдалось, такъ какъ прелаты церкви нитѣмъ de facto не отличались отъ свѣтскихъ владѣтелей и такъ какъ сама церковь иногда прибѣгала къ этому средству удовлетворенія обиженнаго. Mas Latrie, p. 16 ss.

⁴) Напр. во Франціи ордоннансомъ 1360 года были спеціально изъяты изъ дѣйствія репрессалій евреи, ордоннансомъ 1382 г. — ломбардскіе банкиры въ Парижѣ. См. Mas Latrie p. 14.

⁵) Maulde I, 235. Nys 71.

⁶) См. Mas Latrie p. 15, 16.

стиралось не только на предметы пропитанія и на доставлявшіе ихъ корабли, но также на суммы, вырученныя за нихъ иностранцами, и даже на товары, купленные ими на эти деньги. Во Франціи также издаются особыя постановленія, аналогичныя съ предыдущими (напр. въ 1363, 1494 г.) и пр. [1]).

3) Что касается *мѣстъ*, огражденныхъ отъ осуществленія въ нихъ права репрессалій, то по общепризнанному въ среднихъ вѣкахъ обычаю, нашедшему себѣ подтвержденіе и въ различныхъ актахъ государственной власти, были неприкосновенны въ этомъ отношеніи мѣста ярмарокъ [2]). Естественно, что такая чрезвычайно важная для международной торговли привилегія, какъ отмѣна репрессалій для ярмарокъ, распространилась постепенно далѣе—съ рынковъ перешла на самые города, возникшіе благодаря періодическому устройству ярмарокъ на данномъ мѣстѣ и пр. [3]). Наконецъ, въ исключительныхъ случаяхъ, это преимущество жаловалось правительствомъ отдѣльнымъ городамъ, въ видѣ особой привилегіи: напримѣръ, ордоннансомъ 1380 г. Карлъ VI объявляетъ на все время его войнъ територію города Troyes свободною отъ дѣйствія права репрессалій [4]).

d) Очевидно однако, что такія ограниченія репрессалій могли играть лишь роль палліатива относительно того зла, какимъ теперь, въ послѣднемъ столѣтіи среднихъ вѣковъ, уже признаются репрессаліи. Вотъ почему, не довольствуясь постепенными сокращеніями сферы дѣйствія репрессалій, между-

---

[1]) См. Mas Latrie p. 16, Maulde I, 238.

[2]) Mas Latrie p. 14. Pütter, 150. Maulde, 238, особенно см. капитальное новѣйшее изслѣдованіе P. Huvelin Essai historique sur le droit des marchés et des foires (P. 1897) p. 442, 443. Тамъ же, note 5 (ср. р. 296) см. интересную въ разбираемомъ отношеніи грамоту Филиппа Бургундскаго для Chalon-sur-Saône 1465 г.

[3]) Коммунальныя грамоты Pontailler 1257, Auxonne 1361 и пр. Huvelin loc. cit., 443, note 2.

[4]) Mas Latrie p. 15.

народная жизнь разсматриваемой эпохи стремится, параллельно, и къ совершенному ихъ уничтоженію.

Еще въ XIII столѣтіи за такое полное уничтоженіе репрессалій высказываются и императоръ, и папа: ихъ думалъ отмѣнить и Фридрихъ II [1]), и Григорій X [2]). А рядомъ съ такими, болѣе теоретическими, pia desideria обоихъ главъ западно-христіанскаго міра, идетъ и фактическая отмѣна права репрессалій на практикѣ.—Во главѣ этого освободительнаго движенія идетъ знаменитая Ганзейская лига городовъ [3]). Протестуя еще съ XIII вѣка противъ начала коллективной отвѣтственности всѣхъ соотечественниковъ иностранца за его вину и провозглашая для торговыхъ отношеній своихъ членовъ принципъ отвѣтственности индивидуальной [4]), она проводитъ его также и во внѣшнемъ мірѣ: ганзейскіе города отказываются вообще отъ примѣненія права репрессалій какъ по отношенію другъ къ другу, такъ и по отношенію къ подданнымъ иностранныхъ государствъ, и въ тоже время (съ самаго своего объединенія въ XIII вѣкѣ въ единый торгово-политическій союзъ) добиваются—путемъ привилегій иностранныхъ правительствъ или же путемъ трактатовъ—отмѣны репрессалій для своихъ купцовъ во всѣхъ главнѣйшихъ торговыхъ государствахъ Европы [5]).

Постепенно, идея правильности такого новаго режима начинаетъ прививаться въ области международной жизни вообще, и за средніе вѣка мы находимъ цѣлый рядъ международныхъ соглашеній о взаимной отмѣнѣ репрессалій. Такъ, параллельно съ практикою Ганзы, тотъ же принципъ инди-

---

[1]) Одновременно съ уничтоженіемъ вообще всѣхъ частныхъ войнъ. Ср. Nys, p. 64.

[2]) На 2-омъ Ліонскомъ соборѣ 1274 г. См. выше стр. 132 прим. 2.

[3]) См. вообще Pütter, Beiträge S. 151, 152, Nys, 65, 66, 68.

[4]) См. Laurent VII, 367 (о Гамбургѣ).—Для болѣе успѣшнаго проведенія этого начала, ганзейскіе города въ трактатахъ между собою провозглашаютъ уже *принципъ взаимнаго исполненія судебныхъ рѣшеній.* Pütter, 151, Nys, 68.

[5]) Длинный рядъ такихъ привилегій и трактатовъ Ганзы см. у Pütter, S. 151 (по Sartorius Ursprung der Hanse).

видуальной отвѣтственности и отмѣны репрессалій [1]) проводятъ въ своихъ трактатахъ также италіанскіе города [2]), и притомъ не только между собою—какъ, напримѣръ, уже въ 1195 г. Брешіа и Феррара, въ 1216 г. Флоренція и Болонья и пр. [3]), но даже по отношенію къ не-христіанскому міру—въ своихъ капитуляціяхъ съ варварійскими государствами [4]).

За ганзейскими и итальянскими городами слѣдуютъ и другія государства, и тенденція къ уничтоженію репрессалій становится особенно замѣтною въ XV вѣкѣ [5]). Такая тенденція тѣмъ болѣе понятна, что средина XIV столѣтія открываетъ собою уже эру международныхъ торговыхъ договоровъ на западѣ [6]), которые и идутъ затѣмъ непрерывною полосою вплоть до нашего времени. Понятно, что при вызвавшемъ ихъ къ жизни оживленномъ торговомъ оборотѣ между европейскими государствами, особенно отличающемъ эту эпоху, система репрессалій была уже немыслима. Вотъ почему первые такіе торговые трактаты, заключенные Эдуардомъ III съ кастильскими (1351) и португальскими (1353) приморскими городами [7]), совпадаютъ по времени съ приведеннымъ выше статутомъ того же короля (1353) объ индивидуальной отвѣтственности иностранныхъ купцовъ; вотъ

[1]) Они сохранялись въ такихъ случаяхъ только *противъ самого обидчика.*

[2]) Многочисленные примѣры у Muratori Antiquitates ital. medii aevi t. IV (въ его диссертаціяхъ „De civitatum italicarum foederibus ac pacibus" и „De represaliis").

[3]) Mas Latrie p. 43, Nys, 65.

[4]) Mas Latrie Traités de paix et de commerce et documents divers concernant les relations des Chrétiens avec les Arabes de l'Afrique septentrionale au moyen âge p. 84.

[5]) *Единичные* любопытные примѣры встрѣчаются и въ болѣе отдаленные періоды: такъ напр. Nys цитируетъ одно постановленіе этого рода изъ мирнаго трактата 1167 г. между графами фландрскимъ и голландскимъ. Origines, p. 65, 66.

[6]) Ср. Лешковъ. Историческое изслѣдованіе началъ неутралитета (М. 1841) стр. 1.

[7]) Dumont I, 2, 265, 286.

почему также всѣ послѣдующіе торговые договоры рѣшительно вступаютъ на путь отмѣны репрессалій. Съ конца XIV вѣка, говоритъ Hautefeuille, всѣ трактаты о мирѣ или перемиріи стремятся къ полному уничтоженію репрессалій [1].

И дѣйствительно, цѣлый рядъ крупныхъ международныхъ договоровъ этой эпохи торжественно подтверждаютъ появившійся уже у ганзейскихъ и италіанскихъ городовъ принципъ индивидуальной отвѣтственности и отмѣняютъ репрессаліи,—формально оговаривая, что данное правительство будетъ дозволять эту мѣру только въ случаяхъ самаго крайняго, злостнаго отказа въ правосудіи со стороны другого правительства. Конечно, такіе рѣзкіе случаи упорнаго отказа въ правосудіи—случаи, которые могли уже разсматриваться даже какъ casus belli,—могли встрѣчаться чрезвычайно рѣдко въ области мирнаго международнаго торговаго оборота, и репрессаліи, ограниченныя только *этими* случаями, должны были, конечно, фактически исчезнуть изъ международной жизни.—Подобнаго рода условія заключаются, какъ мы сказали, въ цѣломъ рядѣ крупныхъ международныхъ договоровъ начиная съ конца XIV вѣка. Таковы напримѣръ: [2]) торговый трактатъ Англіи съ Пруссіею (Тевтонскимъ орденомъ) 1388 г. [3]), мирный и союзный договоръ между королями кастильскимъ и португальскимъ 1411 г. [4]), трактатъ Англіи съ Испаніею 1489 г. [5]), наконецъ, знаменитый торговый до-

[1]) Histoire, p. 132.

[2]) Мы *не* упоминаемъ здѣсь англо-французскаго договора 7 мая 1360 г., на который ссылается Martens (Armateurs p. 26), Pütter (S. 152) и другіе, потому что онъ, конечно, *не* уничтожаетъ репрессалій. Какъ это видно изъ текста, помѣщеннаго у Dumont (II, 1, 6), это просто актъ перемирія, которое прекращаетъ всякія враждебныя дѣйствія между договаривающимися, въ томъ числѣ и „prises, reprisalles, marques et contirprises“, т. е. „репрессаліи“ *военнаго* времени, а до системы репрессалій мирнаго времени вовсе и не думаетъ касаться. То же самое напр. еще по англо-французскому перемирію 1403 г. (Dumont II, 1, 287) и т. д.

[3]) Dumont II, 1, 213, art. 1: „...quod omnes... Reprisaliae et Impignorationes... sint de praesenti... solutae“ etc. также art. 2.

[4]) Dumont II, 1, 340, 341: подробныя постановленія въ art. 23, 24, 27, 28.

[5]) Dumont III, 2, 222, 223: очень точно выраженныя правила.

говоръ 24 февраля 1495 года между Генрихомъ VII Англійскимъ и Филиппомъ Красивымъ, какъ государемъ нидерландскимъ [1]). Этотъ трактатъ, не даромъ прозванный „Intercursus Magnus",—который вообще провозглашаетъ свободу торговли для подданныхъ обѣихъ сторонъ и справедливо считается провозвѣстникомъ новой эры въ области международныхъ торговыхъ трактатовъ [2]) — совершенно ясно и точно выражаетъ принципы, установившіеся по отношенію къ репрессаліямъ въ послѣднее столѣтіе средневѣковья, какъ бы резюмируя своимъ текстомъ всѣ соотвѣтствующія постановленія всѣхъ предшествующихъ международныхъ актовъ [3]).

Стоя и по времени, и по своему духу, на рубежѣ среднихъ вѣковъ и такъ называемой новой исторіи, этотъ знаменитый трактатъ передаетъ тотъ же самый взглядъ на репрессаліи и новому времени. Къ самому началу XVI столѣтія, къ 1509—11 гг. относится отмѣна ихъ между Франціею и Испаніею [4]), въ 1514 г. — между Франціею и Англіею [5]) и пр. и пр. Мы такимъ образомъ имѣемъ право сказать вмѣстѣ съ историкомъ международныхъ отношеній въ эпоху перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, что „en réalité, au commencement du XVI siècle on s'abstient de represailles" и что „если трактаты XVI вѣка упоминаютъ

[1]) Dumont III, 2, 336.

[2]) См. напр. Nys Origines p. 75, 288, 289, также Thorold Roggers (Interprétation économique de l'histoire p. 106), который однако почему-то считаетъ этотъ договоръ *первымъ* коммерческимъ трактатомъ Англіи!

[3]) „Quotiescunque contingerit, говоритъ онъ, Subditos Domini Regis Angliae a Subditis praefati Domini Archiducis... quoquo modo laedi et damnificari, *non debent* propter ea *per Literas represaliarum*, marcae vel contramarcae... *qui damna non tulerint .. in personis vel Bonis arrestari...* sed per Principes unius vel alterius Partis attemptata ipsa debite reparabuntur... *hujusmodique Litterae reprisaliarum...* (nisi... summonitionibus quoad Principes praecedentibus et legitime factis) *deinceps omnino cessent...*" Dumont III, 2, 340.

[4]) Maulde I, 232, 233.

[5]) Статьею 10 ихъ трактата этого года. Ibid. p. 232. По этому акту остались только „именные" патенты на репрессаліи, т. е. противъ самого обидчика. Эти постановленія трактата 1514 г. были подтверждены трактатомъ 1546 г. (Nys, p. 75).

еще о репрессаліяхъ, то только, чтобы оговорить ихъ уничтоженіе" [1]).

Такъ, подъ вліяніемъ вновь нарождающихся потребностей все ростущаго международнаго оборота вообще и международной торговли въ частности, къ концу среднихъ вѣковъ и къ началу такъ называемой новой исторіи, государства отказываются уже отъ своего „права" репрессалій—отъ той самой характерной средневѣковой юридической системы, которая, выработавшись въ этой области въ теченіе XIII—XV вѣковъ, сама представляла тогда значительный прогрессъ по сравненію съ анархическою практикою раннихъ среднихъ вѣковъ [2]). Вотъ почему можно въ заключеніе сказать, что *въ видѣ общаго правила* репрессаліи фактически исчезаютъ уже къ концу среднихъ вѣковъ, и средневѣковье передаетъ новому времени взгляды совершенно иного рода: если отдѣльные случаи репрессалій и проходятъ еще черезъ международную жизнь XVI, XVII и даже XVIII вѣка [3]), то лишь въ видѣ исключеній. То, что было несомнѣннымъ „правомъ"—стало лишь печальнымъ исключеніемъ среди новаго, общепризнаннаго порядка вещей.

---

[1]) Maulde ibid. 233 et 242.

[2]) Maulde (I, 226) справедливо говоритъ, что „en fait le droit de représailles constituait *un bienfait relatif*, en tant que guerre adoucie et très circonscrite".

[3]) Одинъ такой случай относится напр. еще къ 1778 г., когда французское правительство выдало патентъ на репрессаліи противъ Англіи. Martens Armateurs p. 30. Ortolan Règles internationales et diplomatie de la mer (P. 1864) I, p. 358.

IV.

Средніе вѣка и зарожденіе права войны.

Средніе вѣка и зарожденіе права войны.

I. Война и право [1]).

Начиная изложеніе права войны (и въ особенности права войны въ средніе вѣка), нельзя не сказать прежде всего нѣсколько словъ о самомъ соотношеніи этихъ двухъ понятій „войны“ и „права“—ибо принятіе нами того или другого взгляда на это соотношеніе непремѣнно должно отразиться на самомъ характерѣ всего послѣдующаго изложенія.

Вступая въ эту область общихъ предварительныхъ понятій о томъ, что такое есть—и вообще можетъ быть—„право войны“ въ международной жизни, мы не можемъ, сразу, не обратить вниманіе на тотъ, печальный въ смыслѣ развитія пра-

[1]) См. особ. Brocher de la Flèchère Les principes naturels du droit de la guerre въ R. D. I. 1872 et 1873. Ф. Мартенсъ Восточная война и брюссельская конференція (СПБ. 1879) Глава I. Rettich Zur Theorie und Geschichte des Rechts zum Kriege (Stuttgart 1888).

восознанія и юридическаго чутья въ современномъ обществѣ, общеизвѣстный фактъ, что даже въ наше время—несмотря на такіе международные акты, какъ напримѣръ Женевская конвенція о раненыхъ 1864 или такъ называемая Брюссельская декларація 1874 года—не рѣдкость услышать мнѣніе, что никакого права войны вовсе не существуетъ и не можетъ существовать на самомъ дѣлѣ. Война есть система насилій, исключающая по самому своему существу всякую идею права, говорятъ намъ (напримѣръ Рюстовъ, Клаузевицъ, Гартманъ и пр.), и ея единственный законъ есть военная необходимость, цѣлесообразность: реализмъ войны исключаетъ собою идеализмъ международнаго права (Гартманъ).

Мы не въ правѣ, конечно, обойти молчаніемъ взгляды такого рода, начиная говорить о правѣ войны (да еще войны средневѣковой!) Дѣйствительно, если и позволительно игнорировать—какъ явленія безусловно *патологическія* (анализъ которыхъ долженъ принадлежать не юристу, а медику, психіатру)—выходки, направленныя къ восторженному апоѳеозу и „обожествленію“ войны (Де-Мэстръ, Прудонъ, Лассонъ), то нельзя смѣшивать съ этими вполнѣ субъективными взглядами (или вѣрнѣе вкусами) отдѣльныхъ воинствующихъ публицистовъ взгляды вполнѣ серіозно-обоснованные и объективные (хотя бы и не утѣшительные), выведенные изъ фактическаго существа военной практики и—вполнѣ отрицающіе возможность существованія какого бы то ни было *права* войны. Такіе взгляды нельзя намъ игнорировать оттого, что этотъ капитальный вопросъ о самой возможности существованія извѣстнаго „права войны“, какъ совокупности юридическихъ нормъ, подымается, такъ сказать, самъ собою при началѣ каждаго изслѣдованія изъ области права войны: дѣйствительно, можетъ ли вообще существовать какое бы то ни было „право войны“, не есть ли это выраженіе—contradictio in adjecto, совмѣстимо ли, другими словами, право съ квалифицированнымъ видомъ насилія и самоуправства, именуемымъ

войною, и, если да, то въ какомъ объемѣ можно говорить о подчиненіи военнаго насилія праву? Отвѣтомъ на эти основные вопросы—которымъ опредѣлится, что же такое есть это „право войны“, и тѣмъ самымъ намѣтятся границы нашего изслѣдованія,—мы и начнемъ разсмотрѣніе права войны, первыхъ его зачатковъ и развитія въ средніе вѣка.

Если поставленный только что вопросъ о самой возможности существованія извѣстнаго права войны разрѣшается очень часто, какъ было замѣчено выше, въ отрицательномъ смыслѣ, то вина этого падаетъ, по нашему мнѣнію, въ значительной степени на одну группу самихъ *защитниковъ* существованія права войны. Увлеченные этою защитою, а также и внѣшнею логическою стройностью своихъ юридическихъ построеній, нѣкоторые юристы слишкомъ уже забываютъ о дѣйствительной, реальной жизни и отмежевываютъ праву войны такую широкую сферу дѣйствій, какой оно не имѣетъ и не можетъ имѣть на самомъ дѣлѣ,—приходя такимъ путемъ къ выводамъ, явно противорѣчащимъ дѣйствительности и потому дискредитирующимъ весь защищаемый ими тезисъ.

Мы имѣемъ здѣсь въ виду тѣхъ чрезвычайно многочисленныхъ писателей нашей науки, которые могутъ быть вообще названы юристами-*философами* [1]) въ противоположность *позитивистамъ*, и которые, въ своемъ стремленіи доказать полную возможность сосуществованія этихъ двухъ понятій „права“ и „войны“, доходятъ до провозглашенія „правомъ“ *самой* войны, какъ таковой,—всей совокупности мѣръ вооруженнаго насилія между государствами! По этому воззрѣнію оказывается, что война въ ея цѣломъ есть будто бы только особое *процессуальное средство* для разрѣшенія столкновеній

[1]) Сюда входитъ, такимъ образомъ, и такъ называемая школа естественнаго права, начиная еще съ Пуффендорфа и Томазія, и въ значительной степени новѣйшая философско-положительная школа. О группировкѣ этихъ школъ и принадлежащихъ къ нимъ писателей по отношенію къ юридической конструкціи права войны см. въ особ. Rettich Zur Theorie und Geschichte des Rechts zum Kriege, I Teil S. 14 ff.

правъ между государствами и, какъ таковое, представляетъ собою несомнѣнное „право"—именно „международное процессуальное право" [1]). Между войною и обыкновеннымъ процессуальнымъ правомъ, нормирующимъ собою дѣятельность суда въ спорахъ частноправныхъ, существуетъ такимъ образомъ — говорятъ эти юристы — полная аналогія. Разница между ними лишь въ томъ, что своеобразное процессуальное право, существующее между народами (война), не достигло еще той степени развитія, на которой стоитъ уже несравненно дольше существующій гражданскій процессъ, и находится еще въ той стадіи своего роста, которая въ области отношеній между частными лицами характеризовалась также началомъ самоуправства или, вѣрнѣе, самостоятельнаго приведенія въ исполненіе судебнаго приговора силами самихъ заинтересованныхъ сторонъ. Война съ этой точки зрѣнія есть, однимъ словомъ, тоже „процессъ о правѣ" или, какъ опредѣляетъ ее Бульмеринкъ (чистый позитивистъ, который однако по этому вопросу примыкаетъ къ философской школѣ)—„насильственное *юридическое* средство защиты *правового порядка* между государствами" [2]).

Такая точка зрѣнія является, конечно, чрезвычайно удобною для научной систематизаціи всего матеріала нашего международнаго права, ибо даетъ возможность, подобно строго-юридическимъ наукамъ гражданскаго и уголовнаго права, внести и въ науку международнаго права привычное дѣленіе всѣхъ его нормъ и институтовъ на право матеріальное и формальное, причисляя къ послѣднему именно всѣ средства разрѣшенія международныхъ конфликтовъ—въ частности, и главнымъ образомъ, войну. Изъ такихъ чисто внѣш-

[1]) См. напр. особенно рѣзко высказанные взгляды этого рода въ лекціяхъ проф. Даневскаго Пособіе къ изученію исторіи и системы международнаго права (Х. 1892) II, стр. 69 сл., 91 сл.

[2]) „Ein gewaltsames Rechtsmittel zur Vertheidigung des Rechtszustandes zwischen den Staaten". v. Bulmerincq Das Völkerrecht in Marquardsen's Handbuch des öffentl. Rechts. I Bd., 2 Halbband (1884) S. 357.

нихъ формальныхъ соображеній научной систематизаціи принялъ, очевидно, туже точку зрѣнія на войну, какъ на процессъ изъ-за права, и позитивистъ Бульмерингъ.—Однако, едва ли представляется возможнымъ принять такое воззрѣніе на войну и, ради его методологическихъ удобствъ, игнорировать данныя фактической реальной дѣйствительности, какъ бы печальны они ни были на самомъ дѣлѣ. А эти всѣмъ извѣстныя данныя, вся исторія человѣчества съ древнѣйшихъ временъ показываетъ намъ, что война, къ сожалѣнію, далеко не выдерживаетъ сравненія съ юридическимъ понятіемъ процесса о правѣ, какъ ее представляютъ „философы"-интернаціоналисты, и какой она будетъ развѣ только тогда, когда осуществятся мечтанія Лоримера или Блюнчли о постоянномъ международномъ сенатѣ и судѣ съ экзекуціонной арміею для приведенія въ исполненіе ихъ рѣшеній. Пока же, война, какъ это знаетъ каждый, есть *война*, а *не* „право", —область вооруженнаго насилія между государствами, а не „процессъ о правѣ", и это послѣднее (*средневѣковое*) воззрѣніе, укоренившееся со временъ феодализма и, какъ увидимъ, сослужившее свою службу въ исторіи практики войны, вовсе *не* отвѣчаетъ дѣйствительности. Въ фигуральномъ смыслѣ можно, конечно, и теперь говорить о войнѣ, какъ о „тяжбѣ" между двумя государствами („terrible litigation" Филлимора), но со строго-юридической точки зрѣнія, здѣсь тѣмъ менѣе умѣстно говорить о какомъ-то процессѣ о правѣ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ—какъ это опять таки доказываетъ вся всемірная исторія—война представляла и представляетъ собою борьбу изъ-за самыхъ грубыхъ цѣлей *политики* даннаго государства, изъ-за ихъ самыхъ грубыхъ *интересовъ*, а *не права*.

Война въ исторіи является однимъ словомъ вовсе не „процессуальнымъ правомъ, охраняющимъ извѣстный правопорядокъ между государствами", какъ это представляютъ юристы, о которыхъ мы говорили, а простымъ насильствен-

нымъ средствомъ для достиженія государствомъ односторон-нихъ эгоистическихъ цѣлей его политики, средствомъ осуществле-нія извѣстныхъ его интересовъ, достаточно важныхъ, по его мнѣнію, въ данную минуту, чтобы рискнуть вступить изъ-за нихъ въ открытую вооруженную борьбу съ противникомъ: война не есть юридическое состязаніе на почвѣ столкнове-нія правъ, а насильственное разрѣшеніе путемъ грубой силы конфликта правъ *или* (*что чаще*) *интересовъ* между народами [1].

Такимъ образомъ, говорить о войнѣ, какъ объ извѣстной строго опредѣленной процессуальной формѣ защиты правъ, какъ объ извѣстной *системѣ права*, не представляется ни-какой возможности: война, какъ таковая, есть несомнѣнно, къ сожалѣнію, *не право, а чистѣйшій, грубый фактъ*. Такъ на дѣло и смотрятъ юристы позитивной школы, которые видятъ въ войнѣ особое явленіе въ жизни народовъ, по су-ществу *не* правовое,—самоуправство, а не право.—

Однако, изъ того несомнѣннаго положенія, что война, какъ таковая, не есть вовсе система права, а простой, гру-бый фактъ, еще, конечно, не слѣдуетъ—какъ это думаютъ разные воинственные писатели съ авторомъ „Kriegspolitik und Kriegsgebrauch“ (Rüstow) во главѣ—чтобы война, въ качествѣ такого фактическаго средства достиженія государ-ствами своихъ политическихъ цѣлей и интересовъ, не допу-скала въ самой себѣ извѣстныхъ ограниченій этого само-управства и насилій, извѣстной внутренней нормировки путемъ обычая, законовъ отдѣльныхъ государствъ или спе-ціальныхъ международныхъ соглашеній. Какъ мѣтко и ясно говоритъ H. Brocher de la Fléchère [2], понятіе права въ идеѣ исключаетъ понятіе войны, какъ квалифицированнаго

[1]) Ср. Ф. Мартенсъ. Восточная война и брюссельская конференція стр. 26.

[2]) Les principes naturels du droit de la guerre ch. I въ R. D. I. 1872 и ch. III, sect. 1. Généralités — въ R. D. I. 1873. Ср. Ф. Мартенсъ. Восточная война и брюссельская конференція, всю главу I (Война и право).

вида насилія, и, наоборотъ, война въ идеѣ исключаетъ понятіе о правѣ,—но они могутъ сосуществовать: между двумя государствами можетъ быть разногласіе, столкновеніе, борьба и слѣдовательно состояніе самоуправства и насилія—по однимъ пунктамъ, но въ тоже время, по другимъ вопросамъ—полное согласіе и единодушіе, никѣмъ имъ не навязанное, а просто подсказанное обоимъ тою степенью культуры, на которой они стоятъ, единодушіе въ необходимости соблюдать даже во время войны извѣстныя общія правила поведенія, слѣдовательно уже извѣстное *право*. Несовмѣстимость политическихъ цѣлей и интересовъ двухъ государствъ можетъ всегда создать между ними крайній антагонизмъ, который и приведетъ ихъ къ системѣ открытыхъ насилій, къ войнѣ между собою; но въ тоже время у этихъ же обоихъ государствъ, если только они уже достигли извѣстной степени культуры, именно въ силу этого послѣдняго обстоятельства, будетъ, конечно, полное согласіе въ томъ вполнѣ добровольно признанномъ обязательномъ принципѣ — т. е. „правѣ“ — что ни та, ни другая сторона, *несмотря* на это состояніе вооруженной борьбы между ними, не будетъ, напримѣръ, истреблять раненыхъ, безчеловѣчно обращаться съ плѣнными, грабить и рѣзать мирныхъ жителей, игнорировать парламентерскій флагъ или красный крестъ и пр. и пр. Вотъ совокупность такихъ-то правилъ, соблюдаемыхъ воюющими, несмотря на то, что война, какъ таковая, есть въ принципѣ система насилій, фактъ, а не право,—и есть то, что можно назвать правомъ войны или правильнѣе правомъ *во время* войны (Brocher de la Flèchere) [1]. Такимъ образомъ, подъ правомъ войны (въ объективномъ смыслѣ) нужно понимать совокупность выработанныхъ общимъ правосознаніемъ народовъ правилъ должнаго, юридическихъ

---

[1]) Loc. cit., ср. также Geffken Règlement des lois et coutumes de la guerre въ R. D. I. 1894, p. 586 s.: „il y a donc un droit de la guerre, c'est à dire un droit observé dans la guerre“.

нормъ, которыя ставятъ границы полному произволу войны, создавая извѣстныя *изъятія* изъ этой области вооруженнаго насилія и безправія, и фактически соблюдаются государствами во время войны въ зависимости отъ ихъ повышеннаго культурно-нравственнаго уровня.

Объясненное такимъ образомъ, все положительное право войны между народами сводится, какъ на это правильно указываетъ Rettich [1]), къ понятію „*нейтрализаціи*", т. е. вѣчнаго замиренія различныхъ лицъ, предметовъ и пр., т. е. къ объявленію ихъ—путемъ общаго молчаливаго согласія, tacitus consensus, обычая, или путемъ спеціальныхъ международныхъ соглашеній, expressus consensus трактатовъ (и законодательныхъ постановленій отдѣльныхъ государствъ)—изъятыми изъ сферы дѣйствія военнаго насилія, вообще изъ области войны. Такъ, съ движеніемъ впередъ цивилизаціи, постепенно нейтрализуются, объявляются неприкосновенными, стоящими внѣ сферы военнаго оборота, и извѣстныя лица, и извѣстные предметы (матеріальныя блага—движимая и недвижимая собственность извѣстнаго рода), и извѣстныя средства борьбы, наконецъ, даже мѣста борьбы, что постепенно переходитъ въ нейтрализацію самыхъ субъектовъ права войны, независимыхъ государствъ (понятіе такъ называемаго вѣчнаго нейтралитета), а исторія знаетъ кромѣ того даже попытки нейтрализаціи времени борьбы между воюющими сторонами (pax et trauga Dei) [2]).

Совокупность юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ такую нейтрализацію, вѣчное замиреніе извѣстныхъ группъ

[1]) См. вообще Theil II его цитированнаго выше сочиненія, особ. S. 174 ff.: „Die moderne Entwickelung des Völkerrechts hat den Grundgedanken der Neutralisation zur Bildung einer volkerrechtlichen Institution verwendet..." u. s. w. Cp. Schopfer Le principe juridique de la neutralité (Lausanne 1894) p. 288.

[2]) Съ такимъ понятіемъ нейтрализаціи извѣстныхъ объектовъ во время войны никакъ нельзя смѣшивать понятія и юридической системы нейтралитета. См. объ этомъ въ концѣ книги, въ примѣчаніи „Нейтралитетъ и нейтрализація".

человѣческихъ благъ, интересовъ и пр. въ указанномъ смыслѣ — и *только* совокупность *такихъ* правилъ — и образуетъ собою, какъ было сказано выше, современное понятіе права войны или права во время войны, какъ оно исторически выработалось въ отношеніяхъ между народами. — Такимъ образомъ, *внѣ* системы права войны принципіально остаются, конечно, всѣ чисто метафизическія „правила", вѣрнѣе просто разсужденія о такъ называемомъ правѣ *на* войну, неразлучныя съ воззрѣніемъ на войну какъ на особое процессуальное право, какъ на „процессъ о правѣ". Вопросъ о правѣ государства *на* войну есть вопросъ совершенно праздный съ юридической точки зрѣнія — вопросъ не разрѣшимый, и потому, конечно, и не разрѣшенный до сихъ поръ наукою. Вмѣстѣ съ извѣстнымъ позитивистомъ прошлаго вѣка Мозеромъ (J. J. Moser) мы должны сказать въ этомъ отношеніи: „fragt man nun ob es auch möglich seie zu bestimmen, was für Ursachen nach dem Völkerrecht zu einem Krieg hinlänglich seyn? muss man nothwendig mit *nein* antworten" [1]). И дѣйствительно, вопросъ о тѣхъ основаніяхъ, причинахъ, по которымъ у государства является „право" вести войну, вопросъ о правѣ государства *на* войну, къ сожалѣнію, всегда разрѣшался и разрѣшается ужъ конечно не на основаніи какихъ-нибудь юридическихъ соображеній, а въ силу политическихъ требованій данной минуты. Это, однимъ словомъ, вопросъ политики, *факта*, а вовсе не *права*, и, какъ таковой, не долженъ быть вносимъ въ конструкцію *юридической* науки [2]). Эти схоластическія разсужденія о правѣ государства на войну, ученія о справедливости или несправедливости войны, — всегда крайне субъективныя и совершенно отрѣшенныя отъ практики реальной международной жизни, но бывшія (и от-

---

[1]) См. Rettich loc. cit. p. 39 cf. 67.

[2]) Ср. мысли объ этомъ Н. Коркунова въ статьѣ, посвященной систематизаціи международнаго права. (Сборникъ статей за 1877—97. С.-Пб. 1898).

части находящіяся до сихъ поръ) въ большомъ почетѣ именно со временъ схоластической науки (Ѳома Аквинскій и пр.)[1] не имѣютъ ничего общаго съ вполнѣ позитивными юридическими нормами нейтрализаціи различныхъ человѣческихъ благъ во время войны, о которыхъ мы говорили выше. Только въ *этомъ* послѣднемъ смыслѣ можно и должно разсматривать и современное положительное право войны, и возникновеніе и развитіе его въ прошедшіе вѣка. Выясненіе этого послѣдняго процесса—зарожденія современнаго права войны въ военной практикѣ среднихъ вѣковъ—и составляетъ ближайшую цѣль предстоящаго намъ теперь изслѣдованія.

II. Основные факторы возникновенія права войны въ средніе вѣка.

Первый вопросъ, который представляется при изслѣдованіи зачатковъ современнаго права войны въ средніе вѣка — и разрѣшеніе котораго должно предшествовать анализу исторіи отдѣльныхъ его институтовъ—это вопросъ о тѣхъ культурно-историческихъ силахъ средневѣковой цивилизаціи, о тѣхъ факторахъ международной жизни, которые могли вызвать въ военной практикѣ этой эпохи первые проблески современныхъ принциповъ права войны. Раньше чѣмъ разсматривать попытки средневѣковыхъ правительствъ и народовъ выдѣлить извѣстныя ихъ блага, извѣстныхъ лицъ, предметы и пр. въ особую область нейтрализованныхъ объектовъ и такимъ образомъ создать въ сферѣ войны извѣстную область права,—раньше такого анализа интересно и необходимо уяснить себѣ, въ силу какихъ общихъ культурныхъ условій, благодаря какимъ историческимъ факторамъ именно въ среднихъ вѣкахъ появляются первые признаки такого замѣчательнаго процесса, —признаки настолько уже постоянные, что отъ

---

[1]) Они будутъ кратко затронуты нами ниже, въ связи съ другими вопросами, для болѣе полной иллюстраціи средневѣковыхъ воззрѣній на войну.

этой эпохи можно прослѣдить черезъ рядъ вѣковъ прямую преемственную ихъ связь съ современными, соотвѣтствующими имъ, институтами права войны. Разсмотрѣніе этихъ общихъ культурно-историческихъ силъ средневѣковья, составляющихъ такъ сказать самую почву, на которой могло зародиться и постепенно вырасти право войны, и должно послужить основаніемъ всему дальнѣйшему изслѣдованію.

Эти силы заключаются частью въ общихъ основныхъ элементахъ средневѣковаго соціально-политическаго строя, какъ особой характерной культурно-исторической эпохи сравнительно съ древностью (и новымъ временемъ), частью же кроются въ обусловленныхъ этими элементами особенностяхъ спеціально-военной практики того времени. Мы имѣемъ въ виду, съ одной стороны, столь характерныя для понятія „средневѣковья“ культурно-историческія силы какъ католицизмъ (зап. церковь) и феодализмъ, а съ другой—рыцарство и дисциплинированіе наемныхъ армій и первыхъ постоянныхъ войскъ. Сюда же, въ качествѣ пятаго фактора, содѣйствовавшаго упорядоченію военной практики, нельзя не причислить и средневѣковой науки.

1. Война и средневѣковая церковь[1]).

Говоря о католицизмѣ и средневѣковой церкви, какъ объ одномъ изъ общихъ факторовъ, начавшихъ созиданіе современнаго права войны, мы не хотимъ указать ни на общіе взгляды средневѣковаго христіанства на взаимное соотноше-

[1]) Объ общемъ вліяніи З. Церкви на практику войны см. въ общихъ очеркахъ значенія средневѣковаго христіанства для международнаго права: Ward Enquiry II ch. XIII. Of the influence of christianity and the ecclesiastical establishments. Laurent VII (La féodalité et l'Eglise) спец. livre II et III. Каченовскій Курсъ междунар. права. Кн. II § 20. См. также (очень слабы!): Th. Craddock The influence of christianity on civilization (L. 1856) ch. VI (International law) and VII (Early traces of internat. law and civilization) и Kennedy Influence of Christianity on international law (Cambr. 1856).

ніе войны и мира (о чемъ рѣчь была уже выше) [1], ни даже на его смягчающее, морализующее вліяніе на нравы того времени вообще, т. е., въ частности, и на нравы воинскіе [2]). Мы имѣемъ здѣсь въ виду не такое случайное воздѣйствіе того или другого представителя церкви на того или другого полководца, а длящееся, систематическое вліяніе зап. Церкви, какъ таковой, направленное спеціально на всю тогдашнюю практику войны. Это вліяніе выражалось какъ въ появленіи нѣкоторыхъ, интересныхъ съ точки зрѣнія исторіи права войны, юридическихъ теорій, такъ и въ возникновеніи извѣстныхъ, вполнѣ положительныхъ юридическихъ институтовъ и нормъ права во время войны.

Въ исторіи такой дѣятельности зап. Церкви, въ качествѣ одного изъ факторовъ созданія права войны, можно усмотрѣть три главныхъ ея направленія или момента: a) стремленіе къ водворенію въ семьѣ христіанскихъ народовъ полнаго мира или по крайней мѣрѣ временнаго ихъ замиренія (pax et treuga Dei); b) теоретическія попытки (въ виду неудачи этихъ стремленій) опредѣлить понятіе войны справедливой и слѣдовательно дозволенной (guerre juste) въ отличіе отъ войны несправедливой и слѣдовательно не допускаемой юридическимъ и моральнымъ сознаніемъ христіанскаго міра; c) фактическое воздѣйствіе на военную практику въ смыслѣ ея смягченія и образованія въ ней понятія нейтрализаціи (извѣстныхъ институтовъ права).

Къ общему обзору дѣятельности церкви по этимъ тремъ направленіямъ мы теперь и обратимся, относя разсмотрѣніе частностей достигнутыхъ ею на практикѣ результатовъ уже къ изложенію развитія отдѣльныхъ институтовъ права войны въ средніе вѣка.

[1]) См. Введеніе.

[2]) Отдѣльные, болѣе или менѣе случайные примѣры такого вліянія проходятъ, конечно, черезъ всю исторію международныхъ отношеній нашей эры, начиная уже съ эпохи раннихъ, „варварскихъ“ среднихъ вѣковъ. См. Ward, Craddock loc. cit., passim.

а. Pax et treuga Dei[1]).

Дошедшія до насъ документальныя данныя позволяютъ намъ утверждать, что уже съ конца X вѣка — одного изъ самыхъ мрачныхъ въ анналахъ западной Европы по своей крайней анархіи — общественная, государственная и международная неурядица того времени начинаетъ встрѣчать себѣ отпоръ въ умиротворяющей дѣятельности Церкви. Именно, въ концѣ X вѣка и въ первой половинѣ XI-го, на югѣ Франціи, начинается подъ руководствомъ мѣстнаго духовенства, собиравшагося на цѣломъ рядѣ помѣстныхъ соборовъ, реакція противъ окружающей военной анархіи, выражавшейся въ такъ называемомъ „правѣ частной войны“ каждаго мелкаго феодальнаго сеньёра. Защищая прежде всего свои собственные интересы, Церковь провозглашаетъ — рядомъ съ проповѣдью объ общемъ, вѣчномъ мирѣ между христіанами — спеціальную неприкосновенность духовныхъ лицъ и принадлежащаго ей имущества, а также неприкосновенность состоящихъ подъ ея особымъ покровительствомъ мирныхъ жителей (женщинъ, дѣтей, странниковъ, земледѣльцевъ съ ихъ скотомъ и орудіями), угрожая поднимающимъ противъ всѣхъ ихъ руку отлученіемъ отъ церкви („анаѳемой“) или даже полнымъ „интердиктомъ“. Таковъ смыслъ первыхъ постановленій этого рода — какъ напр. собора въ

---

[1]) Институтъ мира или перемирія Божія имѣетъ свою довольно значительную спеціальную литературу. Уже двѣсти лѣтъ назадъ вышло сочиненіе Datt De treuga Dei (Ulm 1698). Далѣе: Kister De treuga et pace Dei (1852). Kluckhohn Geschichte des Gottesfriedens (1857). Sémichon Le paix et la trève de Dieu (1869). Въ 1892 году вышелъ I томъ сочиненія Huberti Gottesfrieden und Landfrieden. Изъ общихъ историковъ особенно у Waitz Deutsche Verfassungsgeschichte. Bd. VI, Raumer Geschichte der Hohenstaufen (Lpz. 1842) V. S. 581 ff. М. Стасюлевичъ Исторія среднихъ вѣковъ II, 947 сл.

По отношенію спеціально къ исторіи международнаго права см. еще Ward II, p. 15 ss., Laurent VII, 190 ss. и Rettich. Zur Theorie und Geschichte des Rechts zum Kriege. S. 94 ff. Nys посвящаетъ „Божію миру“ всего одну страницу (p. 80), разсматривая его только съ точки зрѣнія прекращенія частныхъ войнъ (въ главѣ V, La guerre privée).

Charroux въ 989 г., въ Нарбоннѣ въ 990 и пр.[1])—и такъ впервые является понятіе вѣчно-замиренныхъ („нейтрализованныхъ“ по нашей терминологіи) лицъ и вещей: это—миръ Божій, pax Dei[2]).

Но вскорѣ, видя недостаточность на практикѣ своихъ стремленій къ понятому *такимъ* образомъ „миру Божію“ и отчаявшись, съ другой стороны, достигнуть когда бы то ни было мира Божія въ смыслѣ общаго замиренія христіанъ[3]), церковь нѣсколько измѣняетъ направленіе своей дѣятельности: продолжая провозглашать въ теоріи желательность общаго мира и вѣчную неприкосновенность (личную и имущественную) духовенства и мирныхъ жителей, церковь переноситъ центръ тяжести своей начавшейся съ конца X вѣка агитаціи на вопросъ о прекращеніи въ извѣстные дни частныхъ войнъ, т. е., другими словами, о созданіи извѣстныхъ общеобязательныхъ перемирій (treuga) между воюющими. Это и есть понятіе „Treuga Dei“, перемирія Божія, которое и создаетъ собою интересное съ юридической точки зрѣнія (и давно уже забытое со временъ среднихъ вѣковъ) явленіе, если можно такъ выразиться, „нейтрализаціи *времени*“ въ теченіе войны.

Въ своемъ стремленіи провести это новое понятіе на практикѣ духовенство южной Франціи (Аквитаніи) встрѣтило поддержку со стороны многихъ мѣстныхъ сеньёровъ (не говоря уже о простомъ народѣ, на который падала вся тяжесть этихъ междоусобныхъ войнъ), и вотъ, съ первой половины XI вѣка тянется длинный рядъ актовъ, вводящихъ въ той

[1]) См. Kluckhohn, S. 17, Стасюлевичъ II, 950, ср. документъ, помѣщенный у Dumont I, 1, 41: Charta de treuga et pace per Aniciensem praesulem Widonem in congregatione quam plurium Episcoporum, Principum et Nobilium hujus terrae sancita (около 990).

[2]) Ср. Lavisse et Rambaud Histoire générale, II, 54.

[3]) Иногда это прямо и высказывается Церковью: такъ напр. Кёльнскій соборъ (1083), вводя „перемиріе Божіе“, говоритъ о „мирѣ Божіемъ“: „cum pax ex integro desperaretur...“ и далѣе: „pacem, quam peccatis nostris exigentibus continuare non potuimus“. Pertz Monumenta Germaniae historica. Leg. II, 55.

или другой области институтъ Божія перемирія, treugam Dei. Это—договоры, заключенные между собою епископами и феодалами данной мѣстности о соблюденіи ими извѣстныхъ правилъ такого „братства или союза мира"—о неприкосновенности извѣстныхъ лицъ и имущества и о прекращеніи всякихъ военныхъ дѣйствій въ извѣстные дни или время года [1]). Таковы постановленія 1027 года въ Helena (въ графствѣ Руссильонъ) [2]), 1031—въ Лиможѣ [3]) 1041 (особенно извѣстное)—въ Тулужѣ (Toulouges) [4]), далѣе 1045, 1054 года [5]) и пр. [6]).

Начавшись такимъ образомъ на югѣ Франціи (въ Аквитаніи), это движеніе въ пользу „Божія мира" (или правильнѣе „перемирія") быстро распространяется по всей странѣ (особенно благодаря такимъ его поборникамъ какъ Yvonnes de Chartres, Odilon de Cluny, Reichard de Verdun), а вскорѣ переходитъ и за ея предѣлы. Уже къ первой половинѣ

[1]) Разнообразныя постановленія этого рода соборовъ 1027, 1041, 1095 г. (Клермонскаго) см. у Стасюлевича II, 951, 955, 961. ср. treugam Латеранскаго собора 1179 г., попавшую въ Corpus juris canonici, именно cap. 1. X. De treuga et pace 1. 24. (Richter II, 195).

Полная такая treuga, къ которой стремилась церковь, давала бы около 240 нейтрализованныхъ дней на 120 *не* замиренныхъ.—Извѣстный minimum среди этихъ разнообразныхъ постановленій о treuga составляло обычное требованіе перемирія для большихъ праздниковъ и 4 дней недѣли, отъ вечера среды до утра понедѣльника. Такъ напр. по Sachsenspiegel II, 66, § 2. Heilige tage und gebundene tage, die sint allen lûten zu vridetagin gesaczt, dar zû in ieclicher wochen vir tage, der dunrestag, vrîtag, sunâbent und suntac.

[2]) Dumont I, 1, 43.

[3]) Semichon-Стасюлевичъ II, 951 и слѣды еще болѣе ранняго „pactum pacis" (994) въ томъ же городѣ см. Rettich, S. 98.

[4]) См. полный „Декретъ о Божьемъ мирѣ Тюлюжскаго собора въ 1041 г." Стасюлевичъ II, 954.

[5]) Dumont I, 1. 45 et 47.

[6]) Мы подробно разбираемъ эти постановленія ниже, при изложеніи отдѣльныхъ институтовъ права войны—а именно, поскольку они касаются „нейтрализаціи лицъ и вещей", прямо отразившейся на область также и *международныхъ* войнъ. Что касается вопроса о „нейтрализаціи *времени*", то къ сожалѣнію *эти* постановленія перемирій Божіихъ примѣнялись только къ области частныхъ, внутреннихъ войнъ даннаго государства, принципіально *не* распространяясь на войны международныя, и потому выходятъ уже изъ сферы нашего разсмотрѣнія.

того-же (XI) столѣтія относятся постановленія короля Канута Англійскаго о „мирѣ Божьемъ, королевскомъ и церковномъ", а императоръ Генрихъ III вводитъ его въ своихъ бургундскихъ владѣніяхъ—и отъ 1041 года мы имѣемъ посланіе о Божьемъ мирѣ архіепископа Арльскаго и другихъ прелатовъ теперешней юго-восточной Франціи, отъ имени всего духовенства Галліи, къ духовенству Италіи [1]. Во второй половинѣ XI столѣтія Божій миръ (или перемиріе) провозглашенъ въ предѣлахъ германскаго королевства—люттихскою епархіею въ 1081 году, архіепископствомъ кёльнскимъ въ 1083 г., а въ 1085 и для всей Германіи (въ Майнцѣ)—императоромъ Генрихомъ IV [2]).

Наконецъ, распространяясь такимъ образомъ постепенно по всей Европѣ, институтъ Божія мира пріобрѣтаетъ уже и вполнѣ международный характеръ: онъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе Папъ, этихъ представителей культурно-религіознаго единства западной Европы и получаетъ ихъ санкцію [3]), а затѣмъ дѣлается предметомъ обсужденія и „вселенскихъ" общеевропейскихъ соборовъ запада, превращаясь уже въ канонъ Церкви, въ общее церковное правило международнаго характера [4]). Такъ уже на знаменитомъ Клермонтскомъ соборѣ 1095 г., на которомъ раздалась проповѣдь о первомъ крестовомъ походѣ, былъ также признанъ и подтвержденъ и институтъ Божія мира или перемирія (если еще не для всего христіанскаго міра, то по крайней мѣрѣ для всѣхъ странъ, представленныхъ на соборѣ [5]). Примѣру, поданному Урба-

---

[1]) Kluckhohn, 39.

[2]) См. Semichon-Стасюлевичъ, Raumer loc. cit.

[3]) Такъ уже Папа Николай II на римскомъ соборѣ 1059: Pax vero illa quam treugam (Dei) dicimus sic observetur sicut ab archiepiscopis et episcopis uniuscuiusque provinciae constituta est. Qui autem eam infregerit excommunicationi subdatur. См. Decreti II pars, C. 24, qu. 3, c. 25. (Richter I, 863).

[4]) См. Rettich S. 113 ff.: Die Erhebung des Gottesfriedens zum allgemeinen Gebot der Kirche. Ср. Kluckhohn, 93 ff.

[5]) См. „Декретъ о Божьемъ мирѣ Клермонтскаго собора" у Стасюлевича II, 960 и другія редакціи у Rettich, 113 Anm. 2.

номъ II, слѣдуютъ Пасхалій II (1107, соборъ въ Troyes) и Каликстъ II, который на соборѣ въ Реймсѣ (1119) издаетъ особый статутъ о Божьемъ мирѣ [1]). Наконецъ и большіе, всеобщіе соборы западной Церкви подтверждаютъ этотъ институтъ и. такимъ образомъ, въ силу своего „вселенскаго" авторитета распространяютъ его во всѣ христіанскія (католическія) страны. Провозглашенныя и подтвержденныя именно на первомъ (1123), второмъ (1139) и третьемъ (1179) латеранскихъ „вселенскихъ" соборахъ, эти постановленія попали въ сборники каноническаго права (именно Декреталіи Григорія IX) [2]) и формально сдѣлались такимъ образомъ общепризнаннымъ правомъ всего международнаго союза государствъ того времени, всей тогдашней „Respublica Christiana" —„общимъ закономъ христіанскаго міра" [3]).

Однако, слѣдуетъ тотчасъ-же признать тотъ фактъ, что, несмотря на строгія наказанія, грозившія нарушителямъ Божія мира [4]) и на образованіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ спеціальныхъ „ассоціацій мира" съ цѣлью его охраненія (иногда снабженныхъ особою казною и даже „арміею мира") [5])— постановленія эти исполнялись очень плохо [6]), ведя къ дѣйствительному замиренію страны и прекращенію частныхъ войнъ лишь тамъ, гдѣ этотъ проводимый церковью Божій миръ переходилъ въ поддержанный сильною свѣтскою властью миръ королевскій или земскій (pax principis, Landfriede).

---

[1]) Statutum Callixti Papae II de trevia Dei y Dumont I, 1, 66.

[2]) Cap. 1. X, de treuga et pace 1, 24. (Richter II, 195) со ссылкою на постановленія 3-го Латеранскаго собора папы Александра III. Этотъ послѣдній держится текста 2-го Латеранскаго собора, который въ свою очередь только повторяетъ опредѣленія папскаго помѣстнаго собора въ Реймсѣ 1131 года. См. Rettich, S. 116.

[3]) Nys Origines, 80.

[4]) См. напр. Стасюлевичъ II, 955 сл. Raumer loc. cit. 582.

[5]) Lavisse et Rambaud Histoire générale II, 55.

[6]) Rettich S. 117.

Такъ напримѣръ [1]) въ Нормандіи, параллельно съ провозглашеніемъ „Божія перемирія“ (1042, на соборѣ въ Caen), установляется „миръ герцога“ и, вмѣстѣ съ Норманнами, такой-же порядокъ вещей водворяется въ Англіи и въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Аналогичный процессъ замѣчается во Франціи, гдѣ королямъ постепенно удается установить этотъ „королевскій миръ“ черезъ запрещеніе частныхъ войнъ феодаловъ, и въ Венгріи; напротивъ того въ Германіи, этой классической странѣ политической раздробленности,—несмотря на всѣ старанія цѣлаго ряда ея королей-императоровъ и разныхъ локальныхъ союзовъ,—вопросъ о водвореніи Reichs- und Landfriede и уничтоженіи Fehderecht'а (права частной войны) остается открытымъ на пространствѣ всего средневѣковья до самаго провозглашенія „вѣчнаго“ земскаго мира на знаменитомъ Вормскомъ сеймѣ 1495 года.

Итакъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ постановленія о Божьемъ мирѣ и перемиріи не остались совершенно мертвою буквою, проведеніе ихъ на практикѣ принадлежитъ уже всецѣло свѣтской власти отдѣльныхъ государствъ и притомъ, конечно, по отношенію лишь къ внутренней, государственной ихъ жизни,—ибо провозглашаемое ими „перемиріе Божіе“ въ смыслѣ нейтрализаціи извѣстныхъ дней года *не* распространялось на войны международныя [2]). Такимъ образомъ, ни общенародный, общеевропейскій Божій миръ, ни международныя нормы перемирія Божія (въ смыслѣ ограниченія времени вооруженной борьбы), о которыхъ мечтало духовенство напр. на Клермонтскомъ соборѣ—*не* привились de facto въ международной жизни Европы. Если онѣ и были

[1]) См. прекрасный общій очеркъ такого водворенія „королевскаго мира“, т. е. внутренняго замиренія страны въ разныхъ государствахъ у Laurent VII, 173 и Nys, 81 ss.

[2]) Ср. Raumer lic. cit., S. 581.—Напр. актъ „Божія мира“ Кёльнскаго собора 1083 г. прямо говоритъ: „*eccipitur* ab hac pacis constitutione, si dominus rex *publice* expeditionem fieri jusserit propter appetendos *regni inimicos*“. Pertz Leg. II, 57.

дѣйствительно признаны всѣми западными народами, то скорѣе только въ идеѣ, въ теоріи [1]),—а въ практику онѣ проникли только уже въ видѣ охраняемаго свѣтскою властью внутренняго земскаго мира каждаго отдѣльнаго государства.

Международное же значеніе въ собственномъ смыслѣ слова и извѣстный интересъ этихъ постановленій западной Церкви о pax et treuga Dei съ точки зрѣнія исторіи современнаго практическаго международнаго права,—какъ постановленій подтвержденныхъ вселенскими соборами запада, внесенныхъ въ сборники его каноническаго права (XII в.—въ Декретъ Граціана, XIII в.—въ Декреталіи Григорія IX) [2]) и слѣдовательно формально обязательныхъ для всего западнаго міра—заключается въ самомъ, въ высшей степени знаменательномъ фактѣ первой попытки выдѣлить извѣстныхъ лицъ и извѣстныя вещи (а также и время) изъ области военныхъ насилій, достигнуть ихъ „нейтрализаціи". Это былъ первый шагъ по пути къ образованію нашихъ понятій „комбаттантовъ" и „не-комбаттантовъ" и къ нашему признанію неприкосновенности частной собственности во время войны.

b. Теоріи справедливой войны [3]).

На ряду съ попытками западной церкви водворить „Божій миръ" въ государственно-международной жизни романо-германской Европы, добиться признанія извѣстныхъ дней— зами-

---

[1]) Въ своей Geschichte der Kriegsverfassung und des Kriegswesens der Deutschen (Lpz. 1855. I S. 190) Barthold говоритъ о такой „нейтрализаціи времени", что она „obwohl selten beachtet, galt doch das ganze Mittelalter hindurch". Но это было только въ идеѣ, а на практикѣ, какъ вѣрно говоритъ Nys (p. 193), „la trêve canonique ou légale (treuga canonica, legalis) ne fut jamais respectée". Достаточно сказать, что такой авторитетъ какъ Ѳома Аквинскій училъ, что заповѣдные дни перемирія Божія *можно* нарушать „въ случаѣ необходимости". А что такое „необходимость"?!

[2]) См. выше стр. 159 и 160 въ прим.

[3]) Nys Origines, Ch. VI Les causes de la guerre и Ch. IX La guerre légitime (тоже еще раньше въ его Le droit de la guerre et les précurseurs de Grotius Brux. 1882).

*

ренными, а извѣстныхъ лицъ и имуществъ—неприкосновенными во время войны, слѣдуетъ поставить еще въ заслугу римской церкви ея постоянныя стремленія ввести въ правосознаніе народовъ извѣстныя правила, отграничивающія войну справедливую отъ несправедливой. Если уже полное замиреніе народовъ недостижимо—такъ мыслила западная церковь въ лицѣ своихъ духовныхъ представителей и ученыхъ-канонистовъ— если безполезно провозглашать недозволенными *всякое* пролитіе крови и всякую войну, то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, постараться ввести воинскій пылъ этихъ „христіанскихъ" народовъ въ извѣстныя границы, объявивъ дозволеннымъ только опредѣленный родъ войны, выяснивъ, другими словами, самые случаи, когда война можетъ быть признана *справедливой* и слѣдовательно допускаемой между христіанами. Такъ возникаютъ теоріи „справедливой войны", стремящіяся опредѣлить, что служитъ justa causa для начатія войны, когда государство имѣетъ право *на* войну?

Этимъ теоріямъ, занимавшимъ собою человѣческую мысль въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ—и занимающимъ нѣкоторыхъ юристовъ даже до нашего времени (такъ какъ попытки опредѣленія „справедливыхъ" причинъ для начатія войны продолжаются!)—мы и должны посвятить теперь нѣсколько словъ—посвятить только для полноты картины средневѣковаго права войны [1]). И какъ бы скептически, съ практической точки зрѣнія, мы ни относились къ обсужденію

[1]) Съ точки зрѣнія практическаго международнаго права такія чисто-теоретическія (и всегда субъективныя) разсужденія представляются намъ, какъ объ этомъ было сказано уже выше, совершенно праздными: какъ наиболѣе рѣзко высказалъ это въ прошломъ вѣкѣ позитивистъ Moser, а въ настоящемъ Rettich, правовыхъ причинъ (justae causae) для войны опредѣлить невозможно, ибо все такъ называемое „право на войну" есть область чистѣйшей фантазіи теоретиковъ-юристовъ, оторвавшихся отъ фактическихъ данныхъ международной жизни; эти же данныя показываютъ, что, *къ сожалѣнію*, государства никогда не справлялись о такомъ своемъ мнимомъ „правѣ" на войну и ея „справедливости", а всегда вели ее, если только ихъ цѣлей нельзя было осуществить помимо войны, и если они имѣли достаточно средствъ и силъ для ея веденія!

вопросовъ такого рода, нельзя не видѣть въ этомъ извѣстной заслуги западной церкви, которая черезъ своихъ ученыхъ-канонистовъ старалась вдохнуть свою теорію въ сознаніе людей того времени, а слѣдовательно привить ее и къ области практики. Такимъ стремленіямъ церкви нельзя, конечно, отказать въ извѣстномъ общемъ морализующемъ вліяніи на взаимныя отношенія между государствами того времени.

Въ основѣ этихъ средневѣковыхъ теорій справедливой войны, разсужденій о „justa causa" для войны и о „правѣ" государства на войну лежитъ знаменитый Декретъ Граціана (сред. XII в.), causa XXIII второй части котораго, спеціально посвященная, какъ извѣстно [1]), вопросамъ права войны, заключаетъ въ себѣ также (въ questio II) разсужденіе о томъ „quod sit justum bellum" [2]). По самой цѣли своего труда—согласовать разныхъ старыхъ авторитетовъ церкви („Concordia discordantium canonum")—Граціанъ и въ данномъ „вопросѣ" сводитъ мнѣнія двухъ выдающихся церковныхъ писателей Исидора епископа Севильскаго (нач. VII в.) и бл. Августина.

Исидоръ Севильскій,—который въ своихъ „Etymologiae" оставилъ намъ, по выраженію Ниса [3]), полную „энциклопедію всей тогдашней науки"—училъ именно (опираясь въ этомъ еще на Цицерона), что „justum est bellum quod ex edicto geritur de rebus repetendis aut propulsandorum hostium causa" [4]). Августинъ же просто говорилъ, что „justa bella definiri solent quae ulciscuntur injurias" [5]), что повторяетъ и Граціанъ [6])—и что сводитъ, во всякомъ случаѣ, вопросъ на совершенно неопредѣленную почву.

---

[1]) См. Введеніе стр. 9.

[2]) C. 23, qu. 2. См. Richter I, 771.

[3]) Nys Origines, p. 9.

[4]) C. 23, qu. 2. c. 1.

[5]) Ibid. c. 2.

[6]) „Bellum justum"—по его словамъ—„quod ex edicto geritur, vel quo injuriae ulciscuntur". Ibid.

Но, какъ бы то ни было, вопросъ о наличности „justa causa“ для войны, поднятый Граціаномъ, ложится, благодаря универсальному значенію „Декрета“, въ основу цѣлаго ряда дальнѣйшихъ ученій и вмѣстѣ съ вопросомъ „an militare sit peccatum“ [1]) даетъ, выражаясь словами Ривье, „богатый матеріалъ канонистамъ для ихъ нескончаемыхъ разсужденій“ [2]). Не выходя изъ текста Декрета, всѣ послѣдующіе канонисты склоняются только то болѣе въ сторону формулы Исидора Севильскаго, то въ сторону широкаго опредѣленія Августина. Упомянемъ здѣсь только о пользовавшихся громадною извѣстностью въ средніе вѣка „Суммахъ“ XIII вѣка — Раймонда Пеньяфортэ (= Исидору Сев.), знаменитаго Ѳомы Аквинскаго (= бл. Августину), Мональда и пр. [3]).

Этимъ же путемъ, указаннымъ учеными западной церкви, идутъ и свѣтскіе юристы средневѣковья, и основной мотивъ, данный Граціаномъ для объясненія справедливой войны (война оборонительная, отнятіе неправильно захваченнаго, отомщеніе за обиду) повторяется — вслѣдъ за составителемъ сборника „Декреталій Григорія IX“ и творцомъ „Summae totius theologiae“ — и въ Siete Partidas Альфонса X (кастильскій законодательскій сборникъ XIII вѣка), и у такихъ пользовавшихся большимъ вліяніемъ въ средніе вѣка писателей, какъ напримѣръ въ XV вѣкѣ Христина Пизанская во Франціи или въ Германіи — Magister Gabriel (Biel) послѣдній схоластикъ, заключающій собою эпоху среднихъ вѣковъ († 1495) [4]).

Мало того, на той же завѣщанной теологическою наукою среднихъ вѣковъ точкѣ зрѣнія стоятъ, какъ оказывается, и великіе предшественники Гуго Гроція — юристы XVI вѣка, и во взглядахъ на justa causa для войны у Vittoria и Covarruvias, какъ у Gentili и Суареца, мы видимъ еще прямой

---

[1]) Разобранная нами во Введеніи „questio 1“ той же Causa.
[2]) Rivier Note sur la littérature etc avant Grotius p. 12.
[3]) Nys Origines 102 ss.
[4]) Ibid, 106, 110 s, 119 s.

отголосокъ именно теорій справедливой войны, выставленныхъ западною церковью среднихъ вѣковъ [1]).

c. Гуманизація войны.

Говоря объ общемъ значеніи западной церкви для возникновенія права войны, нельзя не подчеркнуть еще, рядомъ съ ея проповѣдью о Божьемъ мирѣ и о дозволенности только „справедливыхъ" войнъ, ея постоянныхъ стремленій по возможности гуманизировать тогдашнюю, въ высшей степени жестокую, войну. Анализъ отдѣльныхъ проявленій этой стороны ея дѣятельности долженъ войти въ слѣдующій ниже разборъ исторіи различныхъ отраслей современнаго права войны, и мы ограничимся здѣсь только напоминаніемъ, что церковь, запрещая грабежъ мирныхъ жителей, поднимая свой голосъ въ защиту жизни и свободы плѣнныхъ и раненыхъ, протестуя противъ употребленія особенно жестокихъ средствъ борьбы, сыграла не послѣднюю роль въ процессѣ постепенной гуманизаціи войны и выработки извѣстной сферы права во время военныхъ дѣйствій.

Принимая во вниманіе все сказанное объ общей роли западной церкви съ точки зрѣнія возникновенія современнаго права войны, нельзя такимъ образомъ не повторить вмѣстѣ съ Montesquieu, что именно „христіанству мы обязаны появленіемъ во время войны извѣстнаго международнаго права— que la nature humaine ne saurait assez reconnaître" [2]).

2. Феодальный строй и война какъ процессъ о правѣ.

Рядомъ съ католицизмомъ, поскольку онъ выразился въ ученіяхъ и дѣятельности „универсальной" западной церкви, нужно признать въ качествѣ общаго фактора, повліявшаго

---

[1]) См. Nys Origines, p. 129 s.

[2]) De l'esprit des lois l. 24, 3. (t. III, p. 237 по изданію 1784 Deux Ponts).

на зарожденіе идеи права въ области войны, также и другой основной элементъ средневѣковаго культурно-историческаго строя, а именно феодализмъ. Феодальный строй —параллельно и въ унисонъ съ ученіемъ церкви о справедливой войнѣ и извѣстныхъ юридическихъ основаніяхъ, justa causa, для ея начатія—породилъ и провелъ въ жизнь взглядъ на войну какъ на процессъ о правѣ.

Дѣло въ томъ, что эпоха феодализма,—опутавшаго одною громадною сѣтью перекрещивающихся правъ и обязанностей не только всѣхъ поземельныхъ владѣльцевъ данной страны, но и самыхъ главъ этихъ разныхъ странъ, королей [1]),—эта эпоха есть въ тоже время эпоха господства силы, какъ особаго, общепризнаннаго нормальнымъ, вида судебныхъ доказательствъ. Это есть именно время развивающагося одновременно и въ связи съ феодализмомъ судебнаго поединка, какъ особаго, считавшагося вполнѣ юридическимъ, способа доказать свое право на судѣ [2]). Тамъ, гдѣ своего права нельзя доказать инымъ образомъ, слѣдуетъ прибѣгать къ силѣ, къ поединку—такъ мыслили люди того времени—и тотъ и правъ, кто одержитъ побѣду, ибо такова уже, значитъ, воля Божія: это—судъ Божій (judicium Dei) [3]).

Эта-то, характерная для средневѣковыхъ взглядовъ, новая роль придаваемая силѣ, эта новая точка зрѣнія—которая вытекаетъ изъ того же источника, что и весь феодальный строй

---

[1]) Не говоря уже о *теоріи*, дѣлавшей ихъ, въ свою очередь, ленниками Императора или Папы, они на практикѣ были всегда связаны другъ съ другомъ цѣлымъ рядомъ какихъ-нибудь феодальныхъ отношеній.

[2]) О тѣсной связи между судебнымъ поединкомъ и феодальнымъ строемъ см. Laurent VII, 133. Наиболѣе типичный вѣкъ для феодализма, XII-ый, есть также апогей развитія института судебнаго поединка; страны, гдѣ не было одного (напр. скандинавскія государства) не знали и другого.

[3]) „Im gerichtlichen Zweikampf ward es als Hauptsatz angenommen dass um so zu sagen, Recht und Unrecht selbst mit einander stritten, und es war geglaubt, Gott werde dem Rechte gewiss sein Recht widerfahren lassen“. Büsching Ritterzeit und Ritterwesen II, 191. — Поэтому даже личность сражающагося не важна въ судебномъ поединкѣ: спорящія стороны могли, какъ извѣстно, не выступать лично—замѣняя себя наемными бойцами!

(изъ духа новыхъ, германскихъ народовъ) и основывается, конечно, на чрезвычайной воинственности обществъ и на общемъ низкомъ еще уровнѣ его культуры — эта точка зрѣнія не можетъ быть нами упущена изъ вида при анализѣ условій средневѣковой международной жизни вообще и средневѣковыхъ войнъ въ частности. Дѣло въ томъ, что этотъ взглядъ (вообще совершенно соотвѣтствующій теологической par excellence культурѣ того времени) т. е. идея вооруженной борьбы, какъ способа доказать свое право, идея (частной) войны какъ особаго процесса — господствовавшая, какъ извѣстно, въ частномъ правѣ переносится, благодаря смѣшенію частнаго и публичнаго элемента въ средніе вѣка, и на область *всякихъ* вообще (также уже и чисто публично-правовыхъ) столкновеній вассаловъ между собою. Ихъ войны фактически и суть дѣйствительно, сплошь и рядомъ, не болѣе, какъ споры о ихъ взаимныхъ феодальныхъ правахъ. Въ средніе вѣка, какъ вѣрно замѣчаетъ Laurent, „la justice est une espèce de guerre et la guerre est une espèce de justice“ [1]).

Въ виду же общаго распространенія феодальной системы по всей зап. Европѣ и общей (большей или меньшей) связанности и мелкихъ, и крупныхъ ея государей — и полунезависимыхъ владѣтелей, и королей, — въ этой общей сѣти взаимныхъ ленныхъ правъ и обязанностей, тотъ-же феодально-правовой характеръ должны были носить и крупныя международныя войны того времени. А въ такомъ случаѣ — разъ, какъ правильно говоритъ Holtzendorf [2]), за средніе вѣка невозможно принципіально отграничить международную войну въ собственномъ смыслѣ слова отъ частной вооруженной самопомощи (Privatselbsthülfe) — то естественно, что и вооруженныя столкновенія перваго рода, международныя войны уже нашего типа, получаютъ туже конструкцію, разсматриваются какъ процессы о правѣ. „Правила судебнаго

---

[1]) Laurent X, 368.

[2]) Holtzendorf Handbuch I § 73.

поединка, скажемъ мы вмѣстѣ съ Laurent, были распространены на большія государственныя войны (guerres publiques), и война, эта дуэль народовъ, получила, такимъ образомъ, свои правила" [1]. И дѣйствительно, войны этого періода и являются на практикѣ съ такимъ (новымъ въ исторіи международныхъ отношеній) характеромъ спора о правахъ—въ видѣ такъ сказать „международнаго судебнаго поединка".

Мы уже имѣли случай указать на это раньше [2]) и отмѣтили то обстоятельство, что всѣ вообще средневѣковыя войны, если только онѣ не войны религіозныя (какъ напр. крестовые походы), чрезвычайно подходятъ именно къ понятію большого судебнаго поединка, носятъ характеръ спора о феодальныхъ правахъ,—причемъ сослались на тотъ фактъ, что даже такая крупная средневѣковая война, какъ знаменитая „столѣтняя" между Франціею и Англіею, была въ основѣ не болѣе какъ споръ о правѣ на французскій престолъ между двумя родственниками, каждый отъ которыхъ при тогдашней невыясненности законовъ о престолонаслѣдіи, могъ, конечно, претендовать на престолъ Франціи вполнѣ bona fide.

Тоже самое можно обыкновенно сказать и про всѣ войны того времени вообще. „Средневѣковыя войны, говоритъ современный англійскій историкъ Stubbs,—(къ которому мы и отсылаемъ за дальнѣйшимъ развитіемъ этого положенія) суть по общему правилу войны изъ-за права" [3]).

Если поэтому Laurent и правъ, говоря, что „la guerre est la loi de la féodalité" [4])—то не нужно всетаки забывать при этомъ, что эти частыя войны феодальной эпохи уже *принципіально не то*, чѣмъ онѣ были въ древности: онѣ не столько своекорыстное употребленіе себѣ въ пользу своей

---

[1]) Laurent VII, p. 259.

[2]) См. нашъ I томъ, стр. 161.

[3]) Medieval wars are as a rule wars of rights. W. Stubbs Seventeen lectures on the study of medieval and modern history, p. 240.

[4]) Laurent VII, p. IX.

силы, сколько испытаніе оружіемъ, на чьей сторонѣ право. Вотъ почему было бы и несправедливо, и исторически невѣрно осуждать огуломъ всѣ такіе случаи обращенія спорящихъ къ оружію, какъ непремѣнно какое-то, *только прикрытое* именемъ суда Божія, злостное самоуправство. На самомъ дѣлѣ, здѣсь, какъ въ теперешнихъ нашихъ гражданскихъ процессахъ, сплошь и рядомъ дѣло шло о самомъ обыкновенномъ спорѣ о разныхъ (феодальныхъ) правахъ, вполнѣ bona fide съ обѣихъ сторонъ; если же этотъ споръ разрѣшался силою оружія, то только вслѣдствіе искренней наивной вѣры тогдашнихъ людей въ личное вмѣшательство въ такой поединокъ (безразлично, частныхъ-ли лицъ или цѣлыхъ государствъ) самого Божества, дарующаго побѣду правой сторонѣ [1]).

Вотъ почему, разъ война есть такой-же поединокъ, судъ Божій—только между государствами—къ ней вполнѣ послѣдовательно и примѣняются различныя черты, свойственныя судебнымъ поединкамъ, дуэлямъ: сраженія, особенно рѣшительныя, назначаются въ средніе вѣка (особенно въ эпоху процвѣтанія рыцарства) обыкновенно по взаимному согласію воюющихъ сторонъ—въ опредѣленномъ мѣстѣ и въ опредѣленное время [2]); самая битва чистаго рыцарскаго типа—это

[1]) Одна старая диссертація „о дуэляхъ государей“ справедливо говоритъ: „Persuasum enim erat his populis quod Deus singulari quadem ratione concurreret his certaminibus eique victoriam daret a cujus parte justitia esset“. J. Dietrich De duellis principum (Argent. 1707) p. 11.

Эта вѣра была настолько сильна, что судебный поединокъ примѣняли даже къ рѣшенію вопросовъ чисто юридическаго принципіальнаго характера. Такъ, Оттонъ I (X в.) прибѣгаетъ къ судебному поединку для разрѣшенія вопроса, могутъ ли племянники участвовать въ наслѣдствѣ вмѣстѣ съ дядями, по праву представленія. Или въ XI вѣкѣ въ Испаніи тѣмъ же способомъ рѣшается вопросъ, какой литургіи (римской или старой, мозарабической) должна придерживаться Испанія. Въ XIII в. Альфонсъ Кастильскій обращается къ поединку, чтобы узнать, ввести ли ему римское право въ Кастилію, и пр.! См. Laurent VII, 183. Lavisse et Rambaud Histoire générale, II, 58.

[2]) Многочисленные примѣры см. въ хроникѣ Froissart — напр. случай 1339 года (t. I § 84.—éd. Luce). Тоже передъ битвой при Azincourt 1415 г. (Ward II, 214). Ср. вообще Ward II, 212 ss. Nys, 180.

не болѣе какъ рядъ правильныхъ поединковъ между рыцарями той и другой стороны—не болѣе, какъ большой турниръ. Мало того, по средневѣковымъ понятіямъ война можетъ быть прямо замѣнена поединкомъ между государями [1]). И для средневѣковыхъ людей нѣтъ никакой разницы между такими, замѣняющими международныя войны, дуэлями государей и судебными поединками частныхъ лицъ [2]). Этотъ вопросъ даже спеціально занимаетъ средневѣковую юридическую мысль [3]).

И дѣйствительно, вызовы на дуэль между монархами вовсе не рѣдки въ средневѣковой международной жизни. Особенно часто видимъ мы такія „challenges" между королями Франціи и Англіи [4]): такъ напримѣръ уже въ XII вѣкѣ идетъ рѣчь о поединкѣ между Филиппомъ-Августомъ и Ричардомъ I; въ XIV-омъ, въ началѣ столѣтней англо-французской войны, на которую мы только что сослались какъ на примѣръ большого „процесса о правѣ",—Эдуардъ III вызываетъ на дуэль Филиппа Валуа [5]); въ XV-омъ, незадолго до битвы при Azincourt, Генрихъ V вызываетъ Карла VII и пр. Но самый знаменитый случай этого рода въ среднихъ вѣкахъ — это едва не состоявшаяся дѣйствительно дуэль между извѣстными претендентами на корону Обѣихъ Сицилій, Петромъ Арагонскимъ и Карломъ Анжу, для рѣшенія ихъ спора объ этомъ наслѣдіи угасшихъ Гогенштауфеновъ (1283). Любопытно отмѣтить, что въ этомъ случаѣ обѣ стороны заключаютъ даже

---

[1]) Относящіеся сюда факты сгруппированы у только что цитированнаго Dietrich De duellis principum p. 19 ss. ср. Ward II, 216 ss.

[2]) „These combats—говоритъ Ward о поединкахъ государей—most probably took their rise from the practice of duelling in judicial matters". Enquiry II, 224.

[3]) Таковы напр. разсужденія неаполитанскаго профессора XV вѣка Париса дель Поццо (Paris a Puteo): an pro imperio duobus discordantibus possit pugna fieri... an reges contendentes possint guerram expedire per pugnam и пр. въ его Tractatus de re militari (напечатанъ у Ziletti Tractatus universi juris t. XVI).

[4]) См. Ward II, 217, 218.

[5]) Формула вызова (и отвѣтъ Филиппа) у Dumont I, 2, 196: „que la discussion de nostre chalaunge se fesist entre noz deux Corps..."

особое соглашеніе о рѣшеніи ихъ спора именно дуэлью, причемъ и время, и мѣсто встрѣчи было точно опредѣлено [1]).

Наконецъ, уже на рубежѣ среднихъ вѣковъ и новаго времени мы встрѣчаемъ общеизвѣстные случаи вызововъ на поединокъ Франциска I и Карла V-го и этого послѣдняго государя съ Генрихомъ VIII Англійскимъ.

При такихъ взглядахъ, при такомъ, можетъ быть, даже слишкомъ крайнемъ проведеніи воззрѣнія на войну, какъ только на процессъ о правѣ, нельзя конечно, какъ это дѣлалось въ старину, клеймить безъ всякаго разсужденія средніе вѣка, какъ эпоху полнаго безправія и грубаго самоуправства въ области отношеній между государствами. Самоуправство было, конечно, всегда, и трудно думать, чтобы международные порядки временъ королевскаго абсолютизма XVI—XVII вѣковъ или эпохи 1792—1815 гг. были въ этомъ отношеніи лучше, чѣмъ время папско-императорской „Respublica Christiana“ и феодальныхъ формъ связанности всѣхъ ея властителей между собою. Но важны для насъ не эти отдѣльные, всегда бывшіе—и, увы, вѣроятно всегда ожидающіе насъ въ будущемъ — случаи самоуправства сильнаго надъ слабымъ, какъ бы часто они ни повторялись, а зародившееся уже сознаніе нормальности, общеобязательности *обратнаго* порядка вещей, при взглядѣ на войну, какъ на процессъ о правѣ, какъ на особое, въ крайнемъ случаѣ, средство доказать свое право, оспариваемое другимъ государствомъ.

Вотъ почему современные изслѣдователи исторіи средневѣковья—отрѣшившись отъ пристрастной и вполнѣ тенденціозной критики средневѣковыхъ порядковъ, завѣщанной намъ французскими энциклопедистами прошлаго вѣка, рѣшаютъ

---

[1]) Этотъ любопытный договоръ о дуэли „Conditiones duelli“ см. у Dumont I, 1, 417. Подробности всего дѣла у Pierantoni Trattato, I, 630 ss. ср. Ward II, 219 ss.

подвергнуть сомнѣнію правильность клички „Faustrecht", прилагаемой безъ всякой провѣрки и ко всему феодальному строю (этому многотерпѣливому понятію, на которое привыкли сваливать безъ дальнихъ словъ чуть ли не все, что только было скверпаго въ средніе вѣка)[1]), и къ международнымъ отношеніямъ этой эпохи. На повѣрку оказывается, что идея права — и, параллельно, взглядъ на войну, только какъ на крайній способъ доказать, Deo juvante, это право — уважалась въ тѣ времена во всякомъ случаѣ *не* менѣе, чѣмъ въ послѣдующіе вѣка; оказывается, что идея легитимности, сохраненія извѣстнаго status quo, идея превосходства права надъ голымъ фактомъ особенно дорога среднимъ вѣкамъ, которые при обсужденіи правъ лица надъ данною территоріею признаютъ, если можно такъ выразиться, прежде всего личный, а не реальный статутъ: на первомъ планѣ стоитъ для среднихъ вѣковъ не фактъ, не „право завоеванія", (которое признается правильнымъ только по отношенію къ внѣшнему, не-христіанскому міру), а прирожденное, основанное на justus titulus *право* лица[2]). Въ этомъ отношеніи мы можемъ встрѣтить въ средніе вѣка то интересное и знаменательное явленіе, что напримѣръ побѣдитель, уже отнявшій и присоединившій къ себѣ часть владѣній своего врага, недовольствуется только такимъ фактомъ владѣнія данною территоріею и, желая пріобрѣсти на

[1]) Мы напримѣръ недавно съ изумленіемъ узнали (R. D. I. 1897, p. 185), что даже въ претензіяхъ разныхъ государствъ на исключительное господство надъ тѣмъ или другимъ моремъ виноватымъ оказывается все тотъ-же несчастный „феодализмъ"... Какъ будто-бы ленная система имѣла хоть какое нибудь отношеніе къ водному пространству и какъ будто бы такія неслыханныя еще чудовища, какъ „морскіе феодалы" существовали гдѣ бы то ни было, кромѣ фантазіи автора статьи (C-te Cappello)!!

[2]) См. особ. Maulde I, p. 94 s. — Въ 1488 г. вопросъ о насильственномъ присоединеніи Бретани во Франціи путемъ завоеванія былъ рѣшенъ отрицательно благодаря рѣчи канцлера de Rochefort, указавшаго на невозможность въ предѣлахъ христіанскаго общества народовъ дозволять себѣ такіе поступки „sans foi, ni loi — contre droit et raison". Ibid. Ср. нашъ I томъ, стр. 353.

нее дѣйствительное *право*, justum titulum обладанія, приносить за нее ленную присягу своему врагу (иногда уже плѣнному), заставляя его *отдать себѣ въ ленъ* уже завоеванную область [1]).

Все это вмѣстѣ взятое даетъ современнымъ изслѣдователямъ—даже такимъ, которыхъ едва ли можно упрекнуть въ пристрастіи къ феодальной эпохѣ,—возможность провозгласить дерзкое съ точки зрѣнія старыхъ воззрѣній положеніе, что „весь послѣдній періодъ средневѣковья носитъ на себѣ очень ясно обозначенный правовой характеръ и въ основѣ всей его исторіи лежитъ идея права" [2]). Эта-то идея права проникаетъ также и въ чуждую ей раньше область войны, выражаясь въ концепціи войны какъ судебнаго поединка, какъ процесса о правѣ. Однимъ словомъ, подъ вліяніемъ феодализма, самое воззрѣніе на смыслъ войны мѣняется сравнительно съ предъидущею эпохою, съ древностью, и въ этомъ нельзя не видѣть, конечно, извѣстнаго прогресса въ области взаимныхъ отношеній между государствами во время войны. Вмѣсто античной войны—смертельной борьбы за существованіе двухъ *принципіально* враждебныхъ другъ другу расъ и цивилизацій, стремящихся поработить или поглотить другъ друга, мы въ средніе вѣка, въ феодальной войнѣ, имѣемъ дѣло со своего рода судебною процедурою для разрѣшенія спора о правахъ между двумя родственными по культурѣ и связанными тысячью различныхъ узъ государствами. Вмѣсто античной войны, гдѣ такъ сказать, сами боги находятся въ борьбѣ одновременно съ покровительствуемыми ими глубоко другъ другу чуждыми народами, стремясь побѣдить одинъ другого,—въ войнѣ средне-

---

[1]) Такъ поступаетъ напр. въ XI стол. графъ Анжу съ графомъ Блуа, у котораго онъ отнялъ графство Touraine. Lavisse et Rambaud Histoire générale, II, p. 50.

[2]) Nys p. 96 по W. Stubbs Seventeen lectures on the study of medieval and modern history.

вѣковой единый Богъ только судитъ двухъ представителей одной и той же культурной семьи и, даруя побѣду тому или другому, рѣшаетъ этимъ, на чьей сторонѣ право. Благодаря своеобразнымъ взглядамъ феодально-католическаго міра, война превращается такимъ образомъ въ судъ Божій, въ процессъ о правѣ.

Такой взглядъ на войну отражается и въ литературѣ того времени. Одинъ въ высшей степени любопытный памятникъ среднихъ вѣковъ, посвященный праву войны (начало XV в.), а именно написанная Христиною Пизанской „Книга о воинскихъ и рыцарскихъ подвигахъ“ (Le livre des faits d'armes et de chevalerie) прямо говоритъ, что „n'est autre chose guerre et bataille, qui est faite à juste querelle, ne mais la droite exécution de justice pour rendre le droit là où il appartient“ [1]). Тоже самое говоритъ и ея современникъ Jean de Bueil, Comte de Sancerre, человѣкъ уже не теоріи, а чистой практики, военный до мозга костей, страстно любящій свою профессію, прозванный „бичемъ англичанъ“: война, начатая en bonne querelle, говоритъ онъ въ своемъ „Jouvencel“, не что иное, какъ особый видъ процесса—„c'est justice, c'est défendre droicture“ [2]). И, что можетъ быть особенно интересно для историка собственно науки, теоріи международнаго права, именно этотъ-то средневѣковый *феодальный* взглядъ на войну, казалось бы потерявшій подъ собою всякую почву съ исчезновеніемъ и феодализма, и судебныхъ поединковъ, но подкрѣпленный уже въ новомъ періодѣ исторіи авторитетомъ знаменитаго Bacon'а [3]), уцѣлѣлъ все-таки въ литературѣ до самаго нашего времени, выражаясь въ юридической конструкціи войны какъ „международнаго

[1]) Christine de Pisan y Nys, 47.

[2]) Nys, 113.

[3]) „The wars are no massacres and confusions, but they are the highest trials of right“. См. Nys Notes pour servir à l'histoire littéraire et dogmatique du droit international en Angleterre (Brux. 1888) p. 85.

процессуальнаго права"[1]). Несмотря на указанное уже выше полное несоотвѣтствіе такой теоріи съ фактами современной международной жизни, несмотря на полную невозможность видѣть какіе-то „процессы о правѣ" въ крупныхъ столкновеніяхъ большихъ національныхъ государствъ изъ-за нарушенія не столько ихъ правъ, какъ интересовъ,—эта конструкція, говоря исторически, сослужила всетаки въ средніе вѣка свою службу международной жизни, и въ этомъ—заслуга феодальнаго строя, внесшаго эту идею въ сознаніе европейскаго общества. Феодальный взглядъ на войну какъ на процессъ о правѣ, рядомъ съ ученіемъ церкви о справедливой войнѣ, былъ тѣмъ лишнимъ толчкомъ, который свелъ народы съ ихъ стараго пути „Mars exlex" и заставилъ ихъ признать, что понятіе войны не безусловно несовмѣстимо съ понятіемъ права, что области военнаго насилія поддается воздѣйствію правовыхъ идей.

Конечно, нужно признать, что значеніе феодализма, какъ таковаго, для зарожденія современнаго права войны только и ограничилось этою внѣшнею, формальною стороною дѣла, не затрагивая внутренней стороны военной практики, не вліяя на ея гуманизацію, въ смыслѣ возникновенія извѣстныхъ институтовъ права во время войны. Въ *этомъ* отношеніи, феодальный строй съ его безпрерывными войнами — именно столь же частыми, какъ и современные гражданскіе процессы между частными лицами,—не могъ улучшить и не улучшилъ непосредственно военной практики того времени. Онъ повліялъ на это улучшеніе только отдаленнымъ, косвеннымъ путемъ, черезъ тотъ великій средневѣковый институтъ, который является результатомъ взаимодѣйствія между церковью (католицизмомъ) и феодальнымъ строемъ—черезъ институтъ рыцарства.

---

[1]) См. объ этомъ выше стр. 147 сл.

3. Рыцарство и идея права во время войны (честная война, bonne guerre) [1].

Подъ рыцарствомъ въ собственномъ, техническомъ смыслѣ слова [2]) слѣдуетъ понимать стоящій внѣ сословныхъ [3]) и національныхъ [4]) различій свободный (неорганизованный [5]), общеевропейскій [6]) общественный союзъ—„братство по ору-

[1]) О рыцарствѣ существуетъ цѣлая обширная литература, изъ которой укажемъ особенно: La Curne de S-te Palaye Mémoires sur l'ancienne chevalerie considérée comme un établissement politique et militaire (P. 1759—1781), нѣмецкое его изданіе съ примѣчаніями и дополненіями J. L. Kluber'a (Nürnberg, 1786), J. Büsching Ritterzeit und Ritterwesen (Lpz. 1823), также статьи Kervyn de Lettenhove во вступительномъ томѣ къ его извѣстному изданію хроникъ Фруассара (I. (1), 189 s. et 417 s.) и еще статьи словаря Ducange, verbo Arma, Miles и его 22 диссертація о французскомъ историкѣ Joinville.— Изъ новыхъ сочиненій особ. L. Gautier La chevalerie (1881, 2 éd. 1890) Roth v. Schreckenstein Ritterwürde und Ritterstand (1885), Henne am Rhyn Geschichte der Ritterschaft, и пр. Въ общихъ историческихъ сочиненіяхъ особ.: Hallam Middle Ages, p. 807—824, Raumer Hohenstauffen, VI, 758—801, Guizot Histoire de la civil. en France, III, leçon 6, и пр.

Но самая лучшая и живая картина рыцарства—это литературныя произведенія того времени—современная рыцарству поэзія (напр. Chansons de geste), беллетристика (рыцарскіе романы) и историческія сочиненія, хроники среднихъ вѣковъ—напримѣръ въ особенности неподражаемыя по своему яркому языку хроники (XIV в.) знаменитаго Froissart (мы пользовались изданіями Kervyn de Lettenhove и неоконченнымъ Siméon Luce, 8 томовъ).

О рыцарствѣ съ точки зрѣнія *собственно международнаго права*: Ward II, ch. XIV of the influence of chivalry, Laurent VII, 206 ss Каченовскій. Курсъ международнаго права. Кн. II, § 22. Holtzendorf Handbuch I, § 74. Nys только p. 190.

[2]) О различныхъ значеніяхъ слова „рыцарь" см. въ концѣ книги Приложеніе II, прим. 1.

[3]) Въ противоположность ходячему взгляду на рыцарство какъ на какое-то замкнутое сословіе, касту, слѣдуетъ особенно подчеркнуть тотъ фактъ, что (какъ говоритъ одинъ современный историкъ) „la chevalerie n'est *nullement* un corps fermé". См. объ этомъ подробнѣе въ Приложеніи II, прим. 2.

[4]) Рыцарство было такимъ образомъ ассоціаціею специфически-международною, космополитическою. Принадлежность рыцаря по рожденію къ тому или другому народу уходило на задній планъ передъ его принадлежностью къ корпораціи общеевропейскаго рыцарства. Ср. Laurent VII, p. 361, 362.

[5]) Т. е. неподчиненный никакому общему верховному начальнику и безъ всякой государственно-правовой организаціи. То и другое было только въ *духовно-рыцарскихъ орденахъ*.

[6]) Т. е. ограниченный предѣлами тогдашняго общеевропейскаго международнаго общенія, другими словами *католическаго* міра: восточные христіане, мусульмане, язычники стояли въ принципѣ внѣ того и другого.

жію“—средневѣковыхъ тяжеловооруженныхъ всадниковъ, составлявшійся изъ принимаемыхъ въ него съ особыми церемоніями [1]) пожизненныхъ [2]) членовъ — съ цѣлью защиты Церкви и всѣхъ беззащитныхъ.

Именно этотъ послѣдній моментъ понятія рыцарства и дѣлаетъ его явленіемъ особенно интереснымъ съ культурно-исторической и международно-правовой точки зрѣнія, завершая въ тоже время его формацію какъ особаго института, — превращая феодальнаго воина, получавшаго съ незапамятныхъ временъ свое оружіе при извѣстной торжественной обстановкѣ [3]), въ воина христіанскаго, облеченнаго извѣстными нравственно-религіозными цѣлями, т. е. уже въ общеизвѣстный типъ „средневѣковаго рыцаря“: своеобразное средневѣковое понятіе рыцарства какъ особаго учрежденія, общества, „ордена“, получается именно только какъ синтезъ феодально-германскаго элемента съ христіанско-католическимъ. „La chevalerie, совершенно правильно говоритъ L. Gautier, dérive d'un usage germain qui a été idealisé par l'Eglise“ [4]).

Такимъ образомъ, начала рыцарства, какъ особаго характернаго института западно-европейскаго средневѣковья.

---

[1]) См. Приложеніе II, прим. 3.

[2]) Т. е. рыцарство *не* передавалось по наслѣдству. См. Приложеніе II, прим. 4.

[3]) Еще по Тациту—у древнихъ германцевъ и потомъ продолженіе всѣхъ „раннихъ“ среднихъ вѣковъ. Cr. Hallam, 807.

[4]) L. Gautier La chevalerie p. 2.—Въ этомъ же именно смыслѣ говоритъ Barthold Geschichte der Kriegsverfassung und des Kriegswesens der Deutschen (Lpz. 1855) I Th., S. 177: „Manche Form des Ritterthums war schon ausgebildet ehe die Durchdringung desselben mit dem kirchlichen Elemente während der ersten Kreuzzuge, jene ächte germanische Verschmelzung kriegerischer Tugenden mit der Religion der Liebe und mit verzückter Verehrung der Frauen, die phantasiereichen Zeitgenossen im Orden der Chevalerie vereinigte“. Поэтому, вполнѣ послѣдовательно, институтъ рыцарства не выработался тамъ, гдѣ не было того или другого изъ основныхъ его элементовъ—феодализма и христіанства: такъ напримѣръ, даже въ предѣлахъ того же романо-германскаго міра, скандинавскія страны, почти не знавшія феодализма, мало знали и рыцарство.

нельзя искать, какъ это часто дѣлаютъ, *раньше* момента соединенія феодальнаго и христіанскаго элементовъ въ средневѣковомъ воинѣ, т. е. раньше той эпохи, когда западная церковь начинаетъ воздѣйствовать на свѣтское общество, превращая его феодальныхъ представителей въ орудія своихъ религіозно-нравственныхъ цѣлей. Съ этой точки зрѣнія, рыцарство есть дѣйствительно „результатъ стремленія церкви сдѣлать изъ грубой силы феодализма—силу дисциплинированную для поддержанія церкви и общества“ [1]) и слѣдовательно предполагаетъ своего рода „союзъ“ между церковью и феодальнымъ обществомъ. А первый такой союзъ между моральными христіанскими идеалами церкви и матеріальнымъ оружіемъ феодальнаго общества мы находимъ только въ XI вѣкѣ: какъ извѣстно, его начало ознаменовано распространеніемъ духовно-свѣтскихъ союзовъ „Божія мира“ (охрана беззащитныхъ), а его конецъ—открытіемъ эры крестовыхъ походовъ, предпріятій тоже духовно-свѣтскихъ (защита церкви и борьба съ невѣрными).

Къ этой то эпохѣ (XI в.) и нужно относить, такимъ образомъ, возникновеніе рыцарства, какъ особаго культурно-историческаго института, характеризующаго собою западное средневѣковье и тѣснѣйшимъ образомъ съ нимъ связаннаго. Оно рождается въ самомъ началѣ анализируемаго нами періода собственныхъ среднихъ вѣковъ (XI—XVI в.) одновременно съ окончательнымъ образованіемъ феодальнаго строя и специфически-средневѣковаго „папскаго“ католицизма—т. е. не раньше XI столѣтія [2])—и исчезаетъ съ исторической сцены вмѣстѣ съ ихъ упадкомъ: XIV и XV вѣка съ ихъ „великимъ расколомъ“, и „ренессансомъ“, сломившими средневѣковое папство и средневѣковый католицизмъ, и съ ихъ крупными національными государствами и сильною королевскою властью, сломившими политическій феодализмъ,—были уже вѣками

[1]) Fauriel Histoire de la poésie provençale, T. I, p. 482.

[2]) Cp. S-te Palaye-Klüber. loc. cit. I, 30.

упадка и исчезновенія рыцарства. Подвиги англо-французской столѣтней войны, „Reisen“ крестоносцевъ въ языческую Пруссію и Литву въ XIV вѣкѣ, да еще непрекращавшаяся борьба съ маврами въ Испаніи были послѣдними вспышками рыцарскаго духа Европы. Ни Bayard, этотъ „chevalier sans peur et sans reproche“, ни Францискъ I не могли уже его воскресить [1]).

Изъ сказаннаго о возникновеніи и упадкѣ рыцарства—самое цвѣтущее время котораго занимаетъ собою такимъ образомъ приблизительно лишь XII, XIII и отчасти XIV столѣтіе—сами собою уже выступаютъ тѣ проникающія его идеи, тѣ главныя, ставившіяся рыцарю, требованія, которыя, говоря словами Гольцендорфа, дали институту рыцарства „значеніе международной культурной силы“ [2]) и позволили ему оказать благотворное вліяніе на область международныхъ отношеній во время войны.

Дѣйствительно, два главныхъ указанныхъ выше элемента, которые по общепризнанному мнѣнію историковъ [3]) лежатъ въ основѣ самого понятія средневѣковаго рыцарства—элементъ христіанско-католическій и германско-феодальный [4])—и обусловили собою главнымъ образомъ всю конструкцію идейной, моральной стороны рыцарства, прямо отражаясь на цѣляхъ, которыя оно само себѣ ставило и старалось осуществить на практикѣ [5]).

---

[1]) Относительно исчезновенія рыцарства см. въ концѣ книги Приложеніе II, прим. 5, ср. прим. 4.

[2]) „Die Potenz einer international wirkenden Culturkraft“ Holtzendorf Handbuch I, § 74.

[3]) См. напр. Hallam' Middle Ages, p. 811. Laurent, VII, p. 212 s. Barthold ut supra I, S. 177. Holtzendorf, loc cit. Nys Origines, p. 190 и пр.

[4]) Третій элементъ, восточно-магометанскій, постепенно привходитъ къ уже сложившемуся понятію рыцарства въ теченіе крестовыхъ походовъ и потому не является рѣшающимъ для этого понятія. См. Приложеніе II, прим. 6.

[5]) Всѣ цѣли рыцарства очень полно изображены въ поэмѣ XIII вѣка „L'ordène de Chevalerie“, авторъ которой объясняетъ обязанности истиннаго рыцаря Саладину, будто бы желающему получить отъ него посвященіе въ рыцари.

Элементъ христіанско-католическій выставлялъ для рыцаря обязанность:

1° защищать церковь—противъ враговъ внѣшнихъ (мусульмане, язычники) и внутреннихъ (еретики, „Raubritter"):

„...votre sanc devez epandre
„Pour Dieu servir et honorer
„Et pour sainte Eglise defendre [1]).

2° щадить и охранять всѣхъ слабыхъ и беззащитныхъ:

„Il doit la povre gent garder...
„Et le feble doit soustenir [2])

т. е., въ частности, дѣтей, женщинъ, мирныхъ земледѣльцевъ и пр., слѣдовательно именно тѣ категоріи лицъ, которыя церковь старалась оградить своимъ „миромъ Божіимъ" [3]) и которыя образовали впослѣдствіе понятіе „не-комбаттантовъ" [4]). Такъ напримѣръ дѣти и вдовы постоянно поручаются особой охранѣ рыцарства: рыцарь долженъ „les enfans et les veuves maintenir" говорится въ одной рыцарской поэмѣ [5]), и оффиціальный церковный ритуалъ посвященія въ рыцари даже вноситъ эту мысль въ одну изъ своихъ молитвъ [6]). Что касается мирнаго населенія, то защита бѣднаго народа разсматривается еще въ XIV—XV в. какъ одна изъ цѣлей учрежденія рыцарства: „a esté ordonné le tres noble et tres excellent estat de chevalerie—говоритъ напр. „Le Jouvencel" (XV ст.) pour conserver, deffendre et garder le peuple en tranquillité, qui communement est plus grevé par les adversités de la guerre" [7]).

---

[1]) L'ordène de Chevalerie.

[2]) Ibid. y Gautier La chevalerie p. 53 note 4.

[3]) См. выше отдѣлъ „Pax et treuga Dei".

[4]) Но Ordène de Chevalerie (см. Ste Palaye-Klüber I, S. 133) „office de chevalier est de maintenir femmes, veuves et orphelins et hommes mésaisés et non puissants").

[5]) Entrée en Espagne, см. Gautier loc. cit. p. 53.

[6]) „Exaudi, Domine, preces nostras quatenus ...NN... esse possit defensor viduarum, orphanorum..." Gautier, p. 54.

[7]) Gautier p. 53 note 4.

Такимъ образомъ, нужно теперь же отмѣтить, что съ общей. идейной точки зрѣнія. эта христіанско-католическая сторона рыцарства приводила къ провозглашенію, въ прежнемъ безграничномъ царствѣ грубой силы, совершенно новаго принципа—неслыханнаго раньше и непонятнаго для античнаго міра требованія: „honorer et servir ce qui est faible“ [1]).

Другой элементъ рыцарства, германско-феодальный, въ зависимости отъ общаго характера леннаго строя, предъявлялъ къ рыцарю слѣдующія требованія:

1° въ зависимости отъ чисто-военнаго характера и феодализма, и рыцарства—требованіе рыцарской доблести (prouesse), т. е. прежде всего, личной храбрости: „Sois preux“ была обыкновенная формула посвященія въ рыцари во Франціи. „Chevaliers soies, говоритъ въ Chansons de geste (поэмы XII—XIII вв.) Карлъ В., посвящая сына въ рыцари, et courageus envers tes anemis“ [2]).

Однако *одной* такой личной храбрости еще не достаточно для понятія „рыцарской доблести“: она предполагаетъ (что именно и важно) храбрость въ равной борьбѣ. Въ зависимости отъ разобраннаго выше феодальнаго взгляда на войну какъ на процессъ о правѣ, какъ на „судъ Божій“. рыцарство переноситъ на войну условія правильнаго судебнаго поединка. правильной дуэли или турнира: рыцарская война есть (въ принципѣ) „justum piumque duellum“, а такая „дуэль“ исключаетъ побѣду черезъ какія нибудь хитрости, предательство, черезъ внезапное нападеніе безъ объявленія войны, даже черезъ численное превосходство и пр. и допускаетъ битву—только „sans nule vilonie“ (Ordène de chevalerie), побѣду—только честную, „victoriam honestam“. которою и долженъ заканчиваться такой поединокъ. Наконецъ

[1]) Этою фразою резюмируетъ идеальныя стремленія рыцарства Schuré Les grandes légendes de France, p. 30.

[2]) Laurent VII, p. 215.

отсюда же, изъ принципа борьбы равными силами, вытекаетъ требованіе пощады врагамъ, поставленнымъ въ невозможность продолжать борьбу, т. е. раненымъ и плѣннымъ:

„Qui merci prie, merci doit avoir".

Однимъ словомъ, на войнѣ требуется отъ рыцаря (по Eustache Deschamps, XIV в.):

„Poursuivre faits de chevalerie,
„*Guerre loyale*...—

т. е. выставляется именно то характерное понятіе „честной", прямой, „благородной" войны (bonne guerre, guerre loyale), которое всегда останется блестящимъ воспоминаніемъ о средневѣковомъ рыцарствѣ и которое опять-таки означаетъ собою внесеніе извѣстныхъ правилъ, нормъ въ прежнюю область безграничнаго военнаго произвола.

2°. Какъ изъ военнаго характера феодализма и рыцарства вытекало понятіе „рыцарской доблести", такъ въ зависимости отъ феодальной обязанности вѣрности сюзерену (foi, féauté, служившей, какъ извѣстно, основаніемъ всего леннаго строя) является для рыцаря требованіе такой же безграничной вѣрности—своему слову и принятымъ на себя, въ качествѣ рыцаря, обязательствамъ, т. е. вѣрности долгу:

„Fais que dois, advienne que pourra"— говоритъ извѣстная рыцарская поговорка. (Ordène de chevalerie).

Истинные рыцари и были „рабами своего слова" [1]), хорошо помнившими каноническое положеніе, что „fides etiam hosti servanda est" [2]), и рабами своего долга, отъ исполненія котораго сама смерть, казалось, не избавляла истиннаго рыцаря [3])!

[1]) Ward II, 174, ср. Nys, 191, 215, 248.

[2]) Decreti C. 23, qu. 1, c. 3.

[3]) Фруассаръ передаетъ трогательный и любопытный разсказъ о томъ, какъ король шотландскій Робертъ (Bruce), давъ обѣтъ отправиться въ Палестину для борьбы съ невѣрными и не успѣвъ привести этого въ исполненіе, на смертномъ одрѣ поручаетъ рыцарю Вильгельму Дугласу отправиться вмѣсто него крестоносцемъ въ Святую Землю, взявъ съ собою въ походъ его сердце. Дугласъ исполнилъ это порученіе, но по дорогѣ въ Палестину былъ убитъ въ одномъ сраженіи съ испанскими маврами. Froissart l. I, § 40 (éd. Luce I, p. 77 s.).

Таковы два основныхъ качества рыцаря, вытекающихъ изъ феодально-германскаго элемента рыцарства (храбрость въ равномъ бою и вѣрность слову и долгу) [1],—качества, стоящія по своему значенію рядомъ съ его христіанскими обязанностями охраны церкви и всѣхъ беззащитныхъ.

Ко всѣмъ этимъ, только что перечисленнымъ основнымъ обязанностямъ рыцарства, выводимымъ изъ самой сущности этого института, присоединяются вскорѣ еще другія, такъ сказать побочныя обязанности, которыхъ нельзя однако совершенно игнорировать при анализѣ характера рыцарскихъ войнъ въ средніе вѣка.

1° Такъ, во первыхъ, подъ двойнымъ вліяніемъ древне-германскаго почтенія къ женщинамъ и развившагося въ средніе вѣка, (особ. съ XII вѣка) культа Св. Дѣвы, въ понятіе рыцарства привходитъ обязанность особаго уваженія къ женщинамъ [2]:

„... femmes doit l'en honorer

„Et por lor droit grands fez porter.—(Ordène de chevalerie).

Съ теченіемъ времени [3], эта обязанность приняла, какъ извѣстно, характеръ „служенія женщинамъ" (galanterie, Frauendienst), которое, подъ несомнѣннымъ воздѣйствіемъ мавританскаго міра, возникло первоначально на югѣ Франціи (въ Провансѣ) — вмѣстѣ съ далеко не платоническими пѣснями трубадуровъ и не меньшей мѣрѣ двусмысленными „судами любви" (cours d'amour, Minnehöfe) [4]. Но независимо отъ всѣхъ возможныхъ крайностей такого „служенія",—съ элементомъ преклоненія передъ женщиной нельзя не считаться, говоря

[1]) Они наглядно выражались въ средніе вѣка въ общераспространенномъ обычаѣ дѣлать на рыцарскихъ надгробныхъ памятникахъ изображенія льва и собаки (символы храбрости и вѣрности), на которыхъ опирается лежачая фигура рыцаря въ полномъ вооруженіи.

[2]) Hallam Middle Ages, p. 811.

[3]) „Служеніе женщинамъ" не входитъ первоначально въ концепцію рыцарства, и chansons de geste ея еще не знаютъ. Ср. Lavisse et Rambaud Histoire générale II, p. 47 note.

[4]) См. Приложеніе II, прим. 6.

о средневѣковомъ рыцарствѣ, ибо „jouter pour s'amie“ (Eustache Deschamps, XIV s.) во всякомъ случаѣ входило въ кругъ общепризнанныхъ обязанностей (позднѣйшаго) рыцарства, отражаясь самымъ оригинальнымъ образомъ на международной военной практикѣ того времени. Она наполнена такими удивительными чудачествами „въ честь дамъ“, такою наивною вѣрою, что война, подобно обыкновенному турниру, есть только особая арена для ихъ прославленія,—что прежній характеръ войны *долженъ* былъ нѣсколько смягчиться на счетъ этихъ чудачествъ и, благодаря имъ, война въ средніе вѣка должна была потерять хоть часть своего прежняго жестокаго, суроваго, мрачнаго колорита. Если напримѣръ въ 1286 г. при одномъ набѣгѣ венгровъ на Германію швабскіе рыцари посылаютъ къ своимъ врагамъ гонцовъ съ просьбою „ради дамъ“ оставить свои луки и стрѣлы и сразиться съ ними „благородно“, мечами [1]), если въ 1337 г. нѣсколько англійскихъ молодыхъ рыцарей отправляются на войну съ повязками на одномъ глазу, давъ обѣтъ своимъ дамамъ не снимать этихъ повязокъ до перваго подвига [2]), если въ 1351 г. бретанскій рыцарь Beaumanoir вызываетъ на поединокъ начальника англійскаго гарнизона въ Плоэрмелѣ „pour l'amour de leurs amies“ [3]), если въ 1378 г. (при Шербурѣ) рыцарская стычка внезапно прекращается, чтобы дать сразиться одинъ на одинъ двумъ „наиболѣе влюбленнымъ“ рыцарямъ [4])—то ясно, что появленіе *такихъ* взглядовъ въ прежней, кровожадной, лютой войнѣ могло означать только извѣстное смягченіе въ международныхъ военныхъ правахъ. Для исторіи права войны эта сторона рыцарства интересна такимъ образомъ въ смыслѣ внесенія въ область вооруженныхъ

---

[1]) См. подробный разсказъ по Оттокару v. Horneck у Busching Ritterzeit und Ritterwesen II, 231 ff.

[2]) Froissart, Chroniques (éd. Luce) I, p. 124.

[3]) Froissart IV, 111. Этотъ вызовъ повелъ къ знаменитой въ лѣтописяхъ Бретани „bataille de trente“—тридцати французовъ противъ тридцати англичанъ.

[4]) S-te Palaye-Klüber I, 95.

столкновеній новыхъ, облагораживающихъ ее взглядовъ, исключающихъ собою старый типъ войны, какъ безпощадной рѣзни между народами.

2°. Наконецъ рядомъ съ культомъ женщины, въ понятіе рыцарства входитъ еще обязанность соблюденія извѣстныхъ внѣшнихъ формъ обращенія, понятіе рыцарской вѣжливости (courtoisie, attrempance)—обязанность „être plein de courtoisie“ (Ordène de chevalerie).—Въ примѣненіи къ военной практикѣ, эта рыцарская вѣжливость [1]) означала отдѣленіе личности человѣка, какъ таковаго, отъ его временной роли политическаго врага данной минуты и требовала, соотвѣтственно съ этимъ, обращенія съ врагомъ внѣ поля битвы—какъ съ другомъ. Эти возвышенные взгляды и находятъ себѣ сплошь и рядомъ приложеніе на практикѣ среди рыцарскихъ войнъ среднихъ вѣковъ. Такъ напримѣръ, въ срединѣ XIV вѣка во время войны съ Англіею, французскій король продолжаетъ по прежнему посылать лучшія французскія вина своему врагу, англійскому королю, и англичане платятъ французамъ такою же courtoisie: вечеромъ въ день битвы при Пуатье (1356), Черный Принцъ угощаетъ своего плѣнника, французскаго короля, отказываясь даже сѣсть передъ нимъ и самъ прислуживая ему за столомъ [2]). Иногда такое чувство рыцарской вѣжливости къ врагу не останавливается даже передъ значительными матеріальными жертвами. Характерный случай обоюдной куртуазіи такого рода мы встрѣчаемъ около того же времени. Знаменитый Duguesclin, попавъ въ плѣнъ англичанамъ и получивъ позволеніе назначить себѣ какой угодно выкупъ, назначаетъ (не желая пользоваться вѣжливостью враговъ) громадную сумму въ 70 тысячъ золотыхъ,—и сейчасъ-же получаетъ почти

---

[1]) См. о ней вообще Ward II, 162—174.

[2]) Froissart V, 63 (Luce) и особенно подробно въ изданіи Kervyn de Letenhove V, 460 ss.

половину этой суммы (30 т.) отъ самихъ англичанъ, и даже отъ самой принцессы Уэльской [1]).—

Вся совокупность перечисленныхъ разнообразныхъ обязанностей, входившихъ въ понятіе средневѣковаго рыцарства, образуетъ собою особое новое понятіе рыцарской чести (honneur, Ehre). Соблюденіе ихъ является для рыцаря „долгомъ чести“ (point d'honneur, loyauté) и дѣлаетъ его „доблестнымъ“, „честнымъ“ рыцаремъ (loyal, preux), нарушеніе же дѣлаетъ его недостойнымъ рыцарскаго званія (déloyal et foy mentie) [2]). Обязанности этой „чести“ стоятъ поэтому для него выше всего на свѣтѣ:

„Miex vaut hom mors et preudons appelés
„Que ne fait vis qui est deshonorés [3]).

И, vice versa, несоблюденіе этихъ обязанностей влечетъ за собою „honte“, которая хуже смерти:

„Que vivre à honte, mieus vaut mort à honneur [4])!“

Этими взглядами живетъ все рыцарское средневѣковье. Отъ легендарнаго Роланда, любимаго героя возникающаго рыцарства, до знаменитаго Duguesclin, красы рыцарства умирающаго,—всѣ лучшіе его представители знаютъ этотъ девизъ, и всѣмъ имъ средневѣковая легенда или хроника влагаетъ въ уста этотъ гордый кличъ [5]).—Въ понятіи чести, правильно говоритъ историкъ среднихъ вѣковъ Hallam, заключается вся сущность, такъ сказать, самая душа рыцарства: „the soul of chivalry was individual honour“ [6]). Рыцарь—это „жрецъ чести“ [7]).

1) Ward, II, 168, 170.

2) Въ случаѣ особенно важныхъ нарушеній рыцарской чести и долга, рыцарь могъ быть даже лишенъ своего званія. S-te Palaye I, 316 ss. подробно описываетъ церемонію такого лишенія рыцарства.

3) Рыцарская поэма „Enfances Ogier“ у L. Gautier. La chevalerie, p. 30.

4) „Auseïs fils de Girbert“ Gautier p. 137.

5) О Роландѣ см. Gautier, p. 29. 137, Laurent VII, 211, Lavisse et Rambaud II, 61. О Duguesclin: Schuré Les grandes légendes de France (no Vie de Duguesclin), p. 178. Другіе случаи у Gautier p. 29 и пр.

6) Hallam, 808.

7) „Le pontife du point d'honneur“. Lacroix Vie militaire et religieuse au moyen âge (P. 1873) p. 148.

Нельзя, конечно, отказать въ грандіозности этому сложному, чисто моральному понятію чести—понятію совершенно новому, впервые внесенному въ міръ рыцарствомъ и незнакомому чисто-*физическому* мужеству героевъ древняго міра [1]. „Античный герой—очень хорошо говоритъ одинъ изъ современныхъ изслѣдователей среднихъ вѣковъ—умиралъ за свой городъ, варваръ—за свою независимость. Рыцарь—сражается за свою вѣру, т. е. за общечеловѣческій, всемірный идеалъ, борется изъ-за цѣли, которая переступаетъ границы его земной, связанной съ извѣстною національностью, жизни... Однимъ словомъ, „il est l'idéaliste en action“—и такой типъ, не смотря на всѣ свои несовершенства, долженъ былъ оставить послѣ себя яркій, свѣтлый слѣдъ—un sillon de lumière“... [2]).

И дѣйствительно, это сложное понятіе рыцарской чести сдѣлалось (говоря словами Гольцендорфа) однимъ изъ основныхъ началъ современной „космополитической этики“ вообще [3]), а въ частности—оно оказало также самое благотворное вліяніе и на область международной жизни, именно на область права войны.

Если подвести теперь итогъ всему, что было уже сказано въ этомъ отношеніи при разсмотрѣніи отдѣльныхъ чертъ понятія рыцарства, то можно сказать, что рыцарство впервые ввело въ область прежней беззаконной войны (Mars exlex!) извѣстныя правила „рыцарской чести“, извѣстную *воинскую мораль* (Kampfmoral) [4])—т. е. извѣстныя нормы, считавшіяся общеобязательными на пространствѣ

---

[1]) Ср. Laurent VII, 208 s.

[2]) Schuré loc. cit., 173.

[3]) „Das mittelalterliche Ritterthum repräsentirt einen selbstständigen an den Ehrbegriff anknüpfenden Grundsatz kosmopolitischer Ethik“. Holtzendorf Handbuch I, § 74.

[4]) „Das wesentliche Produkt dieser mittelalterlichen im Ritterthum wurzelnden Ehrbegriffe kann man als eine der wüsten Massenvernichtung entgegengesetzte Kampfmoral bezeichnen“. Holtzendorf, ibid.

всей западно-христіанской Европы и положившія основаніе извѣстной сферѣ права во время войны. Изъ сдѣланнаго выше анализа видно также, что эта новая „военная мораль" касалась одинаково и внутренней стороны, самой сущности военной практики, вырабатывая извѣстныя матеріальныя нормы права во время войны, и стороны формальной, касающейся самой техники военнаго дѣла: своимъ христіанскимъ принципомъ защиты всѣхъ беззащитныхъ (и церкви) рыцарство вноситъ въ прежнюю безпощадную войну идею неприкосновенности разныхъ категорій беззащитныхъ лицъ, полагая этимъ первое основаніе понятію нейтрализаціи не-комбаттантовъ, плѣнныхъ и раненыхъ, а своею феодальною идеею равной борьбы и рыцарской вѣжливости—вырабатываетъ и извѣстныя правила внѣшней, формальной стороны войны.

Соблюденіе на войнѣ нормъ того и другого рода и даетъ понятіе войны честной, благородной „bonne guerre" (или guerre loyale), въ противоположность войнѣ неблагородной (mauvaise guerre), ведущейся „contra fas et licitum", и совокупность такихъ нормъ образуетъ собою извѣстное общеевропейское рыцарское право—первое въ мірѣ международное право войны.

Конечно, нельзя отрицать того несомнѣннаго факта, что, какъ на это указываютъ историки, среди общей грубости нравовъ того времени идеалы рыцарства и рыцарское право войны оставались очень часто мертвою буквою, сталкиваясь съ жестокостью или алчностью людей этой эпохи. Со всѣмъ тѣмъ, говоря объ общихъ факторахъ возникновенія современнаго права войны, нельзя всетаки не подчеркнуть заслугъ рыцарства въ этомъ смыслѣ: несмотря на всѣ его недостатки и несовершенство на практикѣ, ему первому принадлежитъ и честь внесенія совершенно иныхъ взглядовъ и принциповъ въ военное дѣло,—такъ сказать самая идея возможности извѣстнаго права во время войны,—и заслуга образованія

цѣлаго неписаннаго кодекса международныхъ военныхъ обычаевъ. Эти обычаи, какъ бы часто они ни нарушались, тѣмъ не менѣе оказали значительное вліяніе на тогдашнюю военную практику, несомнѣнно способствуя ея гуманизаціи и зарожденію различныхъ институтовъ современнаго права войны (не-комбаттанты, положеніе плѣнныхъ, обычай объявленія войны, парламентерскій флагъ и пр.) [1]).

Однимъ словомъ, рыцарство, скажемъ мы вмѣстѣ съ однимъ русскимъ изслѣдователемъ, „пробудило въ обществѣ сознаніе объ юридическомъ значеніи войны, сообщивъ ей опредѣленныя нормы, отступленіе отъ которыхъ признавалось уже недозволеннымъ" [2]). И эти нормы, эти идеи рыцарства не умерли вмѣстѣ съ нимъ. „La chevalerie est morte, mais le sentiment chevaleresque a survécu, правильно замѣчаетъ одинъ современный писатель: il a pénétré dans la conscience moderne" [3]). Съ тою или другою модификаціею, эти принципы рыцарской войны въ своихъ главныхъ чертахъ дожили и до нашихъ дней, составляя самую основу современнаго права войны,—а къ концу среднихъ вѣковъ, въ періодъ упадка и исчезновенія самаго рыцарства, они успѣли еще непосредственно отразиться на новыхъ, явившихся ему на смѣну, представителяхъ вооруженной силы государства—въ первыхъ попыткахъ дисциплинированія наемныхъ (и первыхъ постоянныхъ) войскъ.

4. Дисциплинированіе наемныхъ войскъ [4]).

Дисциплинированіе наемныхъ и первыхъ постоянныхъ войскъ конца среднихъ вѣковъ, какъ четвертый изъ намѣченныхъ выше общихъ факторовъ зарожденія права войны, имѣетъ тѣмъ большее значеніе съ точки зрѣнія исторіи этой

---

[1]) См. обо всемъ этомъ ниже при разсмотрѣніи отдѣльныхъ отраслей права войны.
[2]) А. Штиглицъ Изслѣдованіе о военной контрабандѣ (Спб. 1881) стр. XII.
[3]) Schuré Les grandes légendes de France, p. 36.
[4]) Ср. Nys, p. 201—211.

отрасли международнаго права, что къ концу среднихъ вѣковъ, съ упадкомъ феодализма и рыцарства, вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи тѣхъ или другихъ выработанныхъ ими нормъ права войны сводился на практикѣ именно въ болѣе или менѣе успѣшному дисциплинированію первыхъ большихъ европейскихъ армій. Въ силу цѣлаго ряда сложныхъ культурно-историческихъ причинъ, XIV и XV вѣкъ есть уже, какъ извѣстно, эпоха полнаго ослабленія политическаго феодализма и упадка рыцарства и, наоборотъ, время торжества королей и городовъ. Въ своей борьбѣ съ феодалами и тѣ, и другіе опираются на военную силу уже новаго типа: феодальныя ополченія и рыцарскія дружины XI—XIII столѣтій уступаютъ мѣсто въ XIV—XV вѣкахъ большимъ арміямъ, напоминающимъ уже новое время,—наемнымъ корпусамъ „солдатъ" и первымъ постояннымъ регулярнымъ арміямъ [1]).

Рыцарская мораль, дававшая себя чувствовать такъ или иначе въ эпоху крестовыхъ походовъ, была неизвѣстна, конечно, по самому своему существу этимъ новымъ „неблагороднымъ" войскамъ, и вопросъ дальнѣйшаго существованія только-что возникшихъ рыцарскихъ правилъ войны долженъ былъ къ практикѣ стать въ зависимость отъ воздѣйствія правительствъ и начальствующихъ лицъ на эти новыя арміи: только короли и военачальники, уже проникнутые взглядами на войну, созданными, какъ мы видѣли, церковью, феодализмомъ и рыцарствомъ, и могли сыграть здѣсь извѣстную роль въ смыслѣ дисциплинированія этихъ необузданныхъ новыхъ „солдатскихъ" массъ.

[1]) Отдѣльные случаи формированія наемныхъ армій встрѣчаются уже и раньше, въ чисто-феодальное время, еще съ IX—X вѣка (см. Брандтъ. Обозрѣніе исторіи военнаго искусства въ среднихъ вѣкахъ. Русск. перев. Спб. 1838 стр. 59 сл.). Но классическое время наемныхъ войскъ начинается съ XIV вѣка (les grandes compagnies, condottieri), а въ слѣдующемъ столѣтіи появляются и первыя постоянныя войска: таковы compagnies d'ordonnance Карла VII (1439), постоянныя нѣмецкія войска на богемской границѣ (1427), постоянныя войска швабскаго союза (1488) и пр. и пр. См. Брандтъ loc. cit., 218, 298, Barthold Geschichte der Kriegsverfassung est. II, 164. ср. Nys Geschichte, p. 201, 202.

Въ этихъ попыткахъ дисциплинированія наемныхъ и первыхъ постоянныхъ войскъ и заключается, съ практической точки зрѣнія, смыслъ дальнѣйшей исторіи права войны въ XIV и XV столѣтіяхъ. Грубая практика „солдатъ", вносящихъ съ собою въ этотъ конецъ среднихъ вѣковъ типъ войны уже новаго періода исторіи, могла сдѣлать нѣкоторыя уступки въ пользу признанія извѣстныхъ нормъ права во время войны только подъ давленіемъ отдѣльныхъ „рыцарей", стоящихъ во главѣ ихъ и опирающихся на драконовскіе военные законы, предписанные для поддержанія дисциплины въ арміяхъ. Такіе военные „регламенты" и начинаютъ входить въ употребленіе на западѣ какъ разъ во время упадка феодальныхъ ополченій и замѣны ихъ наемными (впослѣдствіе постоянными) войсками, а именно съ конца XIV вѣка [1]).

Во главѣ государствъ, вступившихъ тогда на этотъ чисто практическій путь обузданія своихъ армій черезъ предписаніе имъ, государственнымъ закономъ, извѣстныхъ правилъ поведенія относительно непріятеля, подъ страхомъ суровыхъ каръ за ихъ нарушеніе,—идетъ Англія, гдѣ, какъ извѣстно, раньше другихъ странъ феодальный военный строй сталъ замѣняться системою войскъ наемныхъ [2]). Такъ уже въ 1385 г. Ричардъ II издаетъ свои „Statutes, ordonnances and customs to be observed in the army", а въ 1415 году, въ началѣ кампаніи, которая привела къ побѣдѣ при Азинкурѣ, его при-

[1]) Изъ болѣе ранняго періода можно указать еще на „лагерные законы" императора Фридриха Барбароссы (1155, подтвержденіе въ Брешіи 1158). Но эти законы, занимаясь болѣе внутреннею дисциплиною арміи и установляя „миръ Божій въ лагерѣ", отношеній къ непріятелю почти не затрагивали и, во всякомъ случаѣ, не вызвали подражаній въ ближайшіе къ нимъ, чисто еще феодальные, средніе вѣка. См. Barthold loc. cit. I, S. 203—211, Брандтъ стр. 99 сл.

[2]) Уже Генрихъ II (Assise of arms 1181) вводитъ систему замѣны ленной службы денежными взносами (scutage, escuage). Главную часть военныхъ силъ Англіи во время ея борьбы съ Франціею въ XIV—XV вв. составляли уже навербованныя наемныя войска. Ср. Nys Note pour servir à l'histoire littéraire du droit internat. en Angleterre, p. 116, 117.

мѣру слѣдуетъ Генрихъ V [1]). Этими общими воинскими „регламентами", а также отдѣльными детальными приказами было положено твердое начало строгой дисциплинѣ въ арміи по отношенію къ непріятелю, и въ постановленіяхъ обоихъ королей мы видимъ уже провозглашеніе неприкосновенности женщинъ, дѣтей, духовенства, земледѣльцевъ, ограниченіе и даже запрещеніе грабежа (особенно церквей), зарожденіе системы реквизицій, образованіе извѣстныхъ правилъ обращенія съ плѣнными и пр. [2]). И эти постановленія, благодаря строгимъ наказаніямъ, объявленнымъ за ихъ нарушеніе, не остались мертвою буквою. Они *дѣйствительно* положили начало упорядоченію международныхъ войнъ черезъ дисциплинированіе армій, и напримѣръ въ XV вѣкѣ извѣстный Commines не колеблется отозваться съ особою похвалою о военныхъ порядкахъ враговъ своего отечества, англичанъ, которые, говоритъ онъ, выгодно отличаются отъ всѣхъ другихъ народовъ въ своемъ способѣ веденія войны: они не трогаютъ мирнаго народа („не-комбаттантовъ") и не предаютъ непріятельской страны полному опустошенію—„et tombe le sort et le malheur sur ceux qui font la guerre" [3]).

На путь, столь блестяще указанный Англіею, постепенно вступаютъ (можетъ быть съ меньшимъ только успѣхомъ) и другіе народы. Въ швейцарскомъ военномъ регламентѣ 1393 г. (такъ называемомъ Sempacherbrief) охраняются женщины, церковныя зданія (церкви, монастыри, часовни и проч.) и ограничивается грабежъ [5]). Къ 1427 г. относится подобнаго же типа „Военное уложеніе" герцога саксонскаго Фридриха, изданное по поводу гусситскихъ войскъ [6]). За нимъ слѣдуютъ:

---

[1]) Montague Bernard. The growth of laws and usages of war (Oxford Essays 1856) p. 98 s.—Nys Origines p. 204 ss.

[2]) Подробнѣе см. дальше при разборѣ отдѣльныхъ институтовъ права войны.

[3]) Ph. de Commines Mémoires, l. V ch. 18—p. 276 (по изданію Belin, P. 1843).

[5]) Dumont II, 1, 235.

[6]) Брандтъ loc. cit. стр. 300 сл. Ср. также П. Бобровскій Состояніе военнаго права въ Западной Европѣ въ эпоху учрежденія постоянныхъ войскъ (С.-Пб. 1881) стр. 189.

военные регламенты императора Сигизмунда отъ 1431 г.— нюренбергскіе артикулы для гуситской войны [1]) и „Regestrum“ для венгерскихъ войскъ [2])—и Фридриха III („Reformation“ 1442 г.) [3]), рядъ воинскихъ ордоннансовъ (1468, 1471, 1473) Карла Смѣлаго Бургундскаго [4]), наконецъ извѣстные военные артикулы Фридриха III 1486 года и, уже въ началѣ новаго періода исторіи, Максимиліана I (1508).

Эти два послѣднихъ акта открываютъ собою уже военную эпоху XVI вѣка съ ея многочисленными регламентами и артикулами, дисциплинировавшими ландскнехтовъ или постоянныя арміи того времени,—каковы напримѣръ ордонансъ Франциска I 1534 года, Artikelsbrief для ландскнехтовъ Карла V, имперскіе Reuter-und Fussknecht-Bestallung 1570, нидерландскіе артикулы 1590 г. и пр. [5])—а эти артикулы и регламенты XVI вѣка прямо переходятъ уже въ военные законы новаго времени, призванные охранять собою нормы современнаго намъ права войны.

5. Война и средневѣковая наука [6]).

Въ качествѣ общаго фактора, содѣйствовавшаго появленію извѣстныхъ юридическихъ принциповъ въ области войны, нельзя не назвать наконецъ и средневѣковой науки. Отчасти, мы коснулись этого фактора уже выше, при изложеніи роли церкви въ этомъ направленіи, а именно упомянули о выставленной ею теоріи справедливой войны. Но по взгляду средневѣковыхъ ученыхъ, свѣтскихъ и духовныхъ, легистовъ

---

[1]) Dumont II, 2, 236 s.: „Diez ist ein Begriffunge wie man sich in den Heren halten sol“.

[2]) Брандтъ, стр. 325, 340.

[3]) См. Bluntschli Das Beuterecht im Kriege. S. 44.

[4]) Nys, Origines p. 211.

[5]) Общую картину этой основанной на Artikelbrief'ахъ дисциплины наемныхъ войскъ XVI вѣка см. у Barthold loc. cit. II, 172 ff.

[6]) См. особ. Nys Origines, ch. VI et IX, и его-же болѣе раннее Le droit de la guerre et les précurseurs de Grotius (Brux. 1882).

*

и канонистовъ, понятіе справедливой войны (guerre juste) есть только *одно* изъ условій болѣе сложнаго понятія вообще правильной, правомѣрной войны—и этихъ взглядовъ, хотя бы всѣ они вращались, какъ было замѣчено выше, въ области чистѣйшей *теоріи*, доктрины, часто совершенно отрѣшенной отъ практики международной жизни, нельзя *вовсе* игнорировать и историку-позитивисту, ибо эти доктрины, исповѣдуемыя всѣмъ ученымъ міромъ того времени, не могли не оказать нѣкотораго вліянія и на практику международныхъ войнъ. Мы и очертимъ въ нѣсколькихъ словахъ эту чисто-отвлеченную теорію права войны, выставленную средневѣковою наукой [1]).

По средневѣковымъ понятіямъ,—лучшимъ выразителемъ которыхъ явился знаменитый богословъ средины XIII вѣка Ѳома Аквинскій [2]).—для понятія правомѣрной, правильной войны (того, что можно вообще назвать guerre régulière) въ отличіе отъ войны безпорядочной, неправильной, нужны три условія. Эти три условія касаются: a) субъекта права войны b) причинъ войны и c) способа веденія войны.

a) Что касается субъекта, то для того, чтобы быть „правильной“, война должна быть „законной“ (guerre légitime) т. е. должна быть объявлена законнымъ правительствомъ, лицомъ, имѣющимъ въ силу своего суверенитета право („auctoritas“ по средневѣковому термину) вести войну. Ѳома Аквинскій выражаетъ это условіе въ словахъ: „auctoritas principis cujus mandato bellum est gerendum [3]). Послѣдующіе писатели стараются опредѣлить ближе, кого же нужно считать за „государя, могущаго вести войну“, и приходятъ къ отвѣту, что только „le prince lequel ne recognoist souverain en terre peut justement faire guerre“ (Songe du Vergier,

---

[1]) Подробности у Nys въ указанныхъ главахъ.

[2]) Его Summa totius Theologiae имѣла, какъ извѣстно, капитальное значеніе для всего средневѣковаго мышленія.

[3]) См. Nys, 91, 104.

XIV в.). Такого мнѣнія держатся въ XIV и XV столѣтіи Honoré Bonet, Christine de Pisan, Juan Lopez. Съ точки зрѣнія науки конца среднихъ вѣковъ „законны" только большія международныя войны, войны большихъ независимыхъ государствъ: вооруженныя столкновенія крупныхъ феодаловъ, не говоря уже о „частныхъ войнахъ" незначительныхъ владѣтелей, стоятъ для нея уже внѣ области права [1]).

b) Относительно причинъ войны—выставляется, какъ было уже спеціально разобрано выше [2]), требованіе „*справедливости*" ея (guerre *juste*) т. е. требуется наличность извѣстныхъ основательныхъ причинъ („*justa causa*") для ея начатія—въ томъ смыслѣ, какъ это толковали средневѣковые канонисты съ Граціаномъ во главѣ [3]).

c) Наконецъ, что касается способа веденія войны, то она должна быть „*честной*" (guerre *loyale*, *bonne* guerre) т. е. вестись съ соблюденіемъ извѣстныхъ общепризнанныхъ обычаевъ, по извѣстному „*modus legitimus*".

Къ этимъ тремъ условіямъ, выражаемымъ технически на средневѣковомъ научномъ языкѣ словами „auctoritas", „justa causa" и „modus legitimus" и сводится такимъ образомъ понятіе правильной, такъ сказать, *юридической* войны, выставленное наукою XIII—XV вѣка. Вслѣдъ за Ѳомой Аквинскимъ, наиболѣе ясно формулировавшимъ это ученіе [4]), его въ общемъ повторяютъ (иногда дословно) всѣ послѣдующіе юристы средневѣковья [5]) и даже позднѣйшаго времени—до Фр. Суареца включительно [6]).

---

[1]) Nys, p. 90 ss. ср. его статью Honoré Bonet et Christine de Pisan въ R. D. J. 1882.

[2]) Въ отдѣлѣ „Война и средневѣковая церковь".

[3]) Выше стр. 165 сл.

[4]) Nys, p. 104.

[5]) Ibid., 106 et ss. passim.

[6]) Ibid., 138 ср. также Brissaud Les restitutions des grands par Claude Joly въ Revue générale de droit internat. public 1897 p. 496 s.

Съ точки зрѣнія собственно практики международныхъ войнъ, интересно тутъ только упоминаніе *третьяго* условія, обязательнаго для наличности понятія правильной, правомѣрной войны. Средневѣковый „modus legitimus" веденія войны (или иначе „recta intentio bellantium")—т. е. требованіе соблюденія на войнѣ извѣстныхъ общепризнанныхъ правилъ—и заключаетъ въ себѣ, конечно, то, что мы теперь называемъ „правомъ войны",—обозначаетъ ту сферу права, которая постепенно вырабатывалась—благодаря различнымъ, только что разобраннымъ, общимъ культурно-историческимъ факторамъ—въ суровой вообще военной практикѣ среднихъ вѣковъ.

Мы и должны теперь, путемъ анализа фактовъ этой военной практики того времени, выдѣлить изъ нея, подмѣтить тѣ общепризнанныя ею нормы права, совокупность которыхъ образовала собою это средневѣковое понятіе „modus legitimus" и легла въ основу современнаго намъ комплекса международныхъ нормъ права войны.

III. Военная практика среднихъ вѣковъ и зарожденіе права войны [1]).

Приступая къ анализу самой практики войны въ средніе вѣка съ юридической точки зрѣнія, мы должны во избѣжаніе всякой невѣрной окраски общей картины, которая намъ

---

[1]) Общій разборъ средневѣковой военной практики съ юридической точки зрѣнія можно найти (кромѣ сочиненій, разсматривающихъ спеціально рыцарство и указанныхъ выше) еще у:

Ward Enguiry I. ch. IX, (p. 240—320) почти исключительно посвященъ средневѣковому праву войны, но—слишкомъ односторонній (въ отрицательную сторону) подборъ фактовъ, ср. t. II p. 155 ss (ch. XIV о рыцарствѣ).

Montague Bernard The growth of laws and usages of war (въ Oxford Essays 1856) p. 88 ss.

Laurent, особ. томы VII и X, Nys Origines, ch. 5, 7, 10, 11 (особенно двѣ послѣднихъ), а также болѣе раннія его сочиненія: Le droit de la guerre et les précurseurs de Grotius (Br. 1882), L'Arbre des batailles d'Honoré Bonet

представится, подчеркнуть прежде всего, съ полной объективностью, то *страшное* варварство, которое царитъ именно здѣсь, въ области войны, еще больше, конечно, тѣмъ во всякой другой области государственной и международной жизни среднихъ вѣковъ. Война есть не только „законъ" феодальной эпохи, по выраженію Laurent [1]), но и любимое занятіе людей того времени: въ своемъ восторженномъ поклоненіи войнѣ отдѣльные представители этой эпохи заходятъ даже до провозглашенія войны „высшимъ удовольствіемъ на свѣтѣ", которымъ можно только „пріобрѣсти любовь Бога и людей"— „ибо нигдѣ такъ не любятъ другъ друга какъ на войнѣ"! [2]).

При существованіи такихъ взглядовъ было бы, конечно, чрезвычайно легко нагромоздить въ нашемъ изложеніи доказательства этой безчеловѣчной дикости и жестокости военныхъ нравовъ того времени, примѣрами которой наполнена, повторяемъ, вся исторія средневѣковыхъ войнъ. Но такая благодарная задача—къ тому же исполненная другими изслѣдователями [3])—не входитъ, къ счастью, въ кругъ нашего изслѣдованія, которое вовсе *не* ставитъ своею цѣлью изображеніе самаго этого военнаго варварства среднихъ вѣковъ. Факты *такого* рода едва ли показались бы новыми и инте-

(Br. 1883) его статьи въ R. D. I. особ—Honoré Bonet et Christine de Pisan (1882) и Les Siete Partidas et le droit de la guerre (1883).—Краткіе очерки у: Pütter Beiträge S. 85 ff. Ф. Мартенсъ О правѣ частной собственности во время войны, стр. 56 сл. Rettich Zur Theorie und Geschichte des Rechts zum Kriege.—Изъ спеціальныхъ трудовъ по военной исторіи: Barthold Geschichte der Kriegsverfassung und des Kriegswesens der Deutschen (Lpz. 1855)—съ древнѣйшихъ временъ до 1813 г. A. Levy Beiträge zum Kriegsrecht im Mittelalter VIII—XI столѣтія. M. Jähns Handbuch einer Geschichte des Kriegswesens von der Urzeit bis zur Renaissance (ср. его же Geschichte der Kriegswissenschaften vornehmlich in Deutschland). Разныя сочиненія *по отдѣльнымъ отраслямъ* права войны указаны въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ, ниже.

[1]) Laurent Histoire. VII p. IX.

[2]) „Le Jouvencel" de Jean de Bueil у Nys p. 113.

[3]) Напр. Ward, самыми мрачными красками рисующій въ главѣ IX своей Enquiry военную практику среднихъ вѣковъ (I, 240 ss), также Pütter Beiträge, S. 85 ff.

респыми кому бы то ни было—ибо всевозможными жестокостями и попраніемъ всякаго человѣческаго достоинства наполнена (и ужъ конечно не въ меньшей степени чѣмъ средніе вѣка) военная хроника также и послѣдующаго времени, въ особенности эпохи религіозно-политическихъ войнъ XVI и XVII вѣка [1]. Факты *подобнаго* рода лежатъ вообще въ самой грубости нравовъ, въ общемъ низкомъ культурномъ уровнѣ громаднаго большинства, большей половины человѣческаго рода во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, не составляя, конечно, какой-нибудь специфической особенности именно средневѣковья, какъ таковаго,—особенности, на которой историкъ этого времени и долженъ былъ бы остановиться какъ на характерной чертѣ именно феодально-рыцарской эпохи. Да и вообще, намъ представляется довольно страннымъ говорить о „варварствѣ“ средневѣковыхъ войнъ, когда самая война, *какъ таковая*—слѣдовательно *всякая* война—является по самому своему существу актомъ самаго высшаго варварства, коллективнымъ массовымъ насиліемъ и убійствомъ. А, какъ извѣстно, *это* варварство никого не удивляетъ, продолжаетъ входить, такъ сказать, въ домашній обиходъ международной жизни даже нашего высоко-гуманнаго вѣка!

Итакъ, въ нашу задачу входитъ *не* изображеніе этого несомнѣннаго варварства средневѣковой военной практики—котораго никто и не отрицаетъ—а регистрація фактовъ діаметрально противоположнаго свойства, фактовъ, такъ сказать отмѣняющихъ собою въ томъ или другомъ смыслѣ это естественное варварство войны —изображеніе прогресса человѣчества въ этомъ направленіи за средніе вѣка т. е. выработки извѣстныхъ общепризнанныхъ правилъ войны, гуманизирующихъ ея старую, безобразную практику. Этотъ прогрессъ,

---

[1] Ср. факты изъ войнъ этой эпохи умѣло собранные въ одну ужасную картину у E. Nys Etudes de droit international et de droit politique (Br. 1896) въ главѣ „Le droit de la guerre et les rois de droit divin“.

совершившійся, конечно, въ зависимости отъ поднятія общаго нравственно-культурнаго уровня общества и подъ вліяніемъ тѣхъ общихъ факторовъ цивилизаціи, о которыхъ мы говорили выше, выражается въ появленіи новыхъ, *юридическихъ*, чертъ въ области военной практики среднихъ вѣковъ, въ формаціи цѣлаго ряда особыхъ касающихся войны институтовъ права—къ разсмотрѣнію которыхъ мы сейчасъ и обратимся. Наличность такихъ общепризнанныхъ обычаевъ—совокупность которыхъ образуетъ собою новое въ мірѣ понятіе войны юридически-правильной, „bonne guerre“—въ противоположность понятію „bellum contra fas et licitum“—и даемъ намъ возможность и право говорить о зарожденіи въ средніе вѣка *нашего* современнаго международнаго „права войны“.—

1. Объявленіе войны [1].

Какъ извѣстно, юридическія формальности объявленія войны были чрезвычайно разработаны еще у римлянъ, гдѣ подъ общимъ названіемъ „jus feciale“ онѣ составляли цѣлую особую отрасль государственнаго права этого народа. Однако въ институтъ международно-правового характера онѣ не выработались въ древнемъ мірѣ, ибо jus feciale, какъ было, такъ и осталось не какимъ-нибудь „jus *inter* gentes“, а просто частью juris publici populi Romani, частью внѣшняго государственнаго права Рима,—такъ сказать, его *односторонним*ъ правомъ. Совсѣмъ другое мы видимъ въ среднихъ вѣкахъ.

Дѣло въ томъ, что этотъ римскій принципъ феціальнаго объявленія войны, формулированный Цицерономъ въ „De officiis“ и въ „De Republica“, отразился—черезъ „Этимологіи“ Исидора Севильскаго [2])—на средневѣковой

---

[1]) Ср. Ward II, 207 ss. Nys Origines, ch. X. La déclaration de la guerre.

[2]) См. Nys p. 176. Какъ и римляне, Исидоръ Севильскій (VII в.) признавалъ, что „nullum bellum justum habetur, nisi denunciatum, nisi indictum“ Nys p. 99.

ученой литературѣ, получилъ здѣсь католическо-христіанскую окраску и, встрѣтившись съ аналогичными, параллельно существовавшими, взглядами германскаго (феодально-рыцарскаго) міра [1]), сдѣлался нормою общепризнанною во всей Европѣ, руководящимъ правиломъ для взаимныхъ отношеній всѣхъ членовъ международнаго союза того времени,—т. е. превратился въ норму уже безусловно международно-правового характера.

Дѣйствительно, сохраненный средневѣковою католическою наукою первоначально-римскій принципъ обязательной „diffidatio", торжественнаго „объявленія" войны передъ ея началомъ, попалъ въ средніе вѣка на чрезвычайно благопріятную почву: онъ входилъ и въ практику „частныхъ" феодальныхъ войнъ [2]), и въ рыцарское понятіе равной, открытой борьбы [3]) и при такихъ условіяхъ вмѣстѣ съ общимъ распространеніемъ феодально-рыцарскаго строя по Европѣ не могъ не проникнуть собою *всего* государственнаго быта того времени, не могъ не отразиться и *внѣ* предѣловъ даннаго государства — на всей международной жизни, распространившись и на большія вооруженныя столкновенія крупныхъ государствъ того времени [4]).

---

[1]) Обычай торжественнаго объявленія войны былъ извѣстенъ уже древнему скандинавскому сѣверу. См. Nys. Les institutions primitives du Haut-Nord. R. D. I. 1896 p. 371.

[2]) О „diffidatio" въ феодальной жизни см. особое примѣчаніе въ концѣ книги.

[3]) Nys (p. 180) справедливо говоритъ, что „il y avait dans la déclaration formelle .. un reflet de la chevalerie". О вліяніи рыцарскихъ взглядовъ на обычай объявленія войны см. между прочимъ Каченовскій Курсъ междунар. права. Кн. II, стр. 292: оно ясно видно изъ того, что объявленіе войны не считалось обязательнымъ въ *морской* войнѣ, къ которой, какъ извѣстно, ни рыцарство, ни феодализмъ не имѣли отношенія. Ibid. 293.

[4]) Такимъ образомъ и здѣсь, какъ и относительно международнаго третейскаго суда, обычай, первоначально усвоенный во внутренно-государственной практикѣ, *переносится* затѣмъ и въ область между-государственныхъ отношеній. „It is not improbable—говоритъ Ward (II, p. 210)—that this general practice of independent nations (solemn declarations of war) arose out of customs first adopted by inferior vassals". Тоже говоритъ Nys (p. 176): „la diffidatio (des guerres privées) fut étendue aux guerres entre Etats". Повидимому въ обратномъ отношеніи представляетъ себѣ факты Rettich loc. cit. S. 89.

Обычай торжественнаго объявленія войны и входитъ во всеобщее употребленіе уже съ XII вѣка [1]), дѣлаясь общепризнанною нормою средневѣковаго международнаго права: Бальдъ (XIV в.) учитъ даже, что открытіе военныхъ дѣйствій безъ предварительнаго предупрежденія врага есть нѣчто въ родѣ измѣны, предательства [2]), и на практикѣ требованіе „объявленія“ войны дѣйствительно соблюдается очень строго. Приведемъ нѣсколько любопытныхъ примѣровъ.

Въ XII вѣкѣ—Фридрихъ Барбаросса, вѣрный своимъ постановленіямъ о „diffidatio“ въ частныхъ войнахъ [3]), объявляетъ войну Саладину, (хотя тотъ, по средневѣковымъ понятіямъ, и стоялъ внѣ дѣйствія общепризнанныхъ нормъ международнаго права), ибо — говоритъ лѣтописецъ — „imperialis majestas hostibus suis bellum semper indicit“ [4]).

Въ XIV-омъ—Карлъ V Французскій объявляетъ войну Эдуарду III особою грамотою, которую англійскому королю лично вручаетъ посланецъ французскаго короля (однако не какой нибудь знатный рыцарь, какъ того требовалъ этикетъ, а простой „varlet“,—чѣмъ были очень обижены англичане) [5]).

Въ слѣдующемъ вѣкѣ — Эдуардъ IV объявляетъ войну Людовику XI черезъ такую же грамоту о разрывѣ, но присланную съ герольдомъ и написанную „en beau langage et en beau style“ [6]).

Въ началѣ XVI столѣтія — Людовикъ XII объявляетъ войну Венеціи черезъ устное объявленіе своего герольда въ полномъ собраніи сената и въ присутствіи дожа [7]) и пр. и пр.

---

[1]) Nys, 176.

[2]) Ibid.

[3]) На сеймѣ въ Нюрнбергѣ въ 1187 г. См. примѣчаніе „Diffidatio въ частныхъ войнахъ“ въ концѣ книги.

[4]) Nys, 178.

[5]) Froissart (éd. Kervyn) VII, 308 ср. вообще 304 ss.

[6]) Commines. Mémoires l. IV, ch. 5. (p. 177 по изданію Belin P. 1843).

[7]) Nys, 180.

Такія объявленія войны дѣлались, какъ видимъ, — сообразно съ рыцарскимъ обычаемъ вызова на поединокъ и феодальными Fehdebrief'ами — или 1° письменно, черезъ особую грамоту о войнѣ (litterae diffidationis, diffidatoriae, lettres de défi, de deffiance) [1], иногда также черезъ замѣняющій ее символическій предметъ (напр. перчатку) [2], или же 2° устно, черезъ особыхъ герольдовъ, которые пользовались у врага не только безусловною неприкосновенностью, но и всевозможнымъ почетомъ [3]. Въ такомъ видѣ обычай формальнаго объявленіе войны и просуществовалъ до самаго новаго времени — до XVI вѣка, когда онъ постепенно начинаетъ выходить изъ употребленія [4].

Къ этому времени его замѣняетъ другой видъ „объявленія" войны, также возникшій въ средніе вѣка, существовавшій одно время параллельно съ нимъ и наконецъ вытѣснившій старыя рыцарскія „lettres de défi". Таково дожившее, какъ извѣстно, до нашихъ временъ объявленіе войны черезъ такъ называемые манифесты даннаго правительства: объявленіе *войны врагу* здѣсь замѣнется объявленіемъ *о войнѣ — во всеобщее свѣдѣніе*, т. е. прежде всего для свѣдѣнія своихъ собственныхъ подданныхъ, а затѣмъ и другихъ народовъ.

[1]) Интересный примѣръ такихъ грамотъ см. у Dumont II, 2, 193, гдѣ приведены письма, которыми обмѣнялись въ 1427 г. герцоги савойскій и миланскій. Первый объявляетъ, что „exigentibus certis justis causis" (но самыхъ причинъ не приведено!) онъ намѣренъ идти на Миланъ „non sine cordis nostri displicentia vehementi" (!), а второй — протестуетъ противъ голословныхъ обвиненій врага и заявляетъ, что будетъ ждать его „laeto et gratioso animo". — См. также очень характерныя (но не чисто международнаго типа) lettres de deffiance между Іоанномъ Бургундскимъ и Орлеанскою фамиліею отъ 1411 г. Dumont II, 1, 343.

[2]) Напр. италіанскіе города посылали въ такихъ случаяхъ другъ-другу „il guanto sanguinoso della bataglia" Laurent, VII, 259.

[3]) Нерѣдко ихъ даже одаривали разными дорогими вещами. Напр. Людовикъ XI даетъ англійскому герольду, принесшему ему объявленіе войны отъ Эдуарда IV, 300 золотыхъ и 30 ядровъ бархату. Commines IV, ch. 5.

[4]) Nys, 177, 182.

Такіе вполнѣ уже современнаго намъ типа манифесты о войнѣ мы и встрѣчаемъ также въ среднихъ вѣкахъ. Уже въ XIV вѣкѣ у правительствъ является сознаніе необходимости перенести, такъ сказать, центръ тяжести такихъ объявленій о войнѣ—съ непріятельскаго государства на своихъ собственныхъ подданныхъ т. е. превратить старый рыцарскій „défi“ иностранному правительству въ современное намъ предупрежденіе своего собственнаго народа о предстоящей войнѣ и извѣстное ея объясненіе въ его глазахъ. Такъ, говоря о начатіи военныхъ дѣйствій между Франціею и Англіею (сред. XIV стол.), Froissart заявляетъ, что обоимъ королямъ было *необходимо* (il était de nécessité) сдѣлать, въ виду войны, объявленіе о ней народу и объяснить ему ея смыслъ (mettre en termes et remontrer à leur peuple l'ordonnance de leur querelle), дабы каждый могъ съ тѣмъ большимъ рвеніемъ помогать своему государю [1]). И эта мысль о необходимости спеціальнаго объявленія о войнѣ во всеобщее свѣдѣніе получаетъ даже особенное распространеніе въ послѣдніе два столѣтія средневѣковья (XIV и XV вв.): съ одной стороны, ее начинаютъ толковать въ смыслѣ необходимости предварительнаго открытаго совѣщанія о войнѣ съ представителями народа [2]), съ другой—объявленію о войнѣ иногда предпосылаютъ еще особыя торжественныя воззванія къ общественному мнѣнію всего христіанскаго міра, съ цѣлью провозгласить и доказать свою правоту передъ всѣми народами, прежде чѣмъ открыть военныя дѣйствія [3]).

Такимъ образомъ, внесенный въ военную практику международныхъ войнъ феодально-рыцарскій обычай „диффидаціи“,

---

[1]) Nys, p. 60. (мы не нашли этого мѣста въ изданіяхъ Luce и Kervyn de Lettenhove).—Такой манифестъ Эдуарда III (1340) см. у Dumont I, 2, 189. Litterae patentes Eduardi III, Regis Angliae quibus jus suum in Franciae Regnum et causas belli contra Philippum Valesium exponit.

[2]) Таково въ XV в. очень ясно выраженное мнѣніе Христины Пизанской Nys (Honoré Bonet et Christine de Pisan) и Коммина (Mémoires, V, 18).

[3]) См. объ этомъ выше стр. 107.

предупрежденія противника о нападеніи, постепенно перешелъ въ общія объявленія, манифесты о войнѣ и, въ этомъ видѣ, существуетъ до нашего времени.

2. Юридическое положеніе личности во время войны (нейтрализація лицъ).

(Не-комбаттанты, плѣнные, парламентеры, раненые).

а. Не-комбаттанты [1]).

Первое положеніе, которое можетъ быть выведено изъ анализа средневѣковой военной практики съ точки зрѣнія нейтрализаціи извѣстныхъ лицъ во время войны,—это тотъ фактъ, что въ средніе вѣка впервые вырабатываются и разграничиваются современныя понятія комбаттантовъ и не-комбаттантовъ. Вмѣсто поголовной рѣзни, какой она была въ древности,—или, по крайней мѣрѣ, вмѣсто взгляда на *все* населеніе непріятельской страны какъ на враговъ—въ средніе вѣка постепенно пробиваетъ себѣ дорогу понятіе войны какъ организованной борьбы между спеціально для этого назначенными массами вооруженныхъ лицъ. Эти то вооруженныя силы и считаются настоящими, законными врагами (комбаттантами), несущими на себѣ всю тяжесть войны,—въ противоположность мирному, неучаствующему въ войнѣ, непріятельскому населенію („не-комбаттанты“), признаваемому неприкосновеннымъ т. е. изъятымъ изъ сферы дѣйствія военныхъ насилій.

Конечно, это различіе между комбаттантами и не-комбаттантами, только что возникшее благодаря церкви и рыцар-

---

[1]) Ср. главн. обр. Maulde II, 64 ss., также I, 207, 208. Nys, 197 ss. Спеціальное сочиненіе о комбаттантахъ М. Догеля (Юридическое положеніе личности во время сухопутной войны. Комбаттанты. Каз. 1894), интересное относительно фактовъ изъ исторіи древняго міра (стр 76—101), отводитъ среднимъ вѣкамъ лишь нѣсколько страницъ, написанныхъ почти исключительно по Laurent (101—108).

ству, остается еще долго, нужно сознаться, различіемъ въ значительной степени только идейнымъ, *теоретическимъ*—но и въ этомъ уже большая заслуга разсматриваемой эпохи, ибо указанное воззрѣніе постепенно входитъ за это время въ правосознаніе всей цивилизованной Европы, дѣлается правиломъ, которое въ идеѣ признается общеобязательнымъ и которое, въ отдѣльныхъ случаяхъ, фактически вліяетъ уже на военную практику: воюющія стороны начинаютъ воздерживаться отъ насилій надъ мирными жителями не только уже въ силу гуманности или личной прихоти отдѣльныхъ полководцевъ (что могло случаться и въ древности), но также и въ силу сознаваемой ими общей *обязанности* ограничиват свои враждебныя дѣйствія только вооруженнымъ врагомъ, комбаттантами.

Мы и должны разсмотрѣть теперь относящіяся сюда факты изъ исторіи среднихъ вѣковъ—какъ въ смыслѣ выработки самаго понятія „не-комбаттантовъ", такъ и въ смыслѣ приложенія этого понятія къ практикѣ средневѣковыхъ войнъ.

1) Выработка понятія не-комбаттантовъ.

Древнему міру неизвѣстно различіе комбаттантовъ и не-комбаттантовъ. Война ведется, по общему правилу, противъ всего населенія непріятельской страны: „ego populusque Romanus populis Priscorum Latinorum *hominibusque* Priscis Latinis bellum indico facioque" говоритъ римская формула объявленія войны [1]).

Въ эпоху среднихъ вѣковъ въ эту область вносятся новые взгляды, и честь почина въ выработкѣ самаго понятія не-комбаттантовъ принадлежитъ западной церкви. Какъ мы видѣли уже при разсмотрѣніи различныхъ культурно-историческихъ факторовъ, положившихъ начало созиданію современ-

---

[1]) Titi Livi lib. I cap. 32 cp. Ф. Мартенсъ. О правѣ частной собственности во время войны, стр. 127.

наго права войны, именно церковь, съ конца X вѣка, среди своей проповѣди Божія мира или перемирія, *впервые* подымаетъ голосъ въ пользу неприкосновенности на войнѣ духовенства и вообще всѣхъ мирныхъ жителей. Дѣйствительно, періодъ съ конца IX-го до начала XI-го вѣка—эпоха наибольшей популярности treugae Dei—сплошь наполненъ церковными постановленіями этого рода. Укажемъ кратко на главнѣйшія изъ нихъ, какъ на первыя попытки выдѣлить понятіе мирнаго населенія изъ общей массы непріятелей. Вотъ этотъ списокъ—краткій, но характерный для образа мыслей такой отдаленной отъ насъ эпохи, какъ XI вѣкъ.

989 г.—соборъ духовенства Аквитаніи въ Charroux: неприкосновенность безоружныхъ клириковъ.

1027—treuga Dei въ Toulouges (Руссильонъ): неприкосновенность безоружныхъ клириковъ, монаховъ, людей, сопровождающихъ женщину, входящихъ въ церковь или выходящихъ оттуда.

1038—съѣздъ духовенства въ Bourges: неприкосновенность клириковъ и монаховъ.

1041—pax et treuga Dei Тулужскаго съѣзда духовенства и феодальныхъ господъ: неприкосновенность невооруженныхъ клириковъ, монаховъ, земледѣльцевъ [1]).

Съ средины XI вѣка, на эти попытки нейтрализаціи извѣстныхъ лицъ во время частныхъ войнъ обращаетъ вниманіе и папская власть, отъ которой съ этого времени исходитъ рядъ постановленій, стремящихся провести тѣже взгляды въ сознаніе цѣлой Европы.

Такъ въ 1059 г. на соборѣ въ Римѣ папа Николай II провозглашаетъ неприкосновесть клириковъ, монаховъ, женщинъ, пословъ, путешественниковъ, мирныхъ жителей (iner-

[1]) См. о всѣхъ этихъ постановленіяхъ: Kluchhohn Geschichte des Gottesfriedens, S. 17, 35. Rettich Zur Theorie und Geschichte S. 86, 100. М. Стасюлевичъ Исторія ср. вѣковъ II, 950 сл. (по Semichon).

nes pauperes). Нарушающимъ это постановленіе грозитъ отлученіе отъ церкви (anathema) [1]).

Въ 1095 г. знаменитый Клермонтскій соборъ (Урбанъ II), на которомъ присутствовали представители почти всей западной Европы (проповѣдь I-го крестоваго похода), также подтвердилъ эту неприкосновенность клириковъ, монаховъ, женщинъ съ ихъ провожатыми, странниковъ, мирныхъ сельскихъ жителей и пр. [2]).

Съ XII вѣка папа вноситъ тотъ же вопросъ уже на обсужденіе общихъ „вселенскихъ“ соборовъ всей западной Европы. Такъ въ 1123 году первый Латеранскій соборъ предписываетъ, подъ страхомъ отлученія отъ св. причащенія, соблюденіе неприкосновенности паломниковъ, купцовъ, вообще всѣхъ путешествующихъ, также обычныхъ категорій клириковъ, монаховъ и пословъ [3]). Въ 1179 г., третій Латеранскій соборъ (папа Александръ III) охраняетъ духовенство, монаховъ, путешественниковъ, купцовъ, студентовъ, сельскихъ жителей (съ ихъ скотомъ) [4]).

Разъ принявъ форму каноновъ „вселенскихъ“ соборовъ, эти постановленія церкви сдѣлались обязательными уже для всего международнаго общества державъ того времени и были включены въ тогдашніе оффиціальные или полу-оффиціальные сборники каноническаго права, имѣвшіе общенародное, общеевропейское значеніе: объ этой нейтрализаціи не-вооруженнаго населенія („pauperes inermes“) во время войны—о „не-комбаттантахъ“ какъ бы мы сказали въ настоящее время—говоритъ и Декретъ Граціана (сред. XII в.), ссылаясь на постановленія римскаго собора 1059 г. и перваго латеран-

[1]) Decreti C. 24, qu 3, c. 25 (Richter I, 863). Текстъ см. ниже.

[2]) См. ст. 6 и 7 „Декрета о Божьемъ мирѣ Клермонтскаго собора“ у Стасюлевича. Исторія среднихъ вѣковъ II, стр. 961.—Текстъ постановленія собора по Mansi (XX, 816 ff.): „Statutum est ut in omni die et monachi et clerici et feminae et quae cum eis fuerint in pace permaneant“ ср. Rettich, 113.

[3]) Decreti C. 24, qu 3, c. 23, 24 (Richter I, 863). Текстъ—дальше.

[4]) C. 2, X de treuga et pace 1, 34 (Richter II, 196). Текстъ—ниже.

скаго 1123 г. [1]), и Декреталіи Григорія IX (XIII в.), опираясь на положенія 1179 г. (3-го латер. собора) [2]).

И эти постановленія, какъ говоритъ изслѣдователь международнаго права конца среднихъ вѣковъ (Maulde-la-Clavière), переходятъ въ право всѣхъ христіанскихъ народовъ [3]). Дѣйствительно, съ одной стороны, провозглашенныя церковью начала нейтрализаціи безоружныхъ враговъ повторяются въ XIII столѣтіи уже въ законодательскихъ памятникахъ отдѣльныхъ государствъ (хотя бы только для частной войны) [4]), а съ другой—эти принципы церкви находятъ себѣ опору въ рыцарской идеѣ равной борьбы. Въ прежнія (до-рыцарскія) времена, правильно замѣчаетъ Ward, всѣ классы людей смѣшивались во время войны въ одномъ общемъ избіеніи или всѣ безразлично обращались въ рабство; для рыцаря же было ниже его достоинства нападать на простыхъ

---

[1]) Decreti C. 24 qu. 3 (Richter I, 863):

c. 23: Communione privetur qui Romipetas vel peregrinos, vel mercatores molestare praesumit.

c. 24: ...clericos ...ac monachos eorumque conversos, oratores... tutos et sine molestia esse statuimus.

c. 25: Illi qui peregrinos, vel oratores... sive clericos, sive monachos vel feminas aut inermes pauperes depraedati fuerint vel bona eorum rapuerint... anathematis vinculo feriantur.

[2]) C. 2. X de treuga at pace, 1, 34 (Richter II, 196):

Innovamus autem ut presbyteri, clerici, monachi, conversi, perigrini, mercatores (et scholares ad studium prificiscentes et in ipso studio permanentes vel ad propria remeantes) rustici euntes et redeuntes et in agricultura existentes et animalia quibus arant et quae semina portant ad agrum congrua (continua) securitate laetentur.

[3]) „Ces prescriptions passent dans le droit de toutes les nations chrétiennes" Maulde II, 65.

[4]) Іаковъ I Арагонскій провозглашаетъ въ 1247 г. нейтрализацію земледѣльцевъ, женщинъ (вдовъ), дѣтей (сиротъ), всѣхъ вообще безоружныхъ, а также евреевъ и покорившихся мавровъ. См. Nys, 83.—

Sachsenspiegel, знаменитый германскій юридическій памятникъ того же времени, говоритъ: ....alle tage, alle zeit suln vride habn phaffen und geistliche lûte, meide und wîb und juden an irme gûte und an irme libe.. Sachsenspiegel II. 66, § 1.—Золотая булла (1356), также защищаетъ духовенство, больныхъ, паломниковъ, купцовъ и земледѣльцевъ. См. Dumont I, 2. 305

земледѣльцевъ или ремесленниковъ—безоружныхъ людей, которые не въ состояніи принести ему никакого вреда [1]).

Такъ, идея неприкосновенности не-комбаттантовъ проникаетъ постепенно въ общее правосознаніе тогдашней цивилизованной Европы и съ конца XIV вѣка—что было особенно важно для практической стороны военнаго дѣла—закрѣпляется въ цѣломъ рядѣ военныхъ регламентовъ для наемныхъ и постоянныхъ войскъ. Такъ „Статуты, ордонансы и обычаи для исполненія въ арміи", изданные въ 1385 г. Ричардомъ II, защищаютъ, подъ угрозою повѣшенія виновнаго, жизнь, честь и свободу (отъ военнаго плѣна) духовенства и женщинъ [2]). Еще болѣе замѣчателенъ регламентъ Генриха V 1415 г. („General orders"). Повторяя положенія „Статутовъ" 1385 г. относительно неприкосновенности женщинъ и священниковъ, онъ защищаетъ еще земледѣльцевъ, а также дѣтей до 14 лѣтъ, которыхъ запрещено брать въ плѣнъ [3]). Относительно безопасности женщинъ король-gentleman идетъ даже такъ далеко, что предусматриваетъ особенно случай постоя своихъ солдатъ въ домѣ, гдѣ есть родильница, и прямо запрещаетъ имъ не только входить въ ея комнату, но даже вообще шумѣть и производить рядомъ какое бы то ни было буйство, могущее повредить здоровью матери или ребенка. Виновный въ нарушеніи этого предписанія наказывается конфискаціею всего его имущества, половина котораго идетъ доносителю (по Нису -пострадавшей женщинѣ), другая же половина—конетаблю или маршалу арміи [4]). Безопасность земледѣльцевъ подтверждена, одновременно съ королевскимъ постановленіемъ, и частными

---

[1]) Ward II. 164.

[2]) Объ этомъ и слѣдующемъ регламентѣ 1415 г. см. Nys, 205 ss. также указанную статью Montague Bernard въ Oxford Essays 1856, p. 98. 99.

[3]) Исключеніе дѣлается только относительно дѣтей особенно богатыхъ и знатныхъ лицъ (очевидно въ виду возможности крупнаго выкупа) Montague Bernard, p. 99.

[4]) Montague Bernard, p. 99, Nys, 207.

*

„Orders“ одного изъ англійскихъ военачальниковъ, знаменитаго Тальбота [1]).

Подражанія этимъ англійскимъ образцамъ (но болѣе слабыя) начинаютъ встрѣчаться съ этого времени и въ другихъ странахъ: напримѣръ Sempacherbrief швейцарскихъ кантоновъ 1393 г. охраняетъ (§ 9) неприкосновенность женщинъ [2]), регламентъ императора Фридриха III (такъ наз. Reformation) нейтрализуетъ духовенство, пилигримовъ, земледѣльцевъ, больныхъ, въ частности беременныхъ женщинъ, и пр. [3]). Къ XVI вѣку постановленія подобнаго рода обыкновенно входятъ уже во всѣ воинскіе артикулы и регламенты [4]).

Наконецъ, одновременно съ первыми (англійскими) попытками такого практическаго провозглашенія нейтрализаціи извѣстныхъ категорій не-комбаттантовъ, этотъ принципъ находитъ себѣ и чисто-теоретическую, научную опору—у одного изъ популярнѣйшихъ писателей того времени, Honoré Bonet. Его написанное въ концѣ XIV-го вѣка (1384—1392) и очень распространенное въ XV-омъ столѣтіи сочиненіе „L'arbre des batailles“, посвященное исторіи, философіи и праву войны [5]), пропитано насквозь принципомъ неприкосновенности мирнаго, безоружнаго населенія непріятельской страны. Bonet старается подробно обосновать эту точку зрѣнія: „никто не долженъ отвѣчать за грѣхи другого, никому нельзя вмѣнять въ вину того, во что онъ вовсе даже не вмѣшивается“—

---

1) См. выдержки изъ нихъ у M. Bernard p. 98: „...upon payne of death ...that no man gave none impedyment to no man of labour“.

2) Вотъ это замѣчательное мѣсто: „Nous ordonnons aussi à la louange de nostre Dame que nul d'entre nous ne s'ingerera de tuer avec les armes, battre ou diffamer les Femmes ou Filles, sinon—слѣдуетъ курьезная прибавка—qu'elles feissent trop de troubles et crieries qui nous pourroit porter dommage... ou qu'elles se missent en deffense ou assaillissement quelqu'un...“ Dumont II, 1, 236.

3) Bluntschli Das Beuterecht im Kriege S. 44.

4) Напр. обычная защита стариковъ, духовенства и беременныхъ женщинъ, въ нѣмецкихъ Arkikelbrief'ахъ съ конца XV вѣка. См. Barthold lic. cit II, S. 172.

5) Оно издано Эрнестомъ Нисъ Brux. 1883. Сравн. его же статью Honoré Bonet et Christine de Pisan въ R. D. I. 1882 и Origines, p. 197 ss.

говоритъ пріоръ салонскаго аббатства—вотъ почему несправедливо считать врагами мирныхъ, безоружныхъ подданныхъ непріятеля. Да и кромѣ того,—спрашиваетъ онъ далѣе— „*selon l'honneur* du siecle, quelle guerre quelle vaillance ne quelle los („laus") puet on avoir de occir ou de emprisonner celluy quy oncques ne porta harnois"...? Эта мысль поясняется затѣмъ длиннымъ и весьма любопытнымъ діалогомъ, который ведутъ будто бы между собою три лица старикъ-англичанинъ, взятый въ плѣнъ французскимъ рыцаремъ, этотъ рыцарь и французскій король, передъ которымъ старикъ-горожанинъ и развиваетъ мысль о неприкосновенности мирныхъ жителей во время войны [1]). Такимъ образомъ „les bons marchants, les laboureurs des terres, les bergiers des champs ou telles gens" должны быть изъяты изъ сферы военныхъ насилій.

И эти взгляды Bonet всецѣло раздѣляются средневѣковою доктриною. Дѣти до 12 лѣтъ, старики, женщины, духовенство, монахи, купцы, земледѣльцы, студенты,—считаются по общему правилу стоящими такъ сказать внѣ военныхъ дѣйствій и, въ частности, неподлежащими военному плѣну [2]).

2) Практика средневѣковыхъ войнъ по отношенію къ не-комбаттантамъ.

Таковы теоріи средневѣковыхъ ученыхъ и попытки церкви и свѣтскихъ властей къ проведенію ихъ въ международную жизнь. Спрашивается, какова же была практика международныхъ войнъ въ этомъ отношеніи, соблюдался ли иммунитетъ не-комбаттантовъ во время войны на самомъ дѣлѣ? —На этотъ вопросъ мы должны прямо отвѣтить, что практика средне-

---

1) L'arbre des batailles, IV p., ch. 93.

2) Nys p. 242 cp. Maulde I, 207, гдѣ приведенъ между прочимъ любопытный случай 1444 г., когда дофинъ Людовикъ формально требуетъ у Альбрехта Австрійскаго возвращенія одного изъ своихъ слугъ, который по своему возрасту не могъ быть „*lege belli*" захваченъ въ плѣнъ.

вѣковыхъ войнъ представляется вообще мало утѣшительной въ указанномъ смыслѣ. Къ сожалѣнію, въ общемъ, Нисъ вполнѣ правъ, утверждая по отношенію къ среднимъ вѣкамъ, что „la guerre se fait contre tous“, и средневѣковые писатели принуждены сами въ этомъ сознаться [1]). Самъ горячій защитникъ правъ мирнаго населенія, Bonet, не перестаетъ жаловаться, что несмотря на его гуманную проповѣдь „les gens d'armes aujourd'huy font le contraire“. Одинъ изъ выдающихся канонистовъ среднихъ вѣковъ, Николай de Tudeschis также говоритъ, что постановленія разныхъ духовныхъ соборовъ о неприкосновенности безоружнаго населенія „отмѣнены“ противоположною практикою. А по мѣрѣ удаленія отъ временъ рыцарства, въ началѣ такъ называемаго новаго періода исторіи, положеніе вещей въ этомъ смыслѣ еще болѣе ухудшается и притомъ, не говоря уже о практикѣ войны [2]), даже въ теоріи: такъ напримѣръ Belli (уже въ XVI в.) не исключаетъ какъ извѣстно, изъ дѣйствія войны ни женщинъ, ни дѣтей!

При такихъ условіяхъ, извѣстный прогрессъ на практикѣ въ смыслѣ не только признанія, но и соблюденія неприкосновенности не-комбаттантовъ на войнѣ можно видѣть въ средніе вѣка лишь въ отдѣльныхъ проблескахъ рыцарскаго духа въ этомъ направленіи. И дѣйствительно, такіе примѣры, какъ хотя бы вся жизнь знаменитаго французскаго полководца-рыцаря Duguesclin, — который еще умирая напоминалъ сотоварищамъ о своемъ всегдашнемъ правилѣ соблюденія неприкосновенности духовенства, дѣтей, женщинъ и бѣднаго народа — такіе *отдѣльные* примѣры всетаки не рѣдки уже въ средніе вѣка — хотя, конечно, далеко еще не составляютъ общаго правила: они были примѣрами, правда,

---

[1]) См. Nys p. 197.

[2]) Въ видѣ примѣра см. у Laurent t. X, p. 381 объявленіе войны Франциском I Карлу V: „...avons déclaré ledit empereur... *ensemble les sujets de ses pays... ennemis* de nous et *de nos... sujets*“ и дозволеніе всѣмъ французамъ идти войною (courir sus) на врага.

единичными, болѣе или менѣе исключительными, но уже *не случайными*, а объединенными въ одномъ и томъ же понятіи рыцарской морали, выведенными изъ одного и того же сознанія рыцарской обязанности. Такъ, въ 1350 г. бретанскій рыцарь Beaumanoir, возмущенный опустошеніемъ страны англичанами, упрекаетъ англійскаго рыцаря Richard Bembrow— „that so valiant a knight ought not to act so contrary to the *laws of war*", и напоминаетъ ему, что по общепризнанному среди рыцарей правилу, онъ можетъ нападать только на лицъ, имѣющихъ въ рукахъ оружіе [1]). Но не только французы рыцари, какъ Duguesclin или Beaumanoir—являются представителями этой рыцарской практики неприкосновенности некомбаттантовъ. Военная хроника ихъ противниковъ, англичанъ, знаетъ не менѣе характерные случаи. Такъ напримѣръ Фруассаръ разсказываетъ, что въ 1346 году при осадѣ Калэ англичанами, французскій комендантъ крѣпости выгналъ, для облегченія гарнизона, 2700 горожанъ вонъ изъ города, на произволъ судьбы; и вотъ, вмѣсто истребленія, которое ихъ неминуемо ждало бы въ древности, англійскій король приказываетъ накормить ихъ и отпускаетъ всѣхъ на свободу—раздавъ имъ еще предварительно немного денегъ на дорогу [2]).

Но, независимо отъ такихъ отдѣльныхъ примѣровъ, говорить болѣе общимъ образомъ объ улучшеніи участи мирнаго населенія на практикѣ можно развѣ лишь въ связи съ появленіемъ воинскихъ регламентовъ, о которыхъ мы говорили выше,—а именно, за средніе вѣка, главнымъ образомъ, относительно Англіи. Суровая уголовная репрессія регламентовъ 1385 и 1415 года была далеко не пустою угрозою и сдѣлала свое дѣло на практикѣ [3]). Конечно, нельзя думать, что эти воинскіе уставы сразу превратили англійскія наемныя

---

[1]) Ward II, 165.

[2]) Froissart (éd. Luce) IV, p. 204.

[3]) Montague Bernard приводитъ случай повѣшенія одного англичанина за грабежъ во время похода 1415 года. Oxford Essays 1856. p. 99.

войска XV вѣка въ строго дисциплинированныя арміи современнаго намъ типа, по свидѣтельству Commines'а, *врага* Англіи, не можетъ быть всетаки игнорируемо въ этомъ отношеніи: „selon mon advis—говоритъ онъ—entre toutes les seigneuries du monde dont j'ay connaissance... où règne moins de violence sur le peuple et où il n'y a nuls édifices abattus ni démolis pour guerre, c'est Angleterre, et tombe le sort et le malheur sur ceux qui font la guerre“ [1]). Въ этой исключительной, по мнѣнію Коммина, особенности англійскаго способа веденія войны нельзя, конечно, не видѣть прямого слѣдствія замѣчательныхъ для такого отдаленнаго времени постановленій англійскихъ военныхъ регламентовъ конца XIV-го и начала XV вѣка.

Итакъ, подводя итогъ приведеннымъ даннымъ о „не-комбаттантахъ“ въ средніе вѣка, можно сказать, что рядомъ съ извѣстнымъ (незначительнымъ) улучшеніемъ въ этой сферѣ на практикѣ благодаря начинающемуся воздѣйствію суровыхъ военныхъ уставовъ для наемныхъ и постоянныхъ войскъ, главная заслуга средневѣковья въ этомъ смыслѣ состоитъ въ выработкѣ—подъ вліяніемъ церкви, средневѣковыхъ писателей, рыцарства и воинскихъ артикуловъ—самаго (неизвѣстнаго древности) понятія не-комбаттантовъ, какъ лицъ не входящихъ въ составъ вооруженныхъ вражескихъ силъ и потому „lege belli“ [2]) нейтрализованныхъ, изъятыхъ изъ дѣйствія военныхъ насилій. Это понятіе, разъ уже возникшее въ общемъ правосознаніи цивилизованныхъ народовъ не могло уже погибнуть—несмотря на всѣ ужасы военной практики, должно было постепенно совершенствоваться и наконецъ развиться въ современную намъ группу нормъ международнаго права, разграничивающихъ „комбаттантовъ“ и „не-комбаттантовъ“ и опредѣляющихъ юридическое положеніе этихъ послѣднихъ во время войны.

---

[1]) Commines Mémoires, l. V, ch. 18.

[2]) Выраженіе, употребленное въ одномъ дѣлѣ 1444 г. см. выше стр. 213 прим.

b. Плѣнные [1]).

1) Общее смягченіе участи плѣнныхъ въ средніе вѣка и обычай выкупа изъ плѣна.

Въ положеніи плѣнныхъ за разсматриваемый періодъ происходитъ то существенное улучшеніе сравнительно съ древностью (и „ранними“ средними вѣками), что захваченныхъ въ плѣнъ непріятелей не истребляютъ и не обращаютъ въ рабство, какъ это бывало обыкновенно раньше, а отпускаютъ на свободу за извѣстное вознагражденіе, „выкупъ“ (rançon).

Институтъ военнаго плѣна, пройдя съ теченіемъ вѣковъ черезъ различныя, все болѣе и болѣе смягчающіяся, стадіи своего развитія—истребленіе всѣхъ плѣнныхъ (древній Востокъ), рабство ихъ (Греція), рабство однихъ военноплѣнныхъ (Римъ), смягченный видъ рабства, „servage“ (ранніе средніе вѣка) [2])—вступаетъ такимъ образомъ во вторую половину среднихъ вѣковъ (XI—XVI ст.) въ новый фазисъ, характеризующійся именно обычаемъ выкупа плѣнныхъ [3]). Конечно, и

---

[1]) Ср. Maulde I, 203—223, Nys, 236—251, Rettich 249 ff.—Eichelmann (Ueber die Kriegsgefangenschaft. Dorp. 1878) обходитъ вообще исторію военнаго плѣна. E. Romberg въ своемъ спеціальномъ изслѣдованіи Des belligérants et des prisonniers de guerre (Brux. 1894) считаетъ возможнымъ посвятить положенію военноплѣнныхъ въ средніе вѣка лишь нѣсколько строкъ (стр. 8—9), причемъ мы узнаемъ только его мнѣніе, будто въ то время „on faisait la guerre avec plus de cruauté encore qu'au temps de l'empire romain“ и затѣмъ тотъ поучительный фактъ, что „Charlemagne, qui passait pour un prince moderé“ приказалъ въ одинъ прекрасный день сразу умертвить 4500 плѣнныхъ саксовъ, разсердившись на то, что датчане не выдали ему Витекинда. И это все, что онъ находитъ сказать объ институтѣ военнаго плѣна въ средніе вѣка!! C'est ainsi qu'on écrit l'histoire.

[2]) Таковы, въ широкихъ чертахъ, главные отличительные періоды въ исторіи участи плѣнныхъ во время войны. См. Bluntschli Das Beuterecht, S. 12, 16, 22, 32.—Еще въ первую половину среднихъ вѣковъ, въ такъ наз. „варварскіе“ средніе вѣка, война служила постояннымъ и общепризнаннымъ источникомъ рабства (servage) въ европейскихъ странахъ. См. Claudio Jannet. Les grandes époques de l'histoire économique, p. 138, 162, 204.

[3]) Въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ встрѣчается еще у древнихъ грековъ. См. Догель loc. cit., стр. 89.

въ этой феодально-рыцарской эпохѣ среднихъ вѣковъ не трудно найти примѣры жестокаго, безчеловѣчнаго обращенія съ плѣнными, истребленія [1]) или обращенія ихъ въ рабство [2]), но подобные примѣры являются уже теперь исключеніями изъ того, что общепризнано обязательнымъ, что составляетъ уже общее правило, норму, признаваемую всѣмъ обществомъ цивилизованныхъ народовъ.

А такимъ общимъ правиломъ по отношенію къ плѣннымъ является въ средніе вѣка ихъ нейтрализація, признаніе ихъ неприкосновенности и обычай отпущенія ихъ на свободу за извѣстный денежный выкупъ. Старая практика обращенія съ плѣнными встрѣчается теперь только въ исключительныхъ случаяхъ: кромѣ случаевъ военной необходимости, страха за собственную безопасность, истребленіе плѣнныхъ является теперь только какъ результатъ особеннаго озлобленія, мести побѣдителя [3]), въ частности, по средневѣковымъ взглядамъ, въ силу взятія города приступомъ послѣ отказа гарнизона сдаться [4]); обращеніе въ рабство остается по общему правилу только по отношенію къ внѣшнему, не-христіанскому міру, къ народамъ, стоящимъ внѣ правового общенія тогдашнихъ цивилизованныхъ государствъ [5]). Между христіанскими же, европейскими народами, эпоха XI—XVI вв. есть уже время замѣтнаго общаго смягченія въ обращеніи съ плѣнными и, въ частности, какъ сказано, время замѣны ихъ обычнаго прежде рабства характернымъ именно для среднихъ вѣковъ институтомъ выкупа.

---

[1]) Напр. при взятіи Грансона и Грансо въ 1476 г. Карлъ Смѣлый истребляетъ весь взятый въ плѣнъ гарнизонъ и даже приказываетъ впредь не брать вовсе плѣнныхъ. Maulde I, 205. Брандтъ. Исторія военнаго искусства стр. 267.

[2]) Напр. см. Livl. UB. IV, 1872: рыцари тевтонскаго ордена продаютъ въ 1411 г. плѣнныхъ литвинъ въ рабство—„zu Drellen“.

[3]) См. примѣръ Чернаго Принца при взятіи Лиможа Laurent X, 368.

[4]) „On considère encore—говоритъ Maulde о военной практикѣ конца XV и начала XVI вѣка—que la prise d'assaut donne tous les droits“ Maulde I, 205. Тамъ же см. примѣры.

[5]) Ср. Putter Beitrage, S. 74, Ward I, 145, также мнѣніе Бартола—ниже.

Доказывающими это фактами наполнены всѣ средневѣковыя хроники, и у Фруассара или Monstrelet уплата плѣнникомъ извѣстнаго, назначеннаго его взятелемъ (а иногда и имъ самимъ), выкупа—„rançon“, „finance“—и отпущеніе его на свободу есть обычный, нормальный исходъ военнаго плѣна. Такое измѣненіе въ военныхъ правахъ сравнительно съ древностью не прошло незамѣченнымъ для средневѣковыхъ людей, и писатели того времени прямо отмѣчаютъ въ своихъ сочиненіяхъ, что древнія избіенія, истязанія или продажа въ рабство плѣнныхъ отошли въ ихъ время въ область преданій, будучи замѣнены болѣе гуманнымъ обращеніемъ и отпущеніемъ плѣнныхъ на свободу за денежный выкупъ. „Между христіанскими народами, говоритъ напримѣръ одинъ византійскій писатель XIII вѣка, есть общепризнанный законъ (*νόμος*), соблюдаемый въ виду принадлежности ихъ къ одной вѣрѣ,—никого не убивать и не истязать внѣ сраженія“ [1]). „Согласно съ нравами новаго времени и по обычаю, соблюдаемому между христіанами,—добавляетъ къ этому въ XIV вѣкѣ знаменитый Бартолъ—древнія права плѣна и постлиминія не соблюдаются больше относительно личности враговъ, и плѣнныхъ уже не продаютъ и не обращаютъ въ рабство“ [2]). Тоже самое положительно подтверждаетъ въ своемъ „Arbre des batailles“ Honoré Bonei [3]), а также Хри-

---

[1]) Nicephor Gregoras (c. 1260) Hist. Byzant. lib. IV y Pütter, Beiträge S. 69.

[2]) Bartolus a Saxoferrato Commentaria in secundam Digesti novi partem, De captivis et postliminio reversis et redemptis ab hostibus: „... secundum mores moderni temporis et consnetudinis antiquitus observatae inter Christianos quantum ad personas hominum *non* observamus jura captivitatis et postliminii, nec venduntur, nec habentur servi captivi“. Но изъ этого правила исключаются Сарацины (ср. Nys Origines p. 237). Чисто *теоретически*, противоположныхъ (т. е. еще античныхъ) взглядовъ держится его современникъ Бальдъ, такъ какъ по его мнѣнію, согласно съ жестокимъ обыкновеніемъ римлянъ, „tales captivi sunt ad instar pecudis vel alterius rei mobilis, quia de persona fit res“!! См. Nys, 236.

[3]) Arbre des batailles, IV p., ch. 45—48 см. также Maulde I, 204.

стина Пизанская [1]). И нарушеніе этихъ новыхъ взглядовъ и требованій, т. е. отдѣльные случаи возвращенія къ старой практикѣ въ смыслѣ напримѣръ убіенія плѣнныхъ, вызываютъ уже среди современнаго общества дружные протесты и негодованіе или, по крайней мѣрѣ, выраженіе неодобренія и сожалѣнія: разсказывая напримѣръ объ истребленіи англичанами и португальцами своихъ плѣнныхъ послѣ одного сраженія (изъ боязни, въ виду ихъ множества, за собственную безопасность), лѣтописецъ обзываетъ этотъ случай „un piteux fait“ [2]), а въ XV вѣкѣ, при извѣстіи о казни Карломъ Смѣлымъ гарнизона взятаго имъ города Грансона,—первые, кто находятъ этотъ поступокъ ужаснымъ, это его же союзники миланцы [3]).

За средніе вѣка мы такимъ образомъ имѣемъ уже дѣло съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что военноплѣнныхъ по общему правилу и не убиваютъ, и не обращаютъ въ рабство. „Посреди феодальнаго варварства, въ международномъ правѣ происходитъ цѣлая революція—совершенно правильно говоритъ Лоранъ: въ древности война была постояннымъ источникомъ рабства; съ феодальнымъ строемъ рабство плѣнныхъ исчезаетъ“ [4]). Оно замѣняется—простымъ удержаніемъ въ плѣну до уплаты выкупа. Этотъ капитальный прогрессъ въ области права войны должны признать даже писатели, очень скептически и неблагопріятно относящіеся къ международной жизни среднихъ вѣковъ [5]).

Но, мало того, и самое обращеніе съ плѣнными во время ихъ жизни въ плѣну улучшается въ эпоху среднихъ вѣковъ, становится гораздо гуманнѣе [6]). Подъ вліяніемъ идей рыцарской вѣжливости, прежнее суровое, жестокое обращеніе съ плѣнными уступаетъ мѣсто совсѣмъ инымъ отноше-

[1]) Livre des faits d'armes, III p., ch. 17 въ цитир. статьѣ Nys въ R. D. I. 1882.
[2]) См. Nys p. 240.
[3]) Maulde I, 205—тамъ же еще другіе примѣры.
[4]) Laurent VII, p. 261.
[5]) Напр. Pütter S. 69, 86, Nys, 239 и пр.
[6]) См. вообще Maulde I, 209—214.

ніямъ: сдавшагося и обезоруженнаго врага считаютъ уже какъ бы гостемъ и стараются даже какъ можно больше облегчить ему тяжесть положенія военноплѣннаго. При такихъ взглядахъ, о жестокомъ обращеніи съ плѣнными, объ истязаніи ихъ и пр. слышно все менѣе и менѣе: оскорбить или ударить плѣнника считается такъ же постыднымъ, какъ наносить удары трупу [1]). Правда, среди общаго еще низкаго уровня культуры, новые взгляды пробываютъ себѣ дорогу съ большимъ трудомъ, и участь простыхъ плѣнныхъ подчасъ еще очень тяжела [2]), но всетаки—это уже послѣдніе остатки старыхъ, отжившихъ порядковъ, которые съ каждымъ днемъ уступаютъ мѣсто новымъ отношеніямъ.

Мы отмѣчали уже, говоря о рыцарствѣ, благородное, мягкое обращеніе англичанъ съ плѣнными французами въ началѣ столѣтней войны [3]). И подобное обращеніе вовсе не выпадаетъ на долю только нѣкоторыхъ, особенно знатныхъ, плѣнниковъ [4]). Еще до своего разсказа о рыцарскомъ обращеніи Чернаго Принца со своимъ плѣнникомъ, французскимъ королемъ, вечеромъ въ день битвы при Пуатье, Фруассаръ говоритъ о всѣхъ французскихъ плѣнныхъ вообще: „et trouverent li chevalerier et li escuier prisonnier les Englès et les Gascons moult courtois“ [5]). Англичане „les honnourèrent tant qu'il peurent“ [6]).—Французы тоже не остаются въ долгу, въ этомъ отношеніи, передъ своими врагами и даже, по словамъ Maulde-la-Clavière, „se font une sorte de point d'honner de bien traiter les prisonniers“ [7]). И дѣйствительно,

---

1) „Idem facinus est putandum captum nobilem vel ignobilem offendere vel ferire quam gladio caedere cadaver“. Rolandinus y Muratori Antiqu. ital. medii aevi VIII, 351, ср. Hallam Middle Ages, 816.

2) Ихъ нерѣдко заставляли исполнять разныя тяжелыя работы, напр. быть гребцами на галерахъ. См. Maulde I, 209.

3) См. выше стр. 187.

4) Ср. только что цитированныя слова Роландина.

5) Froissart (éd Luce) V, p. 60.

6) Ibid V, p. 61.

7) Maulde I, 210.

сами враги отдаютъ справедливость гуманному ихъ обращенію съ плѣнными. На рубежѣ среднихъ вѣковъ и новаго времени, мы находимъ даже спеціальное любопытное свидѣтельство объ этомъ двухъ представителей извѣстныхъ италіанскихъ фамилій. Въ 1501 году Фабрицій Колонна, попавшій въ плѣнъ французамъ, получаетъ отъ одного изъ своихъ (италіанскихъ) враговъ, Іоанна Орсини, предложеніе внести за него выкупъ, чтобы поскорѣе освободиться изъ плѣна,— но Колонна, отказываясь, прямо заявляетъ, что французы не позволяютъ себѣ дурного обращенія съ плѣнными. Тоже самое повторяетъ нѣсколько лѣтъ спустя (1509) Захарій Контарини, съ большою похвалою отзываясь (въ письмѣ къ сыну, написанномъ изъ французскаго плѣна) объ обращеніи съ нимъ французовъ [1]).— Все это, вмѣстѣ взятое, доказываетъ, что **въ средніе вѣка произошла крутая перемѣна въ общемъ воззрѣніи на военноплѣнныхъ**—перемѣна, рѣзко и благотворно отразившаяся и на обращеніи съ ними во время плѣна, и на конечной ихъ участи въ непріятельской странѣ: прежнее обращеніе съ ними какъ съ государственными преступниками постепенно исчезаетъ, прежняя постоянная угроза смертью или продажею въ рабство замѣняется системою выкупа.— Спрашивается, какія же именно причины повели за собою извѣстную гуманизацію этой стороны военной практики въ средніе вѣка?

2) Причины смягченія участи военноплѣнныхъ и появленія обычая выкупа.

Въ качествѣ первой и общей причины улучшенія въ положеніи плѣнныхъ въ средніе вѣка нужно назвать, конечно, прежде всего общее смягченіе нравовъ, происшедшее въ Европѣ со времени крестовыхъ походовъ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ христіанства и церкви. Въ этомъ смыслѣ совершенно

1) Maulde I, 211.

правильно говоритъ про средніе вѣка Pütter, что „если христіанскихъ плѣнниковъ въ это время не продавали уже больше въ рабство и не истребляли, то въ этомъ нужно, конечно, признать вліяніе христіанства“ [1]). Тоже замѣчаніе дѣлаетъ въ концѣ XVI вѣка, какъ бы оглядываясь на все средневѣковье, Францискъ Суарецъ: „jus gentium de servitute captivorum—говоритъ онъ—*in Ecclesia* mutatum est et inter christianos id non servatur“ [2]).

И дѣйствительно, прежде всего церкви обязано человѣчество уничтоженіемъ рабства военноплѣнныхъ. Не говоря уже объ ихъ истребленіи, взгляды христіанской церкви на обращеніе военноплѣнныхъ въ рабовъ діаметрально противоположны взглядамъ античнымъ, столь благопріятнымъ такому рабству, и средневѣковая церковь самымъ формальнымъ образомъ запрещаетъ продавать въ рабство плѣнныхъ христіанъ. Такое запрещеніе впервые произнесено на лондонскомъ помѣстномъ соборѣ 1102 года и подтверждалось затѣмъ нѣсколько разъ [3]). На третьемъ латеранскомъ „вселенскомъ“ соборѣ (1179) тоже запрещеніе объявляется уже какъ общее правило для всего христіанскаго міра [4]). Наконецъ, въ исходѣ XII вѣка, для скорѣйшаго торжества провозглашеннаго на этомъ соборѣ принципа, что всѣ христіане должны во всякомъ случаѣ быть свободны отъ рабства, учреждается даже особый орденъ „Тринитаріевъ“ съ спеціальною цѣлью заботиться о выкупѣ плѣнныхъ христіанъ [5]).

Однимъ словомъ, средневѣковая церковь проповѣдуетъ по отношенію къ военноплѣннымъ не суровый „lex belli“ античнаго міра [6]), а милосердіе: „victo vel capto misericordia

[1]) Pütter Beiträge S. 69, cf. S. 86.
[2]) De legibus ac Deo legislatore, l. II, c. 19.
[3]) См. Каченовскій. Курсъ международнаго права, стр. 271.
[4]) Pütter 86.
[5]) См. напр. Laurent VII, p. 319.
[6]) См. напр. Тацита (Annal. lib. XII, c. 17) гдѣ Римляне предаютъ смерть жителей одного сдавшагося города, предпочитая „ut *belli* potius *jure* caderent“.

debetur" говоритъ Декретъ Граціана, вслѣдъ за великимъ учителемъ средневѣковья бл. Августиномъ [1]).

Но затѣмъ, рядомъ съ церковью, особое воздѣйствіе въ смыслѣ смягченія участи военноплѣнныхъ и, въ частности, образованія обычая выкупа плѣнныхъ оказало рыцарство. Съ одной стороны, рыцарская идея равной борьбы [2]) исключала возможность нанесенія дальнѣйшаго вреда врагу, уже положившему оружіе, а истязанія или избіеніе плѣнныхъ (актъ безразличный въ глазахъ древняго міра) дѣлала чѣмъ-то несовмѣстимымъ съ требованіями рыцарской чести. „Ce seroit cruautés et peu d'onneur pour vous et grant blammes pour nous tous" говоритъ (въ сред. XIV в.) Карлъ де-Блуа Людовику Испанскому, желавшему предать смерти двухъ взятыхъ имъ въ плѣнъ рыцарей [3]). Съ другой стороны, понятіе рыцарской вѣжливости (courtoisie) исключало возможность даже вообще грубаго обращенія съ побѣжденнымъ врагомъ. „A ung prisonnier misericorde luy est deue et son maistre la lui doit faire et garder que discourtoisie ne lui soit faicte, puisqu'il est en son pouvoir" говоритъ Honoré Bonet [4]) и его вполнѣ поддерживаетъ его современникъ Johann der Seffner, авторъ одного изъ первыхъ трактатовъ, касающихся права войны [5]). Иногда такое общепризнанное требованіе „miséricorde et courtoisie" по отношенію къ плѣннымъ спеціально оговаривается даже въ международныхъ соглашеніяхъ [6]).

Въ такомъ видѣ представляются намъ различныя причины, повлекшія за собою общее смягченіе участи военноплѣнныхъ въ средніе вѣка.

[1]) Decreti C. 23, qu. 1, c. 3.

[2]) См. выше стр. 183.

[3]) Froissart (éd. Kervyn de Lettenhove) IV p. 99.

[4]) Arbre des batailles, IV p., ch. 48.

[5]) „Ler von den streitten" (конецъ XIV в.) см. статью Nys въ R. D. I. 1895 p. 588, 589.

[6]) Напр. по англо-французскому перемирію 1403 г. всѣ плѣнные „tractabuntur et conservabuntur *honeste* et cum omni tutamento Personarum earumdem. Dumont II, 1, 266.

Что касается, въ частности, обычая выкупа плѣнныхъ, вошедшаго тогда же всеобщее употребленіе, то онъ также находится въ самой тѣсной связи съ эпохой рыцарства но только съ одною изъ наиболѣе несимпатичныхъ сторонъ военнаго быта того времени. Мы имѣемъ въ виду несомнѣнную жадность къ деньгамъ рыцарскихъ ополченій [1], которая — нужно сознаться — проглядываетъ очень часто за этимъ рыцарскимъ великодушіемъ, щадившимъ жизнь плѣнника: можно сказать, что именно возможность выгодно продать жизнь и свободу плѣнника и повела къ установленію въ средніе вѣка обычая освобождать взятаго въ плѣнъ врага за извѣстное денежное вознагражденіе, „выкупъ“ въ пользу взятеля [2]. Такимъ путемъ, въ виду высокаго выкупа, назначавшагося за знатныхъ плѣнныхъ, средневѣковая война принимала очень часто характеръ—финансовой операціи [3].

Особенно это нужно сказать о войнахъ конца среднихъ вѣковъ, о „неблагородныхъ“ наемныхъ войскахъ кондотьеровъ и „солдатъ“ XIV и XV вѣка, среди которыхъ подобныя финансовыя соображенія должны были играть, конечно, очень значительную роль. И дѣйствительно, напримѣръ въ Италіи, кондотьеры—завладѣвшіе военнымъ ремесломъ какъ монополіею, сражавшіеся попеременно то за ту, то за другую сторону—превращаютъ войну въ настоящее „коммерческое предпріятіе“ по выраженію Maulde-la-Clavière [4]. При такой системѣ, именно захватъ непріятеля въ плѣнъ и взятіе съ

[1]) Ср. Laurent VII, p. 244 s. Hallam, 815 и пр.

[2]) О средневѣковой „rançon“ см. особ. Maulde I, 215 ss. Nys 242 ss.

[3]) „Anglais sont convoiteux, знаменательно разсуждаетъ, Froissart,—*aussi* sont tous gens d'armes“. Но и самъ онъ, какъ сынъ своего вѣка, не лучше англичанъ, „convoitise“ которыхъ осуждаетъ: такъ, говоря объ упомянутомъ выше избіеніи англичанами и португальцами своихъ плѣнныхъ, онъ находитъ умѣстнымъ замѣтить: „or, regardez la grant mésaventure, car ils occirent... de leurs prisoniers, dont ils eussent eu quatre cent mille francs“. Какъ будто бы въ такой „нерасчетливости“ англичанъ и заключалась печальная сторона этой рѣзни! Froissart l. III, ch. 20 (et 42). Nys p. 240.

[4]) Maulde I, 208.

него денежнаго выкупа представляется, конечно, наиболѣе желательнымъ вредомъ, который наносятъ врагу [1]),—и война дѣлается менѣе кровопролитной [2]), а обычай выкупа изъ плѣна еще болѣе утверждается [3]).

Освобожденіемъ плѣннаго въ силу этого специфически-средневѣковаго обычая выкупа и заканчивается обыкновенно военный плѣнъ въ средніе вѣка. Спрашивается, въ какихъ же общихъ чертахъ, главныхъ основныхъ положеніяхъ можно формулировать это средневѣковое понятіе военнаго плѣна, каковы тѣ общепризнанныя въ тогдашней Европѣ нормы, которыя составили, такъ сказать, первое „право военнаго плѣна" среди вооруженныхъ столкновеній между народами.

3) Главныя черты института военнаго плѣна въ средніе вѣка.

Взгляды средневѣковья касательно юридическаго положенія военноплѣнныхъ могутъ быть резюмированы въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1° Военноплѣннымъ можетъ быть сдѣлано только лицо, носящее оружіе, входящее въ составъ такъ наз. комбаттантовъ [4]). Формирующееся, какъ мы видѣли, въ средніе вѣка понятіе не-вооруженныхъ непріятелей, „не-комбаттантовъ", какъ лицъ, изъятыхъ изъ сферы военныхъ дѣйствій,

---

[1]) Maulde I, p. 209: одинъ писатель конца XV вѣка прямо говоритъ, что „les Vénitiens et Italiens usoient plus de guerre qu'ils appeloyent guerroyale, prenans prisonniers les ungs sur les aultres pour avoir rançon, que de tuer les ennemis".

[2]) „Les condottieri, говоритъ Nys (p. 203), faisant la guerre par spéculation, épargnaient autant que possible le sang de leurs hommes. Telle bataille durait tout un jour et coûtait la vie à un ou deux combattants au plus. Quelquefois il n'y avait pas de morts".

[3]) Онъ начинаетъ постепенно приходить въ упадокъ только уже въ новый періодъ исторіи, къ концу XVI столѣтія, когда появляются особыя соглашенія (картели) о такъ наз. размѣнѣ плѣнныхъ, — при которомъ выкупъ за деньги сохраняется лишь in subsidium, на случай, если обмѣнъ плѣнныхъ не можетъ почему-либо состояться; наконецъ, приблизительно съ средины XVII в. система выкупа совершенно падаетъ, уступая мѣсто обычаю освобожденія всѣхъ плѣнныхъ, по окончаніи войны.

[4]) Maulde I, 206.

исключаетъ для нихъ—въ числѣ другихъ невыгодныхъ послѣдствій войны—также и военный плѣнъ.

Не-комбаттантъ не можетъ быть удержанъ въ качествѣ военно-плѣннаго. Такъ, въ 1444 г. дофинъ Людовикъ формально требуетъ отъ Альбрехта Австрійскаго освобожденія изъ плѣна одного изъ своихъ слугъ, который, по своему возрасту, не могъ уже считаться комбаттантомъ и потому „lege belli" не подлежалъ военному плѣну [1]).

2°. Понятіе военнаго плѣна предполагаетъ захватъ непріятеля во время фактическихъ военныхъ дѣйствій, а не во время перемирія—„en guerre guerrable", какъ говорили въ средніе вѣка [2]) Въ срединѣ XIV ст., при осадѣ Dinan, знаменитый Duguesclin лично является въ непріятельскій лагерь обвинять одного англійскаго рыцаря въ захватѣ въ плѣнъ своего брата во время перемирія и находитъ полное себѣ сочувствіе среди своихъ враговъ—англичанъ [3]).

3°. Для наличности правильнаго военнаго плѣна необходима сдача непріятеля во власть своего побѣдителя съ соблюденіемъ извѣстныхъ воинскихъ обрядовъ. Такимъ общепризнаннымъ въ средніе вѣка символомъ сдачи въ плѣнъ являлась передача взятелю меча, шлема или правой перчатки (gant dextre),—что технически и называлось „bailler sa foi" (и коррелятивное понятіе „prendre la foi") [4]).—Отсутствіе такихъ внѣшнихъ признаковъ сдачи въ плѣнъ могло влечь за собою на практикѣ курьезные споры о томъ, имѣется ли въ данномъ случаѣ дѣйствительно фактъ взятія

[1]) Maulde I, 207.

[2]) Ibid.

[3]) Любопытный разсказъ объ этомъ по „Vie de Duguesclin" см. у Schuré. Les grandes légendes de France, p. 177 s.

[4]) Въ упомянутыхъ выше воинскихъ статутахъ Ричарда II 1385 г. мы находимъ прямое требованіе: „Si aucun prent un prisonier, qu'il preigne sa foi et aussi son bacquet ou gant destre de li en gage et en signe qil li ad ensi pris". Оффиц. переводъ того времени у Nys p. 205.

*

въ плѣнъ однимъ лицомъ другого или нѣтъ. Такъ напримѣръ въ хроникѣ Длугоша мы находимъ любопытный разсказъ объ одномъ спорѣ такого рода, который по своей оригинальности заслуживаетъ чтобы на немъ нѣсколько остановиться [1]). Случай этотъ имѣлъ мѣсто въ 1411 г. въ Торнѣ, послѣ заключенія тамъ мира между Польшею и Тевтонскимъ Орденомъ, при обоюдномъ разборѣ различныхъ частныхъ претензій и жалобъ. Передъ польскимъ „judicium militare", одинъ нѣмецкій наемный воинъ (miles mercenarius) обвинилъ, именно, одного польскаго шляхтича въ томъ, что тотъ, взятый имъ будто бы въ плѣнъ, уклоняется теперь отъ уплаты условленнаго выкупа; въ доказательство же своихъ словъ, нѣмецъ-истецъ представилъ взятый имъ будто бы въ сраженіи у поляка-отвѣтчика, при сдачѣ его въ плѣнъ, одинъ изъ аттрибутовъ его рыцарскаго вооруженія— „sertum margariticum quod Nicolaum Powala (имя поляка) capite in proelio gestare constabat" [2]). На это полякъ возражаетъ, что по общепризнанному на войнѣ старинному „международному обычаю" (*mos gentium*) собираніе съ поля битвы какихъ-нибудь воинскихъ украшеній считается недостойнымъ воина [3]) и что слѣдовательно одно нахожденіе его вещей въ рукахъ его врага ничего еще не доказываетъ съ точки зрѣнія общепризнанныхъ международныхъ обычаевъ войны: если бы онъ, Николай Повала, былъ дѣйствительно взятъ въ плѣнъ нѣмцемъ, какъ тотъ это утверждаетъ, то истецъ представилъ бы другіе, обычные, знаки захвата въ плѣнъ—„alia devictionis signa, militibus non latronibus consentanea" (т. е. именно мечъ или перчатку). Отсутствіе же такихъ знаковъ доказываетъ, что

---

[1]) Dlugossi Historiae Polon. XI, 310 s.

[2]) Т. е. такъ назыв. „нашлемникъ", Helmschmuck — геральдическое украшеніе, которое носилось на шлемѣ.

[3]) „Mos gentium fuit et est in militaribus artibus, hastiludiis et pugnis diutius et usque ad nostra tempora observatus, ut quoties serta, ornamenta et quaeque nobilia insignia pugnantibus decidunt, ea non militares homines... sed latrones... rapere... consueverunt". Dlugossi Hist. Pol. loc. cit.

нѣмецкій воинъ не только не побѣдилъ и не взялъ въ плѣнъ отвѣтчика, но просто занимался мародерствомъ на полѣ битвы. „Judicium militare“ вполнѣ соглашается съ аргументаціею польскаго рыцаря и единогласно рѣшаетъ, что онъ не былъ взятъ въ плѣнъ нѣмцемъ и потому, конечно, ничего не долженъ платить обвинителю. Для характеристики *обще*признанности извѣстныхъ международныхъ обычаевъ въ средніе вѣка любопытно прибавить, что съ этимъ рѣшеніемъ вполнѣ соглашаются и прусскіе „judices“, т. е. сторона, повидимому заинтересованная въ діаметрально противоположномъ рѣшеніи.

4°. При наличности указанныхъ выше условій, лицо, взятое въ плѣнъ, считается законнымъ военноплѣннымъ т. е. поступаетъ по общему правилу въ личное распоряженіе взятеля. Среднимъ вѣкамъ еще мало извѣстна идея принадлежности всѣхъ плѣнниковъ государству, какъ таковому; военноплѣнный поступаетъ поэтому обыкновенно въ личную зависимость отъ своего „господина“ (maistre), какъ тогда говорилось: „li prisonniers estoit *siens* (т. е. взятеля), говоритъ Фруассаръ, et le pooit quitter ou rançonner à sa volonté“ [1]). Такимъ образомъ, „хозяинъ“ плѣнника имѣлъ право или тотчасъ отпустить его на свободу, или назначить за него какой-нибудь выкупъ или переуступить его другому лицу (на равнѣ со всякою другою цѣнностью) [2]) и пр.—т. е. дѣлался полнымъ господиномъ и распорядителемъ его свободы.— Но рядомъ съ этимъ специфически-средневѣковымъ воззрѣніемъ на принадлежность плѣннаго взятелю, въ средніе вѣка пробиваютъ себѣ дорогу и другіе, болѣе близкіе намъ, взгляды. Такъ, сначала возникаетъ взглядъ, что особенно знатные

---

[1]) Froissart (éd. Luce) V, 61.

[2]) Напр. въ 1458 г. при продажѣ съ торговъ имущества извѣстнаго Jacques Coeur, вмѣстѣ съ драгоцѣнными камнями и другими цѣнностями поступаетъ въ „продажу“ также и его плѣнникъ G. Nevil. См. Maulde I, 216. Въ этомъ смыслѣ одинъ современный французскій историкъ-экономистъ называетъ средневѣковыхъ плѣнныхъ—„de précieux billets au porteur“. Vicomte d'Avenel. La fortune privée à travers sept siècles. (P. 1895) p. 88.

плѣнники (въ частности, на крайнемъ западѣ, тѣ плѣнные, выкупъ которыхъ превышалъ десять тысячъ ливровъ) [1]) должны принадлежать королю. Наконецъ, очевидно благодаря тому обстоятельству, что король, въ видѣ исключительной мѣры особой государственной важности, всегда могъ (по крайней мѣрѣ въ XIV—XV вв.) „оставить за собою" того или другого плѣннаго—или даже всѣхъ плѣнныхъ [2])—зарождается и понятіе права короля, какъ представителя государства, на всѣхъ военноплѣнныхъ [3]), которые постепенно и превращаются такимъ образомъ уже въ плѣнниковъ государства, а не отдѣльныхъ лицъ.

5°. Кому бы онъ ни принадлежалъ, военноплѣнный, теряетъ въ пользу своего „господина" только право передвиженія: жизнь плѣннаго, его здоровье, честь и юридическій status (за исключеніемъ этого ограниченія личной свободы) остаются неприкосновенными.

Мы видѣли выше результаты, достигнутые въ этомъ отношеніи средневѣковьемъ, и цитированный уже Honoré Bonet не даромъ говоритъ, что плѣннику „miséricorde est due" и что „discourtoisie" не должна его касаться [4]).

Этотъ пунктъ особенно важенъ съ юридической точки зрѣнія, такъ какъ онъ означаетъ измѣненіе въ средніе вѣка всей античной конструкціи института военнаго плѣна: прежній, напр. римскій военный плѣнъ, какъ радикальное измѣненіе въ юридическомъ status лица [5]), влекущее за собою въ случаѣ освобожденія изъ плѣна необходимость фикціи „пост-

[1]) Christine de Pisan, III p., ch. 15. Pasquier (цитир. Ward'омъ) Les recherches de la France, l. IV, ch. 12. Nys, p. 244.

[2]) Это и случалось довольно часто въ XV столѣтіи, подъ именемъ „mise à butin" всѣхъ плѣнныхъ, т. е. „продажи" ихъ въ общей массѣ въ пользу фиска. Maulde I, 219.

[3]) См. Nys, 242.

[4]) Arbre des batailles, IV p., ch. 48.

[5]) Ср. напр. l. 7 pr. D. de acquir. rer. dom. (41, 1): „adeo quidem ut et liberi homines in servitutem deducantur".

лиминія" и пр., превращается въ средніе вѣка въ современное намъ „простое фактическое ограниченіе личной свободы" военноплѣннаго, юридическое положеніе котораго становится „совершенно одинаково съ положеніемъ отсутствующаго" [1]). Это дѣлаетъ излишнею фикцію „postliminii personarum". и при возвращеніи плѣннаго на родину онъ ipso facto вступаетъ во всѣ свои прежнія семейныя [2]) и имущественныя [3]) правоотношенія, которыя такимъ образомъ *не* прекращаются фактомъ плѣна.

6°. Въ замѣнъ сохраненія во время плѣна своей жизни и юридическаго status, военноплѣнный обязанъ своему „господину" вѣрностью,—что видно изъ самаго термина сдачи въ плѣнъ („bailler sa foi") и что основываетъ въ отношеніяхъ между взятелемъ и военноплѣннымъ извѣстную аналогію съ отношеніями сюзерена и вассала. Дѣло въ томъ, что въ зависимости отъ общаго воззрѣнія рыцарскаго общества на военный плѣнъ, какъ на нѣчто вполнѣ нормальное и даже почетное послѣ неудачной битвы (рядомъ съ безчестіемъ бѣгства отъ врага) [4]) и благодаря паденію, какъ мы видѣли, варварскаго античнаго взгляда, что черезъ фактъ военнаго плѣна „de persona fit res"—теперь, въ средніе вѣка, является необходимость въ какой-нибудь новой конструкціи института военнаго плѣна. И вотъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ феодально-рыцарскимъ міросозерцаніемъ того времени, военный плѣнъ по излюбленному шаблону среднихъ вѣковъ конструируется тоже какъ своего рода

---

[1]) Heffter. Das europäische Völkerrecht der Gegenwart, русск. пер. бар. К. Таубе (Спб. 1880) стр. 356.

[2]) Напротивъ того, римскіе законы, если и не считали военный плѣнъ фактомъ безусловно уничтожающимъ бракъ, то всетаки „требовали особаго рода возстановленія его" при возвращеніи изъ плѣна. Геффтеръ ibid. 358.

[3]) За исключеніемъ, конечно, правъ на движимое имущество, сдѣлавшееся добычею непріятеля, а относительно недвижимостей за исключеніемъ „владѣнія", которое, какъ *фактъ*, будучи разъ устранено во время войны, должно быть пріобрѣтено снова.—Ibid.

[4]) См. Barthold loc. cit. II, S. 65, 73.

ленное подчиненіе (homagium) лица, взятаго въ плѣнъ, своему взятелю: таково именно ученіе Ангела de Ubaldis, юриста XIV столѣтія [1]. „Foi", которую побѣжденный „baille" своему побѣдителю, отдаваясь ему въ плѣнъ, была однимъ словомъ приравнена всѣмъ тогда понятной и извѣстной ленной „foi". А ленное подчиненіе влекло за собою, какъ извѣстно, прежде всего обязанность вѣрности (fidelitas).

Такая вѣрность плѣнника могла и должна была, по средневѣковымъ взглядамъ, проявляться: а) въ терпѣливомъ и спокойномъ перенесеніи своего плѣна, безъ попытокъ къ бѣгству: b) въ признаніи себя плѣннымъ даже въ случаѣ обратнаго отбитія отъ взятеля—если такъ было условлено (условіе „recous ou non recous"): с) въ правильной уплатѣ назначеннаго или условленнаго выкупа и d) въ особенности—въ возвращеніи плѣнныхъ, „recreus sur leurs fois" какъ выражается Фруассаръ,—т. е. временно подъ честнымъ словомъ отпущенныхъ на родину для собиранія выкупа—назадъ въ плѣнъ (въ случаѣ неудачи) [2].—Особенно интересно, конечно, это послѣднее требованіе, предъявлявшееся къ „вѣрности" плѣнниковъ, и нужно сказать, что случаи такой рыцарской вѣрности слову не рѣдки въ средневѣковой исторіи. Кромѣ такъ сказать классическихъ случаевъ добровольнаго возвращенія въ плѣнъ Фридриха Австрійскаго и Іоанна Французскаго, здѣсь можно напримѣръ сослаться еще на герцога Гельдерискаго (XIV в.), который, будучи захваченъ въ плѣнъ какимъ-то простымъ дворяниномъ и потомъ освобожденъ тевтонскими рыцарями, всетаки вернулся къ своему взятелю, которому онъ обѣщалъ „prison par foi, obligation et serment" [3].

[1]) См. Nys, p. 239.

[2]) Ср. постановленіе торнскаго мира между Польшею и Орденомъ (1411): великій магистръ выкупаетъ орденскихъ плѣнныхъ за 100,000 грошей—„pro quo nobiliores captivi se ponunt sponsores, in pristinam captivitatem, si solutionem negligi contingeret, rediturі". Dlugossi Hist. Pol. XI, 310.

[3]) Nys, 248.

7°. Военный плѣнъ заканчивается нормальнымъ образомъ освобожденіемъ плѣннаго за извѣстное денежное вознагражденіе взятелю. Сумма выкупа назначается обыкновенно взятелемъ — по исключенію, самимъ плѣннымъ [1])—и достигаетъ иногда громадныхъ размѣровъ [2]). Обычай старается однако умѣрить алчность побѣдителя, и рыцарская „вѣжливость" требуетъ брать „finance raisonnable et courtoise". Поступать иначе—это дѣйствовать противъ „чести" и противъ общепризнанныхъ понятій о правѣ: „s'il fait autrement, говоритъ Honoré Bonet [3]), il n'est pas gentilhomme, mais non courtois et tyran"; „aultrement,—подтверждаетъ Христина Пизанская [4])—est tyrannie contre conscience et contre tout *droit d'armes*".

И дѣйствительно, въ эпоху рыцарства сумма выкупа не рѣдко опредѣлялась въ соотвѣтствіи съ годовымъ доходомъ плѣнника или какъ-нибудь иначе сообразно съ его состояніемъ [5]). Въ этомъ отношеніи, особенно мягки были, повидимому, (къ концу среднихъ вѣковъ) военные обычаи въ Италіи, гдѣ—по свидѣтельству Христины Пизанской—плѣнникъ вмѣсто всякаго денежнаго выкупа терялъ, будто бы, только свою боевую аммуницію (лошадь, сбрую и пр.) [6]).

---

[1]) Bertrand Duguesclin самъ назначаетъ себѣ огромный выкупъ, см. выше стр. 187.—Его современникъ, англійскій рыцарь Knolles изъ хвастовства назначаетъ его даже заранѣе, надписавъ на своемъ щитѣ:

„Qui Robert Canolle prendra
„Cent mille moutons gagnera.

Froissart (éd. Luce) V, 351.

[2]) Къ ней присчитываются также расходы по содержанію плѣннаго. См. Maulde I. 219.—При этихъ условіяхъ, цифра выкупа за короля Іоанна Французскаго возросла до 3 милліоновъ экю. Выкупъ въ 100 и 200 тысячъ écus за знатныхъ плѣнныхъ встрѣчается не рѣдко. Ср. Vicomte d'Avenel La fortune privée à travers sept siècles, p. 69.

[3]) Arbre des batailles, IV p., ch. 48.

[4]) Livre des faits d'armes III p., ch. 17.

[5]) S-te Palaye Mémoires sur l'ancienne chevalerie t. I, p. 263.

[6]) Christine de Pisan loc. cit.: „quant homme d'armes est pris ne pert de commun usage neant plus que les chevaulx et harnois, sy ne luy faut vendre sa terre ny estre desherite pour ranchon payer".

Наконецъ, по общепризнанному въ Европѣ обычаю, уплата выкупа ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть результатомъ насилія надъ личностью или волею плѣннаго. „Вымучивать" выкупъ—напримѣръ черезъ заключеніе плѣнника въ тюрьму—есть, по средневѣковымъ взглядамъ, „horreur inhumain et fait de mauvais tirant, chrestien pire que juif" [1]).— Для собиранія выкупа, плѣнника отпускали обыкновенно, какъ упомянуто выше, на родину, съ обязательствомъ подъ честнымъ словомъ вернуться въ плѣнъ, если въ назначенный срокъ не соберетъ выкупа [2]).

8°. Иногда военный плѣнъ оканчивается путемъ такъ называемаго размѣна (обмѣна) плѣнныхъ. Этотъ обычай образуется также въ средніе вѣка и примѣняется въ это время обыкновенно къ простымъ, „рядовымъ" воинамъ, захваченнымъ въ плѣнъ,—которые не могли представить особаго интереса въ смыслѣ денежнаго выкупа [3]). При размѣнѣ плѣнныхъ система денежнаго выкупа сохраняетъ, такъ сказать, вспомогательное значеніе, т. е. примѣняется въ тѣхъ случаяхъ, когда число плѣнныхъ одной стороны значительно превышаетъ число плѣнныхъ другой (или когда обмѣнъ не можетъ состояться по какимъ-нибудь другимъ причинамъ). Такъ напримѣръ въ 1382 г., послѣ одного набѣга на Жмудь, тевтонскіе рыцари устраиваютъ размѣнъ плѣнныхъ съ литвинами; такъ какъ у рыцарей плѣнныхъ было больше, то великій князь Кейстутъ платитъ за оказавшійся излишекъ 4000 гривенъ [4]). Или напр. въ 1433 г. актъ перемирія между королемъ польскимъ Владиславомъ и Тевтонскимъ Орденомъ постановляетъ взять выкупъ съ плѣнныхъ дворянъ и горожанъ, а относительно остальныхъ, „простыхъ" плѣнныхъ, которые не могутъ дать выкупа, совершить поголовный раз-

[1]) Christine de Pisan, ibid.
[2]) Ср. Ward II, 179—183.
[3]) Ср. Barthold loc. cit. II, S. 45.
[4]) Чешихинъ Исторія Ливоніи, т. II, стр. 398.

мѣнъ, причемъ сторона, имѣющая излишекъ плѣнныхъ, получаетъ съ другой стороны по два венгерскихъ гульдена за человѣка [1]).

Зарожденіе въ такомъ видѣ обычая размѣна плѣнныхъ составляетъ переходъ къ практикѣ уже новаго времени, а именно въ практикѣ XVI и XVII столѣтія, съ ихъ картелями о размѣнѣ плѣнныхъ, когда входитъ въ употребленіе и современное отпущеніе на свободу *всѣхъ* плѣнныхъ при окончаніи войны.

9°. Такое безусловное (безъ выкупа и безъ размѣна) отпущеніе плѣнныхъ на свободу при окончаніи войны изрѣдка также практикуется въ средніе вѣка — но, повидимому, (какъ это видно изъ различныхъ актовъ мира или перемирій того времени) только относительно попавшихъ такъ или иначе въ плѣнъ „не-комбаттантовъ". „Всѣ купцы, мореходцы, рыбаки — читаемъ мы напримѣръ въ актѣ перемирія между Англіею и Франціею 1403 г. [2]) — а также другіе подданные обоихъ государствъ (какого бы сословія, положенія или пола они ни были) [3]), взятые въ плѣнъ тою или другою стороною на сушѣ или на морѣ, да будутъ отпущены на свободу, безъ всякихъ съ нихъ требованій или уплаты какого бы то ни было выкупа".

10°. Наконецъ, какъ видно изъ того же международнаго акта 1403 года, государства иногда уплачивали другъ другу при окончаніи военныхъ дѣйствій всѣ расходы по содержанію военноплѣнныхъ, причемъ опредѣленіе суммы этихъ расходовъ падало на обязанность такъ называемыхъ „conservatores pacis". Эти смѣшанныя коммиссіи посредниковъ, назначаемыхъ обоими государствами при за-

---

[1]) Livl. UB. VIII, 721.

[2]) Dumont II, 1, 286.

[3]) Изъ упоминанія „пола" въ скобкахъ къ „alii subditi" можно, кажется, вывести заключеніе, что подъ „другими подданными" здѣсь *нельзя* разумѣть также и комбаттантовъ.

ключенін мира, и должны были „dictam taxationem facere bona fide et sine dolo“.[1])

c. Парламентеры.

Говоря о возникшемъ въ средніе вѣка понятіи извѣстной неприкосновенности не-комбаттантовъ и плѣнныхъ, нельзя не упомянуть въ двухъ словахъ, что этой же эпохѣ принадлежитъ и честь выработки идеи неприкосновенности парламентеровъ, которые, какъ и всякіе „герольды“ въ широкомъ смыслѣ слова, приравниваются въ это время священной особѣ пословъ. Отличительный, общепризнанный знакъ ихъ миссіи извѣстенъ уже средневѣковью. Любопытно, что еще на древнемъ скандинавскомъ сѣверѣ встрѣчается обычай поднятія бѣлаго щита, какъ сигнала для прекращенія враждебныхъ дѣйствій и начатія переговоровъ[2]). Современный намъ, всѣмъ понятный и признаваемый на пространствѣ всего цивилизованнаго общенія народовъ, парламентерскій бѣлый флагъ ведетъ свое начало со временъ рыцарства: „рыцарству, говоритъ Каченовскій[3]), принадлежитъ введеніе бѣлаго флага и сигналовъ при переговорахъ между непріятелями“. Мало того, за средніе же вѣка мы встрѣчаемъ даже попытку нормировать относящіеся сюда вопросы въ „jus scriptum“ и формально провозгласить неприкосновенность вражескаго посланца, являющагося для переговоровъ. Такъ нужно понимать, вѣроятно, любопытное постановленіе „лагерныхъ законовъ“ императора Фридриха Барбароссы (XII в.), которое формально охраняетъ „непріятельскаго рыцаря, приближающагося къ лагерю не на боевой лошади, безъ щита и оружія“[4]).

---

[1]) Dumont II, 1, 286.

[2]) Nys въ R. D. I. 1896 p. 371.

[3]) Курсъ международнаго права, стр. 293.

[4]) Брандтъ Исторія военнаго искусства стр. 100. Bartkold Geschichte der Kriegsverfassung, I, S. 210. Busching. Ritterzeit und Ritterwesen, I, S. 233.

d. Раненые.

Если практика средневѣковыхъ войнъ сдѣлала хоть нѣсколько безусловно знаменательныхъ шаговъ впередъ въ смыслѣ перваго признанія принципа неприкосновенности некомбаттантовъ, плѣнныхъ и парламентеровъ во время войны, то, къ сожалѣнію, совершенно нельзя сказать того же относительно признанной правомъ войны *нашего* времени нейтрализаціи раненыхъ. Въ этомъ отношеніи, каждый безпристрастный историкъ долженъ сознаться, что практика средневѣковыхъ войнъ остается еще чрезвычайно варварской: общая грубость нравовъ и презрѣніе къ смерти, свойственныя людямъ той эпохи, дѣлали участь раненыхъ особенно тяжелою. О неприкосновенности ихъ, о медицинской помощи имъ и даже о простой охранѣ ихъ отъ избіенія—*по общему правилу*, не можетъ быть и рѣчи. Конечно, бывали случаи и въ это суровое время, когда побѣдитель гуманно обращался съ ранеными: такъ напримѣръ, лѣтописцы разсказываютъ, что французы (бретонцы), одержавъ побѣду надъ англичанами въ упомянутой выше „битвѣ тридцати", позаботились о хорошемъ уходѣ за ранеными врагами и даже, по излѣченіи ихъ отъ ранъ, отпустили ихъ на свободу безъ выкупа. Но подобные единичные факты являются только исключеніями изъ обычной практики, подсказанными рыцарскимъ духомъ,—обыкновенно же участь раненыхъ была вовсе не такова. Принципы Женевской конвенціи 1864 г. неизвѣстны среднимъ вѣкамъ хотя бы въ самыхъ рудиментарныхъ своихъ зачаткахъ, и военная исторія этой эпохи является сплошнымъ доказательствомъ того прискорбнаго факта, что грабить и добивать непріятельскихъ раненыхъ *не* считалось „contra fas et licitum". Опираясь на слова спеціально-военныхъ историковъ, можно даже, кажется, сказать, что въ рыцарскую эпоху, когда судьба сраженія рѣшалась тяжеловооруженною

конницею, роль пѣхоты заключалась, отчасти, именно въ грабежѣ и умерщвленіи раненыхъ! [1]).

Нужно однако замѣтить, что такая безотрадная практика проистекала, повидимому, не столько изъ особенной ненависти къ врагу, сколько просто изъ грубости нравовъ и малаго развитія медицинской помощи больнымъ вообще. Въ этомъ отношеніи, можетъ быть, лучшимъ доказательствомъ только что сказаннаго является тотъ фактъ, что среднимъ вѣкамъ не безъизвѣстно даже систематическое умерщвленіе *собственныхъ* раненыхъ! Мы имѣемъ здѣсь въ виду не разъ повторяемое въ XIV вѣкѣ обвиненіе противъ рыцарей тевтонскаго Ордена въ Пруссіи и Ливоніи, что они, подобно своимъ сосѣдямъ, язычникамъ-литовцамъ, добиваютъ на полѣ битвы своихъ раненыхъ: во время нескончаемой распри между Орденомъ и архіепископомъ рижскимъ, этотъ пунктъ обвиненія постоянно фигурируетъ среди многихъ другихъ, въ различныхъ жалобахъ архіепископа, обращенныхъ къ папѣ [2]). Рыцари, конечно, отрицали справедливость такихъ обвиненій [3]), но обвиненія подобнаго рода достаточно характерны сами по себѣ и одна ихъ *возможность* достаточно краснорѣчиво говоритъ о грубости нравовъ того времени вообще и, въ частности, о той участи, которая всегда могла ожидать раненыхъ.

Въ этомъ отношеніи, фактическаго улучшенія ихъ участи и обезпеченія ихъ неприкосновенности можно было ждать лишь отъ общей гуманизаціи нравовъ въ Европѣ, уже на склонѣ средневѣковья,—при большемъ распространеніи въ рядахъ войскъ рыцарскихъ идей „равной борьбы“ (и, слѣдовательно, необходимости пощады раненымъ) и при первыхъ проблескахъ организаціи медицинской помощи въ войсковыхъ

[1]) Брандтъ Исторія военнаго искусства стр. 73 и 97.

[2]) См. напримѣръ архіепископскую жалобу на Орденъ отъ 1305 г. Livl. UB. II Reg. 710; буллу Іоанна XXII отъ 10 февраля 1321 г. Ibid. Reg. 825.

[3]) Ibid. Reg. 714 (оправдательныя разъясненія Ордена отъ 1306 г.).

частяхъ. Можетъ быть, первымъ предвѣстникомъ наступленія новой эры въ обращеніи съ ранеными за средніе вѣка нужно считать—въ области теоріи—скромную проповѣдь одного очень мало извѣстнаго нѣмецкаго писателя изъ области права войны, Johann der Seffner, который уже въ концѣ XIV вѣка (въ своей Ler von den Streitten) провозглашалъ необходимость гуманнаго обращенія и медицинскаго ухода за ранеными [1]). Въ области же военной практики, такую зарю новой эры нужно, можетъ быть, видѣть въ томъ, новомъ для среднихъ вѣковъ, фактѣ, что съ первой половины XV столѣтія при городскихъ милиціяхъ въ Германіи начинаютъ появляться извѣстныя медицинскія учрежденія: этому времени, по словамъ спеціально-военныхъ историковъ [2]), уже извѣстны состоящіе при арміяхъ военные врачи, аптеки, госпитальные фургоны и пр.—какъ первый лучъ милосердія къ раненымъ и больнымъ воинамъ среди прежней безжалостной практики!

3. Непріятельская собственность во время войны (нейтрализація имуществъ) [3]).

Если, въ смыслѣ юридическаго положенія личности во время войны, среднимъ вѣкамъ принадлежитъ нѣкоторый прогрессъ въ международной жизни, то нельзя того же сказать относительно положенія непріятельской собственности во время войны. Военная практика среднихъ вѣковъ остается съ этой стороны чрезвычайно безпорядочной, и грабежъ непріятельскаго движимаго имущества, опустошеніе недвижи-

---

[1]) См. Nys въ R. D. I. 1895 p. 539.

[2]) Barthold loc. cit. II, 117.

[3]) Ф. Мартенсъ. О правѣ частной собственности во время войны (С.Пб. 1869). Bluntschli Das Beuterecht im Krieg. (Nordlingen 1878) и его переводъ-передѣлка (adaptation) Rolin-Jacquemyns Du droit de butin въ R. D. I. 1877 et 1878. Rettich Zur Theorie und Geschichte des Rechts zum Kriege, S, 234 ff. Nys Origines, p. 251 ss.

мостей составляетъ обычное явленіе средневѣковыхъ (да еще долго и позднѣйшихъ) войнъ. Все это слишкомъ хорошо извѣстно, чтобы нужно было долго останавливаться на этой печальной сторонѣ военной практики того времени: фактами подобнаго рода полны тогдашніе документы и хроники,—на нихъ указываютъ и современныя намъ сочиненія какъ по общей исторіи, такъ спеціально и по исторіи международныхъ отношеній. И дѣйствительно, не говоря уже здѣсь о такъ называемыхъ „варварскихъ", раннихъ среднихъ вѣкахъ (V—X вв.), съ ихъ вандалами и готами, въ значительной степени передававшими свои вкусы потомкамъ народамъ позднѣйшаго средневѣковья, достаточно будетъ для характеристики военной практики именно этой позднѣйшей, феодальной эпохи указать хотя бы на тотъ фактъ, что по общепринятому тогда военному обыкновенію, авангардъ феодальной арміи, наступавшей въ непріятельскую страну, составлялся по выраженію chansons de geste (XIII в.), изъ „зажигателей" [1]), вообще изъ легкихъ войскъ, имѣвшихъ спеціальною цѣлью грабить населеніе и опустошать непріятельскую страну [2]). Соотвѣтственно съ такими пріемами мы и читаемъ, что напримѣръ Филиппъ-Августъ опустошаетъ и грабитъ вражескую землю „по королевски" (regaliter) [3]), или узнаемъ, что у сѣверныхъ народовъ государственное знамя, сопутствовавшее въ походахъ главной арміи, носило характерное названіе „Land-Eyda" (Land-Oede)—„опустошительница страны" [4]). Для окончательной характеристики этой стороны средневѣковой войны, можно указать еще, въ качествѣ краснорѣчивѣйшаго изъ всей массы фактовъ подобнаго рода, на то обстоятельство, что даже въ лучшій, по своему „ры-

[1]) „Li ardéor se sont par devant mis". См. Laurent, VII, 247.

[2]) Это образуетъ такъ называемое въ военной практикѣ среднихъ вѣковъ понятіе „Woldan". См. Брандтъ Исторія военнаго искусства, стр. 100.

[3]) Laurent VII, 218.

[4]) Брандтъ, стр. 360, также Nys въ R. D. I. 1896, p 373.

царскому“ колориту, періодъ средневѣковья и подъ начальствомъ лицъ, считавшихся идеалами рыцарства, мы встрѣчаемся все съ тѣмъ же безжалостнымъ опустошеніемъ непріятельской страны и безпощаднымъ грабежомъ непріятельской собственности. Такъ, во время знаменитой въ исторіи рыцарства англо-французской столѣтней борьбы, Эдуардъ принцъ Уэльскій, такъ называемый Черный Принцъ, прославившійся на всю Европу своими многочисленными подвигами, прибавилъ къ нимъ въ 1355 г. еще слѣдующій: выступивъ въ этомъ году изъ Бордо съ 60-тысячною арміею, онъ опустошилъ всю юго-западную Францію отъ Бискайскаго залива до Средиземнаго моря и отъ Пиреней до Гаронны, разоривъ въ теченіе семи недѣль болѣе семи сотъ городовъ и селеній и награбивъ богатѣйшую добычу. Въ слѣдующемъ же году, уже послѣ битвы при Пуатье (1356), не довольствуясь всѣмъ этимъ, его армія предпринимаетъ другой походъ, причемъ, по словамъ самихъ англійскихъ писателей, войска нарочно топтали рожь, оставшуюся въ полѣ, убивали скотъ и уничтожали всякое продовольствіе, котораго сами не могли израсходовать... [1]).

Дальше этого идти, конечно, больше некуда въ смыслѣ неуваженія къ непріятельской собственности, и печальная дѣйствительность, открывающаяся передъ нами въ такихъ разсказахъ о войнахъ среднихъ вѣковъ, конечно, ничѣмъ не отличается отъ той, которая увѣковѣчилась въ исторической пословицѣ, оставленной намъ военною практикою періода на тысячу лѣтъ болѣе ранняго, чѣмъ этотъ XIV вѣкъ: „гдѣ конь гунновъ ступитъ, тамъ трава не ростетъ“.

Приведенные факты не нуждаются, намъ кажется, въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ, и мы прибавимъ только, что разсказы подобнаго рода нельзя поставить на счетъ преувеличія лѣтописцевъ: они вполнѣ правдоподобны и вполнѣ объяснимы, совершенно соотвѣтствуя духу времени. Общеизвѣ-

[1]) Брандтъ loc. cit., стр. 232 сл.

стная грубость нравовъ и крайняя алчность, страсть къ наживѣ воинства того времени [1]) достаточно объясняютъ, почему опустошеніе непріятельской страны и грабежъ собственности врага были общимъ правиломъ средневѣковыхъ войнъ.

При такихъ условіяхъ, исторіи международныхъ отношеній и права остается, въ этой сферѣ, указать только на зарождающіяся *исключенія* изъ этого общаго правила средневѣковыхъ войнъ исключенія, которымъ суждено было, постепенно разростаясь, перевѣсить эту общую варварскую практику и, съ теченіемъ времени, самимъ превратиться въ правило, въ общепризнанную норму, провозглашающую именно неприкосновенность частной собственности во время войны.

Мы и разсмотримъ теперь эти успѣвшія уже пробиться за средніе вѣка *отступленія* отъ общей безотрадной практики войны въ средніе вѣка по отношенію къ непріятельской собственности—въ смыслѣ признанія ея неприкосновенности или, по крайней мѣрѣ, нѣкотораго обузданія безпредѣльнаго грабежа и регулированія „права добычи": начала такой нормировки, сдѣлавшіяся первыми устоями *современныхъ намъ* принциповъ въ этой области, замѣчаются за средніе вѣка какъ относительно движимаго имущества, такъ и недвижимой собственности врага.

а. Движимое имущество непріятеля во время войны.

Какъ было уже сказано, присвоеніе непріятельскаго имущества—будь то собственность государства или частная

[1]) Стремленіе обогатиться („gain") является всегда однимъ изъ главнѣйшихъ двигателей для средневѣковыхъ воиновъ, привлекая къ знаменамъ массу добровольцевъ; такъ напримѣръ именно изъ людей „qui voulaient geaigner" составляется въ значительной степени армія Вильгельма Завоевателя при его походѣ въ Англію. Въ 1359 г. къ англійской арміи присоединяются на французскомъ берегу масса добровольцевъ изъ Брабанта, Фландріи, Геннегау и разныхъ германскихъ земель, въ надеждѣ, говоритъ лѣтописецъ „tant gagner que jamais ne seraient pauvres" и пр. См. Брандтъ стр. 74, 239.

собственность—входитъ въ нормальную практику войны въ средніе вѣка, которые признаютъ такимъ образомъ (въ видѣ общаго правила) *не* современный намъ принципъ неприкосновенности частной собственности во время войны, а напротивъ того, „право добычи". Это „право" открыто входитъ въ правосознаніе того времени, и „великій свѣточъ юриспруденціи" среднихъ вѣковъ, Бартолъ, говоря объ отмѣнѣ „secundum mores moderni temporis et consuetudinis antiquitus observatae inter Christianos" древняго права войны (плѣна и постлиминія) по отношенію къ *лицамъ*, въ тоже время прямо утверждаетъ: „но что касается вещей, мы сохраняемъ это (древнее) право"—„sed quantum ad res jura ista servamus". И прибавляетъ: „cui consuetudini est standum" [1]). Итакъ, „добыча" (praeda, butin, Beute), грабежъ непріятельской собственности составляетъ общепризнанное право средневѣковыхъ войнъ, и еще въ XVI вѣкѣ ученіе Альціата, что войны между христіанами суть войны междоусобныя—откуда выводилась отмѣна права добычи—встрѣчаетъ суровый отпоръ, какъ новшество, со стороны другихъ юристовъ: „novam conatus est haeresiam inducere" говоритъ про него Belli! [2]).

Однако, отдѣльныя вспышки такой „ереси" замѣчаются и за средніе вѣка, и притомъ не только въ теоріи—въ видѣ протестовъ и іеремiадъ добраго Bonet [3]), но также и на практикѣ—въ видѣ разныхъ изъятій и ограниченій этого средневѣковаго права добычи и необузданнаго грабежа. Первые шаги человѣчества по направленію къ современному признанію неприкосновенности частной собственности во время войны выразились въ это время во первыхъ, въ регуляризаціи военной добычи (въ созданіи ограничивающихъ ее нормъ), а затѣмъ и въ попыткахъ полной ея отмѣны.

---

[1]) Въ цитированномъ уже мѣстѣ своихъ комментарій на Дигесты (in secundam Digesti novi partem. De captivis et postliminio reversis et redemptis ab hostibus) см. выше стр. 219 прим.

[2]) Nys, 238, 239.

[3]) Arbre des batailles IV p. ch. 48.

*

1) Регуляризація военной добычи въ средніе вѣка.

Первая уступка, которую долженъ былъ сдѣлать въ средніе вѣка полный произволъ солдатъ въ грабежѣ непріятельской частной собственности, состояла въ извѣстной нормировкѣ прежняго неограниченнаго права добычи. Здѣсь, въ этой отрасли права войны, происходитъ тотъ-же процессъ, который, какъ мы видѣли, характеризовалъ за средніе вѣка и область репрессалій: первоначальный ничѣмъ не сдерживаемый произволъ частныхъ лицъ долженъ постепенно подчиниться ограниченію извѣстными нормами, правилами, совокупность которыхъ и составляетъ уже понятіе извѣстнаго своеобразнаго *права* въ этой области въ данномъ случаѣ „права добычи“ (которое, въ свою очередь, должно пасть при дальнѣйшемъ развитіи идей справедливости между народами).

Нѣкоторая нормировка, регуляризація добычи замѣчалась, какъ извѣстно, еще въ Римѣ, гдѣ въ отличіе отъ грабежа, direptio, существовало понятіе правильной военной добычи (praeda bellica), составлявшей собственность государства, которое уже отъ себя, въ видѣ награды, и распредѣляло ее между солдатами [1]). Однако эти зачатки превращенія безпорядочнаго грабежа въ извѣстное „право“ добычи погибли, конечно, среди безобразныхъ войнъ ранняго, варварскаго средневѣковья—и только позднѣйшіе средніе вѣка вновь достигаютъ нѣкотораго регулированія военной добычи, получающаго теперь, въ отличіе отъ древности (когда оно было извѣстно только Риму), извѣстный международный, общій для всей западной Европы характеръ.

Это регулированіе выражается прежде всего въ характерномъ для среднихъ вѣковъ началѣ общаго раздѣла или распредѣленія *начальствомъ* между солдатами всей массы

---

[1]) Ср. Ф. Мартенсъ loc. cit. стр. 186, Bluntschli, S. 26 f. Rettich, S. 242 f.

военной добычи, разсматриваемой уже какъ собственность всего войска (или даже самого воюющаго государства)—вмѣсто прежняго абсолютнаго присвоенія каждымъ отдѣльнымъ воиномъ награбленнаго имъ имущества. Какимъ бы эфемернымъ ни казался намъ этотъ „прогрессъ" съ точки зрѣнія современнаго признанія полной неприкосновенности частной собственности (въ самомъ дѣлѣ, не все ли равно, *какъ* дѣлятся результаты общаго грабежа, если существуетъ самый этотъ грабежъ?)—это улучшеніе нельзя не отмѣтить, такъ какъ оно представляло собою первое вмѣшательство авторитета государственной власти въ безпорядочную область грабежа, той самой государственной власти, которая *не* остановится на этомъ первомъ шагѣ въ нормировкѣ добычи, постарается вскорѣ ограничить ее и по существу и наконецъ, съ теченіемъ времени, совершенно ее отмѣнитъ въ пользу неприкосновенности непріятельской собственности.

Итакъ, первыя правила, которыя вторглись въ безусловно безправую раньше область грабежа, касались способа распредѣленія захваченной добычи. Въ этомъ отношеніи, какъ въ общемъ правильно говоритъ Нисъ, три теоріи являются на смѣну одна другой для опредѣленія участи движимаго имущества, отнятаго у непріятеля [1]). Сначала царствуетъ убѣжденіе, что захваченныя вещи принадлежатъ взятелю; затѣмъ—что онѣ принадлежатъ солдатамъ, но должны быть сданы военачальнику, который уже самъ раздѣляетъ ихъ между воинами; наконецъ, что онѣ суть собственность государства т. е. его представителя, монарха, который, *если желаетъ*, и распредѣляетъ ихъ опять-таки между солдатами.—Но эти теоріи проводятся еще, конечно, въ высшей степени непослѣдовательно, онѣ сосуществуютъ, сталкиваются на практикѣ, которая колеблется то въ ту, то въ другую сторону, очень медленно поддаваясь улучшенію.

---

[1]) См. для всего послѣдующаго изложенія этихъ теорій Nys, p. 253 ss.

Дѣйствительно, въ основѣ средневѣковыхъ взглядовъ на добычу лежитъ еще античное убѣжденіе, что „quae ex hostibus capiuntur, jure gentium statim capientium fiunt“ [1])—убѣжденіе, вытекавшее изъ взгляда на вражеское имущество какъ на „res nullius“, которая, какъ извѣстно, „primo occupanti cedit“. Съ отголоскомъ такихъ ученій мы постоянно еще встрѣчаемся въ среднихъ вѣкахъ, и Пьерантони совершенно правильно говоритъ, что до самаго XIV столѣтія держался еще взглядъ, что все имущество врага принадлежитъ побѣдителю [2]): такихъ именно взглядовъ открыто держится напримѣръ еще Иннокентій IV [3]).

Однако, общее признаніе находитъ себѣ постепенно уже другая практика, и въ XIV и XV вѣкахъ принципъ распредѣленія добычи военачальникомъ или государемъ можно уже считать вообще установившимся. Современные писатели-юристы—Альберикъ де Розате, Бартолъ, Бальдъ, Іоаннъ де Линьяно—единогласно объ этомъ свидѣтельствуютъ, причемъ Альберикъ де Розате (XIV в.) и Jean de Bueil, авторъ „Le Jouvencel“ (XV в.) спеціально замѣчаютъ, что такова была именно не только теорія, но и практика ихъ времени. И дѣйствительно, мы и находимъ постановленія этого рода въ чисто-практическихъ военныхъ регламентахъ конца среднихъ вѣковъ—напримѣръ въ извѣстномъ швейцарскомъ Sempacherbrief 1393 г. [4]) Такіе же обычаи господствуютъ и на противоположномъ концѣ Европы, и напримѣръ извѣстный ливонскій лѣтописецъ Heinrich von Lettland постоянно упоминаетъ, что вся добыча дѣлилась между воинами по оконча-

---

[1]) Gajus in l. 5, § 7, D. de acquir. rer. dom. (41, 1) ср. его же Instit. II, 69: „quae ex hostibus capiuntur naturali ratione nostra fiunt“. Ср. формулу deditionis у Tit. Livi, l. I, cap. 38.

[2]) Pirantoni, Trattato, I, 750.

[3]) Nys, p. 255.

[4]) См. его § 7: „...sera un chascun tenu apporter le pillage à son Capitaine, lesquels capitaines departiront à leurs Soldats au pro rata tels butins ou pillages esgalement, et selon le departement qui en sera faict s'en debvra un chascun contenter“. Dumont II, 2, 236.

нія похода. Впрочемъ, какъ сказано, практика эта была не безъ колебаній, и Honoré Bonet не даромъ говоритъ о правѣ добычи, что „les droits en sont troubles et non mie bien clers, mais en parlent doubteusement“ [1]).

Въ заключеніе, въ связи съ этими возникающими въ средніе вѣка понятіями регуляризаціи права добычи, какъ собственности государственной, распредѣляемой военачальникомъ или королемъ между солдатами сообразно съ ихъ заслугами,— небезъинтересно отмѣтить (въ смыслѣ именно порядка раздѣла цѣнностей, отбитыхъ у непріятеля), оригинальный и чрезвычайно замѣчательный для средины XIII вѣка институтъ „encha“ испанскаго законодательнаго сборника Siete Partidas [2]). Прежде чѣмъ излагать правила раздѣла добычи (II partida, t. XXVI), этотъ памятникъ трактуетъ (tit. XXV) о спеціальномъ вознагражденіи солдатъ (изъ взятой добычи) за ихъ тѣлесныя поврежденія и матеріальныя потери. Раненымъ полагается вознагражденіе (encha) отъ 5 до 100 мараведи; за каждаго убитаго пѣхотинца отпускается по 75, а за всадника по 150 мараведи, которыя или выдаются согласно завѣщанію убитаго или же, въ случаѣ смерти ab intestato, поступаютъ законнымъ его наслѣдникамъ (за исключеніемъ 1/3, идущей на piae causae). Матеріальный убытокъ также возмѣщается воинамъ изъ непріятельской добычи, и для его опредѣленія, Siete Partidas предписываетъ предварительную общую оцѣнку лошадей, оружія и всѣхъ вещей каждаго изъ воиновъ передъ выступленіемъ въ походъ. Такія оригинальныя правила, выработанныя въ срединѣ XIII вѣка, заслуживаютъ, конечно, спеціальнаго упоминанія и представляютъ собою замѣчательную попытку разрѣшить вопросъ регулированія права добычи путемъ удовлетворенія изъ нея, прежде всего, самихъ пострадавшихъ на войнѣ воиновъ и ихъ семей.

---

1) Arbre des batailles, IV p., ch. 44.

2) Les Siete Partidas et le droit de la guerre—статья E. Nys въ R. D. I. 1883, ср. его же Origines, p. 254.

2) Попытки уничтоженія права добычи.

Вступивъ уже разъ на путь постепеннаго ограниченія прежняго безграничнаго грабежа непріятельской собственности во время войны, средневѣковая международная жизнь должна была стремиться и къ полному, по возможности, уничтоженію этого варварскаго „права“ добычи, признававшагося относительно непріятельской собственности. Прежде всего, это стремленіе обнаруживается—и получаетъ всеобщее признаніе—по отношенію къ собственности церкви. Затѣмъ уже, мы видимъ отдѣльныя попытки и полной отмѣны всякаго вообще права добычи.

a) Относительно огражденія отъ грабежа собственности церкви, нужно различать теоретическія попытки духовенства ввести въ сознаніе народовъ принципъ неприкосновенности церковныхъ (и, попутно, нѣкоторыхъ другихъ) имуществъ и затѣмъ—уже болѣе практическія мѣропріятія въ томъ же направленіи со стороны правительствъ конца среднихъ вѣковъ.

Что касается первыхъ, то самое раннее провозглашеніе нейтрализаціи церковныхъ имуществъ совпадаетъ съ разобраннымъ выше общимъ движеніемъ въ пользу Божія мира (съ конца X вѣка). Упомянутые выше акты Божія мира или перемирія вмѣстѣ съ охраною извѣстныхъ категорій лицъ (и прежде всего лицъ духовныхъ) требуютъ въ большинствѣ случаевъ также неприкосновенности и для ихъ имуществъ. Таковы аквитанскіе акты treugae Dei 989, 1027, 1041 гг., охраняющіе, кромѣ разныхъ лицъ, еще и самыя церкви, ихъ имущество, также имущество земледѣльцевъ [1]); таковы и постановленія папскихъ соборовъ той же эпохи (Римскаго 1059, Клермонтскаго 1095) и „вселенскихъ“ соборовъ XII вѣка (1-го латеранскаго 1123, 3-го латеранскаго 1179 г.),

[1]) См. о нихъ выше стр. 208.—Стасюлевичъ Исторія средн. вѣковъ, II. 950, 951, 955. Rettich, loc. cit, S. 96.

перешедшія затѣмъ въ средневѣковые сборники каноническаго права—въ Декретъ Граціана и Декреталіи Григорія IX. Всѣ они, провозглашая нейтрализацію разныхъ лицъ во время войны, въ особенности же духовенства, такъ или иначе касаются и неприкосновенности ихъ имуществъ [1]).—Всѣ эти постановленія могутъ насъ интересовать однако лишь въ качествѣ любопытныхъ симптомовъ возникновенія въ Европѣ, черезъ воздѣйствіе духовенства, новыхъ взглядовъ на отношеніе вооруженной силы къ частной собственности непріятельскихъ мирныхъ гражданъ, въ особенности же духовныхъ лицъ. На практикѣ, эти постановленія духовныхъ соборовъ—несмотря на то, что ихъ взгляды отразились и на свѣтскихъ юридическихъ памятникахъ того времени [2])—остались приблизительно именно только „добрыми пожеланіями" церкви: не говоря уже объ имуществѣ простого мирнаго населенія вражеской страны, подпадавшемъ обыкновенно подъ понятіе

---

[1]) Клермонгскій соборъ 1095 г.: защита церквей и кладбищъ, скота и имущества земледѣльцевъ. См. Стасюлевичъ II, стр. 961, §§ 5, 6.—

Постановленія соборовъ 1059 и 1123 гг. вошли въ Декретъ Граціана:

C. 24, qu 3, c. 24: Excommunicentur qui oratores et *ecclesias bonaque earum* ...infestare praesumunt. ...*Ecclesias cum bonis suis* tam personis quam possessionibus... oratores quoque cum suis nihilominus *rebus* quos ferunt tutos... esse statuimus.

Тоже, съ распространеніемъ на всѣхъ „не-комбаттантовъ", и съ тою же санкціею (отлученіе отъ церкви, anathema) въ c. 25. См. выше стр. 210 прим. 1.

Наконецъ латеранскій соборъ 1179 г. и за нимъ Декреталіи спеціально охраняютъ земледѣльцамъ „animalia quibus orant et quae semina portant ad agrum" C. 2 X de treuga et pace, 1, 34. (Richter II, 196).

[2]) Напр. Sachsenspiegel II, 66, § 1: духовенство, женщины и евреи пользуются вѣчнымъ миромъ не только лично, но и *„an irme güte"*; точно такими же вѣчно замиренными объектами являются „kirchen und kirchoie und iczlich dorf... phlûge und mulen"...

Аналогичное, весьма замѣчательное постановленіе мы находимъ въ § 12 акта общественнаго мира, провозглашеннаго на имперскомъ сеймѣ въ Эгерѣ въ 1389 г.: „Auch ist geretd worden und wellen das vor allen dingen .. alle strassen, Kirchen, Closter, Phaffheit, Kirchove, Mülen *und besunder alle Pflüge mit Pferden* und was darzu gehöret und die Wingarten, Ackern und das Velt buwen sicher sin und friden haben sollen und das die niemand angriffe, leidige noch schedige..." Dumont II, 1, 221.—Ср. тоже въ актѣ земскаго мира 1398 г. на сеймѣ въ Франкфуртѣ. Ibid. II, 1, 265.

„praeda“, именно опустошеніе церквей, монастырей и грабежъ имуществъ церковныхъ продолжался по прежнему—несмотря на общее въ Европѣ принципіальное признаніе ихъ полной неприкосновенности. Страхъ отлученія отъ церкви не могъ пересилить алчности средневѣковыхъ армій.

Ее началъ сдерживать, къ концу среднихъ вѣковъ, страхъ уже другого рода: провозглашенному церковью и мало удавшемуся на практикѣ принципу неприкосновенности ея имуществъ суждено было постепенно проникнуть въ военную жизнь лишь благодаря воздѣйствію свѣтской власти, которая начинаетъ проводить его путемъ гораздо болѣе дѣйствительнымъ—замѣняя нѣсколько платоническую „анаѳему“ церкви уголовною репрессіею своихъ военныхъ регламентовъ.

Дѣйствительно, почти всѣ изъ приведенныхъ выше военныхъ регламентовъ эпохи возникновенія первыхъ постоянныхъ войскъ именно спеціально преслѣдуютъ грабежъ церквей и церковныхъ имуществъ, какъ уголовное преступленіе [1]. Статуты Ричарда II (1385) угрожаютъ за него повѣшеніемъ; Sempacherbrief 1393 г. также запрещаетъ (art. 8) „опустошать или поджигать монастыри, церкви и часовни, ибо Всемогущему Господу угодно было объявить ихъ домами молитвы“ [2]; военный регламентъ Генриха V (1415)—не даромъ прозваннаго однимъ лѣтописцемъ „королемъ священниковъ“ (princeps presbyterorum)—еще разъ подтверждаетъ постановленія статутовъ Ричарда II, также назначая за преступленія этого рода смертную казнь [3]; наконецъ и въ Германіи, дисциплина городскихъ войскъ XV столѣтія выражалась между прочимъ, по словамъ спеціально-военныхъ историковъ, въ особенной обязанности охранять церкви и монастыри [4].—Вотъ почему, имѣя въ виду все выше сказанное,

---

[1]) Cp. Bluntschli Das Beuterecht, S. 42.
[2]) Dumont II, 1, 236.
[3]) Nys, p. 205, 207, 211.
[4]) Брандтъ Исторія военнаго искусства, стр. 303.

можно—съ нѣкоторыми оговорками въ смыслѣ все еще прорывавшагося варварства наемныхъ войскъ, очень медленно поддававшихся обузданію и гуманизаціи,—сказать вмѣстѣ съ англійскимъ писателемъ Craddock, что къ концу среднихъ вѣковъ, „все, что принадлежало церкви, пріобрѣло характеръ неприкосновенности, и посреди грабежей необузданныхъ солдатъ извѣстное международное право было уже установлено“ [1]).

b) Что касается отмѣны права добычи относительно всей вообще частной собственности врага, то и въ этомъ направленіи международное право сдѣлало первые шаги также въ средніе вѣка: въ эту эпоху мы наблюдаемъ именно 1° запрещеніе грабить безъ спеціальнаго на это разрѣшенія военнаго начальства—т. е., другими словами, превращеніе прежняго общаго, нормальнаго права всѣхъ солдатъ въ исключительную, даваемую ad hoc, *привилегію*, и 2° отдѣльныя попытки полной и безусловной отмѣны права военной добычи.

Хотя отдѣльные слѣды запрещенія грабить или уничтожать имущество непріятеля безъ особаго разрѣшенія начальства и восходятъ еще къ войнамъ чисто-феодальнаго періода XI—XIII вв.,—когда надзоръ за войсками въ этомъ отношеніи и юридикція по такимъ дѣламъ входила въ кругъ вѣдѣнія такъ называемыхъ „маршаловъ“ [2])—однако болѣе серіозное значеніе въ этомъ смыслѣ имѣли опять-таки только военные регламенты конца среднихъ вѣковъ. Какъ примѣръ, можно привести хотя бы „Земпахскую грамоту“ 1393 г., ставящую (art. 7) право добычи въ прямую зависимость отъ разрѣшенія (congé) военачальниковъ [3]). И нужно замѣтить, что исполненіе такихъ нормъ обезпечивалось на практикѣ нерѣдко

---

[1]) Craddock The influence of christianity on civilization (London 1856) p. 97.

[2]) См. напр. Barthold I, 211. Брандтъ стр. 100.

[3]) Dumont II, 1, 236: „Nous... voulons... qu'un chascun fasse son debvoir en Homme de bien... sans aucunement entendre à piller... *jusques à ce que... les Capitaines donnent à un chascun congé de piller*“.

чрезвычайно суровыми военно-уголовными наказаніями: такъ напр. въ нѣмецкой военной практикѣ XV вѣка за такой недозволенный грабежъ полагалось отсѣченіе руки [1]).

Тѣмъ же путемъ усиленной уголовной репрессіи идутъ и рѣдкіе еще въ ту эпоху сторонники полнаго запрещенія грабежа. Мы опять имѣемъ здѣсь въ виду то замѣчательное для исторіи права войны теченіе въ военной практикѣ конца среднихъ вѣковъ, которое исходило изъ Англіи и на которое намъ уже не разъ приходилось указывать. Военные статуты Ричарда II (1385) угрожаютъ за грабежъ и призывъ къ грабежу (крики „havoc") смертною казнью въ особенно позорящемъ видѣ—„la teste coupe et le corps après pendu par les braces" [2]). Составленный по ихъ образцу военный регламентъ Генриха V (1415) вызываетъ цѣлый рядъ частныхъ регламентовъ, развивающихъ далѣе его положенія, и среди нихъ мы снова встрѣчаемся съ запрещеніемъ, подъ страхомъ смертной казни, отнимать у непріятельскихъ частныхъ лицъ лошадей, быковъ, предаваться вообще грабежу, уничтожать виноградники и фруктовыя деревья врага и пр. [3]) Мы уже видѣли выше, къ какому благотворному результату (по сознанію самого же врага Англіи, Коммина) привели эти правила войны, и добрымъ сѣменамъ, брошеннымъ въ этомъ направленіи средневѣковьемъ, было суждено не заглохнуть, а развиться въ нашу современную систему неприкосновенности частной собственности во время войны—привести къ полной отмѣнѣ всякаго грабежа и установленію системы реквизицій [4]).

[1]) Брандтъ стр. 300.

[2]) Nys, 205.

[3]) См. статуты объ этомъ Тальбота у Montague Bernard въ Oxford Essays, 1856, p. 98.

[4]) Montaque Bernard (p. 99) совершенно правильно видитъ въ упомянутыхъ англійскихъ регламентахъ „the elements of a most important change, the substitution of a system of requisitions for indiscriminate pillage".

b) Непріятельская недвижимая собственность во время войны.

Несмотря на обычное безпощадное опустошеніе непріятельской территоріи во время средневѣковыхъ войнъ—чего не будетъ отрицать, конечно, никакой историкъ разбираемой эпохи—въ отношеніе къ непріятельской недвижимости входитъ въ это время новый моментъ, который нельзя не считать еще однимъ пріобрѣтеніемъ цивилизаціи въ области права войны, сравнительно съ тѣмъ, что практиковалось въ древности. „Поземельная собственность—говоритъ о среднихъ вѣкахъ авторъ изслѣдованія „О правѣ частной собственности во время войны"—почти всегда оставалась за прежними ея собственниками" и, въ этомъ смыслѣ, „собственность недвижимая оставалась неприкосновенною" [1]).

Ничего подобнаго не было раньше. У римлянъ—завоеванная территорія становилась и въ государственно—и въ частно-правовомъ отношеніи собственностью римскаго народа, который лишь иногда, въ силу особыхъ политическихъ соображеній, оставлялъ за побѣжденными туземцами обложенное извѣстнымъ налогомъ (vectigal) право пользованія отнятою у нихъ территоріею [2]).—Варварскія германскія племена ранняго средневѣковья внесли въ этомъ отношеніи новый, уже болѣе прогрессивный, принципъ раздѣла завоеванныхъ земель между побѣдителями и побѣжденными, т. е., другими словами, принципъ отнятія у послѣднихъ только части земель (лучшія земли или 2/3, 1/2 и пр. всей территоріи) [3]). Средніе же вѣка въ собственномъ смыслѣ (XI—XVI вв.) держатся уже современныхъ намъ взглядовъ на судьбу занятой войсками непріятельской территоріи: „права частной собственности на недвижимости, говоритъ Bluntschli въ сво-

---

[1]) Ф. Мартенсъ. О правѣ частн. собств., стр. 173.

[2]) Ф. Мартенсъ ibid., стр. 172, Bluntschli Das Beuterecht, S. 23 f., 41. Rettich S. 241.

[3]) См. напр. Rettich, S. 243, Брандтъ стр. 5 ср. Sachsenspiegel III, 44.

емъ спеціальномъ изслѣдованіи о правѣ добычи, остается въ большинствѣ случаевъ неприкосновеннымъ — и понятіе добычи сводится теперь къ отнятію *только движимой* собственности врага" [1]).

Эти новыя начала, внесенныя средневѣковьемъ въ область права войны, вполнѣ объяснимы, конечно, изъ самаго, измѣнившагося сравнительно съ древностью, характера средневѣковыхъ войнъ вообще. Войны внутри европейскаго міра XI—XVI вв. не были уже—какъ это было среди античныхъ государствъ или въ эпоху великаго переселенія народовъ, въ „варварскіе" средніе вѣка примѣрами безпощадной борьбы между различными обособленными человѣческими расами, между глубоко враждебными другъ другу и различными по культурѣ мірками,—а просто такъ сказать „домашними" столкновеніями между членами одной и той же культурной семьи, живущими въ одной и той же атмосферѣ права, одушевленными одинаковыми религіозными, нравственными, юридическими, экономическими воззрѣніями.

Варварская борьба между *расами*, сопровождавшаяся нѣкогда отнятіемъ земель у побѣжденныхъ,—даже въ той смягченной формѣ, которую мы видимъ при нашествіяхъ германскихъ племенъ ранняго средневѣковья,—отошла въ область преданій вмѣстѣ съ послѣднимъ такимъ большимъ „нашествіемъ" чуждаго племени на одну изъ европейскихъ странъ—съ завоеваніемъ Англіи норманнами [2]).

Съ тѣхъ поръ, съ средины XI вѣка, среди тогдашняго европейскаго „концерта" мы постоянно имѣемъ дѣло уже съ новымъ типомъ международной войны, съ международны-

---

[1]) Bluntschli, loc. cit. S. 41.—Тоже говоритъ Nys: „le butin se limite aux biens mobiliers". Origines, p. 253.

[2]) Когда, какъ извѣстно, туземцы англо-саксы были въ значительной степени лишены своей поземельной собственности. Въ послѣдующихъ вѣкахъ такой порядокъ примѣняется только по отношенію къ внѣшнимъ врагамъ христіанскаго европейскаго міра—мусульманамъ и язычникамъ.

ми конфликтами, интересующимися больше вопросомъ о *политическомъ* властвованіи, о феодальномъ верховенствѣ того или другого государя подъ данною территоріею, чѣмъ вопросомъ о частноправной принадлежности ея той или другой племенной группѣ. Вотъ почему частная собственность на землю (въ нашемъ смыслѣ) остается дѣйствительно, по общему правилу, неприкосновенною въ эту эпоху феодальныхъ войнъ, которыя открываютъ собою такимъ образомъ уже новую, современную намъ эру понятій въ этой части международной военной практики и права войны.

Итакъ, продолжающееся несмотря на войну признаніе частной поземельной собственности—заключимъ мы словами Блюнчли—не было „ни плодомъ измѣненія какой-нибудь юридической теоріи, ни результатомъ какой-нибудь принципіальной реформы въ законѣ, а просто послѣдствіемъ медленнаго, постепеннаго измѣненія международныхъ отношеній и юридическихъ воззрѣній народовъ—въ формѣ перерожденія самыхъ обычаевъ и практики международнаго оборота. И это признаніе непріятельской частной поземельной собственности во время войны было опять-таки существеннымъ шагомъ впередъ, сдѣланнымъ человѣчествомъ въ средніе вѣка по пути гуманизаціи и дальнѣйшаго развитія права войны“ [1]).

4. Средства войны (нейтрализація орудій международной борьбы).

Современное намъ воззрѣніе, что состояніе открытой войны между народами не дѣлаетъ еще дозволенными *всѣ* средства борьбы между ними, зародилось, подобно многимъ другимъ началамъ современнаго международнаго права, также въ средніе вѣка. Мысль, лежащая въ основѣ хотя бы Петербургской конвенціи 1868 года, извѣстна уже и средневѣ-

[1]) Bluntschli Das Beuterecht im Krieg. S. 41.

ковью, и—какъ и въ наше время—въ періодѣ XI—XVI ст. раздаются уже голоса, протестующіе противъ употребленія всѣхъ тѣхъ средствъ борьбы съ врагомъ, которыя или отличаются особенною жестокостью, безчеловѣчностью, или же являются средствами безчестными, противорѣчатъ общепризнаннымъ понятіямъ открытой, благородной, честной борьбы.

Нетрудно видѣть, что за средніе вѣка протестъ противъ перваго вида средствъ борьбы съ врагомъ долженъ былъ исходить отъ церкви, протестъ противъ второго вида— отъ рыцарства.

а) Что касается фактовъ перваго рода, то неговоря уже о всегдашней борьбѣ церкви съ излишними жестокостями съ кровопролитіемъ на войнѣ [1]), папство, начиная съ XII вѣка, дѣлаетъ формальныя попытки предписать, въ силу своего моральнаго авторитета, всему тогдашнему европейскому обществу народовъ одно правило—первое въ этомъ родѣ въ международной жизни [2])—вполнѣ аналогичное съ мѣрою, принятою для войнъ XIX вѣка тридцать лѣтъ тому назадъ: уже въ 1139 году, именно, на 2-омъ Латеранскомъ соборѣ [3]), папа Иннокентій II [4]) категорически запрещаетъ христіанамъ, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, употреблять въ своихъ войнахъ „баллистаріевъ“ и „сагиттаріевъ“ т. е. воиновъ,

---

[1]) Ср. Каченовскій. Курсъ международнаго права, стр. 271.—Напр. за жестокости на войнѣ папа рѣшается отлучить отъ церкви даже императора (Генриха VI). См. Milman History of the Latin Christianity (L. 1861). V, p. 164.

[2]) См. впрочемъ статью E. Nys въ R. D. I. 1896 p. 376, гдѣ говорится о запрещеніи еще въ странахъ древняго скандинавскаго сѣвера употреблять мечи длиннѣе двухъ футовъ.

[3]) См. примѣчаніе къ с. un. X de sagittariis, 5, 15, въ изданіи Richter II, 776.—Ср. Barthold Geschichte der Kriegsverfassung I, 235.

[4]) А *не* Иннокентій III, какъ пишутъ Bluntschli (Beuterecht, 39), Nys (Origines, 192) и др., не обращая вниманія на очевидную описку въ текстѣ Декреталій Григорія IX „de sagittariis“ („Hoc dicit Innocentius III“). См. указанное примѣчаніе у Richter II, 776, также Friedberg II, 805.—Впрочемъ и Иннокентій III былъ очень чувствителенъ къ вопросамъ этого рода. См. Milman op. cit. V, 341, 344, 356, 371.

вооруженныхъ дальнобойными орудіями для метанія стрѣлъ и занесенными съ востока арбалетами [1]). Относящееся сюда папское постановленіе, включенное въ XIII вѣкѣ въ сборникъ каноническаго права (Декреталіи) Григорія IX, конечно, чрезвычайно интересно съ точки зрѣнія развитія права войны: „artem illam mortiferam et Deo odibilem ballistariorum et sagittariorum adversus Christianos et catholicos exerceri sub anathemate prohibemus“ говоритъ Иннокентій II [2]).— Къ сожалѣнію, глосса ограничиваетъ это правило случаями такъ называемой „не-справедливой“ войны (bellum injustum) и тѣмъ подрываетъ, конечно, его значеніе: Раймондъ де Пеньяфортэ, Summa Monaldina и большая часть канонистовъ учитъ, что въ войнѣ „справедливой“ (а кто судья справедливости войны?) баллистаріи и сагиттаріи вполнѣ допустимы, и только Іоаннъ д'Андреа (Iohannes Andreae, XIV в.), точно слѣдуя за Иннокентіемъ II, высказывается за полное устраненіе баллистъ изъ войнъ между христіанами [3]).—Какъ бы то ни было, правило Иннокентія II остается, тѣмъ не менѣе, замѣчательнымъ предвѣстникомъ соотвѣтствующихъ современныхъ намъ нормъ права войны. Латеранскій соборъ 1139 г. и петербургская конференція 1868 года исходили изъ одинаковыхъ соображеній и, mutatis mutandis, пришли къ одинаковымъ результатамъ.

b) Что касается вопроса о недопустимости на войнѣ безчестныхъ средствъ борьбы съ врагомъ, средствъ противорѣчащихъ рыцарской идеѣ равной борьбы, то въ этомъ отношеніи въ умѣ средневѣковыхъ людей возникаютъ главнымъ образомъ два тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ вопроса: нужно ли держать свое слово по отношенію

---

[1]) Снаряды, которыми изъ нихъ стрѣляли, причиняли, какъ наши разрывныя пули, особенно опасныя и мучительныя раны. См. Брандтъ Исторія военнаго искусства стр. 71.

[2]) C. un. X de sagittariis, 5, 15.

[3]) Nys, p. 192.

къ врагу? и позволительно ли прибѣгать на войнѣ къ особымъ военнымъ хитростямъ?

На первый вопросъ, подъ прямымъ воздѣйствіемъ рыцарскихъ взглядовъ [1]), средневѣковое общество даетъ безусловно утвердительный отвѣтъ. „Fides quando promittitur etiam hosti servanda est“ категорически говоритъ, повторяя бл. Августина, знаменитый Декретъ Граціана [2]), и европейское общество рыцарской эпохи вполнѣ раздѣляетъ это мнѣніе. „Во время крестовыхъ походовъ, скажемъ мы въ подтвержденіе вмѣстѣ съ Каченовскимъ [3]), рыцари, наперекоръ папамъ — которые, какъ извѣстно, принципіально считали мусульманъ стоящими внѣ всякихъ юридическихъ и нравственныхъ отношеній къ христіанскому міру — высказали убѣжденіе, что военныя конвенціи съ невѣрными нужно соблюдать такъ-же строго, какъ съ христіанами, и вѣроломство Ричарда I противъ мусульманъ было признано его товарищами постыднымъ (contra fas et licitum)“. Такимъ образомъ, даже папамъ, въ особенныя соображенія которыхъ не разъ могло входить *не*исполненіе тѣмъ или другимъ государемъ своей клятвы, не всегда удавалось изгладить изъ сознанія народовъ это общепризнанное уже правило. Хотя папъ и можно по справедливости упрекнуть въ пагубномъ вліяніи въ этомъ отношеніи на международное правосознаніе Европы [4]).

---

1) См. выше стр. 184.

2) Decreti C. 23, qu. 1, c. 3 (Richter I, 769).

3) Курсъ международнаго права, стр. 302.

4) Извѣстно, что Папы вообще не задумывались „освобождать“ отъ исполненія слова и клятвы, когда это входило въ ихъ соображенія. Климентъ VI, (сред. XIV в.) высказываетъ мнѣніе, что всѣ соглашенія, заключенныя въ ущербъ правамъ св. престола, ничтожны и впередъ даетъ духовникамъ французскаго короля власть разрѣшать его отъ всѣхъ клятвъ, неисполненіе которыхъ они сочтутъ полезнымъ. Nys p. 215.— Урбанъ VI въ буллѣ 30 марта 1382 г. освобождаетъ императора Венцеслава отъ исполненія его конвенцій съ „scismatici seu heretici“, такъ какъ всѣ онѣ „ipso jure nullae“ и пр. Dumont II, 1, 168. При такихъ условіяхъ неудивительно что европейскіе государи дошли до обыкновенія иногда заранѣе объявлять ничтожными всякія разрѣшенія ихъ папою отъ клятвъ.

но правило „fides etiam hosti servanda est“ вообще соблюдается, и средневѣковой исторіи извѣстенъ не одинъ случай замѣчательной вѣрности слову, данному врагу [1]): знаменитыя разсужденія на тему, „въ какой степени государь долженъ держать свое слово“ [2]) принадлежатъ уже *не* среднимъ вѣкамъ!

Итакъ средневѣковье, вообще говоря, смотритъ неодобрительно на нарушеніе слова, клятвы, съ цѣлью болѣе успѣшной борьбы съ врагомъ. Мягче оно относится къ военнымъ хитростямъ. Декретъ Граціана, опираясь на бл. Августина, ихъ вообще допускаетъ: „*nihil* ad justitiam interest—находимъ мы въ этомъ знаменитомъ сборникѣ каноническаго права—sive aperte, sive ex insidiis aliquis pugnet“ [3]). Точно также, и вся средневѣковая доктрина вполнѣ согласно отвѣчаетъ на вопросъ „utrum sit licitum in bellis uti insidiis“, поднятый Ѳомой Аквинскимъ: за исключеніемъ случаевъ, которые сводятся къ нарушенію слова, вѣроломству, предательству, однимъ словомъ „dummodo non rumpamus fidem“ (Мартинъ изъ Лоди)—военныя хитрости дозволены. Таково мнѣніе и самого Doctor angelicus, а за нимъ и другихъ ученыхъ, идущихъ черезъ все остальное средневѣковье, Іоанна де Линьяно, Honoré Bonet, Мартина Гарата и пр. [4]).

Средневѣковая военная практика и пользуется въ довольно широкихъ размѣрахъ этою, благопріятною для военныхъ хитростей, доктриною. Приведемъ въ видѣ примѣра тотъ фактъ, что знаменитое сраженіе при Мюльдорфѣ (1322) было выиграно Людовикомъ Баварскимъ въ значительной степени благодаря хитрости его союзника бургграфа Нюрнбергскаго, который при своемъ обходномъ движеніи въ тылъ арміи Фридриха Австрійскаго роздалъ своему отряду *австрійскія знамена* [5]).

---

[1]) См. выше стр. 232.

[2]) Глава 18-ая „Il principe“ Макіавели.

[3]) Decreti C. 23, qu 2, c. 2. (Richter I, 771).—Ср. Horoy Droit internat. et droit des gens public d'après le Decretum de Gratien. p. 129 s.

[4]) Nys, p. 218. ср. его же Honoré Bonet et Christine de Pisan въ R. D. I. 1882.

[5]) Брандтъ стр. 308.

*

Итакъ, военныя хитрости допустимы на практикѣ, какъ и въ теоріи международной войны среднихъ вѣковъ, и совершенно особнякомъ стоитъ благородный и гордый, но нѣсколько ультра-рыцарскій идеалъ, который выставляетъ въ этомъ отношеніи Christine de Pisan: „celluy quy a juste querelle, doit aller le droit chemin de guerre sans y user de cautelles“ [1]). Если этому высокому идеалу не соотвѣтствовала практика, то въ этомъ нельзя винить средневѣковье: съ этимъ „особымъ мнѣніемъ“ писательницы XIV—XV столѣтія не согласился бы, конечно, ни одинъ военачальникъ—даже нашего XIX вѣка!

Если только что разобранные два пункта, касающіеся вопроса о недозволенныхъ средствахъ борьбы съ врагомъ волновали такъ или иначе средневѣковое общественное мнѣніе, въ смыслѣ появленія здѣсь новыхъ, болѣе свѣтлыхъ идей, то къ сожалѣнію, нельзя того же сказать и про другіе пункты того же вопроса. Изъятіе изъ военнаго обихода и другихъ безчестныхъ, вѣроломныхъ способовъ борьбы съ непріятелемъ,—какъ напр. употребленіе отравленнаго оружія, отравленіе источниковъ воды, подсылка убійцъ къ военачальникамъ—еще не обсуждается вовсе въ средневѣковомъ мірѣ, и рядомъ съ чисто-теоретическими, осуждающими эти средства, взглядами рыцарства, на практикѣ признаются дозволенными (за вышеприведенными исключеніями) всѣ вообще средства борьбы съ врагомъ. Если такихъ взглядовъ держатся еще писатели XVI вѣка (напр. Michel d'Amboise въ своемъ Guidon des gens de guerre), то нечего, конечно, удивляться, что ихъ высказываетъ въ XIV столѣтіи напримѣръ Бальдъ, по мнѣнію котораго истреблять врага ядомъ и отравлять источники воды на войнѣ вполнѣ позволительно [2]). Намъ, хотя и рѣдко, дѣйствительно и приходится сталкиваться съ

---

[1]) Nys въ R. D. I. 1882.

[2]) Nys, p. 220, 221.

случаями того и другого рода [1]). Попадаются въ этомъ отношеніи и отдѣльные случаи особой, изысканной безчеловѣчности, и напр. подъ 1340 годомъ мы читаемъ у Фруассара, что при осадѣ Thun-l'Evêque французами, осаждавшіе, чтобы принудить осажденныхъ къ скорѣйшей сдачѣ, „leur jettoient et envoioient par leurs engiens chevaus mors et bestes mortes et puans, pour y aulz 'empunaisier"... [2]).

Такимъ образомъ, для страшной жестокости и грубости нравовъ остается, конечно, еще полный просторъ въ средневѣковыхъ войнахъ, и, какъ сказано, въ смыслѣ стремленій изъять изъ военной практики безчеловѣчныя и безчестныя средства борьбы съ врагомъ, можно говорить лишь о нѣкоторыхъ *проблескахъ* гуманности церкви, рыцарства и юристовъ— мало отразившихся на практикѣ, но, тѣмъ не менѣе, представляющихъ собою уже извѣстный *принципъ* и въ этомъ смыслѣ служащихъ первымъ основаніемъ соотвѣтствующихъ началъ современнаго намъ международнаго права.

5. Нейтрализація мѣстъ и времени борьбы.

Въ заключеніе нашего обзора различныхъ институтовъ права войны поскольку они успѣли выработаться за средніе вѣка и рядомъ съ только что указанными первыми попытками людей того времени добиться изъятія изъ международной военной практики извѣстныхъ орудій и средствъ вооруженной борьбы—интересно еще отмѣтить, что въ разбираемую эпоху это начало „нейтрализаціи" находитъ себѣ примѣненіе также и по отношенію къ мѣсту и времени международной борьбы.

Особенно оригинальна первая, такъ сказать *пространственная* нейтрализація — т. е. встрѣчающіеся въ среднихъ вѣкахъ случаи спеціальнаго изъятія изъ сферы военныхъ

---

[1]) См. Ward I, 253.

[2]) Froissart l. I § 103 (éd. Luce, II, p. 25).

дѣйствій той или другой мѣстности, области, вообще части территоріи воюющихъ.

Такая нейтрализація мѣста борьбы могла быть или временной—будучи выговорена ad hoc заинтересованными сторонами для извѣстной мѣстности (сводясь, въ этомъ случаѣ, къ частному, мѣстному перемирію) или же, что здѣсь особенно интересно, могла быть постоянною, установившеюся путемъ обычая или также черезъ международное соглашеніе.

Въ смыслѣ перваго намека на это оригинальное явленіе средневѣковой международной жизни, напоминающее собою современную намъ нейтрализацію Іоническихъ острововъ, Chablais et Faucigny, Суэзскаго канала и пр., любопытно, прежде всего, отмѣтить тотъ фактъ, что по нѣкоторымъ извѣстіямъ, уже древнему скандинавскому сѣверу были извѣстны случаи установленія на время войны такъ называемаго „fridland", т. е. именно замиренной, нейтрализованной территоріи, изъятой изъ сферы военныхъ дѣйствій той и другой стороны [1]). Но затѣмъ и на пространствѣ уже вполнѣ историческихъ среднихъ вѣковъ, встрѣчаются факты такой локальной нейтрализаціи территорій во время войны. Мы и сгруппируемъ здѣсь нѣсколько дошедшихъ до насъ извѣстій о случаяхъ такого рода въ періодѣ среднихъ вѣковъ, начиная съ примѣровъ постоянной нейтрализаціи извѣстныхъ территорій.

Такъ, подъ 1333 годомъ Фруассаръ сохранилъ намъ любопытное извѣстіе о нейтрализаціи одного аббатства („Noire Combe"), лежащаго на границѣ Англіи и Шотландіи. Разсказывая о посѣщеніи его въ этомъ году шотландскимъ королемъ, хронистъ замѣчаетъ, что территорія этого аббатства пользуется правомъ неприкосновенности во время войны со стороны обоихъ государствъ, на что оно и имѣетъ соотвѣт-

[1]) Nys въ R. D. I. 1896 p. 376. Къ сожалѣнію Нисъ не опредѣляетъ болѣе точнымъ образомъ времени и мѣста, къ которымъ относится этотъ любопытный образецъ „des institutions primitives du Haut-Nord".

ствующія грамоты: „et est celle abbeye—говорятъ онъ—*crens de la guerre* des deux pays et de ces ont il bien cartre...“ [1])

Другой примѣръ касается отношеній между Франціею и Испаніею. Со временъ Людовика XI между этими государствами существуютъ такъ называемыя „parérages“, т. е. спеціальныя конвенціи, установляющія постоянную нейтрализацію извѣстныхъ дорогъ и мѣстностей въ Пиренеяхъ [2]).

Наконецъ, какъ это выясняется въ 1513 году, островокъ Aurigny, принадлежавшій нѣкогда Франціи, но оставшійся въ концѣ концовъ за Англіею, пользовался въ средніе вѣка со стороны французовъ постояннымъ признаніемъ своей установленной обычаемъ неприкосновенности: въ этомъ году именно, во время войны между Франціею и Англіею, жители острова, при приближеніи французскаго флота, посылаютъ къ адмиралу своего curé, для изложенія ихъ древняго права не считаться, въ случаѣ войны, врагами Франціи. Адмиралъ призналъ эту выработанную обычаемъ нейтрализацію и выдалъ населенію острова общую охранную грамоту [3]).

Къ этимъ нѣсколькимъ случаямъ постоянной нейтрализаціи извѣстной мѣстности присоединяются случаи нейтрализаціи временной, выговоренной ad hoc для той или другой части территоріи воюющихъ. Такъ, къ 1379 г. относится заключенный въ Трокахъ между Тевтонскимъ Орденомъ и Литвою (Кейстутъ, Витовтъ, Ягелло и др.) договоръ, установляющій между обѣими воюющими сторонами перемиріе на десять лѣтъ, но только для извѣстной пограничной полосы, для нѣкоторыхъ спеціально перечисленныхъ въ договорѣ областей [4]). Интересно, что этотъ актъ временной „нейтрализаціи мѣста борьбы“ не остался безрезультатнымъ на практикѣ, такъ какъ вскорѣ послѣ его заключенія, подъ защитою

[1]) Froissart (éd Luce) I, p. 330.

[2]) S. Schopfer. Le principe juridique de la neutralité, p 289 note.

[3]) Maulde I, 202.

[4]) Чешихинъ. Исторія Ливоніи, II, стр. 393.

его постановленій могло состояться свиданіе Ягелло съ уполномоченными прусскихъ рыцарей—въ Давидишкахъ, именно на „нейтрализованной“ территоріи—для заключенія между нимъ и Орденомъ сепаратнаго (отъ Кейстута) мирнаго и союзнаго договора [1]).

Въ аналогичномъ положеніи, тоже на основаніи спеціальнаго соглашенія, является въ концѣ XV вѣка городокъ Redon, выбранный какъ мѣсто переговоровъ о мирѣ между Франціею и Бретанью. Онъ формально объявляется „in *neutralitate* posita“ [2]).

Эти послѣдніе случаи частичной нейтрализаціи территоріи во время войны, сводящіеся, иначе говоря, къ частичному перемирію, и приводятъ насъ къ тому, что можно назвать „нейтрализаціей времени борьбы“ въ средніе вѣка. Подъ эту рубрику естественно было бы подвести, прежде всего, конечно, разсмотрѣнныя уже выше замѣчательныя стремленія средневѣковой церкви ввести въ международное правосознаніе понятіе настоящей „нейтрализаціи войны во времени“—„neutralisation dans le temps“ по выраженію Sidney Schopfer'a [3])—путемъ изданія ея знаменитыхъ постановленій о pax et treuga Dei въ XI—XII вѣкахъ. Но, какъ извѣстно, институтъ Божія мира или перемирія,—къ сожалѣнію совершенно не успѣвшій вообще привиться на практикѣ въ слишкомъ еще грубой тогда Европѣ и касавшійся къ тому же главнымъ образомъ только частныхъ, феодальныхъ войнъ внутри государства—не могъ оставить какихъ-нибудь благотворныхъ слѣдовъ въ смыслѣ внесенія понятія „локализаціи борьбы во времени“ въ область вооруженныхъ столкновеній между независимыми государствами.

Поэтому, въ смыслѣ нейтрализаціи времени борьбы, остается для полноты картины и вмѣстѣ съ тѣмъ для заключе-

[1]) Чешихинъ. Исторія Ливоніи, II, стр. 395.
[2]) Maulde I, 202, note 2.
[3]) Le principe juridique de la neutralité, p. 81.

нія разбора отдѣльныхъ институтовъ права войны въ средніе вѣка, указать только въ нѣсколькихъ словахъ на общеизвѣстный и общепринятый видъ такой нейтрализаціи—а именно, на перемирія (treuga, induciae; trêve, suspension ou „surséance“ d'armes), поскольку они могутъ привлечь наше вниманіе въ періодъ среднихъ вѣковъ.

Понимая ихъ, какъ и наше время, въ смыслѣ временного замиренія воюющихъ, средніе вѣка съ особенною строгостью поддерживаютъ принципъ безусловнаго сохраненія мира по отношенію къ непріятелю въ теченіе „нейтрализованнаго“ времени. Теоретическое обоснованіе такого принципа мы находимъ уже въ XIII вѣкѣ въ Summa aurea кардинала-епископа Остіи Генриха Сузскаго (Henri de Suse), который прямо приравниваетъ treuga къ pax [1]. Практическимъ же выраженіемъ такихъ взглядовъ служитъ громадная масса дошедшихъ до насъ актовъ средневѣковыхъ перемирій, которыми переполнены хотя бы всѣ три первыхъ тома (касающихся именно среднихъ вѣковъ) капитальнаго сборника Dumont. Честное соблюденіе условій такихъ перемирій пріобрѣло за средніе вѣка значеніе безусловной обязанности государства къ государству, и въ этомъ отношеніи замѣчателенъ тотъ фактъ, что—въ полномъ соотвѣтствіи съ вопросомъ о вѣрности слову и вѣроломствѣ—средневѣковый міръ не дѣлаетъ и здѣсь никакихъ исключеній для ненавистнаго ему вообще „внѣшняго“, не-христіанскаго, мусульманскаго міра. „Таково было установленное право—говоритъ одна изъ старѣйшихъ рыцарскихъ поэмъ, Chanson de Roland—что если сарацинъ и христіанинъ условливались о перемиріи, то ни одинъ изъ нихъ не долженъ былъ его нарушать, въ случаѣ же нарушенія, предавался смерти“.

Для болѣе добросовѣстнаго сохраненія мира и вообще соблюденія обязанностей по перемирію съ той и съ другой

[1] Nys, p. 219.

стороны, средніе вѣка выработали даже характерный обычай назначенія обѣими сторонами особыхъ „охранителей перемирія“ (или мира), „conservatores treugarum“,—съ которыми мы встрѣтились уже выше при разсмотрѣніи средневѣковыхъ репрессалій [1]). Дѣйствуя въ этой области въ качествѣ особыхъ посредниковъ, улаживавшихъ различные коммерческіе конфликты частныхъ лицъ, съ цѣлью избѣжать примѣненія репрессалій, они выполняли этимъ только одну изъ функцій своей общей примирительной роли. Такимъ смѣшаннымъ коммиссіямъ охранителей перемирія поручалось именно улаженіе *всякихъ* столкновеній между подданными той и другой стороны во время условленной „trêve“ и охрана ея отъ всякихъ нарушеній. Эти „gardiens, conservateurs et juges“ перемирія, какъ они оффиціально назывались въ средніе вѣка, назначались, однимъ словомъ,—какъ говорятъ намъ памятники того времени— „pour la seurte et parmanence d'icelles treves et pour deuement reformer, corigier, reparer et amender tout ce qui contre la teneur d'icelles treves auroit este ou seroit fait ou attempte en mer ou en terre, en aucune maniere“ [2]).—

— —

Одинъ за другимъ, мы разсмотрѣли такимъ образомъ различные институты права войны, поскольку они зародились и развивались въ средніе вѣка, постепенно проанализировали весь комплексъ тогдашнихъ правоотношеній, возникавшихъ между воюющими и сдѣлавшихся первыми устоями современнаго намъ международнаго „права во время войны“. Начавъ съ выясненія исторической роли въ этомъ отношеніи тѣхъ культурныхъ силъ средневѣковья, которыя способствовали возникновенію этого права войны,—а именно, церкви

---

[1]) Стр. 133 сл.

[2]) Англо-французское перемиріе 21 января 1413 г. Dumont II, 2, 5.

съ ея проповѣдью мира и справедливой войны, феодализма съ его взглядомъ на войну, какъ на процессъ о правѣ, идеальнаго рыцарства, практической дисциплины наемныхъ войскъ и теоретическихъ построеній средневѣковой науки—мы постепенно разобрали затѣмъ тѣ отрасли права сухопутной войны, которыя успѣли уже возникнуть въ XI—XV вѣкахъ: въ этотъ анализъ вошло, именно, „объявленіе войны" въ средніе вѣка, юридическое положеніе личности во время войны (не-комбаттанты, плѣнные, парламентеры, раненые), судьба непріятельскаго движимаго и недвижимаго имущества, попытки ограниченія средствъ борьбы съ врагомъ и наконецъ примѣры локализаціи войны въ смыслѣ пространства и времени.

Совокупность этихъ нормъ права, успѣвшихъ, хотя бы въ самомъ элементарномъ, зачаточномъ видѣ, выработаться за средніе вѣка—съ прибавленіемъ еще нѣкоторыхъ второстепенныхъ чисто-внѣшнихъ, формальныхъ военныхъ обычаевъ, общепризнанныхъ въ средневѣковыхъ войнахъ [1]),—и составляетъ именно средневѣковое „право войны", которое, независимо отъ частыхъ его нарушеній, безусловно признавалось общеобязательнымъ на пространствѣ всей тогдашней „Respublica Christiana". Эти правила должнаго, составлявшія, по выраженію Montague Bernard, цѣлый „военный кодексъ, еще несовершенный, но хорошо понимаемый" людьми того времени [2]), эти правила, отграничивавшія уже „bonne guerre" отъ „mauvaise guerre" и опредѣлявшія, что̀ есть „secundum fas et licitum" и что „vilenie",—эти нормы и мыслились уже

---

[1]) Напр. обычай предупрежденія врага о генеральномъ сраженіи (такъ 1410 г. передъ Танненбергской битвой см. Barthold II, 100; 1415 передъ Azincourt—Брандтъ 243) или постоянно упоминаемый обычай трехдневнаго отдыха побѣдителя на полѣ битвы (см. Брандтъ, 97, 309, Barthold II. 45 и пр.).—Интересно, что этотъ обычай передался и за предѣлы романо-германскаго міра: онъ былъ извѣстенъ напр. русскимъ (такъ, послѣ битвы при Раковорѣ въ 1268 г. русскіе три дня стоятъ „на костяхъ". См. Чешихинъ. Исторія Ливоніи, II, 86).

[2]) Montague Bernard въ Oxford Essays, p. 95.

въ то время *не* какъ какая-нибудь „международная мораль" или „международная вѣжливость", а именно какъ *право*, какъ особое „*droit d'armes*" по техническому выраженію среднихъ вѣковъ.

И это энергическое выраженіе принадлежитъ вовсе не однимъ только дипломатамъ, государственнымъ людямъ [1]) или юристамъ, представителямъ науки [2]) того времени, въ устахъ которыхъ оно могло бы означать только извѣстныя требованія теоріи, вовсе можетъ быть незнакомыя самимъ „дѣлателямъ", такъ сказать, ремесленникамъ войны. Это выраженіе знакомо, понятно, его знаютъ и имъ пользуются именно люди военной практики—люди меча, а не пера. Доказывающимъ эту мысль примѣромъ изъ военныхъ хроникъ XIV вѣка мы и закончимъ изложеніе исторіи этого droit d'armes въ средніе вѣка.

При осадѣ Лиможа англичанами въ великую столѣтнюю войну, три главныхъ начальника французскаго гарнизона, видя невозможность держаться дольше и желая сохранить себѣ всѣ права и почетныя преимущества военнаго плѣна, рѣшаются сдаться англичанамъ. И вотъ, отдавая вражескому полководцу свои шпаги, они дословно заявляютъ: „мы ваши, вы насъ завоевали, поступайте съ нами согласно съ правомъ войны"—„Signeur, nous sommes vostres et nous avés conquis, si ouvrés de nous au *droit d'armes*". И этотъ врагъ, которому они сдаются, сразу понимаетъ по этимъ словамъ, о чемъ тутъ идетъ рѣчь: „par Dieu, отвѣчаетъ онъ имъ, мы и не желали поступать съ вами иначе, мы васъ беремъ на правахъ военноплѣнныхъ" [3])—И все это передаетъ намъ не какой-нибудь „кабинетный" ученый-теоретикъ XIV вѣка—не

---

[1]) Какъ напр. въ англо-французскомъ трактатѣ 1470 г. См. Dumont III, 1, 602. Ср. также выше стр. 213 прим. („lex belli").

[2]) Какъ напр. у Christine de Pisan, см. выше стр. 233.

[3]) Froissart Chroniques, éd. Kervyn de Lettenhove, t. VIII, p. 43.— Ср. случай, приведенный выше, стр. 215 („laws of war").

Бартолъ и не Бальдъ, не Линьяно и не Бонэ: намъ передастъ это самъ Фруассаръ, эта живая исторія, живая лѣтопись того времени, самъ пережившій вмѣстѣ съ рыцарями, которыхъ онъ поименно называетъ, все, о чемъ онъ пишетъ,— тотъ самый Фруассаръ, чьи военныя хроники по справедливости считаются самымъ яркимъ, безъискусственнымъ, наивнымъ зеркаломъ, въ которомъ до мельчайшихъ подробностей отразился цѣликомъ весь разбираемый нами военный бытъ средневѣковья -со всѣмъ *вѣроятно* немыслимымъ въ наше время варварствомъ его людей XIV вѣка, со всѣмъ *навѣрно* немыслимымъ въ наше время благородствомъ его уснувшаго на вѣкъ рыцарства!

Итакъ, извѣстное право войны несомнѣнно зародилось уже въ эпоху среднихъ вѣковъ. Параллельно съ нимъ, возникли и первые опыты въ области науки этого права. Не говоря о касавшихся этой области средневѣковыхъ канонистахъ— вспомнимъ хотя бы только Граціана, знаменитый „Декретъ“ котораго оставилъ намъ въ 23-ей Causa своей второй части дѣйствительно замѣчательный для XII столѣтія опытъ изложенія различныхъ вопросовъ этого рода [1]) —назовемъ здѣсь, въ качествѣ первыхъ столповъ этой науки, такихъ писателей какъ Іоаннъ де Линьяно (De bello), Honoré Bonet (L'arbre des batailles), Iohann der Seffner (Ler von den streitten) въ XIV вѣкѣ, Христина Пизанская (Livre des faits d'armes et de chevalerie), Генрихъ Горкумъ (De bello), Мартинъ Гаратъ изъ Лоди (De bello), Жуанъ Лопецъ (De bello et bellatoribus) въ XV вѣкѣ [2]). Всѣ они—благодаря такимъ изслѣдователямъ

---

[1]) Ср. о немъ вообще Horoy Droit international et droit des gens public d'après le Decretum de Gratien (P. 1887). Французскій профессоръ такъ опредѣляетъ значеніе Граціана въ этой области: „Gratien recueille la formule féciale ecclésiastique... il devance et il prépare Bluntschli, Calvo, Laurent, Dudley Field et autres modernes“. loc. cit. p. 29.

[2]) По мѣрѣ надобности, мы отмѣчали ихъ взгляды въ предъидущемъ изложеніи. Спеціальный очеркъ ихъ общей дѣятельности въ ряду другихъ представителей науки международнаго права въ средніе вѣка будетъ сдѣланъ въ заключительной главѣ всего нашего труда, т. е. въ послѣднемъ его томѣ.

какъ Kaltenborn, Rivier, Maulde-la-Clavière, Nys—не даромъ воскресли въ наше время изъ забвенія своихъ средневѣковыхъ гробницъ и не даромъ всѣми признаны въ современной историко-юридической наукѣ истинными „предшественниками", духовными предками такъ называемаго „отца" нашей науки, Гуго Гроція. „Идеи, которыя они защищаютъ,—заключимъ мы словами Э. Ниса [1])—теоріи, которыя они проповѣдуютъ, дѣйствительно замѣчательны. Есть даже что-то странное въ томъ фактѣ, что писатели конца XIV-го и начала XV-го вѣка излагаютъ, по многимъ пунктамъ, ученія болѣе согласныя со справедливостью и правомъ, чѣмъ непосредственные предшественники Гроція, самъ Гроцій и цѣлая масса послѣдователей великаго нидерландскаго мыслителя".

---

[1]) Въ статьѣ объ Honoré Bonet et Christine de Pisan въ R. D. I. 1882.

V.

Зарожденіе права нейтралитета и война на морѣ.

Зарожденіе права нейтралитета и война на морѣ.[1]

Сдѣланный въ предъидущей главѣ разборъ первыхъ признаковъ зарожденія извѣстнаго права войны, droit d'armes, среди варварства международныхъ столкновеній среднихъ вѣковъ имѣлъ въ виду исключительно войну на сушѣ. Что касается войны на морѣ, то она представляла собою въ эту эпоху еще болѣе мрачную картину. Если уже въ наше время сравненіе между морскою и сухопутною войною оказывается, какъ извѣстно, далеко не въ пользу первой, то, конечно, a fortiori можно ожидать такого же соотношенія и въ средніе вѣка. И дѣйствительно, средневѣковая война на морѣ (по крайней мѣрѣ, какъ увидимъ далѣе, до XIII—XIV в.)—это нѣчто совершенно анархическое, какой-то полный, необузданный произволъ воюющихъ. „La guerre sur mer est une chose désespérée", говоритъ Nys[2]), ссылаясь на Siete Partidas, юридическій памятникъ XIII вѣка.

И это вполнѣ понятно. Дѣло въ томъ, что тѣ гуманизирующія культурныя силы средневѣковья, которыя, какъ мы видѣли, оказали свое благотворное вліяніе на сухопутную войну и создали здѣсь извѣстное „право войны",—по самому своему существу не могли коснуться войны на морѣ. Море, по самой природѣ, стоитъ внѣ феодальнаго (специфически-территоріальнаго) строя среднихъ вѣковъ, и на морской войнѣ

---

[1]) Литературу см. ниже, стр. 288, 289.

[2]) Origines, p. 211.

не могла, конечно, отразиться ни идея войны, какъ процесса о правѣ, выставленная феодализмомъ, ни благородные взгляды такъ тѣсно связаннаго съ нимъ рыцарства. По той же причинѣ, и гуманизирующее воздѣйствіе воинскихъ регламентовъ позднѣйшаго средневѣковья на упорядоченіе практики войны ограничилось также областью войны сухопутной. Средневѣковые короли—короли прежде всего феодальные—оказались, въ силу именно этой особенности, почти безсильными для борьбы съ непріятелемъ на морѣ и силою вещей были принуждены отдать дѣло борьбы съ врагомъ въ этой сферѣ всецѣло въ руки частныхъ лицъ, почти безъ всякой возможности контроля надъ ними [1]). А частныя лица, думая лишь о собственной выгодѣ, не замедлили превратить морскую войну въ настоящее пиратство, въ античный типъ войны—bellum omnium contra omnes—не регулированной ни идеалами рыцарства, ни угрозами воинскихъ регламентовъ и статутовъ.

Такимъ образомъ, область средневѣковой войны на морѣ *не* представляетъ подходящей сферы для анализа подобнаго тому, который былъ умѣстенъ относительно войны сухопутной. Но зато она насъ можетъ интересовать въ другомъ отношеніи.—Именно, благодаря тому варварству, которое безгранично царило въ области морской войны, благодаря превращенію ея въ „войну противъ всѣхъ“ и самому вопіющему попранію во время нея всѣхъ правъ не только врага, но и всѣхъ другихъ народовъ,—интересы этихъ *другихъ* народовъ, нейтральныхъ, неучаствующихъ въ борьбѣ, должны были вызвать—и дѣйствительно вызвали—извѣстную реакцію со стороны нейтральныхъ правительствъ. А эта реакція, именно путемъ ограниченія произвола воюющихъ, привела къ созданію извѣстной системы правъ нейтральныхъ.

[1]) Cp. Holtzendorf Handbuch, § 76. Pierantoni Trattato, I, 750,—Schopfer Le principe juridique de la neutralité p. 85 и пр.

Вотъ почему исторія права нейтралитета (въ частности, правъ нейтральной торговли) излагается всегда совмѣстно съ исторіею морской войны,—юридическій анализъ которой и даетъ намъ въ результатѣ извѣстный комплексъ нормъ международнаго права, образующихъ собою „право нейтралитета". Такъ поступимъ и мы, соединяя въ одинъ большой общій отдѣлъ разсмотрѣніе войны на морѣ и первой системы правъ нейтральныхъ.

Однако намъ думается, что такой анализъ права нейтралитета, какъ оно возникло въ средніе вѣка, оказался бы все-таки *не* полнымъ, если-бы мы, вслѣдъ за Galliani, Lampredi, Hautefeuille, Cauchy, Gessner'омъ, или Лешковымъ и Даневскимъ, *безусловно* соединили бы изображеніе историческои выработки идеи и права нейтралитета съ изложеніемъ исторіи морской войны. На самомъ дѣлѣ, хотя центральный интересъ въ исторіи нейтралитета и падаетъ дѣйствительно на исторію морской войны, но эти понятія вовсе *не* неразрывны и, какъ оказывается, право нейтралитета имѣетъ свою довольно любопытную исторію и независимо отъ права морской войны: это понятіе развивалось въ международной жизни, конечно, параллельно по двумъ направленіямъ—не только на морѣ и въ отношеніи къ морской торговлѣ нейтральныхъ подданныхъ, но также и на сушѣ, въ обще-политическихъ отношеніяхъ между разными правительствами.

Этотъ-то очеркъ общаго „возникновенія понятія нейтралитета въ средніе вѣка" (независимо отъ морской войны) мы и предпошлемъ спеціальному анализу „войны на морѣ и первой системы правъ нейтральныхъ". Служа какъ бы введеніемъ въ этотъ послѣдній спеціальный отдѣлъ, заключающій собою всю сферу международныхъ столкновеній въ средніе вѣка, этотъ очеркъ пополняетъ общую картину исторіи права нейтралитета, какъ оно дѣйствительно понималось и развивалось въ средніе вѣка.

*

I. Возникновеніе понятія нейтралитета въ средніе вѣка [1]).

Право нейтралитета, какъ совокупность извѣстныхъ нормъ, опредѣляющихъ юридическое положеніе третьихъ, неучаствующихъ въ международной борьбѣ, государствъ во время войны, было совершенно незнакомо древнему міру. Юридическія понятія этого рода начали вырабатываться только въ разбираемую нами эпоху среднихъ вѣковъ.

Мы не хотимъ, конечно, сказать этими словами, что исторія международныхъ отношеній государствъ древняго міра, проникнутыхъ своею исключительностью и непримиримою враждою къ чуждымъ народамъ, вовсе не видѣла примѣровъ нейтралитета, фактическаго невмѣшательства третьяго государства въ борьбу двухъ другихъ. Конечно, ни въ одну самую отдаленную эпоху варварства, міръ не представлялъ картины непремѣнно повсемѣстной и постоянной борьбы, и слѣдовательно примѣровъ того положенія, которое мы теперь называемъ нейтралитетомъ, было довольно и въ тѣ времена. Однако, такой нейтралитетъ никогда не выработался въ извѣстное „право": сознаніе *права*, имѣющагося у третьяго государства, оставаться спокойнымъ зрителемъ при столкновеніи сосѣдей и, рядомъ съ этимъ, сознаніе *обязанности* воюющихъ соблюдать ненарушимость такого положенія, не вторгаясь въ сферу чужихъ правъ,—такого сознанія не выработала международная жизнь древности; ей непонятна самая идея права нейтралитета и самаго слова, выражающаго это понятіе, не находится даже въ столь тонкомъ юридическомъ языкѣ, какъ языкъ древняго Рима [2]).

[1]) Развитіе понятія нейтралитета *помимо* выработки правъ нейтральныхъ *на морѣ* совершенно ускользаетъ отъ вниманія историковъ права нейтралитета. Его отчасти затрагиваетъ одинъ только Sidney Schopfer Le principe juridique de la neutralite et son évolution dans l'histoire du droit de la guerre. (Lausanne, 1894).

[2]) „Neutralitas", „neutralis", конечно, только варваризмы и притомъ сравнительно очень недавняго происхожденія. Изобрѣтены они и изрѣдка встрѣчают-

„Самые цивилизованные народы древности, читаемъ мы въ спеціальномъ изслѣдованіи Schopfer'а объ историческомъ развитіи понятія о нейтралитетѣ [1]), не признавали за народомъ права пользоваться миромъ, когда сосѣдніе народы находились между собою въ войнѣ. Народъ, который не былъ союзникомъ, былъ врагомъ, и въ тѣ времена не знали средняго положенія между этими крайностями". Третьимъ, постороннимъ народамъ древнее воюющее государство даетъ такимъ образомъ на выборъ быть или его союзниками, или врагами; средняго пути здѣсь нѣтъ и не можетъ быть. „Aut socios, aut hostes habeatis oportet (Romanos)"—говоритъ Римъ другимъ народамъ [2]).

Установленіе этого „средняго пути" принадлежитъ уже средневѣковью. Эта, казавшаяся римлянамъ невозможной, media via между необходимостью быть aut socii, aut hostes,—была найдена именно въ среднихъ вѣкахъ, и притомъ какъ простой логическій выводъ изъ общей, разсмотрѣнной уже нами, идеи мира, какъ она понимается среди государствъ-членовъ средневѣковой Respublica Christiana. Дѣйствительно, разъ обыкновенное, нормальное состояніе этого христіанскаго общества народовъ есть миръ, а война состояніе исключительное,—разъ „pacis causa est perpetua"—то естественно, что всякая международная борьба локализируется, касается исключительно только данныхъ государствъ, спеціально пожелавшихъ, взявшись за оружіе, попасть въ это ненормальное положеніе вооруженной борьбы. Остальныя—остаются въ своемъ обычномъ, нормальномъ положеніи, въ состояніи мира, сохранять который есть ихъ вполнѣ признанное право и уважать который—есть, точно также, всѣми признан-

ся, какъ увидимъ, еще въ средніе вѣка, но въ общее употребленіе вошли значительно позже. Еще Гуго Гроцій для обозначенія нейтральныхъ употреблялъ слово „medii", Bynkershoek называетъ ихъ „non-hostes".

[1]) Op. cit. p. 75.

[2]) Titi Livi, I, XXXII, cap. 21.

ная обязанность воюющихъ [1]).—Такъ, подъ вліяніемъ чисто-моральнаго прогресса средневѣковаго міра сравнительно съ древностью и въ зависимости отъ постепенно-увеличивающагося сплоченія западныхъ народовъ въ одно культурное, мирное общество, рождается извѣстное общее сознаніе ненарушимости правъ нейтральныхъ со стороны воюющихъ, другими словами—извѣстное интернаціональное право нейтралитета.

Въ этомъ именно смыслѣ и говорятъ о значеніи среднихъ вѣковъ даже писатели, едва ли вообще очень расположенные къ средневѣковью. „Въ средніе вѣка, пишетъ напримѣръ проф. Мартенсъ [2], впервые обнаруживаются зачатки понятія о нейтралитетѣ“... „Проблески эти могли возникнуть въ эту эпоху—читаемъ мы дальше—потому что извѣстная общность религіозныхъ и культурныхъ стремленій, равно и коммерческихъ интересовъ средневѣковыхъ народовъ положила твердое основаніе для созидающагося постепенно международнаго общенія“ [3]).

Среднимъ вѣкамъ принадлежитъ такимъ образомъ, прежде всего, честь выработки самаго понятія нейтралитета, извѣстнаго права нейтральныхъ.—Новое понятіе требуетъ и новыхъ словъ для своего выраженія, и въ эту именно эпоху начинаетъ складываться и извѣстная терминологія для этой отрасли нашей дисциплины. Въ документахъ и сочиненіяхъ того времени мы встрѣчаемся уже съ твердо установившимися (описательными) выраженіями „stille sitzen“, „se tenir cois“, „medii in bello“, „personae communes“, „unparteiisches Verhalten“,—

[1]) Все это опять ограничивается только предѣлами средневѣковой „христіанской республики“, не касаясь напр. чуждаго ей міра ислама. Отношенія къ послѣднему остаются, какъ не разъ уже было замѣчено, на почвѣ „непримиримыхъ“ взглядовъ древности, и вырабатывающіяся понятія права нейтралитета сюда не приложимы. Ср. Maulde I, 203.

[2]) Ф. Мартенсъ Соврем. междунар. право цивил. народовъ. II, стр. 516.

[3]) Т. е. какъ разъ тотъ періодъ, изслѣдованію котораго мы спеціально посвятили I томъ нашего изслѣдованія.

а затѣмъ и со знакомыми и понятными намъ „neutrarum partium (esse)“, „neutres“, „neutralitas“ [1]). Приведемъ нѣсколько мало извѣстныхъ примѣровъ.

Въ 1322 г. графъ Баръ и герцогъ Лотарингскій заключаютъ между собою договоръ, по которому послѣдній обязывается соблюдать нейтралитетъ въ войнѣ, предпринимаемой другимъ контрагентомъ: герцогъ Лотарингскій „se droit tenir cois“ [2]).

Подъ 1382 годомъ Бернская хроника отмѣчаетъ, что во время войны городовъ Берна и Золотурна съ графами Кибургскими, герцогъ Австрійскій прямо объявилъ, что останется нейтральнымъ—„er wolte stille sitzen“—несмотря на то, что Кибурги приходились ему родственниками и были его вассалами [3]).

Въ 1430 году ливонскій магистръ извѣщаетъ великаго магистра прусскаго (Hochmeister), что въ случаѣ войны Ордена съ архіепископствомъ рижскимъ, епископъ дерптскій рѣшилъ остаться нейтральнымъ—„stille sitzen“ [4]).

Въ томъ же XV-мъ вѣкѣ, во время войны между Франціею и Бретанью, городъ Redon, назначенный для переговоровъ о мирѣ между воюющими, объявляется (какъ мы видѣли уже выше) „in neutralitate posita“ [5]).

По старымъ документамъ мы можемъ даже видѣть такъ сказать самый генезисъ этого термина „neutralitas“: Этотъ неологизмъ постепенно образовался изъ выражаемаго на латинскомъ языкѣ обязательства не помогають ни той, ни

[1]) См. вообще Sidney Schopfer op. cit., p. 90. Nys Origines, p. 222. Rivier Principes du droit des gens (P. 1896), II p. 378.

[2]) Dumont I, 2, 344.

[3]) Justinger Berner-Chronik y S. Schopfer loc. cit. p. 91.

[4]) Livl. UB. VIII, 336: „...hetten wir was begunth mit dem stichte von Rige, do wolde der here bisshoff von Darpte mit den sienen haben stille zcu gesessen“.

[5]) Maulde I, 202, note 2. Въ этомъ примѣрѣ говорится, конечно, не о нейтралитетѣ въ разбираемомъ теперь смыслѣ, а о нейтрализаціи извѣстной территоріи (см. выше стр. 261 сл.). Сюда мы включили этотъ примѣръ только изъ-за термина „neutralitas“, рѣдкаго еще за средніе вѣка.

другой (neuter) сторонѣ: напримѣръ, въ одной грамотѣ 1304 года говорится, что извѣстное государство „neutram litigantium partem adjuvabit“ [1])—откуда прямой переходъ къ нашему термину „нейтральный“, „neutre“. Это слово и встрѣчается уже въ современномъ намъ техническомъ смыслѣ въ XIV в.: „ceux de Hainaut—говоритъ въ одномъ мѣстѣ Froissart—demeurerent *neutres*“ [2]).—Все это знаменуетъ собою, конечно, наступленіе нѣсколько иныхъ порядковъ и взглядовъ, чѣмъ тѣ, которые господствовали въ древности.

Одновременно, особенно къ концу нашего періода, въ XV вѣкѣ, постепенно входятъ въ общее сознаніе народовъ и извѣстныя общія положенія, касающіяся права нейтралитета, т. е. правъ и обязанностей нейтральныхъ и воюющихъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, притомъ какъ правительствъ, такъ и частныхъ лицъ.

Современная намъ доктрина и практика международныхъ отношеній пришли вообще къ тому положенію, что въ понятіе права нейтралитета въ его общихъ, широкихъ чертахъ входятъ слѣдующіе моменты: 1) обязанность нейтральнаго государства воздерживаться отъ всякаго участія въ войнѣ, т. е. a) обязанность не вмѣшиваться самому и не позволять вмѣшиваться своимъ подданнымъ въ военныя дѣйствія внѣ своей территоріи и b) не допускать и на своей территоріи никакихъ, касающихся войны, предпріятій со стороны воюющихъ и 2) право продолжать во время войны мирныя сношенія съ обѣими воюющими сторонами [3]).

---

[1]) Livl. UB. II, 608.

[2]) См. Rivier Principes, II, 370, гдѣ, къ сожалѣнію, не приведено никакой ссылки на соотвѣтственное мѣсто знаменитыхъ „Хроникъ“.

[3]) См. три основныхъ принципа современнаго права нейтралитета, выставленныхъ проф. Ф. Мартенсъ Соврем. междунар. право II, стр. 554. Ср. принципы права нейтралитета, вотированные Институтомъ международнаго права 30 августа 1875 г. Annuaire de l'Institut de droit internat., t. I, p. 139.

И вотъ, уже въ средніе вѣка наблюдаются извѣстные факты, доказывающіе, что эти принципы, правда еще въ очень примитивной формѣ, зарождаются въ общемъ сознаніи народовъ и, хотя и очень нерѣшительно, непослѣдовательно, болѣе или менѣе случайно—какъ всякіе первые шаги—уже даютъ себя чувствовать въ международной жизни Европы.

1. Обязанности нейтральныхъ.

a) Что касается, прежде всего, обязанности третьихъ, неучаствующихъ въ войнѣ государствъ не вмѣшиваться во враждебныя дѣйствія воюющихъ, то нужно замѣтить, что сознаніе этой обязанности могло вообще развиться сравнительно поздно—только тогда, когда европейскіе народы, такъ сказать, разодрали окутывавшую ихъ и внутри и извнѣ сѣть ленныхъ правъ и феодальныхъ отношеній и превратились въ крупныя самостоятельныя государственныя единицы.

Дѣло въ томъ, что при господствѣ феодальныхъ взглядовъ вся юридическая атмосфера, въ которой жили люди среднихъ вѣковъ, способствовала скорѣе развитію діаметрально-противоположныхъ тенденцій—стремленій *не* оставаться безучастнымъ, нейтральнымъ зрителемъ при войнахъ и распряхъ сосѣдей. Различныя государственныя единицы средневѣковой Европы, будучи связаны при феодальномъ режимѣ сложною цѣлью взаимныхъ ленныхъ правъ и обязанностей, часто даже не имѣли права, съ точки зрѣнія ихъ феодальныхъ отношеній оставаться нейтральными ихъ государи не могли „stille sitzen", когда то или другое государство находилось съ кѣмъ-нибудь въ войнѣ. Вообще феодализмъ скорѣе, конечно, затягивалъ въ данную войну другія государства, такъ или иначе обязанныя помогать одной изъ сторонъ (сюзерену или вассалу), чѣмъ способствовалъ устраненію ихъ отъ всякаго участія въ войнѣ третьихъ лицъ. Та-

кимъ образомъ, слѣдуетъ вообще признать, что собственно феодальная почва была вообще неблагопріятна для зарожденія понятія о правѣ нейтралитета [1]), и при господствѣ леннаго строя мы можемъ намѣтить только въ видѣ исключеній пробивающееся то тамъ, то тутъ стремленіе феодальныхъ правительствъ, незаинтересованныхъ прямо въ данномъ конфликтѣ, обезпечить себѣ миръ, нейтралитетъ, *несмотря* на свои связи съ тѣмъ или другимъ изъ воюющихъ государствъ.

Независимо отъ довольно любопытнаго развитія этихъ стремленій среди мелкихъ феодальныхъ владѣтелей, слѣдовательно, собственно во внутренней жизни феодальныхъ государствъ [2]), таже тенденція замѣчается и въ области международныхъ отношеній среднихъ вѣковъ, выражаясь здѣсь или въ видѣ особыхъ договоровъ о нейтралитетѣ, или же просто въ фактическомъ его соблюденіи, несмотря на все неудовольствіе затронутыхъ этими новыми взглядами государей. Такъ напримѣръ, къ 1322 году относится (упомянутый уже выше) примѣръ такого договора о нейтралитетѣ между Эдуардомъ графомъ Баръ и его сюзереномъ Ферри III герцогомъ Лотарингскимъ, который во время войны своего вассала съ королемъ богемскимъ (Іоаннъ Люксембургскій) „se doit tenir cois, sens nous aidier, s'il ne li plait, mais il ne nous puet grevier par lui ne par ses gens“ [3]). Напротивъ того, безъ всякихъ договоровъ о нейтралитетѣ обходятся въ тоже самое время различные государи-члены св. римской имперіи, большая часть которыхъ къ неудовольствію обѣихъ сторонъ остаются „unparteiisch“ во время войны двухъ претенден-

---

[1]) Cp. S. Schopfer loc. cit., p. 80.

[2]) См. объ этомъ особое примѣчаніе (IV) въ концѣ книги: „Нейтралитетъ мелкихъ вассаловъ феодальной эпохи“.

[3]) Dumont, I, 2, 244. Ср. еще дерптскій договоръ 1304 г., гдѣ такъ говорится о нейтралитетѣ ливонскихъ государствъ въ случаѣ нападенія Ордена на Ригу: „stabunt in pace... tamquam personae communes, nulli nostrorum litigantium consilium vel auxilium conferendo“. Livl. UB. II, 608.

товъ на императорскую корону, Фридриха Австрійскаго и Людовика Баварскаго [1]).—Естественно, что подобные примѣры все учащаются съ теченіемъ времени, именно по мѣрѣ разрушенія леннаго строя и формаціи на его развалинахъ ряда самостоятельныхъ извнѣ и самодержавныхъ внутри политическихъ тѣлъ—государствъ въ современномъ смыслѣ слова. Такъ въ XIV—XV ст. по примѣру положенія, занятаго князьями имперіи въ періодѣ 1314—22 г., у государствъ—членовъ св. римской имперіи входитъ даже прямо въ обычай дѣлать, въ аналогичныхъ случаяхъ, формальное объявленіе объ ихъ „unparteiisches Verhalten" т. е. нейтралитетѣ [2]).

Къ концу же этого періода (и въ самомъ началѣ такъ называемой новой исторіи) мы находимъ даже факты, уже прямо доказывающіе сознаніе правительствами ихъ обязанности соблюдать нейтралитетъ во время войны сосѣдей въ смыслѣ недопущенія никакихъ враждебныхъ или вспомогательныхъ дѣйствій по отношенію къ той или другой изъ воюющихъ сторонъ.

Такъ напримѣръ, въ 1429 г. на съѣздѣ государей и пословъ въ Луцкѣ [3]), императоръ Сигизмундъ заявляетъ формальную претензію на то, что гусситовъ поддерживаютъ изъ Польши и изъ Литвы; и ему отвѣчаютъ—уже въ сознаніи своихъ обязанностей нейтральной стороны—что ни польское, ни литовское правительство во всякомъ случаѣ никакой помощи гусситамъ не оказываетъ, а если къ нимъ являются на помощь отдѣльныя частныя лица въ качествѣ добровольцевъ. то и противъ такихъ выходовъ принимаются, по возможности, всѣ мѣры [4]).—Или напримѣръ въ 1488 г., когда во время войны Франціи съ Бретанью, партія англичанъ высадилась на французскій берегъ. чтобы принять участіе

---

[1]) Sidney Schopfer, p. 90, ср. также приведенный выше случай 1382 г. (стр. 279).

[2]) Ibid., p. 91.

[3]) См. выше стр. 98 сл.

[4]) Чешихинъ, Исторія Ливоніи, т. III, стр. 61.

въ дѣйствіяхъ противъ короля, англійское правительство, въ сознаніи своихъ обязанностей нейтральной стороны, поспѣшило торжественно отказаться отъ всякой солидарности съ этими англичанами и послало даже, для объясненія, спеціальнаго герольда съ письмомъ къ Карлу VIII [1]).

Наконецъ, въ самомъ началѣ новаго періода исторіи, встрѣчаются уже и отдѣльные общіе акты, предупреждающіе вмѣшательство нейтральныхъ подданныхъ въ военныя дѣйствія третьихъ державъ—далекіе предшественники англо-американскихъ Foreign Enlistment Act'овъ нашего столѣтія. Въ 1503 г. венеціанское правительство запрещаетъ своимъ корабельщикамъ законтрактовываться на службу Испаніи (въ виду ея войны съ Франціею) [2]). Въ 1509 г. папа издаетъ прокламацію, запрещающую его подданнымъ вступать на службу иностранныхъ государствъ и пр. [3])

Такъ или иначе, по сознаніе третьими, неучаствующими въ войнѣ государствами своей обязанности воздерживаться (даже въ лицѣ отдѣльныхъ подданныхъ) отъ вмѣшательства въ военныя дѣйствія сосѣдей на ихъ территоріи уже чувствуется, такимъ образомъ, къ концу среднихъ вѣковъ.

b) Зато, современная намъ обязанность нейтральныхъ недопускать никакихъ дѣйствій воюющихъ и на своей территоріи почти совершенно не сознается еще правительствами разсматриваемаго нами періода. Относящійся сюда вопросъ, можетъ ли государство, не нарушая своего нейтралитета, терпѣть на своей территоріи присутствіе арміи одной изъ воюющихъ сторонъ—напр. пропускать черезъ свои владѣнія непріятельское войско, транспорты оружія и пр.—этотъ вопросъ рѣшается вообще въ утвердительномъ смыслѣ. Правда, изъ самаго конца нашего періода (отъ 1495) мы имѣемъ

[1]) Maulde I, 200, note 6.
[2]) Maulde I, 197 note 2.
[3]) Ibid., note 1.

примѣръ протеста одного государя (герцога миланскаго) противъ пропуска другимъ (герцогиней савойскою) черезъ свою территорію направленныхъ противъ него (французскихъ) войскъ,—причемъ обвиненное правительство считаетъ нужнымъ извиниться и объяснить все дѣло невозможностью помѣшать этому проходу чужихъ войскъ по его территоріи [1]. Мы видимъ такимъ образомъ, что виновная сторона какъ будто сама сознаетъ, что поступила неправильно и несогласно съ обязанностями нейтральнаго. Но этотъ примѣръ новыхъ и болѣе строгихъ взглядовъ на обязанности нейтральныхъ не имѣетъ себѣ вообще прецедентовъ въ средніе вѣка. Средневѣковье относится безразлично къ факту присутствія непріятельскихъ войскъ на нейтральной территоріи и *не* ставитъ его въ вину нейтральному. Мало того, этотъ періодъ признаетъ даже право воюющаго проходить черезъ территорію нейтральнаго (и даже требовать пропитанія для своихъ войскъ!), если только этотъ проходъ войскъ происходитъ вполнѣ мирно, съ уплатою за всѣ расходы и убытки нейтральнаго [2].

Еще Декретъ Граціана (XII в.) провозглашаетъ такой „безвредный проходъ" (transitus innoxius) вполнѣ допустимымъ съ точки зрѣнія общепризнаннаго права и, ссылаясь на бл. Августина, считаетъ даже отказъ нейтральнаго государства въ пропускѣ чужихъ войскъ черезъ его территорію за вполнѣ законный „casus belli": евреи, говоритъ онъ, имѣли полное право начать войну съ аммореями, ибо отказъ послѣднихъ въ пропускѣ евреевъ черезъ ихъ землю былъ прямымъ нарушеніемъ „справедливѣйшаго общечеловѣческаго права" [3]. Такихъ же взглядовъ держатся и другіе средневѣковые авторитеты. „Tous passages sans commettre mal, говоритъ напримѣръ Honoré Bonet, sont octroiez de droit et de amour naturelle" [4].

---

[1]) Maulde I, 198.

[2]) Cp. Nys, 223 s., Maulde I, 197.

[3]) Decreti C. 23, qu. 2. c. 3:... „Innoxius enim transitus denegabatur, qui jure humanae societatis aequissimo patere debebat".

[4]) Arbre des batailles, IV p., ch. 61.

Такіе взгляды вполнѣ понятны и совершенно соотвѣтствуютъ особымъ условіямъ средневѣковья. Дѣйствительно, съ одной стороны, воспоминанія раннихъ среднихъ вѣковъ, эпохи постояннаго передвиженія, переселенія цѣлыхъ племенъ и народовъ [1]), съ другой—какъ это вполнѣ правильно подмѣтилъ одинъ французскій юристъ [2])—черезполостность феодальныхъ владѣній (требовавшая постояннаго перехода границы сосѣдей для того, чтобы попасть въ другую часть своихъ же владѣній) дѣлали не мыслимымъ приложеніе къ средневѣковой международной жизни современныхъ *намъ* понятій о переходѣ и пребываніи войскъ одного изъ воюющихъ на нейтральной территоріи. Итакъ, transitus innoxius считается явленіемъ вполнѣ нормальнымъ, на него не можетъ претендовать ни нейтральное государство, ни воюющая сторона, противъ которой этотъ „transitus" направленъ.

Наибольшее до чего можно, такимъ образомъ, считать достигшими средніе вѣка въ смыслѣ признанія извѣстныхъ обязанностей за нейтральными, это—признаніе, какъ мы видѣли, ихъ отрицательной обязанности воздерживаться отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій по отношенію къ воюющимъ; напротивъ, ни практика, ни теорія среднихъ вѣковъ не дошли еще до признанія также и положительной обязанности нейтральнаго противиться, съ своей стороны, дѣйствіямъ воюющихъ, если они переходятъ на его территорію. Послѣ полной анархіи древности въ этомъ вопросѣ, средніе вѣка занимаютъ, однимъ словомъ, среднюю ступень сравнительно съ нашимъ временемъ: они вообще довольствуются пассивнымъ положеніемъ нейтральныхъ во время войны, не возлагая на нихъ, какъ это дѣлаемъ мы, обязанности поддерживать, въ извѣстныхъ случаяхъ, свой нейтралитетъ также и активнымъ образомъ. Это обстоятельство и заставляетъ насъ, ко-

[1]) Ср. Hoгoy, op. cit. 136.

[2]) Brissaud въ статьѣ „Les restitutions des grands par Claude Joly". Revue générale de droit internat. public 1897 p. 500.

нечно, согласиться съ мнѣніемъ, что сфера обязанностей нейтральныхъ и въ практикѣ, и въ теоріи, остается вообще еще очень шаткой въ теченіе среднихъ вѣковъ [1].

Однако, въ области права нейтралитета, международная жизнь среднихъ вѣковъ *не* остановилась на упомянутыхъ выше успѣхахъ—на выработкѣ самаго, незнакомаго древности, понятія нейтралитета, да еще нѣкоторыхъ обязанностей нейтральныхъ по отношенію къ воюющимъ. Что важнѣе съ практической точки зрѣнія,- въ эту эпоху развивается также первая система правъ нейтральныхъ.

2. Права нейтральныхъ.

Рядомъ съ развитіемъ въ средніе вѣка нѣкотораго сознанія обязанностей нейтральныхъ, идетъ еще болѣе быстрыми шагами развитіе сознанія ими своихъ правъ по отношенію къ воюющимъ, и это-то сознаніе, поддержанное въ тѣхъ или другихъ случаяхъ силою оружія, и позволило окончательно утвердиться въ международной жизни извѣстному комплексу „правъ нейтральныхъ". Этотъ-то процессъ эволюціи правъ нейтральныхъ и связанъ, какъ было замѣчено выше, самымъ тѣснымъ образомъ съ исторіею морской войны и возникновеніемъ въ ней извѣстныхъ идей права. Мы видѣли, именно, что феодальный строй мало благопріятствовалъ выработкѣ понятія правъ нейтральныхъ; естественно поэтому было ожидать, что большіе успѣхи будутъ сдѣланы въ этомъ отношеніи на той почвѣ, гдѣ столкновенія интересовъ не подлежали нормировкѣ феодальнаго права, гдѣ отношенія людей и народовъ должны были выливаться въ новую, почерпнутую изъ самой сущности вещей, систему правъ. Такою почвою—единственною, на которую не могли распространяться принципы леннаго права,—было, конечно, море, и здѣсь взаимныя отношенія воюющихъ и нейтраль-

---

[1]) Maulde I, 199.

ныхъ должны были сразу принять болѣе рельефныя, рѣзкія, болѣе ясныя и опредѣленныя формы. Въ этой области, свободной отъ переплетающей все и всѣхъ сѣти феодальныхъ правъ и обязанностей, международныя отношенія носятъ уже по существу новый, современный намъ характеръ, и именно въ этой области, на морѣ, „принципъ нейтралитета могъ развиваться сравнительно нормально несмотря на свое постоянное колебаніе и недостаточную устойчивость нѣкоторыхъ спорныхъ пунктовъ“ [1]). Здѣсь, въ вооруженной борьбѣ за права нейтральной торговли, и вырабатываются общіе принципы права нейтральныхъ на мирныя сношенія съ воюющими, которые въ соединеніи съ разсмотрѣнными выше обязанностями нейтральныхъ и образуютъ собою всю сферу современнаго „права нейтралитета“. Первая система правъ нейтральныхъ развивается лишь какъ интегральная часть права морской войны.

II. Война на морѣ и первая система правъ нейтральныхъ [2]).

1. Первоначальный характеръ морской войны въ средніе вѣка.

Еще въ XIII вѣкѣ, война на морѣ, по сознанію самихъ людей того времени, представляетъ собою, какъ мы видѣли, нѣчто „безнадежное“. И дѣйствительно, полная анархія характеризуетъ морскую войну среднихъ вѣковъ почти до самаго XIV столѣтія. „Inillo tempore, скажемъ мы словами одного

[1]) Sidney Schopfer loc. cit., p. 62.

[2]) Историческая литература права морской войны и нейтралитета довольно богата. Относительно среднихъ вѣковъ см. прежде всего, касающіеся этой эпохи отдѣлы въ *общихъ исторіяхъ морского международнаго права*: Лешковъ Историческое изслѣдованіе началъ неутралитета (М. 1841) стр. 1—41. Hautefeuille Histoire des origines, des progrès et des variations du droit maritime international (P. 1858) русск. перев. Долгова (Спб. 1887) часть III. Cauchy Le droit maritime international considéré dans ses origines etc. (P. 1862), p. 277 ss.

писателя XIII вѣка, non erat rex. neque lex nautis posita, sed quod quisque rapere vel ferre valebat. hoc suum esse dicebat" [1]). Эти слова достаточно опредѣляютъ первоначальный характеръ морской войны въ средніе вѣка: она означала полный произволъ воюющихъ и полное попраніе всякихъ правъ и интересовъ нейтральныхъ, неучаствующихъ въ войнѣ сторонъ.

И это станетъ вполнѣ понятно, если вспомнить, что тѣ нормальныя средства для веденія войны, которыя существовали въ международной борьбѣ на сушѣ, т. е., прежде всего, болѣе или менѣе правильно устроенные спеціальные военные контингенты (сначала феодальныя милиціи, потомъ наемныя войска)—совершенно отсутствовали въ войнѣ морской. Благодаря именно специфически-территоріальному характеру феодальныхъ государствъ, средневѣковыя правительства не располагали спеціально-морскою силою, военнымъ флотомъ, дѣйствіями котораго могло бы непосредственно руководить само правительство, нормируя и гуманизируя постепенно эту дѣятельность, какъ это было въ войнѣ сухопутной. Отсутствіе же военно-морскихъ силъ у средневѣковыхъ государствъ повело къ тому, что желаніе принести непріятелю вредъ также

Затѣмъ, общіе очерки въ *спеціальныхъ изслѣдованіяхъ*: Каченовскій, О каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ (М. 1855) стр. 1—20 (также по англійски Prize law. L. 1867), прекрасный маленькій очеркъ въ капитальномъ трудѣ Ch. de Boeck De la propriété privée ennemie sous pavillon ennemi (P. 1882). Ср также Ф. Мартенсъ, О правѣ частной собственности, стр. 221 сл. и S. Schopfer Le principe jurid. de la neutr. p. 82 s.

Изъ *общихъ историковъ междунар. права*: Nys Origines, 211—215 et 224 ss. (его-же La guerre maritime 1881) Maulde I, 242 ss. Pierantoni I, 741 s. Holtzendorf I § 76 Wheaton I, 69 s.

Сочиненія догматическаго характера по морскому международ. праву и праву нейтралитета, начиная съ Galliani, Azuni и Lampredi и кончая Ortolan, Gessner, Perels, почти не касаются среднихъ вѣковъ; тоже нужно сказать объ „Историческомъ очеркѣ нейтралитета" проф. Даневскаго (М. 1879).—

Спеціальныя изслѣдованія *по отдѣльнымъ вопросамъ* морского междунар. права и права нейтралитета указаны ниже въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ.

[1]) Pardessus Collection, t. IV, p. 195.

и на морѣ по необходимости должно было отразиться исключительно на морской торговлѣ частныхъ лицъ—подданныхъ непріятеля, причемъ осуществленіе этого желанія вредить врагу должно было быть поручено инициіативѣ частныхъ же лицъ—подданныхъ воюющаго. Однимъ словомъ, для средневѣковаго государства, единственный способъ нанести вредъ непріятелю на морѣ состоитъ въ приглашеніи всѣхъ своихъ подданныхъ „броситься на врага"—„courir sus à l'ennemi". Такой способъ борьбы мы и застаемъ первоначально въ международной войнѣ на морѣ.

Не трудно видѣть, конечно, что такая война означала полную анархію на моряхъ, полное господство произвола частныхъ лицъ, который—несдерживаемый ничьимъ контролемъ—могъ вполнѣ безнаказанно распространяться и на морскую торговлю нейтральныхъ, превращаясь такимъ образомъ въ самый широкій, хищническій грабежъ на морѣ всего и всѣхъ—въ пиратство.

Такую именно картину мы первоначально и видимъ на самомъ дѣлѣ: полный произволъ воюющихъ съ одной стороны и полное попраніе всякихъ правъ и интересовъ нейтральныхъ съ другой. „Sur la mer—plus de droit" говоритъ Nys объ этой эпохѣ [1]).

Само собою разумѣется, однако, что подобный порядокъ вещей долженъ былъ рано или поздно столкнуться съ извѣстною реакціею со стороны нейтральныхъ правительствъ, которыя съ развитіемъ морской международной торговли и коммерческихъ интересовъ своихъ подданныхъ должны были наконецъ выступить на ихъ защиту. Они должны были, хотя бы вооруженною рукою, заставить воюющихъ обуздать до извѣстной степени своихъ подданныхъ, поставить извѣстныя рамки этому роковому „courir sus à l'ennemi", распространявшемуся и на нейтральныхъ; воюющіе должны были, однимъ словомъ, признать за послѣдними извѣстную сферу

[1]) Origines, p. 212.

права (хотя бы минимальную на первое время), недоступную для хищничества ихъ подданныхъ,—изъ которой и развилась постепенно вся наша современная система правъ нейтральныхъ во время войны на морѣ.

Первыя основанія такой системы и появляются въ средніе вѣка—какъ это давно признала communis opinio doctorum—а именно въ XIV—XV вѣкахъ: „только въ средніе вѣка, говоритъ напримѣръ проф. Мартенсъ, проявляется сознаніе правъ нейтральныхъ государствъ и необходимость ограниченія произвола воюющихъ“ [1]).—Спрашивается, въ чемъ же именно проявилось такое „сознаніе правъ нейтральныхъ“—какіе общіе принципы права должны были признать воюющіе по отношенію къ нейтральнымъ и какимъ образомъ соблюденіе этихъ первыхъ общихъ началъ права нейтралитета было обезпечено на практикѣ?

Разсмотрѣніе этихъ двухъ большихъ вопросовъ и дастъ намъ картину тѣхъ первыхъ проблесковъ правъ нейтральныхъ на морѣ, которые замѣчаются уже въ среднихъ вѣкахъ и которые легли въ основу современнаго намъ права морской войны и нейтралитета.

2. Зарожденіе правъ нейтральныхъ на морѣ (призовое право среднихъ вѣковъ).

Для выясненія тѣхъ основныхъ началъ, въ которыхъ выразилась первая система правъ нейтральныхъ въ средніе вѣка, другими словами, для опредѣленія той сферы интересовъ нейтральныхъ, которая въ XIV—XV вв. была наконецъ признана неприкосновенною среди прежняго произвола воюющихъ въ морской войнѣ, средневѣковая международная жизнь оставила намъ довольно богатый правовой матеріалъ—какъ въ видѣ государственныхъ законовъ отдѣльныхъ госу-

[1]) О правѣ частной собственности во время войны, стр. 225.

*

дарствъ того времени, такъ и въ формѣ юридическихъ памятниковъ спеціально-международнаго характера—международныхъ трактатовъ или сборниковъ обычнаго морского международнаго права [1]). Объективный анализъ этого юридическаго матеріала XIV—XV вѣковъ приводитъ насъ къ довольно *не* утѣшительной, съ нашей современной точки зрѣнія, картинѣ соотношенія правъ воюющихъ и нейтральныхъ, даже въ эти послѣднія столѣтія средневѣковья. Не нужно однако забывать, что признанная тогда система ихъ взаимныхъ правъ и обязанностей была *первою* попыткою вырваться изъ того безграничнаго варварства и произвола, которые царили на морѣ до самаго XIII вѣка; нужно помнить также, что только благодаря этой попыткѣ, зародившееся тогда право нейтралитета могло, какъ говоритъ Schopfer, „развиваться далѣе уже правильнымъ, нормальнымъ образомъ, несмотря на всѣ колебанія и невыясненность нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его пунктовъ“ [2]).

Эта средневѣковая система взаимныхъ правъ и обязанностей нейтральныхъ и воюющихъ—первая въ исторіи и потому особенно интересная съ точки зрѣнія генезиса современнаго намъ права морской войны и нейтралитета—представляется въ слѣдующемъ видѣ.

а. Торговля нейтральныхъ съ воюющими.

Прежде всего, мы должны установить тотъ печальный фактъ, что въ средніе вѣка война на морѣ прекращаетъ, по общему правилу, всякую торговлю нейтральныхъ съ воюющими. Это положеніе, на которое не разъ уже указывали различные изслѣдователи исторіи морского международнаго права [3]), несомнѣнно вытекаетъ изъ цѣлаго ряда

[1]) См. въ особенности сборникъ Dumont и „коллекцію“ Pardessus.

[2]) Op. cit., p. 82.

[3]) См. напр. Hautefeuille (éd. 1868) p. 123, cf. 176, Cauchy, p. 355, Лешковъ, стр. 18, Fauchille Du blocus maritime (P. 1882) p. 3—5. Kleen Le droit de la contrebande de guerre въ R. D. I. 1893 p. 11, 14, Каченовскій, О каперахъ, стр. 6 и др. Maulde I, 248, Nys, 226, 228.

дошедшихъ до насъ средневѣковыхъ документовъ: такое, чрезвычайно суровое для интересовъ подданныхъ нейтральныхъ государствъ, правило проводится не только односторонними актами, указами той или другой заинтересованной въ данномъ случаѣ воюющей стороны, но также и международными договорами. Что касается одностороннихъ правительственныхъ актовъ, прекращающихъ торговлю нейтральныхъ съ врагомъ, то по словамъ Э. Ниса [1]), въ XIII вѣкѣ входитъ въ обычай издавать при началѣ войны спеціальныя прокламаціи, запрещающія всѣмъ купцамъ какой бы національности они ни были, подъ угрозою захвата ихъ кораблей, подвозить непріятелю какіе бы то ни было припасы, товары или военные матеріалы. Такого рода прокламація была издана напримѣръ въ 1223 г. Генрихомъ III Англійскимъ [2]). Въ 1294 г., во время войны между англичанами и испанцами, португальцамъ было запрещено нагружать свои корабли испанскими товарами [3]). Въ хартіи 1302 г., дающей торговыя привилегіи Кёльну, Филиппъ Красивый спеціально оговариваетъ запрещеніе ганзейцамъ вести торговлю съ его врагами [4]). Англійскіе ордонансы 1315 и 1337 г. также воспрещаютъ иностраннымъ (фландрскимъ и ганзейскимъ) купцамъ, подъ страхомъ отмѣны всѣхъ ихъ привилегій, всякую торговлю съ Шотландіею, съ которою Англія вела тогда войну [5]), а въ 1346 году Эдуардъ III, воюя съ Франціею, объявляетъ, что каждый иностранный корабль, который только попытается войти въ какой-нибудь французскій портъ, будетъ захваченъ и сожженъ [6]). Въ 1494 году, подобнымъ же образомъ, король датскій во время своей войны со Швеціею запрещаетъ нейтральнымъ всякую съ ней торговлю—

[1]) Origines, p. 226.
[2]) Ibid.
[3]) Каченовскій, О каперахъ, стр. 6.
[4]) Pütter Beiträge, S. 154.
[5]) Hautefeuille loc. cit.
[6]) Calvo Droit internat. (3 éd.) t. IV, P. 162.

чѣмъ и вызываетъ протестъ ганзейскихъ городовъ [1]).—Однако, несмотря на такой протестъ, ганзейскій союзъ и самъ держится въ своихъ войнахъ той-же практики, пользуясь своимъ могуществомъ для общаго прекращенія торговли нейтральныхъ со своими врагами [2]). Наконецъ таже система была, повидимому, въ ходу и на югѣ, по берегамъ Средиземнаго моря [3]).

При такомъ повсемѣстномъ ея распространеніи, прекращеніе во время войны торговли нейтральныхъ съ воюющими, представляющее собою въ идеѣ только злоупотребленіе силою со стороны воюющихъ, считалось въ тѣ времена вполнѣ нормальнымъ явленіемъ. Оно не противорѣчило еще общимъ воззрѣніямъ людей той эпохи на морскую войну, и при такомъ условіи неудивительно, что это правило было даже внесено въ различные международные договоры среднихъ вѣковъ. Само собою разумѣется, впрочемъ, что подобные принципіальные отказы на все будущее время, со стороны одного изъ контрагентовъ, отъ всякой торговли съ врагомъ другого контрагента,—такое non plus ultra умаленія правъ нейтральныхъ—могли встрѣчаться только въ договорахъ государствъ, особенно тѣсно связанныхъ взаимными интересами. Такъ, подобное условіе мы находимъ особенно часто въ торговыхъ договорахъ XV вѣка между Англіею и Фландріею [4]), экономическая жизнь которыхъ была, какъ извѣстно, связана въ средніе вѣка самыми тѣсными узами [5]). Еще ранѣе встрѣчается оно, повидимому, уже въ двухъ коммерческихъ трактатахъ Англіи средины XIV вѣка, а именно въ договорахъ ея съ приморскими городами Кастиліи и Бискайи отъ 1 августа 1351 г. и съ приморскими городами Порту-

---

1) Fauchille Blocus maritime, p. 4.

2) Pütter, S. 115, Wheaton, I p. 88.

3) Hautefeuille, p. 125.

4) См. о нихъ дальше.

5) Cp. Thorold Roggers Interprétation économique de l'histoire (trad. Castelot. P. 1892) p. 97.

галіи отъ 20 октября 1353 г. [1]) Оба они, въ совершенно одинаковыхъ выраженіяхъ, оговариваютъ взаимную обязанность не помогать обоюднымъ врагамъ никакимъ образомъ— „eide. ne socours *en aucune manere* as Enemys del'autre Part"— а въ тѣ времена и простой подвозъ самыхъ обыкновенныхъ товаровъ врагу считался (какъ видно изъ приведенныхъ выше правительственныхъ ордоннансовъ) также за „помощь" непріятелю [2]).

Къ полному прекращенію торговли нейтральныхъ съ воюющимъ сводятся также условія упомянутыхъ выше и относящихся къ XV столѣтію англійскихъ торговыхъ договоровъ. Таковы трактаты съ Фландріею (т. е. съ фламандскими и брабантскими городами, герцогами бургундскими и затѣмъ австрійскимъ домомъ) отъ 1406, 1417, 1446, 1467, 1478 и 1495 гг., а также трактаты Англіи съ Генуею 1460 г. и съ герцогомъ бретанскимъ отъ 1468 и 1486 г.—Правда, всѣ эти трактаты не заключаютъ въ себѣ какого-нибудь ясно и категорически выраженнаго отказа одной договаривающейся стороны отъ всякой торговли съ врагомъ другой; но, тѣмъ не менѣе, по примѣру Fauchille [3]), мы должны видѣть въ договорахъ этого типа несомнѣнное запрещеніе *всякой* торговли нейтральныхъ съ врагомъ. Дѣйствительно, всѣ они содержатъ въ своемъ текстѣ дословно повторяющееся двойное условіе 1) о свободномъ пропускѣ (во время войны)

[1]) Dumont I, 2, 266 et 286.

[2]) Изъ другихъ договоровъ XV вѣка, запрещающихъ всякую торговлю нейтральныхъ съ врагомъ—еще англо-фламандскій договоръ 1370 г., упоминаемый у Nys, который къ сожалѣнію не приводитъ своего источника. (Origines. p. 226) — Hautefeuille (p. 124) и цѣлый рядъ повторяющихъ его сочиненій говорятъ еще объ англо-фламандскихъ трактатахъ 1315 и 1346 года со ссылкою на Dumont, но въ указанныхъ мѣстахъ этого сборника ничего подобнаго не находится!—

Мы не упоминаемъ также приводимыхъ всѣми англо-французскихъ трактатовъ 1303 и 1314 г. (его подтвержденіе), а также франко-голландскаго договора 1295, упоминаемаго Лешковымъ (стр. 11), потому что все это—трактаты *союзные* и слѣд. условіе прекращенія торговли съ врагомъ *(общимъ!)* не представляетъ ничего удивительнаго. См. Dumont I, 1, 295 и I, 1, 334.

[3]) Du blocus maritime, p. 4, 5.

всѣхъ товаровъ, если только они назначаются не для непріятеля той или другой стороны [1] и 2) о запрещеніи перевозить на своихъ судахъ непріятельскіе товары. Это двойное условіе, конечно, равносильно на практикѣ прямому запрещенію всякой торговли одной изъ договаривающихся сторонъ съ врагомъ другой [2]). Мы видимъ, такимъ образомъ, что первоначальное чисто фактическое злоупотребленіе силою со стороны воюющихъ, прекращавшее раньше торговлю нейтральныхъ съ непріятелемъ путемъ одностороннихъ указовъ, дѣлается въ концѣ концовъ своего рода нормою права, признанною самими нейтральными. Въ эту эпоху, всѣми — и вполнѣ bona fide — признается, что воюющій имѣетъ полное право не допускать вообще *никакого* усиленія своего врага, а слѣдовательно прекращать и торговлю съ нимъ нейтральныхъ, могущую принести ему пользу, а воюющему вредъ.

Это понятіе „вредной торговли“ — „trafic dommageable“ [3]) —

[1]) По другому чтенію, если только они подвозятся не врагомъ.

[2]) Договоръ 10 марта 1406 года: „Item que es Vitailles, Marchandises et autres Biens, veniant des Parties de l'Oist vers le Roialme d'Engleterre ou a Caleys, ou devers Flandres, par (въ другихъ договорахъ „pour“) quelconques Persones, non Ennemis a l'une Partie ou a l'autre ...ne serra ..mis empeschement...

Item que... les Marchans... de Flandres... ne amesront... aucune Biens ou Merchandises des Ennemis des Englis pas Mer“. Dumont II, 1, 305.

Тоже дословно въ договорахъ:

17 августа	1417	года	Dumont	II, 2, 91.
4 „	1446	„	„	III, 1, 560.
5 января	1467	„	„	III, 1, 591.
2 іюля	1468	„	„	III, 1, 598.

Тотъ же текстъ въ латинскомъ переводѣ въ трактатахъ:

12 іюля	1478	года	Dumont,	III, 2, 31.
22 „	1486	„	„	III, 2, 163.
24 февр.	1495	„	„	III, 2, 339.

Наконецъ, англо-генуэзскій договоръ 13 февраля 1460 г.: „...nostri Subditi (sc. regis Angliae) non portabunt in Navibus Suis Bona inimicorum dictorum Januensium nec juvabunt super Mare inimicos eorumdem Januensium...“ Dumont III, 1, 583.

[3]) Maulde, I, 248.

не было, конечно, опредѣлено ближайшимъ образомъ, и ничто не мѣшало воюющимъ, оставаясь вполнѣ въ рамкахъ общепризнаннаго „права“, подводить подъ него всякую вообще торговлю нейтральныхъ съ врагомъ. Мы и встрѣчаемся, еще въ исходѣ среднихъ вѣковъ, съ любопытнымъ положительнымъ свидѣтельствомъ, что прекращеніе торговли нейтральныхъ съ врагомъ составляло обычное правило въ международной жизни того времени. Такъ, въ 1475 г. въ отвѣтъ на жалобу короля сицилійскаго на захватъ французами двухъ галеръ, возвращавшихся изъ Англіи, съ которою сицилійцы вели торговлю, члены королевскаго совѣта Людовика XI, оправдывая этотъ поступокъ, ссылаются на общепризнанное въ ихъ время право захвата нейтральнаго корабля, подвозившаго какіе бы то ни было припасы или товары непріятелю: „per usum belli notorie et inconcusse servatum—говоритъ, между прочимъ, отвѣтъ французскаго правительства сицилійскому отъ 31 января 1475 г.—*omnes naves* a regionibus et dominiis hostium quomodovis denigrantes—lege et observantia bellorum maris licite capi possunt“ [1]).

Изъ всего этого слѣдуетъ тотъ несомнѣнный окончательный выводъ, что по общему правилу среднихъ вѣковъ во время войны прекращается всякій вообще торговый оборотъ между нейтральными и воюющими. Исключенія изъ этого правила средневѣковье знаетъ только на основаніи спеціальныхъ привилегій, полученныхъ купцами той или другой національности отъ того или другого государства, обѣщающаго въ своихъ войнахъ не прекращать ихъ торговли съ его врагомъ. Таковы именно привилегіи, полученныя въ средніе вѣка Ганзейскимъ союзомъ отъ различныхъ государствъ [2]). И это изъятіе въ пользу фактическаго мо-

1) Maulde, I, 249.

2) См. факты, сгруппированные у Pütter, Beiträge, S. 154.—Такое же исключительное (обоюдное) разрѣшеніе торговли нейтральнаго съ врагомъ содержитъ, повидимому, еще англо-генуэзскій трактатъ 1421 г., который, впрочемъ,

гущества ганзейцевъ только еще ярче подчеркиваетъ общее правило прекращенія торговли нейтральныхъ съ воюющими въ средніе вѣка.

b. Блокада и военная контрабанда [1]).

Изъ указанной практики средневѣковыхъ морскихъ войнъ вытекаетъ само собою, что среднимъ вѣкамъ еще неизвѣстно ни современное понятіе военной блокады, ни понятіе военной контрабанды. Прекращеніе *всякой* нейтральной торговли съ врагомъ приводитъ, конечно, къ признанію всего побережья непріятельской страны состоящимъ въ общей (такъ называемой фиктивной) блокадѣ и дѣлаетъ излишними постановленія о блокадѣ спеціально того или другого непріятельскаго порта. Равнымъ образомъ, запрещеніе подвоза какихъ бы то ни было предметовъ врагу исключало, само собою, возможность образованія понятія военной контрабанды: „контрабандою“ въ это время было все, что только везли непріятелю.

При такихъ условіяхъ, вполнѣ понятно, почему средневѣковые сборники морскихъ обычаевъ, напримѣръ знаменитый Consolato del mare, ни словомъ не упоминаютъ ни о бло-

---

по словамъ Boeck, имѣлъ во всякомъ случаѣ только „призрачное существованіе“. (De la propriété privée ennemie, p. 31). Англо-генуэзскій трактатъ 1460 года содержитъ въ себѣ, какъ мы видѣли, уже совершенно другія нормы.

[1]) О блокадѣ см. особ. Fauchille, Du blocus maritime (P. 1882).

О военной контрабандѣ рядъ монографій въ русской литературѣ, но всѣ онѣ (М. Заремба 1849, А. Базили 1866, Кн. Кантакузинъ Гр. Сперанскій 1875, А. Штиглицъ 1881) равно какъ и спеціальное изслѣдованіе Kleen (въ R. D. I. 1893) почти не касаются среднихъ вѣковъ. Изъ нихъ сравнительно болѣе подробное изложеніе этой эпохи только у М. Заремба (Историческое развитіе понятія о военной контрабандѣ СПБ. 1849), который впрочемъ только очень точно пересказываетъ Лешкова (op. cit. 1841) нигдѣ ни разу однако на него не ссылаясь!

Въ общихъ исторіяхъ морского международнаго права см. Hautefeuille p. 120 s. Cauchy, p. 355 s. Gessner, p. 70 s. и пр.

кадѣ, ни о контрабандѣ [1]): ни то, ни другое понятіе современной намъ системы правъ нейтральныхъ не было еще извѣстно среднимъ вѣкамъ.

Разсмотримъ ближе это наше положеніе. Первая его половина едва ли можетъ возбудить какія бы то ни было недоумѣнія. Совершенно ясно, дѣйствительно, что общее запрещеніе торговли нейтральныхъ съ врагомъ равносильно объявленію блокады для всего его берега, т. е. понятію такъ называемой фиктивной или кабинетной блокады, спеціальныя объявленія которой вошли въ такое употребленіе съ XVII вѣка. Другими словами, указанное нами отношеніе къ нейтральной торговлѣ въ средніе вѣка приводитъ къ полному отрицанію *современнаго намъ* понятія военной блокады, которая поэтому и не находимъ себѣ, дѣйствительно, опредѣленія ни въ одномъ трактатѣ среднихъ вѣковъ [2]). Поэтому, конечно, вполнѣ правы Calvo или Nys, считающіе такіе напримѣръ случаи, какъ англійскій эдиктъ 1346 г., запрещающій всякую торговлю съ Франціею, именно за примѣры фиктивной блокады [3]). Въ своемъ спеціальномъ изслѣдованіи „о морской блокадѣ" Фошилль точно также подчеркиваетъ тотъ фактъ, что только съ XVI столѣтія, когда нейтральные успѣли (за средніе вѣка) отвоевать себѣ уже большій сравнительно комплексъ правъ, является надобность въ спеціальныхъ объявленіяхъ о блокадѣ: за средніе же вѣка всякая война предполагаетъ блокаду (фиктивную) всего побережья непріятельскаго государства [4]).

Гораздо больше сомнѣній, на первый взглядъ, можетъ возбудить наше утвержденіе, что среднимъ вѣкамъ неизвѣстно

---

[1]) Ср. Gessner. Le droit des neutres sur mer (B. 1865) p. 28, также Даневскій (Историческій очеркъ нейтралитета, стр. 37), который констатируетъ этотъ фактъ, находя однако почему то, что „трудно объяснить причину этого умолчанія".

[2]) Ср. Лешковъ op. cit., стр. 13.

[3]) Calvo. Droit internat. théor. et prat. IV, p. 162. Nys. Origines, p. 228.

[4]) Fauchille, p. 5.

точно также и понятіе военной контрабанды въ собственномъ, современномъ смыслѣ слова. Дѣйствительно, этому взгляду противорѣчатъ, повидимому; 1° общепринятыя указанія на запрещеніе папами торговать оружіемъ съ сарацинами и 2° существованіе въ нѣкоторыхъ трактатахъ (особенно XV вѣка) противоположенія понятій „merchandizae licitae“ и „merchandizae prohibitae“. Мы и должны разобрать обѣ эти группы возраженій.

1) Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ эпоху крестовыхъ походовъ средневѣковые папы, въ качествѣ духовныхъ главъ христіанскаго западно-европейскаго міра, дѣйствительно не разъ запрещали продавать общему врагу—сарацинамъ—оружіе, разные военные матеріалы (желѣзо, корабельный лѣсъ) и даже провіантъ, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, конфискаціи имуществъ и даже обращенія въ рабство нарушителей этой нормы. Такое постановленіе состоялось, именно, еще въ 1179 году на 3-мъ латеранскомъ соборѣ (папа Александръ III) и было подтверждено затѣмъ на 4-мъ, въ 1215 г. (Иннокентій III) [1]. Вслѣдъ за такимъ общимъ запрещеніемъ, обращеннымъ отъ имени „вселенскаго“ собора ко всему христіанскому міру, явился и рядъ папскихъ буллъ аналогичнаго содержанія, вызванныхъ тѣмъ или другимъ спеціальнымъ случаемъ: таковы напримѣръ буллы 1198, 1209, 1302, 1316 г. [2]). Къ этому нужно еще прибавить, что и внутреннимъ законодательствамъ отдѣльныхъ средневѣковыхъ государствъ извѣстны подобнаго рода запрещенія торговать оружіемъ и пр. съ мусульманами: мы ихъ встрѣчаемъ напр. во Франціи (1252, 1312) [3]), въ іерусалимскомъ королевствѣ [4]), въ различныхъ италіанскихъ городахъ-республикахъ—въ Ве-

---

[1]) Cap. 6, 12 et 17, X de Judaeis et Saracenis, 5, 6.

[2]) Кн. Кантакузинъ Гр. Сперанскій. Опытъ опредѣленія понятія военной контрабанды (О. 1875) стр. 12. Лешковъ op. cit., стр. 11.

[3]) Hautefeuille, p. 122 note.

[4]) Pardessus Collection des lois maritimes, I, p. 279. Ассизы іерусал. королевства (Cour des Bourgeois) ch. 44.

неціи, Генуѣ, Пизѣ, Флоренціи и пр. [1]). Наконецъ въ XV столѣтіи, при Николаѣ V и Каликстѣ III папскія запрещенія торговать оружіемъ возобновляются по отношенію къ дикимъ племенамъ вновь открытыхъ португальцами африканскихъ земель [2]).

Однако всѣ эти факты, при болѣе внимательномъ къ нимъ отношеніи, вовсе еще *не* означаютъ зарожденія современнаго понятія военной контрабанды. Дѣло въ томъ, что здѣсь все время рѣчь идетъ о явленіяхъ совершенно другого порядка. Всѣ перечисленные выше акты устанавливаютъ, дѣйствительно, *не* понятіе извѣстныхъ товаровъ, изъятыхъ изъ торговли нейтральныхъ съ воюющими на время войны— что давало бы намъ современное понятіе военной контрабанды—а абсолютное, *постоянное* запрещеніе *всѣмъ* христіанамъ когда бы то ни было торговать извѣстнаго рода предметами съ мусульманами, какъ общимъ и вѣчнымъ врагомъ христіанскаго міра, стоящимъ къ тому же внѣ всякаго юридическаго общенія съ „Respublica Christiana".

Такимъ образомъ, нѣтъ никакого основанія искать начала современнаго понятія военной контрабанды въ папскихъ предписаніяхъ, направленныхъ противъ сарацинъ: какъ замѣтилъ еще Gessner, *наше* понятіе контрабанды относится, во всякомъ случаѣ, къ значительно болѣе поздней эпохѣ [3]). Средневѣковыя же постановленія папъ и различныхъ правительствъ того времени относительно запрещенія торговли извѣстными предметами съ общимъ врагомъ—не болѣе какъ повторенія (вызванныя одинаковыми политическими условіями) аналогичныхъ запрещеній, извѣстныхъ еще болѣе раннему періоду исторіи: мы ихъ встрѣчаемъ уже въ римскомъ правѣ, которое подобными же средствами стремилось оградить свою

[1]) Hauteuille p. 122 note. Pardessus Collection, t. III introd. Nys Origines, p. 225 et R. D. I. 1895 p. 571, 572.

[2]) Gessner op. cit., p. 74 note.

[3]) Gessner p. 71. Cp. Pierantoni Trattato, I,. 752, 753.

„всемірную“ имперію отъ надвигавшейся опасности со стороны „варваровъ“ [1]). Ни тѣ, ни другія не имѣютъ собственно никакого отношенія къ понятію нейтралитета и системѣ правъ нейтральныхъ—а слѣдовательно и къ обусловленному ими понятію военной контрабанды—которыя всѣ вырабатывались въ концѣ среднихъ вѣковъ *внутри* европейской „Respublica Christiana“ и для взаимныхъ отношеній между *ея* народами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, представляется точно также мало вѣроятнымъ, чтобы и самый терминъ „контрабанда“ велъ свое начало отъ папскихъ запретительныхъ постановленій, угрожавшихъ нарушителямъ экскоммуникаціею (bannum). Объясненіе термина „contra-bandum“ какъ испорченнаго „contra-bannum“, основывающееся еще на Ducange'ѣ („merces banno interdicta“) должно, конечно, уступить мѣсто болѣе прямому и простому современному словопроизводству отъ италіанскаго „bando“—предписаніе, указъ, распоряженіе [2]). По точному смыслу слова, контрабанда („contrabando“) есть, такимъ образомъ, первоначально всякое нарушеніе предписанія даннаго правительства своимъ подданнымъ и только впослѣдствіи этотъ терминъ получилъ спеціальное, болѣе узкое значеніе. Рѣшающимъ въ смыслѣ происхожденія нашего термина „контрабанда“ отъ италіанскаго „contrabando“ (а не „contrabannum“) является, во всякомъ случаѣ, тотъ фактъ, что по словамъ Calvo, „самый старый документъ, въ которомъ впервые встрѣчается этотъ терминъ—это одна италіанская грамота 1445 г., употребляющая соотвѣтствующее латинское слово—contrabannum—по отношенію именно къ торговлѣ, запрещенной правительственною властью одного государства собственнымъ его подданнымъ и во время мира“ [3]).

---

[1]) См. l. 2 C. res quae exportari non debeant. l. 11, опредѣляющій за продажу варварамъ оружія или желѣза смертную казнь съ конфискаціею имущества [illegible] l. 1 ibid. запрещаетъ даже торговлю виномъ и масломъ.

[2]) См. Gessner. Droit des neutres, p. 71.

[3]) Calvo. Droit international, t. IV, p. 2.

Такимъ образомъ оказывается, что и самый терминъ „контрабанда" впервые появляется только около средины XV столѣтія [1])—притомъ безъ всякаго отношенія какъ къ папскимъ запрещеніямъ торговать оружіемъ съ мусульманами (XII—XIII вв.), такъ и къ нашему современному понятію военной контрабанды, котораго, какъ сказано, въ средніе вѣка еще не существуетъ.

2) Что понятіе военной контрабанды будто бы уже зародилось въ средніе вѣка, многіе писатели выводятъ затѣмъ, какъ было замѣчено, изъ постановленій нѣкоторыхъ трактатовъ XV столѣтія, которые прямо противополагаютъ товары дозволенные, „merchandizae licitae" товарамъ недозволеннымъ, „merchandizae prohibitae" и слѣдовательно, по мнѣнію этихъ писателей, кладутъ основаніе современному понятію военной контрабанды. Таковы будто бы, по наиболѣе полному перечисленію проф. Лешкова [2]) слѣдующіе восемь договоровъ: англо-французское перемиріе 1340 года, торговый договоръ Англіи съ португальскими городами 1353 г. [3]), англо-французское перемиріе 1383 г., торговый трактатъ Англіи съ герцогомъ Бургундскимъ, какъ государемъ Фландріи 1406 г., два договора 1414 г. (правильнѣе 1413, перемирія между

---

[1]) Проф. В. Даневскій (Историческій очеркъ нейтралитета, стр. 39)—а за нимъ слово въ слово А. Штиглицъ (Изслѣдованіе о военной контрабандѣ, С.-П.-Б. 1881, стр. 54)—почему то категорически говоритъ, что „первый международный договоръ, въ которомъ упоминается слово военная контрабанда" есть англо-бургундскій трактатъ 1406 г. (возобновленный въ 1417 г.). Въ текстѣ ни того, ни другого трактата (см. Dumont II, 1, 302 и II, 2, 90) этого *слова* нѣтъ. Нѣкоторые писатели (напр. Gessner, p. 74) ссылаются на эти трактаты только какъ на первые акты, заключающіе въ себѣ (будто бы) *понятіе* военной контрабанды—что будетъ сейчасъ также опровергнуто. Но *слова*, термина „военная контрабанда" въ нихъ ужъ, во всякомъ случаѣ, никакъ нельзя найти!

[2]) Историч. изслѣд. началъ нейтралитета, стр. 27 сл. Въ иностранной литературѣ, Gessner (p. 74), Fauchille (p. 4, 5) и др. упоминаютъ только трактаты 1406 и 1417 г. (у Фошилля этотъ послѣдній приведенъ съ опечаткою 1471 г.).

[3]) Къ которому тогда уже можно было бы присоединить и совершенно аналогичный договоръ Англіи съ кастильскими городами отъ 1351 г.

Англіею и Бретанью и Англіею и Франціею), и торговые трактаты Англіи съ Фландріею (бургундскимъ герцогомъ и фламандскими городами) отъ 1417 и 1446 г.

Всѣ эти акты содержатъ въ себѣ, будто бы, извѣстныя постановленія относительно военной контрабанды, т. е. должны запрещать подвозъ непріятелю, со стороны нейтральныхъ, извѣстныхъ предметовъ служащихъ цѣлямъ войны. На самомъ дѣлѣ однако, болѣе внимательный анализъ самого текста этихъ международныхъ соглашеній приводитъ насъ къ совершенно другимъ выводамъ.—Прежде всего, два первыхъ изъ восьми указываемыхъ проф. Лешковымъ трактатовъ, договоры 1340 и 1353 г., не заключаютъ въ себѣ вовсе никакого противоположенія запрещенной, контрабандной и незапрещенной торговли; они говорятъ только вообще *о личномъ невмѣшательствѣ* подданныхъ нейтральной (или заключившей перемиріе) стороны въ военныя дѣйствія другого контрагента—причемъ трактатъ 1353 г. содержитъ даже, какъ мы видѣли выше, [1]) запрещеніе *всякой* вообще торговли нейтральнаго съ врагомъ другой договаривающейся стороны [2]). Остальные пять договоровъ—1383, 1406, два 1413 и 1446 г. [3])—дѣйствительно содержатъ въ себѣ извѣст-

---

[1]) См. стр. 295.

[2]) Вотъ относящіяся сюда постановленія этихъ двухъ договоровъ:

Англо-французское перемиріе (на одинъ годъ) отъ 20 сент. 1340 г. оговариваетъ только вполнѣ понятное обязательство, принятое французами, не помогать въ теченіе этого года своимъ союзникамъ, шотландцамъ: „les François ny leur Seigneur Roy ne pourront durant ledit temps les fortifier ny fournir ou d'armes ou de gens". Dumont I, 2, 199.

Тоже общее взаимное обязательство не помогать врагамъ, только еще усиленное угрозою кары его нарушителю, въ англо-португальскомъ торговомъ договорѣ 20 октября 1353: „Que nul des Gentz, Subgitz de l'une Part, encountre n'en prejudice de l'autre Partie, ne ferront Aliaunce, ne durront aide ne succours, en aucune manere, as Enemys, Contrains ou Adversairs de l'autre Partie" — и дальше: „Et si nul de eux soit trouve armez, ou face eide, succour, ou confort as dits Enemis ...qu'il parde ses Biens et le Corps"... Dumont I, 2, 286. Буквально тоже самое и въ англо-кастильскомъ договорѣ 1351 г. Dumont I, 2, 266.

[3]) Dumont II, 1, 186, II, 1, 302, II, 2, 3, II, 2, 8, III, 1, 558.—О договорѣ 1417 г. можно говорить только развѣ какъ объ общемъ подтвержденіи

ныя постановленія, проводящія разницу между предметами торговли „licitae", „lisibles" и „prohibitae", „deffendus"—къ которымъ (по особенно полному перечисленію въ трактатѣ 1446 г.) причисляются „armeures, artilleries, canons, pouldres et autres choses semblables et invasibles". Но, какъ видно изъ самаго текста этихъ трактатовъ, дѣло въ нихъ всетаки идетъ *не* о современномъ международно-правовомъ понятіи контрабанды. Всѣ они, именно, говорятъ вовсе не о запрещеніи торговать нейтральнымъ съ воюющими извѣстными запретными товарами (оружіемъ и пр.) во время войны, а о запрещеніи такой торговли между подданными самихъ же дружественныхъ и договаривающихся о мирѣ или торговлѣ сторонъ—безъ всякаго отношенія къ врагамъ той или другой— и притомъ именно во время мира [1]).

трактата 1406 г. Собственно о запрещенныхъ товарахъ онъ не содержитъ ни одного слова (см. Dumont II, 2, 91). Лешковъ его приводитъ какъ примѣръ будто бы какого-то отрицательнаго опредѣленія контрабанды, состоящаго именно въ перечисленіи дозволенныхъ для торговли предметовъ (Лешковъ, стр. 29, 30). Но никакого перечисленія въ договорѣ нѣтъ, а говорится только объ общей свободѣ торговли между договаривающимися сторонами „es vitailles, marchandizes *et autres biens*", если только *всѣ* эти товары не назначаются для враговъ. (Ср. выше стр. 296). Гдѣ же тутъ „отрицательное опредѣленіе" контрабанды?! Напротивъ, подчеркнутыя нами слова служатъ только лишнимъ доказательствомъ, что понятія военной контрабанды въ нашемъ смыслѣ именно еще не существовало.

[1]) Приводимъ здѣсь постановленія всѣхъ договоровъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Договоръ 26 янв. 1383 г. о *перемиріи* между Франціею и Англіею: „Et si purront marchander les Subgiz d'une coste et d'autre, les uns ovec les autres, par Terre de Marchandises lisibles et non defenduz come armures"... Dumont II, 1, 186.

Торговый договоръ 10 марта 1406 г. между Генрихомъ V Англійскимъ и Іоанномъ Бургундскимъ и Фландрскимъ: „Item que touz Marchanz d'Engleterre... puissent... marchander avec touts Marchans de Flandres et autres Marchans quelsconques... de touts maners de Marchandises, tant Vivres come autres (excepte Armours, Artilleries, Canons et autres choses semblables et invasibles)". Dumont II, 1, 302.

Дословно тоже въ *торговомъ* договорѣ между Англіею и фландрскими и брабантскими городами отъ 4 авг. 1446 г. Dumont III, 1, 558.

Акты *перемирій* 1413—14 гг. между Англіею и Бретанью, Англіею и Франціею, а также (пропущенный у Лешкова) между Англіею и Кастиліею:

Мы здѣсь сталкиваемся, такимъ образомъ, вовсе не съ понятіемъ военной контрабанды въ современномъ техническомъ смыслѣ слова, а съ совершенно своеобразнымъ явленіемъ международнаго торговаго оборота среднихъ вѣковъ — съ принципіальною, повидимому, тенденціею правительствъ того времени вовсе изъять съ международнаго рынка оружіе и другіе предметы, служащіе для цѣлей войны, — все то, что называлось тогда „marchandises invasibles“.

Какъ (особенно впослѣдствіи) драгоцѣнные металлы, такъ и оружіе составляетъ въ средніе вѣка предметъ особыхъ заботъ отдѣльныхъ правительствъ, которыя, относясь съ подозрѣніемъ другъ къ другу, даже къ союзнику, и дорожа наличностью въ странѣ возможно большаго количества оружія и военныхъ матеріаловъ (такъ же, какъ и золота), смотрѣли, конечно, чрезвычайно неодобрительно на вывозъ ихъ изъ предѣловъ данной территоріи: такъ напримѣръ, въ сицилійскомъ королевствѣ Фридриха II Гогенштауфена всякая вообще торговля военными матеріалами была прямо воспрещена частнымъ лицамъ и объявлена монополіею правительства [1]). Отсюда — вполнѣ естественное съ тогдашней точки зрѣнія стремленіе правительствъ положить предѣлъ экспортной торговлѣ оружіемъ именно путемъ включенія въ свои общіе коммерческіе или мирные трактаты спеціальныхъ условій объ обоюдномъ отъ

„Et poterunt (подданные англійскаго короля въ Бретани) per idem tempus praesentium treugarum... exercere... marchandizas Victualium et aliarum rerum quarumcumque licitarum et non prohibitarum (cujus modi sunt Armaturae, Artellaria et aliae res similes et invasibiles)“. Dumont II, 2, 3.

„Et poterunt, durantibus praesentibus Treugis, omnes .. Subditi dicti Adversarii (sc. regis Angliae) ...mercandisare per omnia Regna... Domini nostri Regis (sc. Franciae)... de Mercandiziis licitis et non prohibitis, cujus modi sunt Armaturae, Artelariae et alia Machinae et praeparamenta Guerrarum et res invasibiles“. Dumont II, 2, 8.

„Item quod omnes .. Subditi... Regis Angliae... possint ire... et stare in dictis Regnis Castellae et Legionis... necnon Mercandisas licitas et non prohibitas facere“... Dumont II, 2, 12.

[1]) См. Nys въ R. D. I. 1897, p. 441.

нея отказѣ [1]). Только позже, по мѣрѣ развитія международной торговли и большаго экономическаго сближенія народовъ, это ограниченіе, такъ же какъ и запрещеніе торговли драгоцѣнными металлами, было постепенно оставлено. Тотъ знаменитый международный коммерческій трактатъ, который заключаетъ собою средніе вѣка и открываетъ новую эру для международной торговли,—„Intercursus magnus" 1495 г. между Генрихомъ VII Англійскимъ и Филиппомъ Австрійскимъ и Фландрскимъ, разрѣшающій торговлю золотомъ и серебромъ (art. 31) [2]), не знаетъ также стѣсненій и для торговли оружіемъ [3]). Но въ предшествующій періодъ, въ теченіе всего XV вѣка, ее еще упорно стараются, какъ мы видѣли, устранить съ международнаго рынка—съ международнаго рынка *мирнаго*, независимо отъ всякихъ вопросовъ войны и нейтралитета.

Таковъ, и только таковъ,—какъ видно изъ самаго ихъ текста смыслъ всѣхъ приведенныхъ выше запретительныхъ постановленій относительно торговли оружіемъ, внесенныхъ въ международные трактаты конца XIV—XV столѣтій: они касались общей международной торговли въ мирное время, а не вопроса о военной контрабандѣ и только *съ перваго взгляда* могли ввести въ заблужденіе нѣкоторыхъ изслѣдователей.

---

[1]) Насколько строго слѣдили въ тѣ времена за дѣйствительнымъ недопущеніемъ такой торговли, видно напримѣръ изъ включенія въ тѣ же трактаты *спеціальныхъ оговорокъ*, дозволяющихъ экипажу корабля везти съ собою оружіе въ количествѣ нужномъ для собственной защиты. См. напр. трактаты 1406, 1446 гг. Dumont II, 1, 302, III, 1, 558.

[2]) Dumont III, 2, 323 cf. 340.

[3]) Трактатъ не только не исключаетъ, какъ это дѣлаютъ всѣ предъидущіе договоры, „Armures, Artillerie" и пр. изъ предметовъ свободной торговли, но даже прямо, спеціально разрѣшаетъ „commercium facere... tam de Mercandisis Lanarum... *Armorum*, *Equorum*... quam aliis quibuscunque"... (art. 11) Dumont III, 2, 337 cf. 320. Тоже разрѣшеніе мы находимъ раньше только въ мало-извѣстномъ англо-бретанскомъ договорѣ 1486 г., гдѣ „Harnoys, Armeures, Artillerie, Chevaulx" тоже спеціально упомянуты въ общемъ спискѣ предметовъ торговли. Dumont III, 2, 161.

*

Къ такимъ-то одностороннимъ или основаннымъ на международномъ договорѣ запрещеніямъ торговли извѣстными предметами въ мирное время относится также и терминъ „контрабанда“, появляющійся, какъ мы видѣли, въ срединѣ XV столѣтія [1]). Какъ и самое явленіе, которое имъ обозначалось, онъ первоначально не имѣетъ никакого отношенія къ современному намъ международно-правовому понятію военной контрабанды. Это послѣднее еще не существовало въ средніе вѣка [2])—да и не могло существовать, разъ объявленіе войны въ это время было, какъ мы видѣли, по общему правилу равносильно запрещенію и прекращенію *всякой* (а не только современной „контрабандной“) торговли между воюющимъ и нейтральными.

c. Соотношеніе флага и груза [3]).

1) Непріятельскій грузъ на нейтральномъ кораблѣ.

Изъ обычнаго въ средніе вѣка общаго прекращенія торговли нейтральныхъ съ воюющими и, въ частности, изъ оговореннаго, какъ мы видѣли, даже въ международныхъ договорахъ запрещенія нейтральнымъ перевозить на своихъ су-

[1]) См. выше стр. 302. Calvo Droit international, t. IV, p. 2.

[2]) Оно формируется въ XVI столѣтіи, и только съ начала XVII вѣка (1604), какъ это вообще и признаютъ всѣ интернаціоналисты, появляются трактаты, опредѣляющіе наше современное международно-правовое понятіе контрабанды. Поэтому совершенно правильно поступаетъ кн. Кантакузинъ-Сперанскій, начиная свой прекрасно составленный „Списокъ договоровъ, въ которыхъ упоминается о военной контрабандѣ“ *не* съ разобранныхъ выше трактатовъ XV вѣка, а съ извѣстнаго англо-испанскаго договора 1604 года. (См. его Опытъ опредѣленія понятія военной контрабанды. Прилож. I, стр. 123).

[3]) Объ отношеніи флага къ грузу въ средневѣковыхъ морскихъ войнахъ см. Лешковъ op. cit., стр. 14 сл.. 31 сл. Hautefeuille, p. 134 s. Cauchy, p. 350 s.—Изъ спеціальныхъ сочиненій по этому вопросу соотвѣтствующія мѣста особенно у Boeck De la propriété privée ennemie sous pavillon ennemi (P. 1882), ср. также В. Спасовичъ. О правахъ нейтральнаго флага и нейтральнаго груза (С.-Пб. 1851). Vidari. Del rispetto della proprietà privata dei popoli belligeranti (Mil. 1865) Бачинеръ. Неприкосновенность частной собственности въ международныхъ войнахъ (О. 1870).

дахъ непріятельскіе товары логически слѣдуетъ, что въ средніе вѣка непріятельскій грузъ на нейтральномъ кораблѣ конфискуется.

Разбираемая эпоха по общему правилу не признаетъ современнаго начала „le pavillon couvre la cargaison", честь окончательнаго введенія котораго въ кодексъ *обще*признанныхъ нормъ морского международнаго права въ значительной степени благодаря нашему отечеству (актъ вооруженнаго нейтралитета Императрицы Екатерины II, 1780)—принадлежитъ только Парижскому мирному конгрессу 1856 г. Взаимныя права нейтральныхъ и воюющихъ стоятъ въ средніе вѣка въ обратномъ соотношеніи сравнительно съ нашимъ временемъ: послѣднія еще перевѣшиваютъ первыя, и въ средневѣковой морской войнѣ непріятельская собственность преслѣдуется, *гдѣ бы она ни находилась*.

Какъ извѣстно, этотъ usus—конфискація непріятельской собственности на нейтральномъ кораблѣ—нашелъ себѣ выраженіе, въ качествѣ общепризнаннаго правила морской войны, еще въ Consolato del mare (XIII—XIV в.), знаменитомъ сборникѣ обычаевъ морского международнаго права, дѣйствовавшихъ въ средніе вѣка среди торговыхъ народовъ бассейна Средиземнаго моря и перенесенныхъ оттуда также и въ международный коммерческій оборотъ Атлантическаго океана. Статья 231 этихъ знаменитыхъ „Bones costumes de la mar" (или 276-ая всей компиляціи извѣстной подъ названіемъ Consolato del mare) говоритъ между прочимъ слѣдующее: „если захваченный корабль принадлежитъ друзьямъ, а товары, которые онъ везетъ,—врагамъ, то адмиралъ военнаго корабля (т. е. корабля-взятеля) можетъ заставить хозяина взятаго корабля принести ему все, что принадлежитъ непріятелю"... [1]) Въ этомъ случаѣ, говоритъ Consolato дальше, адмиралъ можетъ даже принудить капитана нейтральнаго корабля отвезти эту захваченную непріятельскую собствен-

[1]) Pardessus Collection des lois maritimes, t. II, p. 304.

ность въ безопасное мѣсто—но только подъ условіемъ возмѣщенія ему тогда всей фрахтовой платы, которую получилъ бы капитанъ, если бы доставилъ взятые для перевозки товары по назначенію. Въ случаѣ же отказа хозяина корабля отвезти захваченный непріятельскій грузъ въ указанное ему безопасное мѣсто, адмиралъ-взятель можетъ потопить корабль (только спасши предварительно его экипажъ) и никто не можетъ привлечь его за это къ отвѣтственности [1]).

Таковы постановленія Морского Консулата относительно непріятельской собственности на нейтральномъ кораблѣ. Какъ уже замѣчено, эти постановленія были въ то время общепризнанною нормою международнаго права, дѣйствующимъ международнымъ обычаемъ всего средневѣковья (и даже, какъ извѣстно, защищались Англіею еще до самой средины нашего столѣтія). По вѣрному замѣчанію Hautefeuille, Consolato del mare не создаетъ никакого *новаго* права; онъ только констатируетъ обычаи, существовавшіе въ моментъ составленія этого сборника существовавшіе притомъ уже болѣе или менѣе давно. Такъ, уже одинъ трактатъ 1221 г. (между городами Пизой и Арлемъ) заключаетъ въ себѣ спеціальное упоминаніе о правѣ конфискаціи непріятельской собственности на нейтральномъ кораблѣ (равно какъ о правѣ захвата въ плѣнъ находящихся на немъ непріятельскихъ лицъ) [2]). Тоже начало, уже послѣ составленія Consolato, подтверждается также длиннымъ рядомъ международныхъ трактатовъ XV вѣка. Англо-нидерландскіе договоры 1406, 1417, 1416, 1467, 1478 и 1495 г., англо-бретанскіе 1440, 1468 и 1486 и англо-генуэзскій 1460 г.—всѣ провозглашаютъ, какъ мы видѣли уже выше [3]), обязан-

[1]) Consolato de mare, ibid.

[2]) Muratori. Antiquitates italicae medii aevi, IV, 396 s. Ср. Boeck op. cit. p. 23.

[3]) См. выше стр. 295, 296, со ссылками на сборникъ Dumont. Относительно не встрѣчавшагося намъ еще трактата 1440 г. см. Dumont. III, 1, 549.

ность каждой договаривающейся стороны не перевозить на своихъ корабляхъ товаровъ непріятеля другой стороны, а въ случаѣ нахожденія такихъ товаровъ на нейтральныхъ судахъ—немедленно дѣлать объ этомъ „veram, planam et justam confessionem et declarationem“ опрашивающему судну воюющаго (ужъ, конечно, не для простого принятія имъ этого къ свѣдѣнію!).—Наиболѣе полно, ясно и точно выражается въ этомъ отношеніи англо-генуэзскій договоръ 1460 г., который прямо предписываетъ нейтральнымъ корабельщикамъ немедленно выдавать непріятельскіе товары остановившему ихъ капитану, установляетъ выдачу имъ заслуженной ими части фрахтовой платы, а въ случаѣ сопротивленія—грозитъ расправою какъ съ врагами [1]).

Мало того, въ отдѣльныхъ трактатахъ этой эпохи, какъ напр. въ англо-бретанскомъ договорѣ 1440 г. [2]), иногда устанавливается для воюющаго право доказывать еще „dedens an et jour“, что нейтральное судно, остановленное кораблемъ воюющаго и затѣмъ отпущенное послѣ присяги капитана въ томъ, что на немъ нѣтъ никакой непріятельской собственности,—все-таки везло на самомъ дѣлѣ непріятельскіе товары. Въ случаѣ подтвержденія этого обвиненія, виновные въ обманѣ должны были выдать въ концѣ концовъ остановившему ихъ капитану скрытое ими непріятельское имущество или же его денежный эквивалентъ.

Таковы были взгляды средневѣковья по вопросу о судьбѣ непріятельской собственности на нейтральномъ кораблѣ: пра-

—

[1]) Dumont III, 1, 583: „Nec... portabunt (генуэзцы) in Navigiis eorum... Bona aut Mercimonia alicujus inimici nostri (т. е. короля Англіи) et casu quo fecerint, petiti et interrogati per nostros, dicti Januenses debent ...veritatem dicere et fateri quae et qualia Bona inimicorum nostrorum... ducunt in Navibus suis et illa sine difficultate tradere et deliberare Capitaneis vel ducentibus Navigia nostra... recipiendo pro rata nauli sive affrectamenti hujusmodi Mercium inimicorum—Et, casu quo dicti Januenses sic facere recusaverint... licitum erit ipsis nostris Subditis eosdem Januenses invadere et depugnare, eorum Naves et Bona capere“...

[2]) Dumont III, 1, 549.

вило „флагъ *не* покрываетъ груза“, установившееся съ незапамятныхъ временъ и выраженное въ Consolato del mare, возводится въ настоящую *обще*признанную норму морского международнаго права того времени.—Мы нарочно подчеркиваемъ общепризнанность этого правила, потому что приведенные выше договоры XV столѣтія могутъ, пожалуй, въ этомъ отношеніи подать еще поводъ къ нѣкоторому сомнѣнію. Дѣло въ томъ, что какъ это было вѣрно подмѣчено г. Спасовичемъ „всѣ приведенные трактаты заключены Англіей, которая до сихъ поръ (1851) осталась вѣрна началамъ Консулата, и притомъ по большей части съ соперниками королей французскихъ“ [1]. Отсюда—естественная, съ нашей точки зрѣнія, мысль, не составляло ли это правило конфискаціи непріятельскаго груза на нейтральномъ кораблѣ, можетъ быть, только какое-то jus particulare, ad hoc выговоренное Англіею въ спеціальныхъ трактатахъ съ отдѣльными дружественными ей государствами? Но такая мысль опровергается другими указаніями изъ морской исторіи среднихъ вѣковъ, которыя заставляютъ несомнѣнно признать, что средневѣковая Англія была въ этомъ отношеніи не лучше, но и не хуже другихъ европейскихъ государствъ и что въ своихъ, упомянутыхъ выше, трактатахъ она дѣйствительно только отразила общепризнанныя тогда начала [2]. Въ этомъ смыслѣ говорятъ, прежде всего, разобранныя уже положенія Consolato del mare международное значеніе котораго въ самомъ широкомъ смыслѣ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, и который, ни по своему происхожденію, ни по странамъ, гдѣ его обычаи соблюдались, не можетъ, какъ извѣстно, считаться выразителемъ взглядовъ одной только Англіи. Но,

[1] В. Спасовичъ, op. cit., стр. 33.

[2] Если они нашли себѣ выраженіе въ трактатахъ, заключенныхъ именно Англіею, то это объясняется только тѣмъ, что вообще регламентація вопросовъ международной торговли путемъ спеціальныхъ коммерческихъ трактатовъ (въ которые и включались обыкновенно правила о соотношеніи флага и груза во время войны) принадлежитъ за это время почти исключительно Англіи.

и независимо отъ Консулата, мы имѣемъ положительныя историческія свидѣтельства, что именно такая практика была общепризнана нормальною въ средніе вѣка. Въ своемъ упомянутомъ уже разъ отвѣтѣ сицилійскому правительству (1475) французскій государственный совѣтъ категорически и ясно говоритъ: „на нашемъ западномъ морѣ ненарушимо (indelebiliter) соблюдается тотъ обычай между воюющими, что вещи и товары враговъ, даже нагруженные на корабли друзей или союзниковъ, могутъ быть безнаказанно и законно (licite) захвачены *по праву войны* (*jure bellorum*), съ уплатою только за нихъ слѣдуемыхъ фрахтовыхъ денегъ“ [1]).

Никакого сомнѣнія, что въ средніе вѣка считалось „правомъ“ по разбираемому теперь вопросу, возникнуть, такимъ образомъ, не можетъ. Сообразно съ этимъ и въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что было сказано относительно полнаго прекращенія торговли нейтральныхъ съ воюющимъ, нужно только еще замѣтить, что единственныя отступленія отъ общепризнаннаго правила конфискаціи непріятельскаго груза на нейтральномъ кораблѣ могли встрѣчаться за средніе вѣка развѣ только какъ особенныя исключенія. Провозглашеніе современнаго намъ принципа „le pavillon couvre la cargaison“ могло появиться въ средніе вѣка только въ видѣ единичныхъ привилегій, выговоренныхъ себѣ однимъ государствомъ и октроированныхъ другимъ, добровольно отказывающимся отъ осуществленія своего всѣми признаннаго права. На такой исключительный путь привилегій и вступаетъ въ самомъ концѣ среднихъ вѣковъ предпріимчивый Ганзейскій союзъ [2]).

[1]) „Habet hoc usus inter propugnatores in hoc occidentali mari indelebiliter observatus, res hostium et bona, etiamsi infra amicorum aut confederatorum triremes seu naves positi sint .. impune et licite jure bellorum capi posse, naulum propterea debitum exsolvendo“. См. Maulde I, p. 249.

[2]) Его французскія привилегіи 1464, 1483 и 1489 гг. См. Gessner Droit des neutres, p. 31. 32. Ср. однако Flassan Histoire de la diplomatie française, t. I, 244 и (относит. 1489 г.) Dumont III, 2, 240.

Въ заключеніе этого параграфа о судьбѣ непріятельскаго груза подъ нейтральнымъ флагомъ въ средніе вѣка, необходимо еще указать на неправильное мнѣніе, будто бы нѣкоторые трактаты этой эпохи провозглашаютъ уже правило— „флагъ покрываетъ грузъ“. Такъ Gessner [1]), (совершенно неправильно ссылаясь на Pardessus), а за нимъ, очевидно, безъ всякой провѣрки, Calvo [2])—говоритъ, что уже за средніе вѣка рядъ не безъизвѣстныхъ международныхъ договоровъ—1221 г. 1351, 1353, 1406, 1460, 1486 и 1495— „défendent déjà la confiscation dans les deux cas“, т. е. запрещаютъ уже будто бы конфискацію и непріятельской собственности на нейтральномъ кораблѣ, и нейтральной на непріятельскомъ. Если обратиться къ тексту этихъ договоровъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ Dumont, то окажется, что вѣрна здѣсь только послѣдняя половина этого утвержденія (т. е. свобода нейтральнаго груза на непріятельскомъ кораблѣ) и то, какъ увидимъ въ слѣдующемъ параграфѣ, только для договоровъ 1351 и 1353 г.—которые о непріятельской собственности на нейтральномъ кораблѣ *не говорятъ ничего*. Наоборотъ, трактаты 1406, 1460 и 1495 г., какъ мы уже видѣли [3]), *специально оговариваютъ право ея конфискаціи*, а что касается наконецъ договоровъ 1221 г. и 1486 г., то они (о чемъ специально рѣчь идетъ ниже) содержатъ условіе о *конфискаціи въ обоихъ случаяхъ*, т. е. и непріятельскаго груза на нейтральномъ кораблѣ, и даже нейтральнаго на непріятельскомъ [4]). Такимъ образомъ, указанія Gessner'а и Calvo на свободу непріятельской собственности на нейтральномъ кораблѣ по постановленіямъ нѣкоторыхъ трактатовъ сред-

[1]) Gessner loc. cit., p. 30 note.

[2]) Calvo Droit internat. th. et prat. 2 éd. (1872) II, p. 317 note 1, и даже въ 3 изданіи (1880), t. III, p. 368 note 1—ср. несогласующіяся съ этими (но болѣе вѣрныя!) свѣдѣнія *того же изданія* p. 254, 255.

[3]) Выше стр. 295, 296, также 390.

[4]) См. слѣдующій отдѣлъ: „Нейтральный грузъ на непріятельскомъ кораблѣ“.

нихъ вѣковъ представляются, къ сожалѣнію, простою ошибкою: по общему правилу, средневѣковью совершенно еще неизвѣстно такое условіе.

2) Нейтральный грузъ на непріятельскомъ кораблѣ.

При очерченномъ выше положеніи вещей, доказывающемъ полный перевѣсъ правъ *воюющихъ* надъ интересами нейтральныхъ,—первою свѣтлою точкою въ смыслѣ эмансипаціи нейтральной торговли отъ произвола воюющихъ является признанный средними вѣками принципъ неприкосновенности нейтральнаго груза, находящагося на непріятельскомъ кораблѣ. Этотъ принципъ точно также выраженъ еще въ Consolato del mare. „Если (встрѣченный) корабль принадлежитъ врагамъ, а его грузъ друзьямъ—говоритъ таже 231 (276) статья этого юридическаго памятника [1])—то купцы-собственники груза, которые тамъ находятся, должны войти въ соглашеніе съ адмираломъ относительно выкупа, за приличную и возможную для нихъ сумму, этого судна, которое (и только оно!) составляетъ законный призъ взятеля (qui de bona guerra es)“ [2]). Такимъ образомъ, Consolato предполагаетъ безусловную неприкосновенность груза, принадлежащаго нейтральнымъ, хотя бы онъ находился на непріятельскомъ кораблѣ. Это—первая суще-

[1]) Pardessus Collection, II, p. 305.—Hautefeuille (p. 136, 138), ссылаясь однако вѣрно на Pardessus, почему то упорно говоритъ въ этомъ случаѣ о статьѣ 274 Consolato, отдѣляя ее отъ статьи 276, говорящей о конфискаціи непріятельской собственности на нейтральномъ кораблѣ. Но, какъ видно изъ текста, приводимаго у Pardessus, объ обоихъ случаяхъ говоритъ та же самая 276 (231) статья, а статья 274 (см. Pardessus II, p. 299) посвящена совершенно другому вопросу.

[2]) Причемъ, въ случаѣ если такого соглашенія не состоится, адмиралъ, захватившій непріятельское судно, имѣетъ право отвести его вмѣстѣ съ нейтральными (остающимися неприкосновенными) товарами въ портъ, откуда онъ (адмиралъ) вышелъ, и тогда нейтральные купцы обязаны уплатить ему условленныя ими съ непріятельскимъ капитаномъ фрахтовыя деньги, какъ будто бы товары были доставлены въ мѣсто назначенія. См. туже статью, Pardessus ibid.

ственная уступка правамъ нейтральныхъ со стороны воюющихъ въ области морской войны и, что для насъ особенно важно, она точно такъ же, какъ и (только что разсмотрѣнное выше) правило Морского Консулата о непріятельскомъ грузѣ на нейтральномъ кораблѣ—также нашла себѣ выраженіе и подтвержденіе въ различныхъ международныхъ договорахъ XIV—XV вѣковъ.

Въ качествѣ перваго трактата, формулирующаго это начало, ошибочно считался до послѣдняго времени (да часто считается и теперь) договоръ, заключенный въ 1221 г. между городами Пизою и Арлемъ. Вслѣдъ за такимъ авторитетомъ, какъ столь точный обыкновенно Pardessus [1]), всѣ писатели, касавшіеся этого предмета, повторяютъ дѣйствительно, что начало неприкосновенности нейтральной собственности на непріятельскомъ кораблѣ выражено, будто бы, именно уже въ этомъ договорѣ, который придерживается такимъ образомъ по вопросу объ отношеніи флага къ грузу всецѣло взглядовъ Consolato del mare. Однако, изъ самаго текста трактата, на который ссылается Pardessus, оказывается совсѣмъ другое [2]). Какъ на это спеціально указываетъ только Boeck въ своемъ капитальномъ изслѣдованіи „О непріятельской частной собственности подъ непріятельскимъ флагомъ" [3])— договоръ 1221 г. освящаетъ принципъ *діаметрально противоположный* тому, который ему приписываютъ, т. е. допускаетъ конфискацію не только непріятельской собственности на нейтральномъ суднѣ, но даже и нейтральной на непріятельскомъ! Касающійся этого пункта текстъ трактата, какъ онъ приведенъ у Muratori, не оставляетъ въ этомъ никакого сомнѣнія. „Si forte aliquis Arelatensis - говоритъ онъ - cum Januensi (Генуэзцомъ), donec guerra inter Pisanos et Januenses

[1]) Collection, t. II, p. 303 note 4.

[2]) Muratori Antiquitates ital. med. aevi, IV, 398.

[3]) Ch de Boeck. De la propriété privée ennemie sous pavillon ennemi (P. 1882). p. 23, 24.

fuerit. a Pisanis inventus fuerit in eorum navibus... liceat Pisanis... res eorum (Arelatensium) tanquam Januensium offendere et capere et capta retinere et non cedere nec reddi facere". Относительно энергичности и ясности выраженій—но направленныхъ *противъ* неприкосновенности имущества нейтральныхъ на непріятельскихъ судахъ—едва ли можно желать найти что-нибудь лучшее въ средневѣковыхъ текстахъ международнаго трактатнаго права.

На самомъ дѣлѣ, первымъ извѣстнымъ намъ договоромъ, формулирующимъ начало неприкосновенности нейтральнаго груза подъ непріятельскимъ флагомъ, является мало извѣстный въ литературѣ и отмѣченный чуть ли не однимъ только проф. Лешковымъ [1]), договоръ 30 мая 1323 года между Англіею и Шотландіею (срокомъ на 13 лѣтъ). „Если какой-нибудь, принадлежащій не Шотландіи, корабль, на которомъ находятся Шотландцы или ихъ имущество и товары, будетъ захваченъ нашими (т. е. англичанами)—говоритъ этотъ трактатъ—то люди и имущество, принадлежность которыхъ Шотландіи будетъ правильно установлена, будутъ освобождены безъ замедленія" [2]). Тотъ же принципъ неприкосновенности нейтральнаго груза подъ непріятельскимъ флагомъ выраженъ въ 50 годахъ того же вѣка, въ англо-кастильскомъ (1351) и въ англо-португальскомъ (1353) торговыхъ трактатахъ [3]): эти договоры содержатъ еще то добавочное постановленіе, что если на захваченномъ непріятельскомъ кораблѣ не

---

[1]) Историческое изслѣдованіе началъ неутралитета, стр. 16.

[2]) Dumont I, 2, 59—60: „...si nule neef, autre qui d'Escoce, en la quele soient Gentz d'Escoce ou ascun d'Escoce eit en cele neef biens ou marchandises, soit... prise sur Meer par les noz, les Gentz et les biens qui resonablement serront troues d'Escoce, soient delivres saunz empeschement".

[3]) Dumont I, 2, 266: „Si les Gentz ledit Roi d'Engleterre... preignent en la Mer ou Port, nuls Niefs de ses Adversaires ou Enemys et en les dites Niefs soient trouez Marchandises, ou autres biens, de ceux de la Seignurie del Roi de Castelle... qu'ils soient renduz a les Marchauntz de Castelle... de qi ils sont a lour loial serement". То же самое и въ англо-португальскомъ трактатѣ. Dumont I, 2, 286.

окажется никого изъ хозяевъ нейтральнаго имущества, то оно препровождается въ Англію и тамъ сохраняется до востребованія его собственниками.

Въ международныхъ трактатахъ XV вѣка также, конечно, встрѣчаются постановленія этого рода: такова, напримѣръ, касающаяся этого вопроса статья коммерческаго договора 8 января 1475 г., заключеннаго между Англіею и Франціею во время ихъ перемирія [1]).

Основанное на международномъ обычаѣ (Consolato del mare) и подтвержденное въ опредѣленіяхъ различныхъ международныхъ договоровъ, начало неприкосновенности нейтральной собственности на непріятельскихъ судахъ и входитъ въ общее правосознаніе и въ международную практику западной Европы XIV—XV вѣковъ. Гроцій сохранилъ намъ извѣстіе, что такого именно принципа держались въ то время въ его отечествѣ и ссылается на соотвѣтствующее рѣшеніе нидерландскаго верховнаго суда въ 1438 году—рѣшеніе, получившее затѣмъ силу закона [2]). Ту же практику, что особенно важно съ точки зрѣнія примѣненія этого принципа въ дѣйствительности, мы находимъ также въ средневѣковыхъ морскихъ войнахъ Англіи, по ея „Black Book of Admiralty". [3]).

Однако, и этому началу, представляющему собою, казалось бы, довольно скромную уступку полнаго произвола воюющихъ въ пользу правъ нейтральныхъ, приходится все еще бороться съ противоположнымъ ему стремленіемъ конфиско-

---

[1]) Dumont III, 1, 524: „...si aucun Navire d'Espagne... est pris au large de la Mer... par les François... lesdits Navires d'Espagne... seront... de bonnes prises et toutes les Marchandises qu'ils porteront, ores qu'il y eût des Marchandises des Anglois".

[2]) Оно признавало именно право нейтральныхъ доказывать, что на захваченномъ непріятельскомъ кораблѣ находились ихъ вещи; весь грузъ непріятельскаго судна презюмировался такимъ образомъ принадлежащимъ врагу *только donec probetur contrarium.* H. Grotii, De jure belli ac pacis l. III, c. VI, § 6 (éd. Barbeyrac, II p. 798). Ср. тоже изданіе Leyde, 1754 г., t. II, p. 786 note.

[3]) Westlake Chapters on the principles of internant law. (Cambridge, 1898), p. 61.

вать также и нейтральную собственность, если только она находится на непріятельскомъ кораблѣ. Эту практику, какъ остатокъ прежняго, ничѣмъ не сдерживаемаго грабежа на моряхъ [1], старается поддерживать въ XV вѣкѣ именно еще Англія, заключая, въ отмѣну указанной выше общепризнанной нормы, сепаратныя соглашенія со своими наиболѣе близкими союзниками: таковы ея трактаты—1417 г. съ Фландріею (герцогомъ Бургундскимъ) [2] и 1468 и 1486 г. съ Бретанью [3]. „Et aussi pourront les Gens de Bretaigne—категорически говоритъ этотъ послѣдній договоръ (повторяя постановленія трактата 1468 г.)—prendre et acquerir a eulx les personnes et biens du parti d'Angleterre qu'ilz trouveront en Navire ennemis du dite Paiis de Bretaigne“ [4]. Такимъ образомъ, по этимъ двумъ договорамъ не только нейтральное имущество, но даже сами нейтральные подданные захватывались воюющимъ (въ качествѣ военноплѣнныхъ), если только ихъ находили на непріятельскомъ кораблѣ. Но *такая* практика представлялась уже злоупотребленіемъ, основаннымъ на ad hoc заключенныхъ сепаратныхъ соглашеніяхъ отдѣльныхъ государствъ,—*отступленіемъ* отъ общепризнаннаго всѣмъ международнымъ общеніемъ принципа, каковымъ въ то время былъ уже, какъ мы видѣли, принципъ неприкосновенности нейтральнаго груза на непріятельскомъ кораблѣ.

[1]) Конфискація нейтральной собственности на непріятельскомъ кораблѣ санкціонируется въ XIII вѣкѣ, какъ сказано выше, между прочимъ еще въ трактатѣ между Пизою и Арлемъ въ 1221 г.

[2]) **Dumont** II, 2, 91: „...tant que la guerre sera... entre le Roy d'Engleterre et la Cite de Jennes (Gênes)... aucun de Flandres... ne porra ses biens ou Merchandises... mettre es... Niefs des Genevoies... Et se d'aventure aucuns biens ou Marchandises es... Niefs des Genevois... estoient prins... par le dit Roy d'Engleterre ...que iceulx biens et Marchandises... ne porront... estre restorez ou restituez“.

[3]) **Dumont**, III, 1, 596 et III, 2, 159.

[4]) Ibid. III, 2. 163 et III, 1, 598.

d. Призы и репризы.

Если, подводя теперь итогъ изложеннымъ положеніямъ средневѣковаго морского международнаго права, опредѣлявшимъ взаимныя отношенія между правами и интересами воюющихъ и нейтральныхъ, мы захотимъ опредѣлить, что̀ считалось правильною, законною и что̀ неправильною добычею (призомъ) воюющаго въ морской войнѣ, т. е., другими словами, если мы захотимъ опредѣлить объемъ матеріальнаго призоваго права среднихъ вѣковъ,—то изъ предъидущаго несомнѣнно нужно будетъ вывести печальное заключеніе, что даже въ XIV—XV вв. права воюющихъ въ морской войнѣ перевѣшиваютъ почти по всѣмъ пунктамъ права нейтральныхъ. За исключеніемъ только что разобраннаго случая нейтральной собственности на непріятельскомъ кораблѣ, которая уже пользовалась неприкосновенностью, законнымъ призомъ считаются: 1⁰ непріятельскіе корабли и грузы (хотя бы находящіеся на нейтральномъ кораблѣ), если только они захвачены *не* въ территоріальныхъ водахъ нейтральнаго государства [1]) и 2⁰ даже нейтральные корабли и грузы, если только они служатъ торговлѣ съ врагомъ.

Нельзя однако слишкомъ винить средневѣковье за ничтожность той сферы правъ нейтральныхъ, которая успѣла получить признаніе въ морскихъ войнахъ этой эпохи. Отъ полнаго варварства и безграничнаго произвола можно ожидать только *постепеннаго* перехода къ какой-нибудь стройной системѣ правъ нейтральныхъ, и никакихъ рѣзкихъ скач-

[1]) По поводу этого послѣдняго условія см. любопытное дѣло конца XIII—начала XIV вѣка въ Hansisches Urkundenbuch (Sartorius, Ursprung der Hanse II), № 99: въ территоріальныхъ водахъ города Висмара любекскіе военные корабли ограбили датскія суда. Висмаръ, по жалобѣ датчанъ, былъ приговоренъ другими ганзейскими городами къ возмѣщенію убытковъ датчанамъ, но просилъ, въ свою очередь, о взысканіи соотвѣтствующей суммы съ Любека и Ростока виновныхъ въ захватѣ датской собственности въ его (нейтральныхъ) водахъ.

ковъ впередъ тутъ не можетъ быть по самой природѣ вещей. Среднимъ вѣкамъ нужно, такимъ образомъ, отдать всетаки должное за то, что они несомнѣнно сдѣлали первый—всегда самый трудный—шагъ въ этомъ направленіи. Признаніе неприкосновенности нейтральнаго груза гдѣ бы онъ ни находился, переданное новому времени изъ среднихъ вѣковъ, есть съ этой точки зрѣнія фактъ чрезвычайно важный *качественно*—хотя бы количественно онъ терялся среди произвола воюющихъ на моряхъ (знакомаго, увы, какъ извѣстно, далеко не однимъ только средневѣковымъ войнамъ). Какъ бы тамъ ни было, но здѣсь, хоть только въ маленькомъ уголкѣ всей обширной области международной борьбы на морѣ, зародились уже современные намъ взгляды: статья 231 (276) Consolato del mare XIV вѣка заключаетъ въ себѣ тотъ-же принципъ, который—черезъ 500 лѣтъ послѣ него—получилъ выраженіе въ статьѣ 3 знаменитой Парижской морской деклараціи 1856 г. Вотъ почему на соотвѣтствующія постановленія эпохи средневѣковья нельзя не смотрѣть какъ на первый, хотя бы микроскопическій, зародышъ, изъ котораго постепенно развилась современная намъ система правъ нейтральныхъ на морѣ. Въ этомъ отношеніи, заслуга средневѣковья неоспорима: оно становится на точку зрѣнія *принципіально* отличающуюся отъ взглядовъ и международныхъ порядковъ древняго міра: именно тутъ, въ эту эпоху, какъ совершенно правильно говоритъ проф. Даневскій, „гуманизація и прогрессъ по отношенію къ древневѣковому военному и морскому праву проявились въ томъ, что собственность нейтральная уже рѣзко разграничивается отъ непріятельской—тогда какъ древнее военное и морское право не знали этого различія" [1]). А „въ тотъ день, добавимъ мы вмѣстѣ съ Boeck [2]), когда былъ выставленъ вопросъ о правахъ нейтральныхъ на морѣ, былъ сдѣланъ громадный шагъ

[1]) „Историч. очеркъ нейтралитета", стр. 25.
[2]) Op. cit., p. 17.

впередъ въ области упорядоченія морской войны"—и первое призовое *право* зародилось.—

Одновременно съ первыми правилами о томъ, что „de bonna guerra es" (Consolato) и что нѣтъ, что правильный и что незаконный призъ,—возникаютъ, въ частности, и извѣстныя правила о репризахъ (reprise, recousse), т. е. объ обратномъ отбитіи у непріятеля захваченнаго имъ уже корабля [1]. Первыя юридическія нормы, касающіяся этого вопроса и полагающія такимъ образомъ основаніе „праву репризовъ", мы находимъ также въ среднихъ вѣкахъ и опять въ томъ же знаменитомъ Consolato del mare. Статья 215 (290) этого сборника спеціально посвящена „репризамъ" [2] и даетъ намъ правила, по поводу которыхъ Pardessus не даромъ говоритъ, что „on ne peut refuser de rendre justice à son équité" [3])

По вопросу о соотношеніи приза и реприза Морской Консулатъ *не* знаетъ еще, именно, теоріи пріобрѣтенія взятелемъ права собственности на захваченный корабль въ силу простого нахожденія приза въ его власти въ теченіе 24 часовъ: разбираемый памятникъ держится болѣе широкаго правила, что взятель пріобрѣтаетъ собственность на свой призъ лишь съ момента доставленія его въ свой отечественный портъ, въ „надежное мѣсто" (en loch salvo), какъ говоритъ текстъ Consolato. Поэтому судно, какимъ бы то ни было образомъ отбитое назадъ отъ непріятеля еще въ открытомъ морѣ, безусловно возвращается своему хозяину, хотя бы оно и находилось во власти врага уже болѣе сутокъ. Хозяинъ судна, такимъ образомъ, вовсе еще не теряетъ на него своихъ правъ въ силу одного только нахожденія его собственности въ рукахъ врага и при репризѣ обязанъ только дать „достаточное вознагражденіе" лицамъ, сдѣлавшимъ этотъ ре-

[1]) О репризахъ въ средніе вѣка см. вообще Hautefeuille p. 143. Cauchy, p. 363. Boeck, p. 21.

[2]) Pardessus, t. II, p. 338 ss.

[3]) Collection. II, p. 338 note 2.

призъ. Напротивъ, отбитое имущество принадлежитъ этимъ послѣднимъ—т. е лицамъ, сдѣлавшимъ реприз, если отбитіе совершилось уже послѣ отвода корабля въ непріятельское „надежное мѣсто", слѣдовательно послѣ того, какъ право собственности на корабль было уже утеряно его хозяиномъ.— Къ этимъ простымъ и яснымъ правиламъ, лежащимъ въ основаніи статьи о репризахъ, Consolato прибавляетъ (какъ мы видѣли это уже въ отдѣлѣ о международномъ третейскомъ судѣ), что всѣ споры относительно цифры вознагражденія, возникающіе изъ случаевъ репризовъ, должны быть рѣшаемы посредничествомъ или третейскимъ судомъ стороннихъ лицъ (bons homens) „дабы не заслужить порицанія ни Бога, ни людей".

Таковы правила этого замѣчательнаго сборника XIII—XIV вѣка, отражающаго въ себѣ дѣйствовавшее право морского международнаго оборота среднихъ вѣковъ. Аналогичныя постановленія мы находимъ и въ другихъ юридическихъ памятникахъ того времени. Такъ напримѣръ, нѣсколько болѣе раннiй испанскій законодательный сборникъ Siete Partidas (сред. XIII в.) между прочимъ также провозглашаетъ принципъ возвращенія реприза первоначальному собственнику, если только отбитіе корабля сдѣлано до отвода его въ „надежное мѣсто" [1]).

Какъ бы то ни было, касающіяся этого вопроса нормы, нашедшія себѣ выраженіе въ Consolato del' mare, легли въ основу всего послѣдующаго развитія права репризовъ: изъ среднихъ вѣковъ онѣ переходятъ въ новый періодъ исторіи, и сама Англія держится ихъ еще въ XVI и XVII вѣкѣ. Если отъ нихъ отступаютъ (Франція), то во всякомъ случаѣ въ смыслѣ, какъ извѣстно, *менѣе* либеральномъ (правило 24 часовъ), чѣмъ международная практика, отразившаяся въ средневѣковомъ Consolato [2]).

---

[1]) II Partida, tit. 26. l. 31 см. статью Nys: Les Siete Partidas et le droit de la guerre въ R. D. I. 1883.

[2]) Ср. Hautefeuille, p. 249, 250.

3. Практическое обезпеченіе правъ нейтральныхъ на морѣ.

Какъ только что выяснилось, въ международной жизни среднихъ вѣковъ получила себѣ признаніе извѣстная (правда, очень незначительная) сфера правъ нейтральныхъ по отношенію къ воюющимъ. Спрашивается, какъ же эти признаваемыя общеобязательными правила должнаго, это „право" было исполняемо на практикѣ, какія существовали гарантіи дѣйствительнаго соблюденія его воюющими? Невольно является, именно, вопросъ о практическомъ соотношеніи между этими нормами, выработанными обычаемъ или спеціальными договорами, и тѣмъ варварствомъ и произволомъ, тою анархіею, которая, какъ извѣстно, царила на моряхъ и могла совершенно игнорировать не только какія-то „права" нейтральныхъ на неприкосновенность ихъ собственности на судахъ воюющихъ, но даже и самыя священныя права ихъ *взаимной* торговли, т. е. торговли нейтральныхъ съ нейтральными-же!

И дѣйствительно, въ болѣе раннюю эпоху среднихъ вѣковъ, приблизительно до конца XIII вѣка, мы видимъ еще самую безотрадную картину въ этомъ отношеніи. Прежде всего—на моряхъ въ это время властвуютъ пираты, морскіе разбойники, которые, не различая, конечно, ни воюющихъ, ни нейтральныхъ, ни своихъ, ни чужихъ, ни военнаго, ни мирнаго времени, грабятъ кого и что попало [1]). Для этихъ „hostes humani generis" не могло быть, само со-

---

[1]) См. въ особ. Каченовскій, О каперахъ стр. 2 слѣд. Ф. Мартенсъ, О правѣ частной собственности, стр. 288.—Въ XII—XIII вв. особенно страдаетъ отъ нихъ торговля Средиземнаго моря: одинъ документъ 1278 г. насчитываетъ напримѣръ 90 однихъ (италіанскихъ или греческихъ) атамановъ отдѣльныхъ шаекъ пиратовъ! См. Nys въ R. D. I. 1895 p. 563. Не менѣе грандіозными становятся морскіе разбои на сѣверѣ къ концу XIV вѣка, когда на Балтійскомъ морѣ появляются знаменитые „Vitalienbrüder" - „Gottes Freunde, aller Welt Feinde". Совокупныя усилія Ганзы и Нѣмецкаго Ордена успѣли съ ними справиться только къ 1433 году. См. о нихъ цѣлое изслѣдованіе у Raumer въ Histor. Taschenbuch 1841, S. 1 ff.

бою, и рѣчи о какомъ бы то ни было „правѣ". и единственное средство, которое оставалось, чтобы сохранить вообще самую возможность торговыхъ сношеній по морю—это была вооруженная борьба съ ними какъ правительствъ [1]), такъ въ особенности и самихъ частныхъ лицъ, соединявшихъ для морской торговли свои суда въ большія вооруженныя флотиліи (voyages de conserve).—Но затѣмъ, независимо отъ такихъ профессіональныхъ разбойниковъ, свирѣпствовавшихъ на морѣ въ средніе вѣка, нужно констатировать тотъ фактъ. что и вполнѣ нормальные представители воюющаго государства на морѣ по своимъ пріемамъ первоначально мало чѣмъ отличались отъ пиратовъ. Дѣло въ томъ, что отсутствіе организованной военно-морской силы у правительствъ приводило, какъ было уже замѣчено выше, къ господству въ морской войнѣ системы экспедицій частныхъ лицъ противъ непріятеля—къ веденію войны черезъ такъ называемыхъ **корсаровъ** или **каперовъ**. Эти частныя лица, моряки-собственники кораблей (арматоры). воспользовавшіеся приглашеніемъ своего правительства „courir sus aux ennemis" и воюющіе на морѣ съ врагомъ на свой страхъ и рискъ, первоначально стоятъ внѣ всякаго контроля отечественной власти, являются въ полномъ смыслѣ слова „безотвѣтственными органами воюющей стороны" [2]).

Дѣйствительно, еще въ Consolato del mare,—который излагаетъ однако дѣйствующее морское право XIII-го и даже, можетъ быть, первой половины XIV вѣка—нѣтъ еще никакого признака извѣстнаго контроля надъ корсаромъ со сто-

---

[1]) О совмѣстной борьбѣ съ пиратами и неоказаніи имъ помощи средневѣковыя правительства заключають международныя соглашенія до самаго XVI вѣка: постановленія такого рода встрѣчаются во всѣхъ упомянутыхъ выше коммерческихъ трактатахъ XV столѣтія. Заключались съ тою же цѣлью и спеціальные, особые договоры. См. напр. договоръ 1344 г. между королемъ шведскимъ и ганзейскими городами. Hansisches Urkundenbuch (Sartorius Urkundliche Geschichte des Ursprunges der Deutschen Hanse, Bd. II), № 151.

[2]) **Каченовскій** op. cit., стр. 8.

роны его правительства. Консулатъ не знаетъ еще ни каперскихъ свидѣтельствъ, ни призовой юрисдикціи [1]), и его 243 (288) статья прямо предполагаетъ право каждаго мореходца нападать безъ всякаго спеціальнаго разрѣшенія своего правительства на корабль, принадлежащій подданнымъ воюющаго съ нимъ государства [2]). Тоже самое мы видимъ въ присоединенномъ къ Consolato любопытномъ регламентѣ 1330 г. о такъ называемой „course maritime“, т. е. о частной войнѣ на морѣ [3]). Эти правила говорятъ о зависимости и отвѣтственности начальника отправляющагося на войну корабля или цѣлой флотиліи („адмирала“) только по отношенію къ снарядившимъ ее частнымъ лицамъ [4]); о правительственномъ контролѣ за такими каперами нѣтъ еще и рѣчи [5]).

При такихъ условіяхъ неудивительно, что корсары пользовались своею безотвѣтственностью и отсутствіемъ правительственнаго контроля въ свою исключительную пользу, обогащаясь не только на счетъ враговъ, но и на счетъ нейтральныхъ. Однимъ словомъ, по вѣрному замѣчанію проф. Лешкова, изложенныя выше, уже повсемѣстно признаваемыя, правила поведенія по отношенію къ нейтральнымъ „могли имѣть дѣйствительное примѣненіе только тогда, если они

[1]) Cp. Gessner Droit des neutres, p. 28.

[2]) Ch. 243 (288), въ переводѣ Pardessus, II, p. 331: „Lorsqu' un navire marchand en rencontre un d'ennemis, s'il porte un ou quelques marchands, le patron doit leur demander s'ils veulent aller à l'abordage et combattre afin de prendre ce navire ennemi“...

Cp. chap. 187 (232): „..s'il arive par malheur que son navire rencontre quelques bâtiments armés ou non armés des ennemis, si les méchantes gens, qui seront sur ces bâtiments, lui enlèvent ou emportent etc“... Pardessus, II, p. 212. Такимъ образомъ даже отъ простого купеческаго корабля непріятеля можно было всегда ожидать нападенія.

[3]) Chapitres pour les armateurs en course. Pardessus V, p. 393.

[4]) Pardessus V, p. 394 note 2. Cp. G. F. Martens Essai concernant les armateurs p. 22, Лешковъ op. cit., стр. 21, S. Schopfer, p. 86.

[5]) Правительственная власть выступаетъ только въ случаяхъ снаряженія эскадры самимъ королемъ или городскими общинами, когда избранные ими капитаны утверждались королемъ. Pardessus V, p. 432, 393.

сообразны были съ выгодами арматоровъ“ [1]): другими словами, допускаемое и поощряемое правительствами въ военное время корсарство было въ сущности (еще до конца XIII вѣка) тѣмъ же пиратствомъ, съ которымъ однако тѣже правительства такъ упорно боролись во время мира. Первоначально тѣ и другіе и назывались даже однимъ именемъ—„piratae, praedones, cossarii, qui piraticam exercent“ [2]).

Въ разграниченіи тѣхъ и другихъ, въ отдѣленіи корсарства, каперства, какъ организованнаго средства вредить на морѣ врагу—и только врагу—черезъ частныхъ арматоровъ, отъ варварскаго грабежа всякаго встрѣчнаго корабля (пиратства) и лежалъ залогъ упорядоченія морской войны въ средніе вѣка. Только организаціею и дисциплинированіемъ института корсарства можно было добиться практическаго обезпеченія правъ нейтральной торговли, поскольку они были уже сознаны въ международномъ общеніи того времени: для того, чтобы извѣстныя выработавшіяся въ среднихъ вѣкахъ правила нейтралитета не остались только теоретическимъ „правомъ“ и не были бы на практикѣ мертвою буквою, нужно было найти на самомъ дѣлѣ какія-нибудь гарантіи дѣйствительнаго соблюденія ихъ воюющими. Ко времени особаго увеличенія международнаго торговаго оборота въ Европѣ и экономическаго сближенія ея народовъ между собою, къ переходной эпохѣ XIV—XV ст., и появляются, подъ давленіемъ нейтральныхъ, первыя гарантіи, практическія обезпеченія правъ нейтральной торговли, т. е. именно различныя мѣры, принимаемыя съ этою цѣлью какъ нейтральными, такъ и самими воюющими.

Система мѣръ, принимаемыхъ самими воюющими имѣетъ въ виду регуляризацію корсарства и состоитъ въ введеніи каперскихъ свидѣтельствъ (соединенныхъ обыкновенно съ денежными залогами, а также присягою)

---

1) Op. cit., стр. 21.

2) Robinson Collectanea maritima (L. 1801) p. 22 note у Каченовскаго О каперахъ, стр. 5 примѣч.

и въ учрежденіи такъ называемыхъ призовыхъ судовъ. Дѣятельность же въ этомъ направленіи нейтральныхъ правительствъ имѣетъ цѣлью практическое ограниченіе каперства на моряхъ и состоитъ въ выработкѣ извѣстныхъ положеній, нормирующихъ право осмотра нейтральныхъ кораблей, и въ принятіи извѣстныхъ мѣръ, гарантирующихъ нейтральныя суда отъ осмотра (конвой).

Эти три большихъ группы мѣръ для практическаго обезпеченія правъ нейтральныхъ на морѣ (каперскіе патенты и залогъ; призовые суды; правила осмотра и конвой) и будутъ теперь, въ заключеніе, послѣдовательно разсмотрѣны [1]).

а. Каперскіе патенты и залогъ.

Съ конца XIII столѣтія мы можемъ наблюдать въ международной жизни западной Европы цѣлый рядъ различныхъ правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ регулированію каперскихъ экспедицій противъ врага, съ цѣлью создать такимъ путемъ извѣстныя гарантіи неприкосновенности правъ нейтральныхъ. Именно съ этого времени средневѣковыя государства подчиняютъ прежній полный произволъ частныхъ лицъ въ этой области своему контролю. Этотъ контроль, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что вводится въ туже эпоху относительно права частныхъ репрессалій [2]), проявляет-

[1]) См. о нихъ вообще G. F. v. Martens Essai concernant les armateurs, §§ 5, 6. Kaltenborn Die Caperei im Seekriege (Halle 1849) Hautefeuille Histoire, p. 131 s. Каченовскій О каперахъ, стр. 10 сл. Cauchy, p. 342 ss. Ф. Мартенсъ О правѣ частн. собств. стр. 257 сл. Boeck, op. cit., p. 25 ss. и пр.

[2]) См. выше, главу о репрессаліяхъ. G. F. v. Martens (op. cit., p. 29, 35) думаетъ, что требованіе предварительнаго правительственнаго разрѣшенія въ видѣ полученія каперскихъ патентовъ съ внесеніемъ залога появилось только къ концу XIV вѣка и образовалось по образцу патентовъ (и обезпеченій), существовавшихъ уже раньше для частныхъ репрессалій въ мирное время. Hautefeuille (Histoire, p. 131) правильно указываетъ, что скорѣе можно говорить объ *обратномъ* явленіи—т. е. о перенесеніи *военныхъ* патентовъ и залоговъ въ область репрессалій мирнаго времени. На самомъ дѣлѣ, какъ и слѣдовало ожидать въ виду совершенно одинаковыхъ причинъ ихъ возникновенія (сознаніе

ся, прежде всего, въ установленіи для частныхъ лицъ, желающихъ „courir sus aux ennemis“, обязанности заручиться, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, предварительныхъ разрѣшеніемъ своего правительства. Это разрѣшеніе, проводящее такимъ образомъ демаркаціонную линію между корсаромъ и пиратомъ, дается въ формѣ особыхъ каперскихъ свидѣтельствъ или патентовъ на право осуществленія корсарской экспедиціи—такъ называемыхъ lettres de marque (также de représailles). Имъ очень часто сопутствуетъ еще требованіе отъ корсара извѣстнаго денежнаго залога въ обезпеченіе принятаго имъ на себя обязательства не нарушать правъ нейтральной торговли, а также принесеніе имъ въ этомъ особой присяги. Мы можемъ отмѣтить цѣлый рядъ фактовъ этого рода, особенно въ XIV столѣтіи.

Стремленіе къ регуляризаціи корсарства обнаруживается впервые, какъ сказано, къ концу XIII вѣка, а именно среди торговыхъ государствъ бассейна Средиземнаго моря. Такъ, уже 1288 году принадлежитъ указъ короля Альфонса III Арагонскаго относительно каперства [1]). На основаніи этого памятника, каждый корсаръ обязанъ: во первыхъ, представить городскимъ властямъ приморскаго города, изъ котораго онъ выходитъ, обезпеченіе въ томъ, что будетъ воздерживаться отъ произвольнаго грабежа на морѣ и будетъ нападать только на врага, и то не въ нейтральныхъ портахъ и не во время перемирія. Во вторыхъ, корсаръ обязуется всѣ сдѣланные имъ призы привозить именно въ тотъ же портъ, изъ котораго онъ и вышелъ,—съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ ихъ незаконности, потерпѣвшій могъ получить удовлетвореніе въ мѣстномъ судѣ.—Замѣтимъ тутъ же, что черезъ 70

правительствами необходимости ограничить одинаковое самоуправство въ томъ и другомъ случаѣ), тѣ и другіе появляются приблизительно одновременно: первыя указанія на lettres de représailles въ мирное время относятся ко второй половинѣ XIII вѣка (см. выше стр. 120, 121, 126), а каперскіе военные патенты упоминаются также уже въ 1298 году (см. дальше).

[1]) Pardessus Collection, V, 349.

лѣтъ это правило было возобновлено регламентомъ короля Петра III (1356), который требуетъ отъ каперовъ не только денежнаго обезпеченія, но и присяги въ ненарушеніи правилъ международной нейтральной торговли [1]).

За первымъ уставомъ о каперствѣ, принадлежащимъ Арагоніи, слѣдуютъ и другіе законодательные акты того же рода и въ другихъ южныхъ государствахъ, а именно въ различныхъ италіанскихъ городахъ-республикахъ, игравшихъ столь важную роль въ торговомъ оборотѣ Средиземнаго моря. Черезъ десять лѣтъ послѣ арагонскаго регламента, въ 1298 году, мы встрѣчаемъ каперскій уставъ города Пизы [2]). Этотъ, такъ называемый „Breve curiae maris" повторяетъ требованіе залога отъ капера—„idoneam securitatem de non offendendo aliquos alios nisi inimicos Pisani communis"—и кромѣ того, въ немъ въ первый разъ говорится о каперскомъ патентѣ.—Совершенно аналогичные акты принадлежатъ затѣмъ въ 1313 и 1316 г. (приблизительно) Генуѣ [3]), а въ 1319 г. Сассари [4]). Изъ нихъ особенно любопытны генуэзскія правила 1316 г., которыя, провозглашая обязанность оставленія залога или обезпеченія каждымъ вооруженнымъ судномъ, выходящимъ изъ порта, содержатъ даже особый тарифъ такихъ суммъ, требуемыхъ въ залогъ съ разнаго рода кораблей: сумма обезпеченія могла доходить иногда до 5000 генуэзскихъ ливровъ (за большую вооруженную галеру).

Идя далѣе въ хронологическомъ порядкѣ, мы видимъ, что въ срединѣ XIV столѣтія стремленіе регламентировать корсарство изъ бассейна Средиземнаго моря переносится уже на сѣверъ, на берега Нѣмецкаго и Балтійскаго моря. Къ 1327—1347 гг. относятся первыя попытки этого рода во Фландріи, когда, во время войны съ съ фризами, каждому

---

[1]) Pardessus V, 465.
[2]) Pardessus IV, 586.
[3]) Pardessus IV, 440 cp. Hautefeuille, p. 132.
[4]) Pardessus V, 282.

каперу было предписано имѣть корсарскій патентъ [1]). Къ 60-мъ годамъ того же вѣка аналогичныя стремленія находятъ себѣ выраженіе и въ Ганзейскомъ союзѣ. Ганзейскіе рецессы 1362, 1363 и 1364 года устанавливаютъ для каперовъ обязанность предварительнаго представленія извѣстнаго обезпеченія или поручителей на случай правонарушеній на морѣ, а одинъ изъ нихъ (1364) упоминаетъ, повидимому, и о каперскихъ свидѣтельствахъ [2]). Наиболѣе ясно и точно выражается вообще тотъ же рецессъ (въ Стральзундѣ) отъ 1 января 1364 г. Вотъ это, вообще мало извѣстное и замѣчательное для средины XIV вѣка постановленіе. „Quicunque—гласитъ рецессъ—voluerit velificare sub eventu proprio ad invadendum hostiliter regnum Dacie [3]), ille si habuerit tanta bona immobilia in civitate ex cujus portu velificare voluerit, dicere hoc debet coram consilio hujusmodi civitatis, quod amicis non debet inferre nocumenta, sed solum inimicis, extunc dabuntur sibi litere aperte illius civitatis quod fecerat hujusmodi certificationem bonis suis... Si autem non habuerit bona tanti valoris, ponet fidejussores pro premissis, quod si dampna per eum alicui mercatori amico inferentur, quod refundi debent per eumdem vel fidejussores aut bona sua“ [4]).

Во Франціи, ордонансъ 7 декабря 1373 г., учреждающій призовый судъ [5]), требуетъ отъ каперовъ патента, выдаваемаго „адмираломъ“, т. е. королевскимъ должностнымъ лицомъ, спеціально вѣдающимъ всѣ дѣла о каперахъ и морскихъ призахъ; кромѣ того, корсаръ долженъ принести при-

[1]) Каченовскій, О каперахъ, стр. 13, который цитируетъ Schwarzenberg'a Groot placcat and charterbook van Vriesland (Leeuwarden 1769).

[2]) Sartorius (ed. Lappenberg) Urkundliche Geschichte des Ursprunges der Deutschen Hanse (Hamb. 1830) Bd. II, (т. е. Hansisches Urkundenbuch) S. 503, 533, 542.

[3]) Ганза вела въ это время войну съ Даніею.

[4]) Sartorius, Ursprung der Hanse II, S. 542.

[5]) См. о немъ подробно ниже, въ отдѣлѣ о призовыхъ судахъ.

слугу въ соблюденіи закона [1]).—Съ 1399 года въ королевствѣ сицилійскомъ каперы также подчиняются спеціальному должностному лицу, „адмиралу“ (и суду при немъ), которому и должны, выходя въ походъ, вручать залогъ „de non offendendo fideles, treugatos et amicos“ своего отечества [2]).

Менѣе ясной представляется намъ въ этомъ отношеніи практика Англіи, ибо парламентскій актъ 1414 года, регламентирующій призовую юрисдикцію [3]), не содержитъ въ себѣ *прямого* требованія предварительнаго разрѣшенія правительства или внесенія залога, для занятія каперствомъ [4]). Однако и онъ толкуется обыкновенно въ смыслѣ регуляризаціи каперства, аналогичной съ приведенными выше актами [5]).

Наконецъ, къ исходу этого вѣка, къ 1487 г. относится регламентація каперства въ Нидерландахъ. Въ этомъ году актомъ Максимиліана и его сына Филлипа было организовано „адмиралтейство“, причемъ постановлено, что никто не имѣетъ права снаряжать корсарскую экспедицію безъ спеціальнаго разрѣшенія адмирала или его замѣстителя; какъ и по другимъ подобнымъ актамъ, каперъ долженъ кромѣ того дать клятву, что не будетъ грабить своихъ соотечественниковъ и нейтральныхъ [6]).

Къ сказанному нужно еще прибавить, что въ XV вѣкѣ постановленія о внесеніи залога арматорами вносятся, какъ мы уже видѣли изъ исторіи права репрессалій [7]), въ международные трактаты, которые толкуютъ это требованіе распространительно, предъявляя его не только къ лицамъ, осу-

---

[1]) Pardessus, IV, 224.

[2]) Pardessus, V, 257.

[3]) См. о немъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

[4]) Martens, Armateurs, p. 33, со ссылкою на сборникъ статутовъ Runnington, t. I, p. 491 Hautefeuille, p. 132.

[5]) Cauchy, p. 349: „Tout armement non autorisé fut dès lors réputé piraterie et brigandage“.

[6]) Pardessus, IV, 13, 14, Martens, op. cit., p. 34. Эти постановленія были подтверждены въ XVI вѣкѣ ордонансомъ 1540. Martens, ibid.

[7]) Выше, стр. 134.

ществляющимъ частныя репрессаліи, но и ко всякому вообще отечественному судну, выходящему изъ даннаго порта. Этимъ путемъ старались парализовать всякую вообще возможность грабежей и правонарушеній на морѣ, какъ во время войны, относительно нейтральныхъ, такъ и во время мира. Таковы напримѣръ указанные въ своемъ мѣстѣ трактаты 1413, 1414, 1436, 1440, 1489, 1497 гг, и пр.

b. Призовые суды.

Въ томъ же періодѣ XIII—XIV ст., когда правительства наперерывъ стремятся регулировать каперство, въ полной зависимости отъ этого явленія и въ дополненіе и дальнѣйшее развитіе уже достигнутыхъ результатовъ, возникаютъ и первые опыты организаціи призовой юстиціи—учрежденія особыхъ призовыхъ судовъ для разрѣшенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вопроса о законности или незаконности приза и для присужденія его взятелю.

Зарожденіе призовой юстиціи нужно видѣть въ учрежденіи адмираловъ, т. е. особыхъ должностныхъ лицъ, облеченныхъ командованіемъ военно-морскою силою даннаго государства (или города) съ правомъ юрисдикціи по всѣмъ предметамъ и вопросамъ, касающимся моря и мореплаванія. Такихъ „адмираловъ“ (слово по Ducange'у происходитъ отъ арабскаго Amir или Emir) мы встрѣчаемъ въ разныхъ государствахъ по мѣрѣ появленія у правительствъ спеціальныхъ военно-морскихъ силъ, т. е. вообще приблизительно со второй половины XIII столѣтія [1]).

[1]) См. Martens, Armateurs p. 32 note *h*. Holtzendorf, I, § 76. Nys, p. 259 s. —Повидимому, раньше другихъ странъ появляются адмиралы въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій—по нѣкоторымъ извѣстіямъ уже въ первое же время владычества норманновъ; при Фридрихѣ II (т. е. въ первой половинѣ XIII вѣка) этотъ институтъ организуется уже окончательно. См. Nys, Le développement économique et l'histoire въ R. D. I. 1898 p. 106.

Ихъ компетенціи—т. е. суммарному производству на палубѣ адмиральскаго корабля—подлежали, между прочимъ, и случаи пиратства, призовъ и репризовъ, поскольку они касались флотиліи, которою командовалъ адмиралъ. Общей юрисдикціи надъ всѣми каперами и компетенціи по дѣламъ о ихъ призахъ такіе адмиралы еще не имѣли. Какъ выяснилось выше, еще въ Consolato del mare частные корсары являются „безотвѣтственными органами воюющей стороны". Въ это время, т. е. уже въ первую половину XIV столѣтія, даже центральный адмиралтейскій судъ, гдѣ онъ существовалъ—напримѣръ въ Англіи уже при Эдуардѣ III, около 1340 г. [1])—разбиралъ только общія морскія административныя дѣла, случаи пиратства, нарушенія дисциплины и „королевскаго мира" на морѣ и пр., не касаясь спеціально призовыхъ дѣлъ частныхъ арматоровъ [2]). „Во всякомъ случаѣ, какъ говоритъ Каченовскій про англійскій High Court of Admiralty, нельзя исторически доказать, что этотъ судъ имѣлъ юрисдикцію надъ корсарами. Королевскій адмиралъ, какъ видно изъ древнѣйшаго собранія англійскихъ морскихъ обычаевъ (The Black Book of Admiralty) дѣлилъ призы только между военными кораблями" [3]). Такимъ образомъ, призовыя дѣла частныхъ каперовъ могли быть возбуждены по спеціальной жалобѣ потерпѣвшаго развѣ только въ общихъ судахъ (common law courts въ Англіи) [4]) или же, если не помогала примирительная дѣятельность „охранителей мира",—въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ (напр. въ Англіи въ канцлерскомъ судѣ, королевскомъ совѣтѣ или парламентѣ) [5]).

[1]) См. R. G. Marsden, Select pleas in the court of admiralty („Selden Society" vol. VI, L. 1894)—Revue historique (de Monod) t. 64 (1897) p. 126. Изъ старыхъ см. Martens, Armateurs p. 32 note *h*. Каченовскій, О каперахъ, стр. 15 прим. 22.

[2]) Marsden, ibid.

[3]) Каченовскій, loc. cit.

[4]) Или въ судѣ приморскихъ городовъ, откуда вышли и куда должны были вернуться каперы, по арагонскому регламенту 1288 года. См. выше стр. 329. Pardessus, V, 349. Каченовскій, стр. 11.

[5]) Revue historique, t. 64, p. 126.

Только съ средины XIV вѣка встрѣчаются первыя мѣропріятія правительствъ, направленныя къ подчиненію каперовъ юрисдикціи адмирала и созданію затѣмъ правильной призовой юстиціи, особыхъ призовыхъ судовъ. Еще къ періоду 1327—1347 г. относятся попытки Фландріи подчинить своихъ арматоровъ, обязанныхъ брать каперскія свидѣтельства, контролю адмирала, который могъ принимать и разбирать жалобы обиженныхъ нейтральныхъ купцовъ [1]). Однако только съ 1373 года можно говорить о дѣйствительномъ возникновеніи призовой юстиціи, перваго призоваго суда въ Европѣ. Именно къ этому году, какъ доказалъ еще Pardessus [2]),—а *не* къ 1400, какъ повторяютъ вслѣдъ за старыми указаніями Robinson'а и G. F. v. Martens'а [3]) почти всѣ писатели, касавшіеся этого вопроса, вплоть до новѣйшихъ, болѣе точныхъ, Boeck и Nys [4])—относится ордоннансъ французскаго короля Карла V, учреждающій должность адмирала для всего королевства съ правомъ юрисдикціи по всѣмъ дѣламъ о морскихъ призахъ. Статья 3 этого замѣчательнаго ордоннанса „Sur le faict de l'Admirault" открывающаго собою новую эпоху въ области развитія призоваго права и охраны правъ нейтральныхъ, категорически, точно и ясно постановляетъ слѣдующее: „Se aucun de quelque estat qu'il soit, mettoit sus aucun Navire à ses propres despens pour porter guerre à nos Ennemis, ce sera par le congé et consentement de nostre dit Amiral ou son Lieutenant, lequel a ou aura au droict de son dit office la cognoissance, jurisdiction, correction et punition de tous les faits de la dite mer et des dependan-

---

[1]) Каченовскій, op. cit. стр. 13.

[2]) Collection, t. IV, p. 224.

[3]) Martens, Armateurs, p. 33.—Въ основу принятія 1400 года, какъ даты этого ордоннанса, легло невѣрное указаніе Robinson'a (Collectanea maritima, p. 75) и „Ordonnances du Louvre" (VIII томъ éd. Secousse)—сборниковъ, которые не имѣли подлиннаго акта. Pardessus, loc. cit.

[4]) На этотъ странный фактъ обращаетъ спеціально вниманіе Boeck op. cit. p. 28 note 2.—Исключеніе составляетъ однако нашъ Каченовскій, op. cit., стр. 14.

ces, criminellement et civilement". Слѣдующія статьи постановляютъ, что каперы, предварительно получившіе, какъ мы уже видѣли, каперскія свидѣтельства и давшіе клятву въ соблюденіи закона, обязаны каждое отбитое ими судно доставлять въ цѣлости адмиралу, который только и имѣетъ право присудить призъ взятелю. Такому присужденію предшествуетъ разбирательство вопроса „à qui appartiennent les biens"—и „s'il y a vraie apparence qu'elles fussent de nos ennemis", все это для того, говоритъ актъ, дабы „garder justice et faire restituer ceux qui sans cause auroient été dommagez, si le cas été trouvé tel". За всякое злоупотребленіе своими правами—за сокрытіе захваченнаго имущества, истязаніе экипажа остановленнаго корабля и пр.—положены строгія наказанія, за неправильное задержаніе нейтральнаго судна—обязанность вознаградить потерпѣвшаго за убытокъ [1]).

Этотъ замѣчательный ордонансъ, подчиняющій контролю правительства всю сферу каперскихъ призовъ, будучи по времени первымъ актомъ, организующимъ призовую юстицію, является въ тоже время и наиболѣе яркимъ и точнымъ выразителемъ ея основныхъ принциповъ. Слѣдующія за нимъ постановленія того же рода въ другихъ государствахъ нужно признать, по сравненію съ нимъ, гораздо болѣе блѣдными и неопредѣленными. Но, какъ бы то ни было, извѣстный импульсъ въ смыслѣ устройства призовыхъ судовъ былъ уже данъ, и мы видимъ, что вслѣдъ за Франціею, они учреждаются и въ другихъ государствахъ.

Въ 1399 году сицилійское правительство, подчиняя каперовъ великому адмиралу, постановляетъ, что всѣ призовыя дѣла будутъ рѣшаться въ особомъ судѣ, состоящемъ, подъ его председательствомъ, изъ вице-адмирала, одного ассессора и секретаря [2]).—Черезъ четверть вѣка такая же реформа

---

[1]) Martens, Armateurs, p. 33. Каченовскій, О каперахъ, стр. 14. Boeck, op. cit., p. 28, 29.

[2]) Pardessus, V, 257.

происходитъ въ Англіи. Еще въ началѣ XV столѣтія призовыми дѣлами вѣдали въ Англіи (кромѣ common law courts) по общему правилу „охранители мира", т. е. встрѣчавшіеся уже намъ не разъ особые посредники, назначаемые при заключеніи мира или перемирія обѣими договаривающимися сторонами. Эта роль приписывается имъ еще напримѣръ въ 1413 году, по англо-бретанскому перемирію 3 января, по смыслу котораго именно на ихъ обязанности лежитъ „diligens et debita Inquisitio de et super prisis, videlicet, an juste vel injuste captae fuerint", причемъ оговаривается, кромѣ того, то важное въ практическомъ смыслѣ правило, „quod nulla fiat venditio, distractio, donatio seu alienatio prisarum hujusmodi donec Inquisitio praedicta executa fuerit et debita Justitia facta de eisdem" [1]). Именно этой дѣятельности „conservatores pacis" касается и англійскій парламентскій актъ 1414 года, установляющій для каперовъ обязанность отвода захваченныхъ ими призовъ въ отечественный портъ и представленія ихъ „охранителямъ мира" подъ страхомъ конфискаціи не только взятаго приза, но и судна самаго взятеля [2]). Но черезъ 12 лѣтъ всѣ дѣла о призахъ были, наконецъ, подобно Франціи, подчинены спеціальному, общему для всей Англіи суду: въ 1426 г. Генрихъ VI отнесъ постоянную призовую юрисдикцію въ кругъ вѣдѣнія королевскаго совѣта, канцлера и адмирала [3]).

Наконецъ, въ томъ же столѣтіи тѣ или другія нормы, касающіяся дѣятельности только что учреждающихся призовыхъ судовъ, находятъ себѣ выраженіе и въ международныхъ трактатахъ. Такъ, напримѣръ только что упомянутый англо-бретанскій договоръ 1413 г., а въ особенности англо-

[1]) Dumont, II, 2, 3.

[2]) Runnington, I, 491 у Martens, Armateurs, p. 33, 34 ср. также Nys Notes pour servir à l'histoire littéraire et dogmatique du droit international en Angleterre (Brux. 1888) p. 133, 134.

[3]) Robinson, Collectanea maritima, p. 96 note. см. Каченовскій, О каперахъ, стр. 15.

кастильскій 1414 г. устанавливаютъ правило, что каждый каперъ обязанъ, по взятіи приза, отвести его немедленно именно въ тотъ портъ, откуда онъ отправился въ свою экспедицію [1]). Еще болѣе важны постановленія того же рода, встрѣчающіяся въ трактатахъ конца XV столѣтія и старающіяся путемъ международнаго соглашенія выработать извѣстныя, общія для обѣихъ договаривающихся сторонъ нормы процессуальнаго права для производства призовыхъ дѣлъ въ ихъ обоюдныхъ призовыхъ судахъ. Таковы замѣчательныя постановленія англо-французскаго мирнаго и торговаго договора 24 мая 1497 года [2]).

Нормы права, выработанныя этимъ договоромъ относительно организаціи дѣятельности международной призовой юстиціи, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ двумъ пунктамъ:

1⁰ Всѣ дѣла о морскихъ призахъ входятъ въ кругъ вѣдѣнія компетентнаго призоваго суда отечества капера, въ юрисдикцію „Admiraldi, Vice-Admiraldi seu eorum Officiariorum"; такимъ образомъ, подтверждается всѣми уже признанная и вообще строго исполняемая обязанность капера отводить сдѣланный имъ призъ въ отечественный портъ, для рѣшенія соотвѣтствующимъ судомъ вопроса о законности приза—„praedam et capturam justas, justi et legitimi lucri esse"—до каковаго рѣшенія призъ *не* переходитъ еще въ собственность взятеля (ст. 14, 15, 19 разбираемаго трактата). Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣла о морскихъ призахъ отнесены къ компетенціи *исключительно* этихъ призовыхъ судовъ и другимъ, даже высшимъ судамъ королевства (Supremae Curiae) запрещено принимать къ разсмотрѣнію дѣла этого рода (ст. 22).

---

[1]) Англо-бретанское перемиріе 3 января 1413 г.: „...nec prisam aliquam, justam vel injustam, in Portum alium praeterquam Ditionis et territorii proprii... duci facient". Dumont, II, 2, 3.

Англо-кастильское перемиріе 26 января 1414 года: „Nec dicti Armatores prisam aliquam, justam vel injustam .. in Portum alium quam in Portum in quo. . Navigia... armata fuerint, ducent". Dumont, II, 2, 13.

[2]) Dumont, III, 2, 376.

2° Вырабатываются извѣстныя общія нормы собственно процессуальнаго права для такихъ призовыхъ судовъ: адмиральскій призовый трибуналъ долженъ разсмотрѣть жалобу потерпѣвшаго нейтральнаго подданнаго въ 40-дневный срокъ съ момента ея подачи [1]); дѣла о призахъ должны производиться сокращеннымъ, суммарнымъ порядкомъ—„summarie, sine strepitu et figura Judicii"; каждое дѣло ни въ какомъ случаѣ не должно длиться дольше года; на рѣшеніе призоваго суда допускается апелляція въ королевскій совѣтъ (ad Consilia Principum); въ случаѣ подачи апелляціонной жалобы обѣ стороны должны внести извѣстный денежный залогъ—одна на случай перемѣны первоначальнаго рѣшенія, другая—на покрытіе судебныхъ издержекъ и пр.; королевскій совѣтъ рѣшаетъ дѣло какъ послѣдняя инстанція въ теченіе maximum 6 мѣсяцевъ (ст. 20, 21).

Приведенныя правила судопроизводства въ призовыхъ судахъ, выработанныя въ международномъ договорѣ, заключенномъ 400 лѣтъ тому назадъ, достаточно говорятъ сами за себя. Но эти положенія—„salubria statuta", какъ ихъ называютъ сами документы того времени,—подтвержденныя къ тому же еще цѣлымъ рядомъ дальнѣйшихъ трактатовъ (каковы англо-французскіе договоры 1498, 1515, 1518 гг.) [2]), достаточно говорятъ, кромѣ того, и за ту эпоху, когда они появились. О варварствѣ болѣе ранняго средневѣковья не можетъ быть и рѣчи, и международный оборотъ XIV—XV вѣковъ успѣлъ, несомнѣнно, положить уже твердыя основанія для дальнѣйшаго развитія призовой юстиціи.

---

[1]) Замѣтимъ относительно этого постановленія, что у Dumont въ текстѣ статьи 20 вкралась очевидная очень важная опечатка, совершенно искажающая ея смыслъ. Въ ней говорится: „Praefati Admiraldus etc. teneantur infra quadraginta dies a die requisitionis sibi factae per Partem damnifi*cantem* и пр. —очевидно, нужно читать damnifi*catam*, т. е. потерпѣвшей, понесшей вредъ Наше замѣчаніе вполнѣ подтверждается изъ сравненія разбираемаго трактата съ аналогичнымъ текстомъ договора 1498 г., подтверждающаго трактатъ 1497 г. См. Dumont, III, 2, 402.

[2]) Dumont, III, 2, 401, IV, 1, 204, 280.

c. Правила осмотра нейтральныхъ кораблей и конвой.

Система соотношенія груза и флага, выработавшаяся въ средніе вѣка и нашедшая себѣ полное выраженіе въ Consolato del mare—т. е. неприкосновенность нейтральнаго груза на непріятельскомъ кораблѣ и конфискація непріятельской собственности подъ нейтральнымъ флагомъ—сама собою предполагаетъ, конечно, какъ необходимое условіе осуществленія воюющимъ своего права на захватъ непріятельскихъ товаровъ,—такъ называемое „право осмотра" (droit de visite, recherche, perquisition) нейтральныхъ кораблей со стороны воюющихъ. Это право, конечно, весьма стѣснительное для нейтральныхъ, *несомнѣнно* существуетъ такимъ образомъ въ средніе вѣка, и было бы по меньшей мѣрѣ наивно думать вмѣстѣ съ Hautefeuille, будто изъ отсутствія въ Consolato del mare спеціальныхъ правилъ объ осмотрѣ нейтральныхъ кораблей или изъ умолчанія о немъ въ трактатахъ до XV вѣка можно вывести заключеніе, что оно было вовсе неизвѣстно среднимъ вѣкамъ [1]. Какъ правильно говоритъ Pardessus, вся система Консулата подразумѣваетъ собою право осмотра [2]. Мало того, намъ кажется, что внимательное чтеніе знаменитой статьи 231 (276) этого сборника (содержащей правила о соотношеніи флага и груза) должно совершенно устранить всякое въ этомъ сомнѣніе. Она гласитъ, что „когда хозяинъ или матросы задержаннаго (нейтральнаго) судна будутъ говорить, что на немъ находятся вещи, принадлежащія имъ (т. е. нейтральныхъ), то, если дѣло идетъ о товарахъ, не должно имъ вѣрить на слово, а осмотрѣть судовыя бумаги (vist e guardat lo cartolari de la nau)" [3]. Такимъ образомъ, основной принципъ „права

[1] Hautefeuille, p. 140 s.—Contra см. напр. Лешковъ, op. cit., стр. 17, Boeck, p. 20 и пр.

[2] Collection des lois maritimes, t. II, p. CXXI, CXXII. ср. Nys, p. 230. Тоже говоритъ и новѣйшій изслѣдователь этого вопроса Duboc, Du droit de visite en temps de guerre въ Revue générale de droit internat. public 1897 p. 384.

[3] Pardessus, Collection, II, p. 305.

осмотра" нейтральныхъ судовъ со стороны воюющихъ несомнѣнно выраженъ уже въ Consolato del mare.

Спрашивается, какъ же нейтральные стороны старались оградить себя отъ этого „права" осмотра, столь для нихъ тяжелаго и приводившаго нерѣдко къ крупнымъ международнымъ столкновеніямъ? Какъ можно было реагировать въ этой области противъ произвола воюющихъ и тѣмъ самымъ ограничить, слѣдовательно, самое каперство, поскольку оно затрагивало интересы нейтральныхъ? — Мѣропріятія нейтральныхъ въ этомъ направленіи сводятся къ выработкѣ путемъ международныхъ соглашеній извѣстныхъ правилъ, ограничивающихъ, регулирующихъ осмотръ, и въ возникновеніи практики „конвоя" т. е. конвоированія нейтральныхъ торговыхъ судовъ военными.

Что касается выработки извѣстныхъ правилъ военнаго осмотра нейтральныхъ судовъ, то мы встрѣчаемъ ихъ впервые въ международныхъ трактатахъ XV столѣтія [1]). Смыслъ этихъ договорныхъ постановленій сводится къ тому, что прежній „произвольный обыскъ кораблей замѣняется присягою шкипера и экипажа или словеснымъ объявленіемъ о принадлежности груза" [2]). Условія такого рода мы встрѣчаемъ въ извѣстныхъ уже намъ англо-фламандскихъ (бургундскихъ) трактатахъ 1406, 1417, 1467, 1478, 1495 г., англо-бретанскихъ 1440, 1468, 1486 и англо-генуэзскомъ 1460 года [3]). Всѣ они, запрещая перевозить на

[1]) Эти-то трактаты, *ограничивающіе* прежнее *безграничное* право осмотра, повидимому, и ввели въ заблужденіе Hautefeuille, который считаетъ ихъ за признаки перваго возникновенія права осмотра (въ XV вѣкѣ) – будто бы вовсе еще неизвѣстнаго въ XIV вѣкѣ, довольно мягкаго въ XV-омъ и все усиливающагося впослѣдствіи. См. его Histoire p. 140—142.

[2]) Каченовскій, О каперахъ, стр. 19.

[3]) Договоръ 1406 года Dumont II, 1, 305.

"	1417	"	"	II, 2, 91.
"	1440	"	"	III, 1, 549.
"	1460	"	"	III, 1, 583.
"	1467	"	"	III, 1, 594.
"	1468	"	"	III, 1, 598.
"	1478	"	"	III, 2, 31.
"	1486	"	"	III, 2, 163.
"	1495	"	"	III, 2, 339.

судахъ данной нейтральной стороны товары, принадлежащіе врагу другой договаривающейся стороны, дословно повторяютъ, что въ случаѣ такой недозволенной перевозки „par fraude ou couleur quelconque", нейтральные купцы и корабельщики (Marchans et Maistres de Niefs), будучи спрошены каперомъ, не везутъ ли они непріятельскаго груза, должны немедленно сказать правду: „en cas qu'ils en soient demandez par aucuns Escumers (корсары)—eulx en feront juste et pleine confession". Только такая „justa et vera confessio" и требуется по этимъ договорамъ отъ нейтральнаго судна, заподозрѣннаго въ перевозкѣ непріятельскихъ товаровъ. Какъ видно изъ нѣкоторыхъ трактатовъ, болѣе обстоятельно нормирующихъ этотъ вопросъ, maximum что дозволялось каперу въ такихъ случаяхъ—это отобраніе отъ капитана и экипажа нейтральнаго корабля присяги, „serrement", juramentum [1])— „cui Subditi nostri fidem dabunt", спеціально оговариваетъ трактакъ 1460 года [2]); „iidemque interrogantes, категорически прибавляетъ еще другой договоръ (знаменитый Intercursus Magnus 1495 г.), ulterius scrutinium in ea parte non facient [3]).

При такихъ условіяхъ, въ случаѣ ложной присяги и утайки непріятельскаго груза нейтральными, единственно, что по договорамъ этого типа оставалось дѣлать корсару, когда откроется такой обманъ,—это преслѣдовать обманщика передъ его отечественнымъ судомъ съ правомъ требовать возврата самыхъ вещей или же уплаты стоимости всѣхъ провезенныхъ имъ непріятельскихъ товаровъ. „Se dedens an et jour, дословно гласитъ одно интересное, касающееся этого пункта, международное соглашеніе [4]), a l'encontre de eulx (нейтральныхъ моряковъ) estoit faite poursuite et accion et qui finablement il fust duement prouve que noz ditz Subgietz

[1]) См. договоры 1440 и 1460 г. Dumont, ut supra.
[2]) Dumont, III, 1, 583.
[3]) Dumont, III, 2, 339.
[4]) Англо-бретанскій договоръ 1440 г. Dumont, III, 1, 549.

(короля Англіи) eussent... recelle aucune Biens, appartenans aux ennemiz et adversaires de icelui nostre Oncle (герцога Бретанскаго), ceulx qui ainsi les auront receles... serront tenuz et contrains de rendre et restituer les diz Biens ou la valeur d'iceulx a celluy ou a ceulx, que ainsi les auront interroguez par serement". На рубежѣ среднихъ и новыхъ вѣковъ „Intercursus magnus" Генриха VII и Филиппа Австрійскаго и Фландрскаго содержитъ тоже самое постановленіе [1].

Но при всѣхъ такихъ договорныхъ постановленіяхъ, значительно смягчающихъ право осмотра воюющихъ, само собою разумѣется, что люди среднихъ вѣковъ имѣли еще слишкомъ много основаній не довѣрять воюющимъ и опасаться нарушенія ими этихъ нормъ трактатнаго права XV вѣка. Вотъ почему, рядомъ со стараніями нейтральныхъ ввести право осмотра въ извѣстныя границы путемъ спеціальныхъ международныхъ соглашеній, регулирующихъ это право, мы видимъ также, что нейтральные прибѣгаютъ и къ извѣстнымъ чисто практическимъ мѣропріятіямъ для противодѣйствія такому осмотру и вообще для ограниченія произвола каперовъ. Таково появившееся въ морской международной практикѣ среднихъ вѣковъ обыкновеніе посылать вмѣстѣ съ торговыми судами извѣстное военное прикрытіе, конвой изъ военныхъ кораблей,—который и парализовалъ своимъ присутствіемъ право осмотра, принадлежащее военнымъ судамъ или корсарамъ воюющаго. Этимъ послѣднимъ оставалось, въ такихъ случаяхъ, удовольствоваться словомъ командира военнаго конвоя, что вся охраняемая имъ торговая флотилія состоитъ изъ нейтральныхъ судовъ и не везетъ непріятельскихъ товаровъ [2].

---

[1]) Dumont, III, 2, 339: „..sed si postea eundem interrogatum falso respondisse constiterit, tunc idem interrogatus interroganti, quem per falsam responsionem defraudavit, tantum de suo erogare tenebitur, quantum Merces inimicorum per eum vectas et ut praemittitur celatas valuisse constabit".

[2]) Ср. Nys, p. 231, Hautefeuille, p. 225.

Обычай конвоированія торговыхъ кораблей военными можно выводить изъ знакомаго еще раннимъ среднимъ вѣкамъ обыкновенія „охранительныхъ путешествій“ (voyages de conserve) т. е. совмѣстнаго плаванія нѣсколькихъ судовъ, снабженныхъ оружіемъ и соединенныхъ въ одну большую флотилію [1]). Въ разсматриваемую эпоху этотъ обычай, во всякомъ случаѣ, уже въ большомъ употребленіи: съ одной стороны, частныя лица -капитаны или хозяева корабля—заключаютъ другъ съ другомъ условія о такомъ совмѣстномъ охранительномъ путешествіи (conservagium facere), съ другой—само правительство иногда предписываетъ своимъ подданнымъ совершать извѣстные, наиболѣе опасные переходы по морю не иначе, какъ соединившись въ одну общую флотилію [2]). Наконецъ, и настоящіе военные „конвои“ въ позднѣйшемъ, техническомъ смыслѣ слова появляются въ средніе вѣка. Въ Италіи (напримѣръ въ Пизѣ) организуются даже спеціальныя коммерческія ассоціаціи, содержащія военныя суда для раздачи ихъ за деньги, въ видѣ конвоя, торговымъ флотиліямъ различныхъ городовъ и государствъ [3]). На сѣверѣ—еще болѣе громкою извѣстностью пользуются за это время „конвои“ торговаго флота могущественнаго Ганзейскаго союза [4]), и этотъ обычай, порожденный потребностями международнаго оборота той эпохи, сослужилъ, конечно, не малую службу практическому ограченію каперства и права осмотра нейтральныхъ кораблей воюющими — слѣдовательно, вообще упорядоченію области морской войны въ средніе вѣка и укрѣпленію только что возникшей сферы правъ нейтральныхъ.

[1]) Pardessus, Collection, t. II, p. CXXII.
[2]) См. Pierantoni, Trattato, I, p. 749.
[3]) Nys, Origines, p. 212.
[4]) Ср. Каченовскій, О каперахъ, стр. 20.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Нейтрализація и нейтралитетъ.

(Къ прим. 2, стр. 152).

Съ понятіемъ нейтрализаціи извѣстныхъ объектовъ во время войны никакъ нельзя смѣшивать понятія и юридической системы нейтралитета [1])—что однако, въ силу сходства наименованій, нерѣдко дѣлается [2]). Право нейтралитета есть совокупность нормъ, опредѣляющихъ права и обязанности государствъ-субъектовъ международнаго права, не участвующихъ въ борьбѣ другихъ государствъ, иначе—юридическое отношеніе, возникающее во время войны между государствами воюющими и невоюющими. Напротивъ, подъ нейтрализаціею понимается изъятіе, на основаніи обычая или спеціальнаго соглашенія, извѣстныхъ объектовъ изъ общей массы объектовъ, подвергающихся враждебнымъ дѣйствіямъ воюющаго, и разсмотрѣніе такихъ явленій международной жизни и составляетъ самую сущность ученія о правѣ войны.

---

[1]) Ср. основательныя замѣчанія о разницѣ этихъ двухъ понятій у Sidney Schopfer, Le principe juridique de la neutralité, p. 288.

[2]) Напр. знаменитая Женевская конвенція о раненыхъ 1864 г. говоритъ о признаніи учрежденій Краснаго Креста „нейтральными" (neutres—art. 1) и медицинскаго ихъ персонала—пользующимся „нейтралитетомъ" (neutralité—art. 2) вмѣсто того, чтобы говорить о *нейтрализаціи* и *нейтрализованныхъ объектахъ* (neutralisation, neutraliser). Ср. также терминологію Lameire, который въ своемъ спеціальномъ изслѣдованіи „La neutralité territoriale locale" имѣетъ въ виду, конечно, именно *нейтрализацію* отдѣльныхъ территорій даннаго государства.

Въ виду существеннаго различія этихъ двухъ понятій, интересные отдѣльные случаи вѣчной нейтрали*заціи* извѣстныхъ территорій въ средніе вѣка (какъ примѣры признанія неприкосновенности извѣстныхъ объектовъ права) *нельзя* напримѣръ считать предшественниками современнаго вѣчнаго нейтрали*тета* Швейцаріи, Бельгіи и пр., какъ извѣстнаго состоянія государствъ —субъектовъ международнаго права. Нейтрализація объектовъ всегда войдетъ такимъ образомъ исключительно только въ ученіе о правѣ войны [1], и примѣры „мѣстнаго территоріальнаго нейтралитета" (по удобной, но неправильной терминологіи Lameire) должны быть поэтому изложены въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ права войны, рядомъ съ изложеніемъ „нейтрализаціи" извѣстныхъ лицъ, вещей и пр. т. е. въ полномъ соотвѣтствіи съ современнымъ намъ признаніемъ неприкосновенности не-комбаттантовъ, плѣнныхъ, раненыхъ, непріятельской частной собственности и пр.

II.

Примѣчанія къ отдѣлу о рыцарствѣ.

1) Различныя значенія слова рыцарь.

(Стр. 178, прим. 2).

Не слѣдуетъ, какъ это часто дѣлается, смѣшивать подъ словомъ „рыцарь" нѣсколько совершенно различныхъ средневѣковыхъ понятій. Укажемъ здѣсь различныя значенія этого слова.

1⁰ Прежде всего, рыцаремъ въ обыкновенной рѣчи нерѣдко называли и называютъ каждаго средневѣковаго тяжеловооруженнаго всадника, употребляя здѣсь, такимъ образомъ, техническое „Ritter" (chevalier, miles) вмѣсто

[1]) Ср. общее употребленіе слова „нейтрализація" въ интересномъ трудѣ H. Rettich, zur Theorie und Geschichte des Rechts zum Kriege.

„Reiter“ (cavalier, eques, caballarius),—благодаря, конечно, тому обстоятельству, что старое „riter“ одинаково равняется позднѣйшимъ Ritter и Reiter.—Здѣсь неправильно смѣшиваются такимъ образомъ лица, дѣйствительно получившія спеціальное посвященіе въ „рыцари“ и всѣ остальные служащіе на конѣ тяжеловооруженные ленники и служилые люди (министеріалы) [1].

2° Словомъ „рыцари“ въ смыслѣ цѣлаго сословія (Ritterschaft) нерѣдко обозначаютъ (напр. до сихъ поръ въ остзейскихъ губерніяхъ) такъ называемыхъ „Ritterbürtige“ (иначе „zu Schild und Helm geborene“), т. е. вообще всѣхъ членовъ феодальнаго дворянства, имѣвшихъ по рожденію право на посвященіе въ рыцари,—независимо отъ того, получили ли они дѣйствительно такое посвященіе („Ritter“) или еще нѣтъ („Knappe“). Это словоупотребленіе точно также неправильно, ибо съ одной стороны вполнѣ былъ мыслимъ рыцарь, вышедшій *не* изъ сословія „Ritterbürtige“ (см. прим. 2), а съ другой—далеко не каждый членъ этого сословія пользовался своимъ правомъ посвященія въ рыцари и часто всю жизнь оставался простымъ „Knappe“, „Esquire“ (см. прим. 4).

3° Напротивъ, именно только лица, прошедшія черезъ церемонію посвященія въ рыцари (см. примѣч. 3) и давшія соотвѣтственныя клятвы защищать церковь и всѣхъ беззащитныхъ, были рыцарями въ собственномъ, техническомъ смыслѣ слова (milites, Ritter, chevaliers, knights). Въ видѣ обыкновеннаго, общепризнаннаго во всей Европѣ, главнаго внѣшняго отличія отъ всѣхъ другихъ

[1]) Именно объ этихъ послѣднихъ, а *не* о рыцаряхъ въ техническомъ смыслѣ, только и могла идти рѣчь въ памятникахъ приблизительно до XI вѣка. Ср. Hallam, Middle Ages, p. 809, S-te Palaye—Kluber I, 220 ff.—Въ смыслѣ указываемаго различія интересно отмѣтить слѣдующее мѣсто изъ хроники Foucher de Chartres (XI в.): „milites („рыцари“) nostri erant quingenti, exceptis illis qui militari nomine non censebantur, tamen equitantes“. S-te Palaye, ibid.

воиновъ, они носятъ золотыя шпоры [1]), а въ юридическихъ актахъ отличаются почетнымъ титуломъ „Dominus", „Herr" (который не принадлежалъ остальнымъ воинамъ, хотя бы они и были „Ritterbürtige").

4⁰ Наконецъ лица, давшія сверхъ общихъ рыцарскихъ обѣтовъ, еще обѣтъ бѣдности, безбрачія и пр. и вообще подчинившіяся статуту того или другого монашескаго ордена, образовывали изъ себя понятіе духовныхъ рыцарей и входили въ составъ одного изъ возникшихъ въ Палестинѣ въ XII вѣкѣ духовно-рыцарскихъ орденовъ (Госпитальеры-Іоанниты, Тампліеры, Тевтонскій Орденъ) [2]). Они отличались особымъ орденскимъ одѣяніемъ.

2) Рыцарство какъ безсословная ассоціація.

(Стр. 178, прим. 3).

Въ противоположность ходячему взгляду на рыцарство, какъ на какое-то замкнутое сословіе, касту, слѣдуетъ особенно подчеркнуть тотъ фактъ, что на самомъ дѣлѣ оно представляло изъ себя братство такъ сказать *внѣ-сословное*, доступъ въ которое былъ открытъ въ сущности каждому (такъ же, какъ напр. въ духовенство). Современная историческая наука прямо утверждаетъ, что „la chevalerie n'est nullement un corps fermé" [3]), и въ этомъ отношеніи нужно постоянно имѣть въ виду:

1) частые случаи посвященія въ рыцари лицъ недворянскаго происхожденія (за особыя заслуги). Такъ, уже chansons de geste, древнѣйшія рыцарскія поэмы (XIII в.),

---

[1]) Ср. Büsching, Ritterzeit und Ritterwesen. 1, 211. S-te Palaye, I 240 ff.

[2]) Четвертый изъ средневѣковыхъ духовно-рыцарскихъ орденовъ, Орденъ Меченосцевъ (или Ливонскій), основанный въ 1202 г., въ 1237 г. слился уже съ Тевтонскимъ орденомъ.

[3]) Revue historique, t. 61 (1897) p. 151. G. Blondel въ рецензіи на Lamprecht Deutsche Geschichte.

полны такими примѣрами рыцарей изъ не-дворянъ [1]). Особенно часто наблюдаются такіе случаи въ средѣ высшаго городского класса, такъ наз. патриціевъ [2]), а также, конечно, въ тѣхъ странахъ (и въ тѣ эпохи), гдѣ каждый посвященный въ рыцари могъ самъ посвящать въ рыцари кого-угодно [3]).—Насколько рыцарями въ средніе вѣка были далеко не одни „Ritter*bürtige*", видно хотя бы изъ того факта, что знаменитый рыцарскій Тевтонскій Орденъ былъ, какъ оказывается, даже основанъ (1191) при ближайшемъ участіи любекскихъ и бременскихъ бюргеровъ и первые два его магистра были именно бременскіе „патриціи" [4]).

2) Постоянный и правильный приливъ въ средневѣковое рыцарство лицъ низшихъ классовъ—черезъ сословіе такъ наз. министеріаловъ. Это были простые служилые люди, подданные крупныхъ феодаловъ, отправлявшіе у нихъ *по обязанности* такую же военную службу (тяжело вооруженными всадниками), какъ и свободные ленники-дворяне (Ritterbürtige), и постоянно пополнявшіе собою ряды рыцарства. Эти рыцари изъ министеріаловъ—первоначально такъ и называвшіеся „не-свободными рыцарями", „unfreie Ritter" [5]) ничѣмъ не отличались отъ рыцарей изъ дворянъ, и отъ нихъ то напр. и происходитъ большая часть теперешняго нѣмецкаго дворянства [6]).

Такимъ образомъ, рыцарство *правильно понятое* можно вполнѣ точно назвать вмѣстѣ съ историкомъ среднимъ вѣковъ Hallam'омъ—своего рода „личнымъ дворянствомъ" [7]).

---

[1]) См. Laurent VII, 31. Büsching I, 110, S-te Palaye II, 141 (примѣчаніе Klüber'a).

[2]) Roth v. Schreckenstein. Das Patriciat in den deutschen Städten (Tübingen, 1856). S. 547 f. Barthold I, 237.

[3]) Ср. Hallam, 821 note 2.

[4]) Roth v. Schreckenstein loc. cit., S. 529, 530.

[5]) Ср. напр. слова Schwabenspiegel, 18: „ist ein eigen mann ritter".

[6]) Ср. нашъ I томъ, стр. 145—147. Fürth Die Ministerialen S. 506. Homeyer Lehnrecht S. 304, 305.

[7]) Hallam. p. 810.

3) Церемонія посвященія въ рыцари [1]).

(Стр. 179, прим. 1).

Первоначальная церемонія посвященія въ рыцари („adoubement“) была чрезвычайно проста и носила (еще въ XII ст.) исключительно военный характеръ. Это было просто вооруженіе молодого „оруженосца“ [2])—опоясаніе его мечемъ и рыцарскимъ поясомъ (cingulum militare, Rittergürtel)—и затѣмъ ударъ рукою (или широкой стороною меча) по плечу или затылку (colée, accolade, swertleite, Ritterschlag) съ произнесеніемъ извѣстной формулы („sois preux“ и др.).

Со времень крестовыхъ походовъ, по мѣрѣ усиленія чисто-моральнаго характера въ идеѣ рыцарства, присоединяется и усиливается религіозно-церковный моментъ въ церемоніи посвященія: вечернее бдѣніе аспиранта въ церкви (la veillée des armes), торжественная литургія, наставленія священника и пр.—образующія подчасъ цѣлую церковную службу, литургическое понятіе „benedictio novi militis“. Такая „ординація“ рыцаря превращаетъ его, съ средневѣковой точки зрѣнія, почти въ духовное лицо [3]).—Но и въ позднѣйшія времена практиковалось посвященіе стараго типа, безъ длинныхъ религіозныхъ церемоній,—а именно въ военное время, передъ или во время сраженія [4]).

4) Рыцарство, какъ достоинство личное.

(Стр. 179, прим. 2).

Достоинство рыцаря не передавалось по наслѣдству. Наслѣдственнымъ было только право на посвященіе въ ры-

[1]) См. подр. S-te Palaye-Klüber Mémoires sur l'ancienne chevalerie, I, 33 ff. Сжатое, но полное описаніе - у Брандтъ. Обозрѣніе исторіи военнаго искусства въ ср. вѣкахъ, стр. 54.

[2]) Armiger, Knappe, écuyer, esquire, какъ молодой дворянинъ назывался до посвященія въ рыцари.

[3]) Laurent Etudes, VII, 218.

[4]) Напр. передъ сраженіемъ при Rosebecque (1382) сразу были посвящены въ рыцари 467 французскихъ écuyers; при Азинкурѣ—500. S-te Palaye II, 32.

цари (понятіе Ritterbürtigkeit), которое—вмѣстѣ съ правомъ владѣть ленами—и составляло главный элементъ понятія средневѣковаго дворянства. Такимъ образомъ, вполнѣ мыслимы за средніе вѣка самые могущественные члены феодальной земельной аристократіи, которые въ то же время *не были* „рыцарями", и нужно именно замѣтить, что, по мѣрѣ упадка рыцарства (а также по мѣрѣ распространенія болѣе мирныхъ взглядовъ въ той или другой странѣ), мѣстные дворяне-феодалы все менѣе стремятся пользоваться этимъ своимъ правомъ на посвященіе въ рыцари. Такъ уже въ XIII вѣкѣ во Франціи короли стараются воздѣйствовать противъ этого равнодушія къ институту рыцарства, опредѣляя особый штрафъ съ дворянъ, остающихся „оруженосцами" послѣ 24 лѣтъ, т. е. не пожелавшихъ до этого возраста воспользоваться своимъ правомъ быть посвященными въ рыцари [1]).

Но особенно мало распространенъ институтъ рыцарства въ Англіи [2]), гдѣ только войны Эдуарда III и Чернаго Принца сдѣлали его на время популярнымъ; но громадное большинство дворянства всетаки не стремится въ „рыцари" и довольствуется титутомъ „esquire". Тоже самое къ концу среднихъ вѣковъ замѣчается и въ другихъ странахъ. Съ упадкомъ рыцарства, отчасти уже въ XIV вѣкѣ, „рыцарь" превращается въ простой титулъ, безъ всякаго внутренняго содержанія—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ титулъ постепенно выходитъ изъ моды. Напр. въ старой Ливоніи XIV вѣка, какъ это видно по документамъ того времени (Bunge, Livl. Urkundenbuch), Ritter и Knappe еще строго противополагаются другъ другу; въ XV-омъ же—большинство дворянъ уже обходятся безъ церемоніи посвященія въ рыцари и всю жизнь остаются „Knappen", причемъ этотъ титулъ,

---

1) La grande Encyclopédie, t. X, p. 1138.

2) Cp. Hallam, p. 323. Nys Notes pour servir à l'histoire du droit internat. en Angleterre. p. 114.

сдѣлавшись общимъ правиломъ, больше и не упоминается: изъ общей массы выдѣляются уже только въ видѣ исключенія отдѣльныя лица, еще получившія рыцарское посвященіе [1]).

5) Причины упадка и исчезновенія рыцарства.

(Стр. 161, прим. 1).

Holtzendorf (Handbuch I § 74), указавъ совершенно вѣрно на тѣсную связь между рыцарствомъ и средневѣковою церковью и на одновременный упадокъ обоихъ, почему то (вслѣдъ за Hallam p. 823) подчеркиваетъ дальше, въ качествѣ причины, повліявшей будто бы на исчезновеніе рыцарства, сильныя измѣненія, происшедшія къ концу среднихъ вѣковъ въ техникѣ военнаго дѣла, напримѣръ, изобрѣтеніе пороха и проч. Но измѣненія этого рода, дѣйствительно пагубно повліявшія на существованіе тяжело вооруженной конницы, не имѣютъ никакого отношенія къ рыцарству, какъ таковому, какъ особой международной военной ассоціаціи, построенной на цѣломъ кругѣ извѣстныхъ моральныхъ началъ, феодально-христіанскихъ принциповъ и идей. Этотъ *рыцарскій духъ*, который и составляетъ, конечно, всю оригинальную сущность института рыцарства, былъ уничтоженъ, само собою, не порохомъ или постоянными войсками, —ибо можно себѣ представить и Landsknechtführer'овъ XVI вѣка, и маршаловъ XVII и XVIII ст., и даже генералъ-маіоровъ XIX-го, одушевленныхъ рыцарскими чувствами, —а измѣнившіяся общія условія соціально-политической жизни Европы: рыцарство, созданное феодализмомъ и средневѣковымъ католицизмомъ, не могло существовать съ исчезновеніемъ того и другого. Его погубилъ не порохъ и не пушки, а короли и легисты, ренессансъ и реформація, Людовикъ XI и Макіавели!

---

[1]) Напр., въ 1457 г. на большомъ ландтагѣ въ Вольмарѣ изъ 58 депутатовъ отъ рыцарства (т. е. отъ Ritterbürtige, феодальнаго дворянства) носятъ титулъ „Ritter" только четверо; въ 1472 г. изъ 18—только одинъ и т. д.

6) Восточный элементъ въ понятіи рыцарства и служеніе женщинамъ.

(Стр. 185, прим. 4).

Восточно-магометанскій элементъ несомнѣнно играетъ также извѣстную роль въ средневѣковомъ рыцарствѣ, но этотъ элементъ присоединяется къ основной, феодально-христіанской его идеѣ только впослѣдствіи, въ теченіе крестовыхъ походовъ, постепенно привходя къ уже сложившемуся въ сущности понятію рыцарства и внося сюда главнымъ образомъ только извѣстную экзальтацію въ рыцарскомъ поклоненіи женщинѣ [1]).

Извѣстно, до какихъ крайностей доходило подчасъ это такъ называемое „служеніе женщинамъ" у позднѣйшаго рыцарства, которое ставило обязанность прославленія своихъ дамъ сердца чуть ли не главною цѣлью своей дѣятельности. Достаточно вспомнить въ этомъ отношеніи классическій примѣръ пѣвца Frauendienst, рыцаря Ульриха ф. Лихтенштейнъ, посвятившаго всю свою жизнь невозможнымъ чудачествамъ въ честь своей дамы -до путешествія по разнымъ странамъ „въ костюмѣ Венеры" включительно [2]).

Но эти идеи чувственнаго преклоненія предъ женщиной, занесенныя съ востока, не входятъ въ первоначальную концепцію рыцарства, chansons de geste ихъ еще не знаютъ, и восточный элементъ привходитъ собственно къ уже сложившемуся понятію рыцарства. Поэтому очень картинно, но слишкомъ подчеркивая вліяніе востока, говоритъ Chateaubriand: „La chevalerie est née du mélange des nations arabes et des peuples septentrionaux. Le caractère de la clevalerie se forma parmi nous de la nature sentimentale et fidèle du Teuton et de la nature galante et merveilleuse du Maure.

---

[1]) Объ этой рыцарской любви, см. Fauriel. Histoire de la poésie provençale. T. I, p. 496 ss.

[2]) Хорошую статью о немъ см. въ очеркахъ Л. Петрова. Изъ всемірной исторіи. (Харьковъ. 1882).

*

Elle garda l'empreinte des deux climats qui la virent éclore; elle eut le vague et la rêverie du ciel noyé des Scandinaves, l'éclat et l'ardeur du ciel pur de l'Arabie!" [1]).

III.

Diffidatio въ частныхъ войнахъ феодальной эпохи.

(Стр. 202, прим. 2).

Еще въ 1187 г. (на сеймѣ въ Нюрнбергѣ) императоръ Фридрихъ I Барбаросса предписываетъ для частныхъ войнъ (Fehden) правило предварительнаго объявленія войны (Absage) своему врагу „черезъ вѣрнаго посланца, по крайней мѣрѣ за три дня до нападенія" [2]). Это требованіе, будучи подтверждено нѣсколько разъ въ теченіе XIII вѣка и затѣмъ въ особенности въ Золотой Буллѣ 1356 г. [3]), твердо вошло въ общее правосознаніе людей того времени, и можно сказать, что нѣмецкіе архивы и сборники документовъ переполнены такъ называемыми Fehdebrief'ами, т. е. письменными объявленіями частной войны, вошедшими даже (особенно къ XV столѣтію) въ своего рода моду и притомъ во всѣхъ сословіяхъ Германіи [4]).

Аналогичныя постановленія находимъ мы и въ другихъ странахъ: еще ранѣе германскихъ—кастильскія постановленія 1128 года (diffidatio и 9 дней), арагонскія—1247 года (объявленія войны и 10 дней); во Франціи (въ XIII в.) — diffidatio (Coutumes de Beauvoisis, ch. 59) и институтъ „qua-

[1]) „Etudes historiques" citées par Laurent VII, 213.

[2]) „Tribus ad minus ante diebus per certum nuntium diffiduciet eum". См. Dumont I, 1, 110, ср. Barthold. Geschichte des Kriegswesens der Deutschen, I, 221.

[3]) Cap. 17, de diffidationibus: „... nisi diffidacio per tres dies naturales ipso diffidando personaliter vel in loco quo habitare consuevit publice fuerit intimata". Dumont I, 2, 305.

[4]) Ср. Barthold, II, 137.

rantaine le roy"[1]). Обычаи подобнаго же рода встрѣчаются и въ Италіи: такъ, во Флоренціи кромѣ обычнаго также и для италіанскихъ городовъ объявленія войны, еще предупредительный колокольный звонъ въ теченіе мѣсяца (?!) съ башни Martinella[2]) и проч.

Такимъ образомъ, diffidatio въ частныхъ войнахъ феодальной эпохи есть безусловно твердо установившійся общеевропейскій обычай и нарушеніе его разсматривается какъ нарушеніе общепризнаннаго права[3]).

Начатіе враждебныхъ дѣйствій безъ „diffidatio" считалось за „infamia" и виновникъ ея разсматривался какъ „предатель" (proditor)[4]).

IV.

Нейтралитетъ мелкихъ вассаловъ феодальной эпохи.

(Стр. 282, примѣч. 2).

Параллельно со стремленіями крупныхъ феодальныхъ государей сохранять нейтралитетъ въ тѣхъ конфликтахъ, которые прямо ихъ не затрагивали (несмотря на свои связи съ тѣмъ или другимъ изъ воюющихъ), та же тенденція довольно любопытнымъ образомъ проявляется и во внутренней жизни феодальныхъ государствъ, въ „нейтралитетѣ" мелкихъ вассаловъ по отношенію къ ихъ сюзерену.

Мы видимъ слѣды такого нейтралитета, т. е. права *не* участвовать, въ извѣстныхъ случаяхъ, въ войнѣ сюзерена, въ обычномъ ленномъ правѣ различныхъ территорій средневѣковой Европы, которому извѣстно ограниченіе ленной

[1]) См. Laurent, VII, 180. Nys, p. 82 s. Travers Twiss. Law of nations, II, 57 s.

[2]) Laurent, VII, 259.

[3]) См. напр. обвинительную грамоту эзельскаго рыцарства (1383) о нападеніи нѣсколькихъ рыцарей на Гапсаль „indiffidanter". Livl. UB. III, 1197.

[4]) Bulla aurea, ст. 17.

службы и по мѣсту, и по времени. Такъ напримѣръ, нѣкоторые сборники леннаго права говорятъ объ обязанности вассала помогать сюзерену лишь внутри данной страны, прямо признавая за нимъ право не являться съ вооруженною помощью къ сюзерену въ случаѣ военныхъ предпріятій послѣдняго за границами данной территоріи—другими словами, устанавливаютъ право вассала оставаться нейтральнымъ при наступательной войнѣ. Постановленія этого рода мы находимъ, напримѣръ, въ такъ называемомъ „Древнемъ лифляндскомъ рыцарскомъ правѣ“ („Das älteste livländische Ritterrecht“, приблизительно XIV вѣка) [1]. На крайнемъ западѣ они встрѣчаются въ извѣстныхъ „Coutumes de Beauvoisis“ (XIII вѣкъ) [2], а дворянство Пуату около того же времени прямо не признаетъ за собою во время войны другой обязанности, кромѣ охраны только нѣсколькихъ крѣпостей внутри провинціи [3].

Аналогичны и ограниченія обязанности феодальной службы въ смыслѣ времени. Обыкновенный, типичный для среднихъ вѣковъ срокъ обязательной службы вассала по призыву своего сюзерена есть только 40 дней, по истеченіи которыхъ онъ можетъ вернуться домой, т. е. оставаться нейтральнымъ [4]. Конечно, этотъ обычный срокъ сильно измѣняется въ зависимости отъ различныхъ государствъ и эпохъ: Людовикъ IX

---

[1]) Именно его ст. 2: „De guden manne sint ok plichtich dem bischop denstes binnen landes *unde buten* („aussen“) *landes nicht*“. Bunge Altlivlands Rechtsbücher (Lpz. 1879). S. 72.

[2]) Beaumanoir. Coutumes de Beauvoisis. (éd. Beugnot P. 1842). C. II. Des semonces. 11: „S'aucuns est semons por aidier lor signeur contre ses ennemies, il n'est pas tenus, s'il ne veut, à issir hors du fief ... et ses hons n'est pas tenus a li aidier à autrui assalir hors de ses fiés“. Отсюда однако исключаются большія государственныя войны, т. е. походы самого короля (ost de sovrain).

[3]) Брандтъ. Исторія военнаго искусства, стр. 59.

[4]) Ср. Hallam Middle Ages, p. 105. Lavisse et Rambaud. Histoire générale, II, p. 40. Брандтъ, loc. cit., стр. 56, 208.

повышаетъ его напр. до 60 дней [1]), въ іерусалимскомъ королевствѣ онъ доходитъ до года [2]) и пр.

Какъ бы то ни было, феодальный строй даетъ полную возможность отдѣльнымъ мелкимъ ленникамъ сохранить въ извѣстныхъ случаяхъ свой нейтралитетъ, несмотря на войну ихъ сюзерена. Для характеристики этой стороны средневѣковаго строя, интересно еще прибавить, что въ виду разнообразія, при такихъ условіяхъ, обязательствъ военной помощи вассаловъ, судя по времени и мѣсту, средневѣковые короли принуждены были даже очень часто возить за собою въ походъ весь свой ленный архивъ, дабы въ каждую данную минуту имѣть возможность, на мѣстѣ же, провѣрить претензію того или другого изъ такихъ стремившихся къ „нейтралитету" вассаловъ, относительно объема должной ими военной помощи! [3]). Именно благодаря этому обыкновенію, напр. весь архивъ Владислава III, короля польскаго и венгерскаго, попалъ въ 1444 г. (послѣ несчастной битвы при Варнѣ) въ руки турокъ.

---

[1]) Hallam, ibid.

[2]) Ассизы іерусалимскаго королевства, ст. 217 у Стасюлевича, Исторія среднихъ вѣковъ, т. III, стр. 804.

[3]) Ср. Брандтъ, loc. cit., стр. 56.

Главнѣйшія сокращенія въ ссылкахъ на источники и общую литературу.

Dumont, *томъ, часть, страница*=J. Dumont Corps universel diplomatique du droit des gens. Amsterdam et la Haye 1726—31 fol. T. I VIII (средніе вѣка занимаютъ первые три тома).

Dumont=Supplément, томъ, часть, страница (или article)= Supplément au Corps universel du droit des gens par Dumont, Barbeyrac et Rousset. Amsterdam et la Haye 1739. fol. T. I V (разбираемой эпохѣ посвященъ томъ II Supplément.... par Rousset, t. I).

Dogiel, томъ, страница (или № документа)=Dogiel Codex diplomaticus Regni Poloniae etc. Vilnae 1758 1764. fol. T. I, IV, V.

Froissart (éd. Kervyn или Luce), томъ и страница (или §)= Oeuvres de Froissart. (Chroniques) par le B-on Kervyn de Lettenhove. T. 1—25. Brux. 1867—1877 и прекрасное, но не оконченное изданіе S. Luce въ 8 томахъ (P. 1869 s).

Hallam, Middle Ages=H. Hallam View of the State of Europe during the Middle Ages (по *однотомному* изданію Ward, Lock and C°. London s. d.).

Holtzendorf=F. v. Holtzendorf Handbuch des Völkerrechts. Berl. 1885—1889. Bd. I IV (особ. I томъ, 3 Stück).

Laurent=M. F. Laurent Etudes sur l'histoire de l'humanité (или Histoire du droit des gens et des relations internationales) T. I—XVIII (особ. томы 6, 7, 10 и 18).

Livl. UB., томъ и *номеръ документа*=F. G. v. Bunge (продолж. H. Hildebrandt и Ph. Schwartz) Liv-Esth-und Curländisches Urkundenbuch Bd. I—X (Riga 1853—96).

Maulde=R. de Maulde-la-Clavière La diplomatie au temps de Machiavel. T. I—III. Paris. 1892—93.

Muratori, томъ и *столбецъ*=L. A. Muratori Antiquitates italicae medii aevi. T. I—VI Mediolani 1738—42.

Nys (Origines)=E. Nys Les origines du droit international. Brux. 1894.

Pardessus=Pardessus. Collection des lois maritimes antérieures au XVIII siècle. T. I—VI (P. 1828 s.).

Pierantoni, Trattato=Aug. Pierantoni Trattato di diritto internazionale. Vol. I (Roma 1881).

Pütter, Beiträge=Pütter Beiträge zur Völkerrechts-Geschichte und Wissenschaft (Lpz. 1843).

R. D. I., годъ, страница=Revue de droit international et de législation comparée. T. I—XXX (Brux. 1869—98).

Richter=извѣстное изданіе Richter'a Corpus juris canonici (въ случаѣ какихъ-нибудь отклоненій по новому изданію Friedberg Lpz. 1879—81.—„Friedberg").

Rymer, томъ, часть, страница=Th. Rymer Foedera, Conventiones... inter Reges Angliae et alios quosvis Imperatores... ab Anno 1101 etc (Ed. tertia Hagae Comitis 1745).

Ward=R. Ward An Enquiry into the foundation und history of the law of nations in Europe from the time of the Greeks and Romans to the age of H. Grotius, 2 vols. London 1795.

Литературныя дополненія, послѣдовавшія во время печатанія.

Къ стр. 3 прим. 1: см. также Гр. Л. Камаровскій Успѣхи идеи мира (1898), стр. 10 сл. (Книжка № 22 „Вопросовъ науки, искусства, литературы и жизни“).

Стр. 79, къ примѣчанію: текстъ этихъ античныхъ „clauses compromissoires“ см. въ только-что вышедшемъ отличномъ изданіи R. v. Scala Die Staatsverträge des Altertums, I Teil (Lpz. 1898) S. 46 f (для мирнаго договора между Спартою и Аѳинами 446—445 г. до Р. Хр.), S. 59 (перемиріе между тѣми же, 423 г.), а также S. 82 относительно 50-лѣтняго союзнаго трактата Спарты, Аргоса и др., на который особенно ссылается A. Geffroy Les origines de la diplomatie (Revue d'histoire diplomatique, 1887, p. 576).—Всѣ эти постановленія по своей неопредѣленности и общности едва ли позволяютъ говорить объ „arbitrage permanent“ въ нашемъ смыслѣ.

Стр. 157, прим. (къ литературѣ о pax и treuga Dei): см. также только что вышедшее капитальное сочиненіе E. Mayer Deutsche und französische Verfassungsgeschichte vom 9 bis zum 14 Jahrh. (Lpz. 1899) Bd. I, § 15. Landfrieden und Gottesfrieden, особ. стр. 175 ff.

Къ стр. 162, прим. 1: ср. E. Jenks Law and politics in the Middle Ages (London 1898) p. 115 s.

Къ стр. 175, прим. 2: къ тому же выводу относительно правового характера средневѣковья, какъ общему результату своего изслѣдованія, приходитъ и Jenks, Law and politics. Preface p. VII.

Стр. 178, прим. 1: изъ старой литературы о рыцарствѣ можно указать еще на короткую, но любопытную диссертацію „De institutione militum“ у Muratori IV, Dissert. 53 (col. 675 ss.).

Стр. 184, прим. 3. Характерный разсказъ Фруассара о смерти короля Роберта см. еще въ изданіи Kervyn de Lettenhove t. II, p. 197 ss., также въ его же особомъ изданіи первой книги „Хроникъ“ (Brux. 1863) t. I, p. 117 s.

Къ стр. 208, прим.: относительно возникновенія понятія некомбаттантовъ въ актахъ Божія мира и перемирія (XI в.) см. особ. еще новое изслѣдованіе по государственному праву среднихъ вѣковъ E. Mayer Deutsche und französische Verfassungsgeschichte (Lpz. 1899) I, S. 176, ср. также Гр. Л. Камаровскій Успѣхи идеи мира (1898) стр. 20, 21.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
6—8	—	св. Августинъ.	бл. Августинъ.
12	4 сверху	guerrum	guerram
18	10 сверху	впослѣдствіе	впослѣдствіи
20	8 (примѣчанія)	678	677
35	7 сверху	связаннымъ	сказаннымъ
47	2 (примѣчанія)	Ramdaud	Rambaud
48	1 сверху	Провансе	Прованса
52	4 (примѣч.)	1776	1176
54	2 (примѣч.)	1840	1846
64	3 снизу	себѣ	себя
75	15 сверху	violoverit	violaverit
"	" "	solvendaram	solvendarum
87	9 снизу	эта-та	эта-то
99	2-3 сверху	половинною	половиною
147	15 сверху	дѣйствитильной	дѣйствительной
152	3 снизу	trauga	treuga
157	4 (примѣч.)	Le paix	La paix
193	13 сверху	впослѣдствіе	впослѣдствіи
198	4 (примѣч.)	Enguiry	Enquiry
199	2 сн. (прим.)	"	"
201	11 сверху	даемъ	даетъ
204	19 сверху	замѣнется	замѣняется
207	15 сверху	относящіяся	относящіеся
208	2 (примѣч.)	86	96
219	13 сверху	говорить	говоритъ
221	2 (примѣч.)	Muratori. Antiqu. ital. medii aevi.	Muratori Rerum italicarum scriptores
225	2 сверху	тогда же всеобщее	тогда же во всеобщее
236	2 сн. (прим.)	Bartkold	Barthold
241	3—2 снизу	преувеличія	преувеличенія
244	7 снизу	регулярирированія	регулированія
245	9 сверху	отмѣтитъ	отмѣтить
247	8 снизу	приписываетъ	предписываетъ
251	8 снизу	юридицкія	юрисдикція
252	3 сн. (прим.)	Montaque	Montague
269	2 снизу	Лопецъ	Лопецъ
304	9 (примѣч.)	нарушателю	нарушителю

2007041352